

ЛУЧАНО КАНФОРА

ДЕМОКРАТИЯ

ИСТОРИЯ
ОДНОЙ
ИДЕОЛОГИИ

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ

FARE L'EUROPA — THE MAKING OF EUROPE — FAIRE L'EUROPE
CONSTRUCCION DE EUROPA — EUROPA BAUEN

LUCIANO CANFORA

LA DEMOCRAZIA
STORIA DI UN'IDEOLOGIA

Международная серия «Становление Европы» основана
Издательствами Gius. Laterza & Figli (Рим), Basil Blackwell
(Оксфорд), С. Н. Beck (Мюнхен), Éditions du Seuil (Париж),
Editorial Crítica (Барселона) и литературным агентством Eulama (Рим)

FARE L'EUROPA — THE MAKING OF EUROPE — FAIRE L'EUROPE
CONSTRUCCION DE EUROPA — EUROPA BAUEN

ЛУЧАНО КАНФОРА

ДЕМОКРАТИЯ
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Санкт-Петербург

ALEXANDRIA

2012

ББК 63.3(4)

К 19

*The translation of this book has been funded by SEPS —
Segretariato Europeo per le Pubblicazioni Scientifiche*

Via Val d'Aposa 7 - 40123 Bologna, Italy. Tel. +39 (051) 271992,
fax +39 (051) 265983, e-mail: seps@seps.it , <http://www.seps.it> .

Luciano Canfora

LA DEMOCRAZIA

STORIA DI UN'IDEOLOGIA

Gius. Laterza & Figli S.p.A., Roma–Bari, 2004, 2006

*This Book is part of the International Series The Making of Europe
of which Jacques Le Goff is the General Editor
and C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung in Munich / Germany,
Blackwell Publishers in Oxford / England, Editorial Critica
in Barcelona / Spain, Gius. Laterza & Figli in Rome / Italy,
Editions du Seuil in Paris / France are the Original Publishers.*

Составитель серии

Жак Ле Гофф

Перевод с итальянского

Анастасии Миролюбовой

Дизайн Павла Лосева

*на основе международного
серийного оформления*

*Всякое коммерческое воспроизведение текста или оформления книги —
полностью или частично, в печатном или электронном виде —
возможно исключительно с письменного разрешения Издателя.
Нарушения преследуются в соответствии с законодательством
и международными договорами РФ.*

© 2004, 2006 Gius. Laterza & Figli S.p.A.,
Roma–Bari. Russian language edition
published by arrangement with Eulama
Literary Agency, Roma.

ISBN 978-5-903445-20-2

ISBN 978-5-903445-03-5

(серия)

© «Александрия», 2012

© А. Миролюбова, перевод, примечания, 2012

© «Александрия», оформление, 2012

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ

Идет строительство Европы. С этим связываются большие надежды. Их удастся реализовать только учитывая исторический опыт: ведь Европа без истории была бы подобна дереву без корней. День сегодняшний начался вчера, будущее всегда обусловлено прошлым. Прошлое не должно связывать руки настоящему, но может помочь ему развиваться, сохраняя верность традициям, и создавать новое, продвигаясь вперед по пути прогресса. Наша Европа, территория, расположенная между Атлантикой, Азией и Африкой, существует с давнего времени: ее пределы определены географией, а нынешний облик формировался под воздействием истории — с тех самых пор, как греки дали ей имя, оставшееся неизменным до наших дней. Будущее должно опираться на это наследие, которое накапливалось с античных, если не с доисторических времен: ведь именно благодаря ему Европа в своем единстве и одновременно многообразии обладает невероятными внутренними богатствами и поразительным творческим потенциалом.

Серия «Становление Европы» была основана пятью издательствами в различных странах, выпускающими книги на разных языках: «Бек» (Мюнхен), «Бэзил Блэквелл» (Оксфорд), «Критика» (Барселона), «Латерца» (Рим) и «Сэй» (Париж). Задача серии — рассказать о становлении Европы и о неоспоримых достижениях на

пройденном пути, не скрывая проблем, унаследованных от прошлого. На пути к объединению наш континент пережил периоды разобщенности, конфликтов и внутренних противоречий. Мы задумали эту серию потому, что, по нашему общему мнению, всем, кто участвует в строительстве Европы, необходимо как можно полнее знать прошлое и представлять себе перспективы будущего. Отсюда и название серии. Мы считаем, что время писать сводную историю Европы еще не настало. Сегодня мы предлагаем читателям работы лучших современных историков, причем кто-то из них живет в Европе, а кто-то — нет, одни уже добились признания, другие же пока не успели. Авторы нашей серии обращаются к основным вопросам европейской истории, исследуют общественную жизнь, политику, экономику, религию и культуру, опираясь, с одной стороны, на давнюю историографическую традицию, заложенную Геродотом, с другой — на новые концепции, разработанные в Европе в XX веке, которые глубоко преобразовали историческую науку, особенно в последние десятилетия. Благодаря установке на ясность изложения эти книги будут доступны самой широкой читательской аудитории.

Мы стремимся приблизиться к ответу на глобальные вопросы, которые волнуют сегодняшних и будущих творцов Европы, равно как и всех людей в мире, кому небезразлична ее судьба: «Кто мы такие? Откуда пришли? Куда идем?»

Жак Ле Гофф,
составитель серии

ПРОЛОГ

Я был вынужден сражаться с величайшим из кондотьеров; мне удалось привести к согласию императоров, короля, царя, султана и папу. Но никто в целом мире не доставил мне столько неприятностей, как один итальянский мошенник, изможденный, бледный, оборванный, но многоручный, как ураган; кипящий страстью, словно апостол; хитрый, как вор; нахальный, будто комедиант; неутомимый и назойливый, подобно влюбленному: имя его — Джузеппе Мадзини.

Меттерних

«Гарибальди был совершенно лишен политической мудрости: он не был ни мэтром итальянской литературы, как Мадзини, ни глубоко мыслящим государственным деятелем, подобно Кавуру; но, отважный капитан нерегулярных, добровольческих формирований, он был способен внушить своим неотесанным последователям какие-то начатки простой и горячей политической веры, а потому обладал чуть ли не гомеровским величием», — писал либеральный английский историк Г. А. Л. Фишер в третьем томе своей «Истории Европы»¹.

Менее сдержан другой историк, вдохновленный либерализмом, Бенедетто Кроче — в своих сочинениях он неоднократно превозносит и Гарибальди, и Мадзини, во всяком случае, в качестве примеров, которым могли бы подражать угнетенные нации: «даже и в наши дни, — пишет он в 1928 году в «Истории Италии с 1871 по 1915 год», — их имена повторяют в далекой Индии, где у этих людей нашлись свои последователи»².

Во время кампании, в результате которой Бурбоны были изгнаны из «Королевства обеих Сицилий», Гарибальди установил диктатуру (1860). Он, несомненно, задумывал диктатуру по римскому образцу: форму правления, предусматривающую полную и единоличную власть, но на время, ограниченное несколькими месяцами; срок, правда, можно было возобновлять. За плечами у него был немалый опыт,

политический и военный, начиная с Южной Америки и заканчивая Римской республикой 1849 года: и там, и там он выступал в руководящей роли, хотя Мадзини, им самим поставленный во главе «триумvirата», навязал ему командование генерала Розелли, которому Гарибальди то и дело отказывался подчиняться. В какой-то момент Гарибальди предложил Мадзини начать партизанскую войну в горах, а не упорствовать в безнадежной с военной точки зрения обороне Рима. А буде тот останется привержен второй из двух стратегий, потребовал для себя *диктатуры*. В общем и целом, он все время мысленно возвращается к диктатуре как к желанной и необходимой форме власти. Мадзини постарался обуздать этот порыв, и ему это удалось, но республика очень скоро развеялась прахом.

Еще до того, как республику провозгласили, Гарибальди со своими людьми уже находился в Папском государстве. Он был в Равенне, когда Пеллеgrино Росси убили в римском Капитолии. Вот как сам Гарибальди рассказывает об этих днях в своих «Мемуарах»: «В Равенне посреди белого дня в самой гуще людей объявился шпион; его застрелили из ружья; стрелявший ушел спокойно, не торопясь, ибо второй шпион вряд ли бы себя обнаружил, а проклятый труп остался как пример для толпы». Равеннцы заслужили аплодисменты, будучи «людьми немногословными, но сразу переходящими к делу». Он аплодировал и убийству Пеллеgrино Росси: «Древняя столица мира, достойная в этот день своей былой славы, избавилась от наиболее грозного сторонника тирании, оросив его кровью мраморные ступени Капитолия. Юный римлянин вновь поднял клинок Марка Брута!»³.

И триумvirат, и диктатура в Древнем Риме представляли собой чрезвычайные формы правления, предполагавшие неподконтрольную власть. Высказанное Марксом в те же годы убеждение в том, что неотвратимо надвигающаяся революция непременно начнется фазой пролетарской «диктатуры», было — в каком-то смысле — сродни концепциям, в описываемый период преобладавшим в демократическом

лагере: этот род власти следовало, по мнению демократов, установить на время перехода от **старого** режима к новому.

Когда в 1864 году Гарибальди неожиданно предпринял поездку в Англию, где принялся выступать публично, высказывая свое мнение по поводу основных тогдашних международных проблем — начиная с Греции и кончая Польшей, Шлезвиг-Гольштейном и венецианским вопросом, — лорд Пальмерстон оказал немалое давление на те английские организации, которые были причастны к его приезду, и все для того, чтобы тот предстал сугубо *частным* делом. Вот его слова: «Я настаиваю, чтобы он, сославшись на состояние здоровья, не присутствовал ни на каких официальных обедах, где мог бы наговорить глупостей, которые иные люди обратили бы во вред»⁴. Дизраэли отклонял все приглашения, чреватые риском встречи с Гарибальди: ему вовсе не улыбалось знакомство с «пиратом», говорил он, намекая не только на давнюю деятельность генерала в Монтевидео, но и на методы, которые тот использовал при завоевании Неаполитанского королевства. И все же прибытие Гарибальди в Лондон вылилось в настоящий триумф. О нем с восхищением вспоминает и Кроче в своей «Истории Италии». Полумиллионная толпа все утро дожидалась Гарибальди. Понадобилось шесть часов, чтобы, пробираясь среди этого людского моря, преодолеть в карете путь длиной в шесть миль. Рабочие ассоциации взаимопомощи, «общества трезвости» и разные другие организации, образовавшие Working Men's Garibaldi Demonstration Committee [Комитет рабочих по организации демонстраций в честь Гарибальди], неожиданно успешно выполнили свою миссию: нигде, ни разу не было никаких инцидентов. Зато королева Виктория, по ее собственным словам, «едва ли не стыдилась, что правит народом, способным на такие безумства»⁵. Визит, который генерал Гарибальди нанес Мадзини, наделал шуму и сильно обеспокоил Пальмерстона. Может быть, поэтому Гарибальди неожиданно бросил все и вернулся на Капреру.

Маркс, живший тогда в Лондоне, расценил народные восторги по поводу визита итальянского гостя как «жалкое зрелище полного идиотизма». Этот человек ему не нравился. Тремя годами ранее, в письме к Энгельсу от 27 февраля 1861 года, он, походя, совсем в другом контексте выразил свое нелицеприятное мнение о Гарибальди: Спартак, писал Маркс, был «великим полководцем (но не Гарибальди)».

Ленин оказался более великодушным: в «Крахе Второго Интернационала» (Женева, 1915) он противопоставил великих представителей буржуазии, Робеспьера и Гарибальди, другим представителям той же буржуазии, но принесшим великий вред: Мильерану и Саландре. И прокомментировал: «Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом»⁶.

И в Робеспьере, и в Гарибальди Ленин, более внимательно вглядывающийся в реальную действительность, нежели аристократ Маркс, ценит революционных «вождей». Эта фигура («вождь») присутствовала в европейском революционном движении XIX столетия во всех его фазах. Всюду и везде она оказывалась неперенным фактором. Статья Грамши на смерть Ленина, озаглавленная «Вождь», явилась подлинной попыткой теоретически систематизировать эту сложную проблему, размышляя над которой, Макс Вебер, писавший в той же самой историко-политической обстановке, предложил богатое смыслами и неоднозначное понятие «харизматического лидера». Кажется, еще Ленин во время фьюманского предприятия упрекал итальянских социалистов в том, что они «упустили Д'Аннунцио!» В статье на смерть Ленина Грамши писал: «...какой бы класс ни стоял у власти, ему нужны вожди». Он, правда, признавал, что «в революционную эпоху» настоящими вождями могут быть только вожди «марксистские». И, очевидно, заблуждался: когда он писал эти строки, один из самых культурных на-

родов Европы, а может быть, и всей планеты, еще не впал в полумистическое обожание «фюрера». Впоследствии тот же Грамши, уже в тюрьме, в одном из своих размышлений, изложенных в «Тетрадах», пришел к выводу, что отличие цезаризма «прогрессивного» от цезаризма «реакционного» не столь уж разительно⁷.

Что включают в себя отношения вождь—масса — материя противоречивая. Перелистывая «Разговоры с Гёте» Эккермана, мы то и дело встречаем выражения Гёте о Наполеоне, вполне согласующиеся, впрочем, с политическими воззрениями поэта: герой, необыкновенный человек, выделяющийся внешне, и так далее. Имел место также обмен письмами, горячая дискуссия между Гёте и Вальтером Скоттом, автором весьма недоброжелательной биографии Бонапарта. Может быть, именно эта оценка Гёте стоит у истоков более глубоко осмысленной позиции Дройзена (1833) относительно Клеона, всеми ославленного «вождя» афинской демократии, утвердившегося после смерти Перикла. «Никто, — пишет Дройзен в предисловии к своему переводу на немецкий язык «Всадников» Аристофана, — не согласится восхвалять кровавого Робеспьера или беззаконного Мария; но в своей деятельности они воплотили чаяния и получили поддержку многих тысяч людей, от которых их отделяло лишь это злополучное величие, или неистовство нрава, которое не возмущает и не страшит, пока не проявится в действии». И тут же утверждает, что в определенные моменты такие люди необходимы: «...речь идет о том, чтобы нарушить права, опрокинуть древние, почтенные установления; стало быть, воздадим должное дерзкой и крепкой длани, отворившей дорогу новой эпохе, и предадим забвению вину, неразрывно сплетенную с любым действием человека»⁸.

Это рассуждение Дройзена, в те же самые годы (1834) опровергавшего традиционные моралистические суждения об Александре Македонском и той эпохе, которую этот

грозный, вихрем промчавшийся государь открыл своими завоеваниями, отсылает нас к далеким античным временам, к дискуссии вокруг фигуры «вождя» — и гегемона, и со-зидателя. Можно, к примеру, вспомнить, как Полибий, разбирая труды Теопомпа, историка, жившего во времена Филиппа Македонского, критикует его высказывания о царе — то «Европа не производила на свет такого человека», то он рисуется преступным, вероломным угнетателем, или еще того хуже (Полибий, VIII, 9, 1). В ту эпоху споры такого рода вспыхивали нередко, поскольку и подобные фигуры часто возникали в античной истории. Пьер Бейль в «Nouvelles lettres critiques sur l'histoire du Calvinisme» [«Новые критические письма по истории кальвинизма»] (Письмо IV) приводит и комментирует пассаж из Сенеки, где философ упрекает историка Тита Ливия за то, что тот назвал «великим человеком» какого-то персонажа (мы не знаем, какого именно), который никак не являлся образцом высокой морали. Сенека оспаривает выражение Ливия «*vir ingenii magni magis quam boni*»* и преподает ему урок: *ingenium* «aut magnum aut bonum erit» (De ira I, 20, 6)**.

Однажды Бонапарт столкнулся с Жаном-Батистом Сюаром, суровым публицистом, который отказался поддерживать официальную версию убийства герцога Энгиенского, и бросил ему в лицо следующую фразу, демонстрирующую всю никчемность моральной критики Тацита в адрес Нерона: «Votre Tacite n'est qu'un déclamateur, un imposteur qui a calomnié Néron /.../ oui, calomnié, car, enfin, Néron fut regretté du peuple»⁹***.

В письме от 26 июля 1756 года к маркизу Мирабо (отцу великого оратора и героя революции) Руссо предвидит не-

* «Ум великого человека выше добра» (лат.).

** *ум* «может быть либо великим, либо добрым...» (О гневе. I, 20, 6) (лат.).

*** «Ваш Тацит — фразер, выскочка, оклеветавший Нерона /.../ да, оклеветавший, ибо, в конце концов, народ о Нероне сожалел» (фр.).

избежное сползание к деспотической власти: величайшая политическая проблема, — отмечает он, — эквивалентная проблеме квадратуры круга, заключается в том, чтобы «найти такую форму правления, которая поставила бы закон над людьми»; если не получится (а Руссо был уверен, что это невозможно), «нужно перейти к другой крайности» и «установить самый что ни на есть неограниченный деспотизм: хотелось бы мне, чтобы деспот стал Богом!», ибо «между самой строгой демократией и самым совершенным обществом по образцу Гоббса» не существует «приемлемой середины»; после чего, однако, со своей обычной патетикой он сулит человечеству новых презренных тиранов и впадает в отчаяние: «Калигулы, Нероны, Тиберии... Боже мой... я катаюсь по земле и стенаю: отчего я человек?»¹⁰.

Запутавшись в этой антиномии, Руссо, кажется, и не замечает проблемы, во всей своей ясности увиденной Аристотелем, то есть, *глубинной связи* между «принадлежностью» к народу и ролью «вождя», примерами власти которых в Древней Греции были так называемые «тирании». «Писистрат, — говорит Аристотель, — будучи *demagogòs* /то есть вождем народной партии/, сделался тираном»¹¹, и эту фразу можно понять и так: «*поскольку* был *demagogòs*, сделался тираном», учитывая то, что сам Аристотель пишет в «Политике»: «...тиран же ставится из среды народа, именно народной массы, против знатных, чтобы народ не терпел от них никакой несправедливости»* (1310, 12–14). В конце концов, и путь Перикла закончился установлением единоличной власти, как то и предвещал восхищавшийся им Фукидид.

В политическом лексиконе греков римской эпохи наблюдается не слишком частое, но интересное употребление слова *demokratia* и производного от него *demokràtor* в совершенно явственном, если правильно понять контексты, значения «власть *над* народом» (или над всей общиной).

* Перевод С. А. Жебелева.

О конфликте между Цезарем и Помпеем в «Гражданских войнах» Аппиана говорится, что они боролись друг с другом, «оспаривая демократию» / *peri tes demokratias* / »¹². Дион Кассий, историк, живший во времена Северов, судя по более позднему свидетельству византийской эпохи, передающему основную мысль, определял диктатора Суллу словом *demokrator*¹³. Этот термин по существу совпадает с понятием *диктатор*, не столько в смысле способа обретения власти, сколько по шкале ценностей, гораздо более богатой, чем «неограниченная, добровольно принятая личная власть»; *диктатура*, как это было в случае Суллы, может оказаться лишь предпосылкой того, о чем мы говорим; так или иначе, определяющей, характерной чертой того или другого является личная власть, стоящая над законом. *Demokratia* и «диктатура» в этой точке сходятся.

Вот как выглядит во всей его конкретности крайнее, тревожащее сходство форм, различных, даже, возможно, классифицируемых «в теории» как далекие или противоположные. Поэтому представляется неоспоримым, что политическими экспериментами, или «возвращениями», которые более всего способствовали созданию этого впечатления близости, а также путанице в мыслях не только у обывателей, но и у творцов политических теорий, были цезаризм — бонапартизм — фашизм. Этот клубок не распутать, если не обнажить категориальное содержание, скрывающееся под «корой» любой из «политических систем».

1.

КОНСТИТУЦИЯ В ГРЕЧЕСКОМ ОБЛАЧЕНИИ: ГРЕЦИЯ, ЕВРОПА, ЗАПАД

Платон в «Государстве», книга V (смотри сам), говорит: «греки, конечно, не станут уничтожать греков, не станут обращать их в рабство, опустошать поля и поджигать дома; зато будут все это проделывать с варварами». И речи Исократы, полные сострадания к бедам греков, безжалостны по отношению к варварам, или к персам, и постоянно подвигают народ, или Филиппа, на их уничтожение.

Джакомо Леопарди «Зибальдоне»

Философу позволено взглянуть на вещи шире и представить себе Европу одним большим государством, разнообразные обитатели которого достигли почти что равного уровня цивилизации и культуры /.../. Дикие народы, населяющие Землю, являются общими врагами цивилизованного общества, и мы можем лишь вопрошать с тревожным любопытством, существует ли еще для Европы угроза, что подобные бедствия повторятся.

*Эдвард Гиббон «История упадка и крушения
Римской империи»*

То, что демократию изобрели греки, — довольно-таки укоренившееся мнение. Последствия столь приблизительного понимания проявили себя при разработке проекта преамбулы к Европейской конституции (которую огласили 28 мая 2003 года). Те, кто после долгих и кропотливых алхимических манипуляций выработали этот текст — среди них самым авторитетным был бывший президент Франции Жиска д'Эстен, — задумали осенить рождающуюся Конституцию знаком классической Греции и предварили преамбулу цитатой из эпитафии, которую Фукидид приписал Периклу (430 год до н. э.). В преамбуле к Европейской

конституции слова фукидидовского Перикла представлены следующим образом: «Наша Конституция утверждает *демократию*, поскольку власть не находится в руках меньшинства, а принадлежит всему народу»*. Это — ложное толкование, фальсификация того, что Фукидид вкладывает в уста Перикла. И будет вовсе не лишним попытаться осмыслить, в чем причина такого филологического «подлога».

Вот что говорит Перикл в весьма содержательной речи, которую Фукидид ему приписывает: «Слово, которое мы используем, чтобы обозначить наш государственный строй / очевидно, что передавать *politèia* как «конституция» означает впадать в модернизацию, в заблуждение /, — *демократия*, поскольку управление / тут употреблено именно слово *oikèin* / принадлежит не меньшинству, а *большинству* / то есть речь не идет ни о «власти», ни о «всем народе» / ». Перикл продолжает: «Но в частных делах все пользуются одинаковыми правами, а, следовательно, в нашей общественной жизни царит свобода» (II, 38). Можно как угодно обыгрывать эту фразу, но смысл ее все-таки в том, что Перикл противопоставляет «демократию» и «свободу».

Перикл был самым крупным политическим лидером Афин во второй половине V века до н. э. Он не добился побед на поле брани, напротив, за ним числилось немало неудач во внешней политике, например, злополучная экспедиция в Египет, в которой Афины потеряли огромный флот. Но он умел добиться согласия и укрепить его, отчего и осуществлял целые тридцать лет (462–430) почти без перерыва «демократическое» правление в Афинах. *Демократия* — термин, с помощью которого противники «народовластия» обозначали таковое правление, стараясь подчеркнуть как раз его насильственный характер (*kràtos* именно и обозначает силу, выражающую себя в принуждении). Для противников политической системы, вращающейся вокруг народного собрания, *демократия* означала умерщвление свободы. Вот почему Перикл в официальной,

* Эти слова исчезли из окончательной редакции. (Прим. автора).

торжественной речи, которую приписывает ему Фукидид, придает термину иной объем, смотрит на него как бы со стороны, прекрасно зная, что это слово не пользуется любовью у народной партии, — та для обозначения системы, с которой она себя идентифицирует, использует попросту слово *народ* (*dèmos*). Фукидидов Перикл, выдерживая дистанцию, говорит: мы употребляем слово *демократия* для определения нашей политической системы просто потому, что привыкли придерживаться решений «большинства», но, *несмотря* на это, у нас есть свобода.

Фукидид воспринимает Перикла как истинного и подлинного *принцепса*: его власть — нечто вроде «первенства», или «принципата», то есть всеми принятая и признанная личная власть, которая в конечном итоге перекашивает общественное равновесие, пусть даже не разрушая его. Всего четыре века спустя власть такого же типа установил Октавиан Август, который, хоть и стал «принцепсом», не устал повторять, что восстановил в Риме республику. Но очевидно, что современники Перикла под личной властью понимали другой ее тип, для них более привычный: тиранию. В самом деле, некоторые комедиографы, благодаря свободе слова, которой пользовалась комедия, подшучивали над *принцепсом* Периклом, показывая со сцены, как он в шутовской манере умоляет избавить его от тиранической власти над Афинами. «Принцепсом» — то есть «первым гражданином» (*pròtos anèr*) — окрестил Перикла именно его современник и восторженный почитатель Фукидид. Поэтому, рисуя его «портрет», историк пишет, что при его правлении в Афинах «по названию была *демократия*, а на деле власть *pròtos anèr*» (II, 65). Это определение весьма выверенное, каждое слово в нем должным образом взвешено. Оно тем более убедительно, что следует довольно скоро после речи, в которой сам Перикл (мы имеем в виду — Перикл Фукидида) отстраняется от слова *демократия*, подчеркивая, насколько это понятие не способно отразить подлинную — и своеобразнейшую — афинскую политическую систему.

Итак, Фукидид не утверждает, будто Перикл походит на «тирана», в отличие от враждебных ему комедиографов, которые провозглашали это во всеуслышание. Он изобретает — в чем и проявляется его величие как политического мыслителя — до тех пор не известную категорию «первенства», «принципата». К тому же он прекрасно знает, какой тип власти в предшествующем веке осуществляли в Афинах «тираны» или, скорее, такой образец тирана, каким был Писистрат (560–528 до н. э.). Под понятие «тирания» часто подгоняют разные факты; во всяком случае, ему нелегко дать беспристрастную оценку, поскольку источники, в которых говорится о тираниях, большей частью крайне враждебны по отношению к персонажам, принявшим на себя в различных греческих городах подобную роль, вначале преимущественно посредническую, подходившую таким людям, как Писистрат, опиравшимся на народные массы. «Из народного предводителя Писистрат сделался тираном», — говорит Аристотель в «Афинской политике» (22, 3). Фукидид прекрасно знает, что тиранов в Греции свергала Спарта, а, в частности, в Афинах правление Писистрата характеризовалось вовсе не произволом самовластия и жестоким террором (именно таков созданный «демократами» риторический образ тирана), но просто тем, что он постоянно, без перерыва находился у власти в рамках установленной формы правления, особенность состояла разве что в присутствии одних и тех же людей, то есть Писистрата и его соратников, в правящих структурах города. И Фукидид описывает афинского «тирана» (Писистрата) в терминах, очень похожих на те, какие он прибегал для *принцепса* Перикла, но все же не называет Перикла тираном, а изобретает новую категорию: этот историк, выработавший теорию *повторения* событий, понимает, что каждое из них обладает своей спецификой и не может быть просто наложено на другое.

Его описание таково, что великий философ, один из основателей современной политической мысли Томас

Гоббс — который дебютировал переводом Фукидида (1628), решающим для его интеллектуального становления, — пришел к выводу, будто Фукидид и Писистрата, и Перикла причислил к «монархам», и, следовательно, Фукидида должно оценивать как одного из величайших теоретиков монархии и ее поборником. Гоббсу застило глаза *его собственное* понимание различных форм политических институтов. Его диагноз не точен, но очень важен для разрушения лубочного образа Фукидида, который возникает из-под пера посредственных толкователей, выдумавших Фукидида — певца демократии только потому, что он явился *автором эпитафии, вложенной в уста Перикла*.

Даже эти предварительные общие соображения, которые ниже будут изложены более подробно, помогают увидеть явление куда более значительное, чем то, что вырисовывается из беспрестанных, мучительных, часто вводящих в заблуждение попыток наших современников «проникнуть» в хитросплетение античной политики, особенно греческой. Попыток, затрудненных прежде всего *вербальным подобием* многих, причем основополагающих, понятий, начиная с самой «демократии». Подобием, под которым кроется различие, — и не так просто проникнуть в это различие под видимостью подобия. Для этого, как выясняется, нужен Фукидид.

Так мы, пожалуй, начнем понимать, какую *gaffe** допустили создатели преамбулы к Европейской конституции. Из программы средней, а то и начальной школы они помнили, что «в Греции изобрели демократию» (формула эффектная, но настолько схематичная, что при маломальски глубоком осмыслении оказывается ложной). Они помнили также, что античные писатели (афинские либо обращавшиеся к истории Афин) непременно рассматривают механизм политической демократии, спорят о нем и его оценивают. Возможно, они все-таки заглянули в тру-

* Оплошность (фр.).

ды политических мыслителей (Платона и Аристотеля) и наверняка изумились, обнаружив, что в этих трудах, так хорошо сохранившихся, демократия является постоянной мишенью для нападок, а в «Государстве» Платона — предметом яростной полемики. Они обратились к другим источникам. Может быть, искали среди ораторов? Мы не знаем. Если и так, результат их еще больше насторожил. Они могли обнаружить у Исократов определение Спарты как «совершенной демократии» и спросить себя в полнейшем недоумении: как же так, разве Спарта не классический пример олигархии (еще одно общее место)? Тогда они постучались к Фукидиду (Демосфена лучше не трогать, поскольку он предлагает политических противников «бить палками» и клеймит их как «предателей» и «вражеских агентов»). Но что выбрать у сложного, диалектичного Фукидида? И они остановились, опять же благодаря школьной программе, на эпитафии Перикла. В книге наверняка был указатель, *index verborum*, и на слово *demokratia* легко отыскалось нужное место. Но и по прочтении они вряд ли остались совершенно удовлетворены. Даже существующие переводы, пусть скомпилированные и порой упрощенные, не могут скрыть сдержанного, нерешительного тона, в каком выражается Перикл. Отсюда блестящее, в своем роде классическое решение: изменить текст, заставить Фукидида сказать то, чего он не говорил.

Однако же «путешествие» к грекам было, надеемся, познавательным. Оно позволило разглядеть некий особенно значимый, пусть и не слишком вдохновляющий факт: у *афинских* писателей не существует текстов, восхваляющих демократию. И это не случайность.

Всякий, кто читал Гомера, помнит, что в «Илиаде» не обозначено ни противостояние Европы и Азии, ни деление на греков и варваров: это выявил еще Фукидид (I, 3). Троянцы такие же греки, как и ахейцы. Таким образом, речь идет о ретроспективной интерпретации, которая не могла появиться раньше греко-персидских войн. «География»

Гекатея Милетского, современника ионийского восстания, состоит из двух книг: одна посвящена Европе, другая — Азии, но под Европой подразумевается в основном Греция (за исключением Пелопоннеса) и греческие колонии.

Войны с Персией выявили и обострили противопоставление греков варварам. Какова самая существенная разница между теми и другими? Греки живут в городах, варвары — нет; греки «свободны», а варвары подчиняются правителю. Уже в первой фразе «Истории» Геродота варвары и греки представлены как два полюса исторической реальности: «Геродот из Галикарнасса записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом»*.

Противостояние Европы и Азии показано Эсхилом в «Персах» (472 до н. э.), где выведены образы двух враждующих сестер, Дориянки и Персиянки. Под таким углом зрения будет рассматриваться Троянская война, и в такой ретроспективе троянцы окажутся «варварами». Понятие Европы долгое время совпадало с тем определением, какое греки давали самим себе. В городской Греции глубоко укоренились формулы: Греция = Европа = свобода/демократия; Персия = Азия = рабство.

Но все ли греки были с этим согласны? Геродот недвусмысленно заявляет, что до Клисфена политическую демократию «изобрел» в Персии один из персидских сановников, замешанных в заговоре, в ходе которого был свергнут с престола узурпатор лже-Смердис. Геродот жалеет, что греки во время его публичных чтений не восприняли этого ясно высказанного, подробно аргументированного утверждения (III, 80). Крупный историк Греции и Персии Давид Ашери написал по этому поводу, что в данном отрывке Геродот нападает, хоть и завуалированно, на типично

* Перевод Г. Стратановского под ред. Н. Мещерского.

афинский (или общегреческий) предрассудок, будто бы демократия явилась греческим «изобретением»¹.

Пятый век до нашей эры открывает битва, которую Джон Стюарт Милль считал для Англии более важной, чем битва при Гастингсе, то есть Марафонская битва; а завершается он душераздирающим зрелищем греческих городов, наперебой старающихся добиться милости персидского царя и получить от него помощь. Великий царь символизирует — в риторике, понятное дело, — «варварское» рабство, но в то же самое время является идеальным покровителем, у которого можно просить военной и финансовой поддержки.

Предание, известное нам благодаря Плутарху, гласит, будто Александр Македонский, сокрушив монархию Ахеменидов, обнаружил в Сардах копии писем, которые персидский царь отправлял сатрапам Ионии, чтобы те поддерживали политическую деятельность Демосфена крупными суммами денег (Плутарх, «Жизнеописание Демосфена», 20). Сознывая, какую опасность представлял Филипп для его державы, персидский царь платил Демосфену, который был столпом сопротивления греков Филиппу. В том же контексте Плутарх добавляет, что Александру повезло и в столичных архивах [в Сузах], где он нашел не только письма Демосфена к его «друзьям» в Персии, но и перечень сумм, которые тому отправляли сатрапы. В конце концов персидский царь получил подтверждение слухам о готовящемся нападении македонян, когда Гермий, греческий династ в Атарнее (Троада), друг Аристотеля и македонян, попал к нему в руки. Его пленение и жестокая кончина послужили темой глубоко прочувствованного стихотворения Аристотеля, озаглавленного «Гимн добродетели» (фрагм. 675 Rose). Напротив, Демосфен с каким-то диким энтузиазмом приветствует пленение грека Гермия в так называемой «Четвертой филиппике»: «Затем, — восклицает он, — помощник и сообщник Филиппа схвачен и увезен, и таким образом царь услышит не по обвинениям со сто-

роны нас, у которых он может предположить желание говорить в своих собственных расчетах, а со слов самого исполнителя и руководителя, что придает всем сообщениям достоверность /.../»* (32).

В том же самом контексте Демосфен, полный сарказма, выражает свое презрение тем, кто в Афинах или где бы то ни было все еще привержен «пустым словесам»: «/.../ варвар, общий враг для всех и т.п.» (Четвертая филиппика, 33). И добавляет: «Так я нередко вижу, как кто-нибудь /.../ высказывает опасения против лица, находящегося в Сузах или Экбатанах, и утверждает, будто оно враждебно относится к нашему государству /.../, а с другой стороны, тот же человек говорит совершенно в ином духе про грабителя греков, растущего вот так близко у самых наших ворот в середине Греции. Таким рассуждениям я всегда удивляюсь и боюсь этого человека, поскольку он не боится Филиппа»**.

Realpolitik*** научила Демосфена тому, что Азия не опасна — самым опасным в мире противником Афин является *европейский* сосед, могучий и враждебно настроенный, то есть, по его мнению, царь Македонии.

В предшествующие периоды своей карьеры Демосфен также прибегал к «пустым словесам», к «антиварварской» риторике — например, в речи «О симмориях», большей частью посвященной экономическим и военным вопросам, и еще позже, в «Третьей филиппике» (41–45), где формула *Азия = рабство* провозглашается безо всякого стеснения и в чисто пропагандистских целях. Он тоже разделял мнение, долгое время бытовавшее среди греков (*Греция — это Европа* и одновременно *свобода*; *Персия — это Азия* и одновременно *рабство*). Только такой язык мог иметь успех в народном собрании.

* Перевод С. И. Радцига.

** Перевод С. И. Радцига.

*** Реальная политика (нем.).

Смысловая связь *Греция—Европа—свобода* имеет очень долгую историю. Идеологическая сущность всегда одна и та же, меняется лишь содержание понятия *Европа* с географической точки зрения. Поначалу два полюса обозначены очень четко: Рим с одной стороны, эллинизм — с другой. В эпоху Октавиана битва при Акциуме (31 до н. э.) предстает, благодаря хорошо отлаженной пропаганде, победой *Запада* над *Востоком*. Раскол между двумя «мирами» принимает официальный и окончательный характер после Феодосия: христианство едино, однако две части империи, Восточная и Западная, сильно различаются между собой: они, хоть и обе христианские, скорее противоположны одна другой. С тех самых пор Греция навсегда отошла к *Востоку* (хотя и осталась «колыбелью» Запада). Вплоть до арабского завоевания (640–642 н. э.), то есть целый век после Юстиниана, Греция, Палестина, Египет и Балканы именуются Востоком, «восточной» Европой. По другую сторону Средиземного моря во времена Августа Северная Африка была самой цивилизованной частью Запада.

Арабское завоевание, надвое расколов Средиземноморье, «создало» ту Европу, какую мы знаем. Вследствие этого завоевания — захвата Сирии, Египта, потом сразу же Северной Африки до самого ее края (а также Испании) — империя с центром в Византии вновь становится все более «европейской»; в то время как Запад, главным образом папство, отодвигается, в геополитическом смысле, все дальше на север. Таким образом, благодаря арабскому завоеванию формируется «Европа Карла Великого». Но до тех пор, и еще на долгое время (по меньшей мере до первого падения Константинополя) перед нами предстают *две Европы*, враждебно настроенные одна к другой; Русь, Россия всего лишь примыкает и к той, и к другой.

«Папа — антихрист». Такая надпись развеивалась в январе 2003 года над монастырем Эсфигмену, одним из двадцати, расположенных на горе Афон на полуострове

Халкидика (северная Греция). Патриарх Константинопольский Варфоломей I сильно разгневался. Выпад и в самом деле был направлен против него: эти упрямые монахи вдобавок обратились в Верховный суд Греции и выдвинули против патриарха обвинение в ереси — и все за его чрезмерную снисходительность по отношению к Риму. Действительно, Варфоломей, «вселенский» патриарх греческой православной церкви, стоящий во главе нескольких тысяч христиан уже шестьсот лет как турецкого Константинополя, — самый открытый по отношению к Риму из глав восточной ортодоксии. Несмотря на свой звучный титул «вселенского», он не обладает достаточным влиянием, чтобы склонить к такой же позиции другие центры восточного христианства. Не только потому, что его епархия почти «пуста», но и потому, что его авторитет вовсе не является непререкаемым, как авторитет римского папы. Так, например, патриарх Московский категорически воспротивился визиту в Россию главы католической церкви, ведь папа для него в конечном счете до сих пор остается влывшим в ересь патриархом епископства Римского. Афонские ультраисты разделяют такую позицию.

Раскол Европы, о котором свидетельствуют драматические контрасты, наблюдаемые по сей день, имеет давнее происхождение. И в светском, и в церковном плане начало этому расколу, навсегда разделившему Европейский континент и повторяющему в определенном смысле раздел Римской империи на две *partes**, как того пожелал Феодосий в IV в. н. э., положило долгое противоборство Рима и Византии, завершившееся так называемым Восьмым вселенским собором (869–870): восточная церковь до сих пор не признает его правомочным. Но окончательный разрыв наступил через сто пятьдесят лет, когда Восточная империя все еще представляла собой мощную державу, восточный «бастион», сдерживающий арабо-мусульманское давление.

* Части, партии (лат.).

Перед тем как пасть под натиском турок (1453 г.), Константинополь разыграл карту объединения двух Церквей. Объединение, правда, оказалось эфемерным, в него не верили до конца обе стороны. Прежде всего, имея в виду соотношение сил, это была бы скорее капитуляция, а не истинное объединение. Между тем славяне, то есть болгары и русские, попали благодаря Византии в орбиту христианского вероучения, — что и явилось основным фактором «европеизации» этой огромной части Европы, — но в 1453 году, когда Восточная империя билась в агонии, они вовсе не были расположены слепо, автоматически следовать за ее «реально-политическим» обращением в иную веру, предпринятым в последний час. Когда Константинополь все-таки пал, «светоч» — если использовать древнюю литературную метафору — греческой церкви перешел к России. Очень скоро Москва сделалась «третьим Римом». И пророчество Филофея, к которому по сей день прислушиваются, гласит, что «четвертому Риму не бывать».

С тех пор в русском мире волны «западничества» (Петр I, Ленин) сменяются возвратом к себе, к собственным традициям, из которых исходят и его сила, и историческая преемственность. Даже большевистская революция, которая собиралась покончить с «опиумом для народа» и выкорчевать православную церковь как очевидный оплот царского *ancien régime**, мало-помалу снизошла до соглашений. Примирение *de facto* между Сталиным и патриархом внесло свой вклад в тот отпор, какой СССР оказал немецкому нашествию в июне 1941 года. Церковь тоже способствовала победе в войне, которую в России называют Великой Отечественной. От такого «реального политика», как Сталин, не укрылось, что церковь вовсе не была выкорчевана: она продолжала влиять на души людей, переживших самый мучительный в истории переход крестьянской страны в иную реальность, по преимуществу индустриально-городскую. Эта преемственность и стойкость такой глубинной струк-

* Старого режима (фр.).

туры, как религия, скорее заинтересует историка, но не может не произвести сильного впечатления и на политика, даже на самого убежденного радикала.

Сегодня, в современной России, которую поверхностные обозреватели до недавнего времени определяли как «либеральную» или даже «демократическую», хотя и называя, не без оснований, бывшего диктатора-президента Ельцина «царем Борисом»; в этой России, повисшей между прошлым и будущим, церковь поддержала следующего президента, вышедшего из рядов КГБ. Владимир Путин демонстрирует свою веру, посещая церкви, но не забывает тот практический опыт, который приобрел в советских управленческих кругах.

С крахом «просветительского» авторитарного государства (которое провозгласило в Афганистане гражданские права для женщин и приступило к принудительной ликвидации безграмотности, но потерпело поражение от партизан-талибов, вооруженных и финансируемых ЦРУ), Россия вновь возвращается к своим традициям, и патриарх Московский имеет теперь больше возможностей, чтобы занимать жесткую позицию в отношении римского папы, «антихриста», по емкому выражению афонских монахов. Теперь, когда патриарх вернул себе силу и непререкаемый авторитет (даже Горбачев стал молиться Пресвятой Деве); когда завершилась долгая советская «интермедия», — станет ли он снисходить до переговоров с Римом? Рим никогда не откажется от первенства папы, а Москва никогда не пойдет на уступки в этом вопросе. Вот один из европейских разломов, которые не удастся залечить и за тысячелетие. В войне США против федеративной Югославии конфликту так или иначе предшествовало то, что Ватикан высказался за отделение Хорватии. Потом развязалась война «по доверенности»: исламские фундаменталисты — из Саудовской Аравии, Судана, Пакистана — ринулись «добровольцами», с американским оружием, на поддержку Боснии, а затем Освободительной армии Косова. Западная Европа, праздно болтающая о самостоятельной внешней политике,

услужливо, себе в ущерб, включилась в бомбардировки Белграда. Русская церковь, Греция и афонские монахи (сколь бы удивительной ни казалась такая общность) автоматически оказались на стороне Сербии, которая подверглась агрессии. Между двух Европ пролегла еще одна глубокая борозда.

«Soft-расизм» — так определил знаток классической Греции Клод Калам поведение греков во времена Эсхила и Демосфена. Скорее, комплекс превосходства, ряда причин и следствий которого мы коснулись на предыдущих страницах. И все же идея о том, что политическое устройство, называемое «демократией», тесно связано с фактором, который, сколь это ни прискорбно, приходится определить как расовый, была очень распространена на евроатлантическом Западе и, может быть, до сих пор лежит в основе имперских инициатив, не так давно предложенных общественному мнению в виде вызывающей недоумение формулы «экспорта демократии».

В 1863 году в Лондоне вышла брошюра под названием «Какая форма правления является наилучшей?», которую написал министр правительства Пальмерстона и блестящий знаток античности Джордж Корнуолл Льюис². Брошюра понравилась итальянцу Луиджи Лудзатти (самому красноречивому из противников выдвинутого Джолитти в 1912 году предложения расширить избирательное право в Италии). Это диалог, в котором участвуют три собеседника, представляющие три формы правления, кодифицированные классической политологией, в то время как модератор, по-платоновски именуемый Критоном, высказывает тезисы наиболее «предпочтительные», то есть близкие автору. Так вот, именно Критон в каком-то повороте беседы ставит вопрос о демократии в связи с различием рас: «Не думаю, чтобы в азиатское Государство было бы возможно внедрить представительные институты». Собеседник по имени *Демократикус* благородно протестует, указывая, что со времен Тацита кельты и германцы сильно продвинулись

вперед по пути прогресса; однако же выпад в сторону Азии так и остается без ответа. Хотя, конечно, реплика принадлежит проигравшему в диалектическом соревновании, которым одушевляется диалог. В Европе, которая после раздела Африки приступила к дележу кварталов Пекина, именую «отсталыми» древнейшие цивилизации, идея о связи между «демократией» (разумеется, понимаемой довольно произвольно как синоним «представительного правления») и «белой расой» представляла собой не причуду политологов, а глубоко укоренившееся, распространенное убеждение. Выражение «белая раса», сегодня несколько устрашающее, мы выбрали не случайно. Им пестрит введение к монументальному и заслуженно забытому трактату «Die Demokratie» [«Демократия»] (1876) Юлиуса Шварца³. Шварц думал завершить свой труд, оставшийся неоконченным, *политической антропологией* (*Ideen zu einer Politik des Menschengeschlechts*), вывод из которой должен был заключаться в следующем (он анонсируется на с. XXII введения к первому тому): «Миссия белой расы — *привнести* господство цивилизации (*die Herrschaft der Cultur*) на все пространство планеты». Вот и второй том (1886) «Библиотеки политических наук» под редакцией Аттилио Бруниальти, где на первом месте стоит диалог Льюиса, открывается высокоученым предисловием редактора, озаглавленным «Первые политические образования арийцев», из которого мы узнаем (с. XI), что «семитские народы, напротив / *scilicet**: по сравнению с арийскими/ совершенно неспособны к подобному / арийскому/ способу понимания и устройства Государства. Их понятие о политической организации не выходит за рамки племени».

В эпоху позитивизма очень славилась, в частности, и в Италии, в удачных переводах, ульштейновская «Всемирная история» (1907–1910, в 6 томах); координатором и вдохновителем издания которой был немецкий медиевист Пфлюгк-Гартунг (1848–1919). В первом томе этого

* А именно (*лат.*).

труда, в который внесли свой вклад крупнейшие ученые, за «Историей эволюции», написанной Геккелем, следует глава под названием «Расы и народы», автором которой явился австрийский антрополог Феликс Риттер фон Лушан. Раздел, посвященный Америке, восторженный гимн великой судьбе, назначенной в Новом Свете переселившимся туда европейским народам, предлагает читателю весьма поучительную картину:

Полной противоположностью этому блестящему будущему, — пишет Лушан, — является судьба черной расы в Америке. Только поверхностные умы могут не замечать важности, какую представляет сегодня для Америки негритянский вопрос; в особенности, в Соединенных Штатах имеются политики, прозревающие в своих темнокожих согражданах серьезную, долгосрочную угрозу, причем не только условиям общественной жизни и *демократии*, но и самому существованию Союза. Есть такие, кто видит в неграх не только занозу в теле Соединенных Штатов, но и гвоздь, который будет вколочен в их гроб!

Обозначив опасность, какую представляет плодovitость негров, и то, что отмена рабства на практике не принесла никакой пользы (впрочем, и Токвиль в свое время заметил, что даже в северных штатах дискриминация чернокожих была нормальным явлением, распространенным на все аспекты общественной жизни)⁴, Лушан сетует на то, что негры, «внезапно» ставшие свободными и получившие «политические права», сделались еще опаснее, о чем свидетельствует «непрекращающийся рост преступности». Но и этого мало: «Еще более тревожным явлением представляется постоянный рост числа мулатов». И в заключение: «Такое положение вещей и само по себе, и особенно в стране свободной демократии, представляется совершенно нестерпимым»⁵.

Правда, событие, вот уже два века по праву определяющее исторические судьбы не одной только Европы, Французская революция, в высшей точке своего развития сумела разорвать кольцо расистских предрассудков. Именно эта ее радикальность, оборотная сторона «жестокости», явилась и

является до сих пор и *скандалом*, и новой точкой отсчета для европейской истории. В каком-то смысле, изменяющееся отношение к ней сопутствует свободе, идет рука об руку с развитием демократического движения, вот уже два века направленного на то, чтобы сделать *эффективными* принципы, которые Революция утвердила (и, попытавшись их воплотить, забуксовала и была разгромлена). Отношение это разнится от страны к стране. В либеральной Англии весь XIX век парижская Революция оставалась под ударом «Reflections on the Revolution in France» [«Размышления о революции во Франции»] (1790) Бёрка (а он, надо сказать, еще не из самых худших!). Ее так и не приняли; она неизменно оставалась по преимуществу отрицательной величиной. В итальянской истории можно вспомнить, как и журналисты, и благопристойная публика обрушились на бедного Джозуэ Кардуччи за то, что тот посвятил Французской революции цикл сонетов «*Са ига*». Нечего и говорить об университетских лекциях Бонги (вдохновителя кампании против Кардуччи), посвященных *Европе в эпоху Французской революции*. Само название напоминает «Geschichte der Revolutionszeit: von 1789 bis 1795» [«История революционного времени: с 1789 по 1795»] фон Зибеля, выводы которого более содержательны, но точка зрения не менее негативна. Только великие потрясения XX века, новая и еще более скандальная русская революция уравнивала мнения и изошрила суждения историографов (хотя лишь отчасти).

На самом деле, помимо отчасти наигранного ужаса перед «Террором», настоящим *скандалом* для людей 1793 года было утверждение равенства за пределами Европы. В прелестном памфлете, опубликованном в «Revue des deux mondes» [«Обозрение Старого и Нового света»] за 1889 год (столетняя годовщина), либеральный католик, хотя и нонконформист Анатолий Леруа-Болье предложил ряд «тостов» во славу Революции от лица самых разных персонажей; и вопрос о равенстве рас и освобождении негров, так же как и об эмансипации евреев, представлен как центральный

для этого события вот уже столетней давности. Автор дает слово еврею, образованному чернокожему, австрийскому антисемиту, индийскому «джентльмену» и так далее, и каждого наделяет воображаемой, но вполне правдоподобной речью. Речь австрийского антисемита заслуживает того, чтобы мы привели ее здесь, дабы, проникнув под покров иронии, лучше понять серьезный и прогрессивный смысл этой книжицы. Австрийский антисемит говорит: «Пусть негр и еврей приветствуют Революцию: они могут многое от нее получить! Другое дело мы, христиане белой расы, произошедшие от индо-германского корня. То, что негр и еврей ставят ей в заслугу, мне как раз и кажется подозрительным. Равенство рас и народов — вот в чем была ошибка Революции»⁶. Леруа-Болье к тому же хорошо знал ситуацию в России (он был автором трилогии «L'empire des tsars» [«Империя царей»], которая до сих пор переиздается). И симптоматично, что русский юноша, выступивший в этой цепочке тостов сразу за индийцем, предсказал куда более масштабную революцию в России: «Из черных изб наших безграмотных крестьян грядет революция более великая и человечная, чем те, на какие способны собрания ваших буржуа». Это — 1889 год.

Даже у Маркса нет-нет да и промелькнет европоцентризм. Его оценка английской колонизации Индии как «единственной социальной революции, пережитой когда-либо Азией» — плод своего времени⁷.

Знаменитая и знаменательная книга Алексиса де Токвиля «De la démocratie en Amérique» [«О демократии в Америке»], опубликованная в 1835 и 1840 годах, содержит в себе, как известно, «пророчество» относительно будущего Европы: мы станем как Америка; у нас будет «демократия». В книге описывается некая реальность, пока еще далекая географически, но по своим основным характеристикам тяготеющая к экспансии. Прогноз не слишком восторженный, скорее отрешенный. Что сам Токвиль думал о демократии, явствует из черновика его парламентской речи в ноябре 1841 года:

Я приемлю демократические институты умом, но по инстинкту принадлежу к аристократии, то есть презираю толпу и опасаюсь ее. Я страстно люблю свободу, законность, уважение к правам, но не демократию. Это коренится в глубине моей души. Я ненавижу демагогию. /.../ Я не принадлежу ни к революционной, ни к консервативной партии. Но все-таки, несмотря ни на что, более склоняюсь ко второй, чем к первой. В самом деле, в отношении второй я скорее не согласен со средствами, чем с целью, а в случае первой не приемлю ни средства, ни цель. Свобода — вот главная моя страсть. И это правда⁸.

Он убежден, что «массовое» общество мало-помалу утвердится везде, и полагает, что в Соединенных Штатах Америки оно уже существует, и следует в него взглядеться, дабы понять, что ожидает нас. В то же время от него не ускользает тот факт — это особенно видно в черновых тетрадах, — что современная ему американская «демократия» включала в себя такое чудовищное явление, как рабство. Следовательно, Джордж Корнуолл Льюис был прав, когда через два десятилетия после выхода в свет знаменитой книги Токвиля замечал, что по сути американская демократия — столь же отсталая, как и демократии античные, в которых отсутствовала основная предпосылка данной формы правления: чтобы весь народ пользовался свободным состоянием!⁹

Так или иначе, миф о том, что «пророчество» Токвиля в XIX и XX веках сбылось, остается, наверное, всего лишь мифом. В том, что касается институтов, в самом деле, нельзя сказать, будто бы Европа (если вообще имеет смысл прибегать к такому уровню обобщения) приходит в соответствие с североамериканской моделью. Постепенное внедрение всеобщего избирательного права не могло не сблизить историю политических институтов Франции, Германии, Англии и Италии в XIX и XX веках, но в ней, несмотря на многие различия, придающие каждой стране ее специфику, можно увидеть скорее результат длительного влияния Французской революции, чем воплощение модели, импортированной из Америки. Касательно «массового» общества — оно для Токвиля означает серость, банальность

(и равенство, как он это видит) — и в Европе, разумеется, можно наблюдать, как сходные черты все более проявляются по мере прогресса равного и всеобщего избирательного права, обязательного образования и т. д. Но о подлинном и несомненном влиянии американского массового общества со всеми его характерными чертами уместно будет говорить гораздо позже, с 1917 года и с американского вмешательства в Первую мировую войну, которое повлекло за собой как экономические, так и стратегические последствия вплоть до 1945 года и далее: *in primis** после Второй мировой войны.

Тем не менее в историографии то и дело поднимается вопрос: не следует ли говорить о единственной «атлантической революции», которую начали английские колонии в Америке, получившие значительную помощь от Франции; революции, которая затем продолжилась в Париже в 1789 году и которой, как не без оснований полагает Франсуа Фюре¹⁰, до сих пор не видно конца. Такой взгляд на единственную «атлантическую» революцию (переходящую из США в Голландию, затем во Францию) пользовался популярностью в 60-е — 70-е годы XX века: и Годшо, и Роберт Палмер приводили страницы из переизданной книги Жоржа Лефевра «*Révolution française*» [«Французская революция»] и в поисках далеких предшественников без конца цитировали фразу из Барнава, который, правда, говорил о «европейской революции, *завершившейся во Франции*». Однако такой взгляд из заоблачных далей на кавалерийский поход «мирового духа» с одной стороны Атлантики на другую довольно расплывчат и рискует погрязнуть в общих местах. Между одним и другим событием пролегает пропасть.

Предпосылкой нашей книги является оценка Революции 1789 года как явления, определившего всю последующую историю Европы; и мы отнюдь не собираемся растворять ее характерные особенности в обобщенном, шпенглеровском обзоре.

* В первую очередь (лат.).

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ: ДЕМОКРАТИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Геродот пересказывает в форме живого диалога дебаты, которые проходили в 522–521 гг. до н. э. между знатнейшими персами по поводу наилучшей формы управления. И особо подчеркивает тот факт, что среди прочих соображений, высказанных в этой связи, было и предложение учредить в Персии «демократию». То же самое он повторяет и в другом месте, когда повествует о том, как сатрап Мардоний, готовясь к вторжению в Грецию, «устанавливал в городах Ионии демократическое правление» (III, 80; VI, 43). Какой была бы «демократия» в таком огромном царстве, как Персия, сказать трудно. И все-таки не исключено, что подобная традиция имела под собой основание. Возможно, знатный перс Отан, высказавший это предложение, имел в виду возврат к обычаю «равенства», имевшему место в древней Персии: возврат к незапамятным временам, когда страна представляла собой лишь первоначальное ядро, из которого впоследствии мало-помалу возникла огромная империя. Предложение не было принято, но Отану и его потомкам было даровано особое, независимое положение.

Может также статься, что Геродот придавал, как уже было сказано, особую значимость данному эпизоду — а это несомненно, ибо весь диалог вертится вокруг «скандального» предложения Отана, — не иначе как желая пролить свет на приоритет персов в том, что касается демократии (дискуссия происходит за десять лет до реформ Клисфена,

которые в афинской традиции явились наиболее вероятной «точкой отсчета» для демократических опытов).

Некоторые археологи утверждают, что на греческой земле в городских слоях повсеместно встречаются следы *агоры*, которая в свою очередь представляет собой признак практики «собраний»¹ того или иного рода. В архаическую эпоху на Ближнем Востоке местные общинные формы представительства могли включать в себя демократические процедуры в зародыше: общие собрания, назначение ответственных лиц. В таких случаях принято говорить о «первобытной демократии»². Однако включение общин, которые на локальном уровне как будто предвосхищают народные собрания греческих городов, в рамки все упрочивающегося и ограничивающего местные инициативы имперского порядка отнимает у этих первых опытов какую бы то ни было возможность предстать перед глазами Античности неким этапом в истории «демократических институтов». Даже в рамках еще более обширной Римской империи в целом ряде городских общин сохраняются и процедуры, и институты, характерные для структуры демократического «полиса». Речь, однако, идет в основном об урезанных формах самоуправления, хотя случается, что время от времени в отдельных местах происходит «прорыв» к былой *независимости*, что влечет за собой, *ipso facto**, возвращение практики *демократии* в ее полном объеме. Пример тому — Афины во время войны Суллы с Митридадом (88–87 до н. э.), проходившей на территории Греции. Независимость (полная суверенность) и демократия идут рука об руку. Тому есть немало причин, но одна из них, основная, самым глубинным образом связана с античным понятием гражданства и демократии как *сообщества вооруженных людей*.

В самом деле, исходным будет вот какой вопрос: кто имеет гражданство? Нужна ли свобода «всех» для того, чтобы на свет явилась демократия? Второй вопрос: даже

* Тем самым (лат.).

если *все* свободные люди обладают гражданскими правами, как могут воспользоваться ими социально ущемленные граждане? Этот вопрос, сам по себе противоречивый, влечет за собой другие: какие инструменты потребны для того, чтобы *эффективно* осуществлять гражданство (при отсутствии соответствующих интеллектуальных и материальных ресурсов); правомерен ли принцип «большинства»; наконец, дилемма, много раз возникавшая в конкретной политической практике, — что следует предпочесть, «волю народа» или «закон», и так далее.

Именно в пылу подобных споров рождается понятие — и слово — *demokratia*; мы уже знаем, что с самого своего появления оно было связано с «борьбой», являлось «партийным» термином, который придумали высшие социальные слои, чтобы обозначить «насильственную власть» (*kràtos*) неимущих (*dèmos*) как раз тогда, когда и вступила в действие «демократия».

Итак, начнем с первого вопроса. Кто имеет гражданство? *Pòlis* — это совокупность *polìtai*, которые, будучи таковыми, являются также *politeuòmenoi*, то есть обладают гражданскими правами. Таким образом, строго говоря, все города, где нет «тирана» (то есть персоны, которая присваивает себе, либо прикрываясь «формальностями», либо в открытую, некую власть, стоящую над законом), могут быть определены одинаково, постольку-поскольку представляют собой некий социальный организм, пользующийся в своей совокупности гражданскими правами. Встает очередная проблема: чем характеризуется (и по каким причинам время от времени изменяется) этот общественный организм.

Обратившись к наиболее известному и наиболее типичному примеру, то есть к Афинам, мы обнаружим, что в эпоху Перикла этим бесценным благом пользовались относительно немногие: совершеннолетние мужчины (в возрасте воинов), происходящие от афинских отца и матери и свободные по рождению. Это очень существенное огра-

ничество, если учесть, что по самым скромным подсчетам соотношение между свободными и рабами составляло один к четырем. Вряд ли можно пренебречь и количеством тех, кто произошел лишь от одного «чистокровного» родителя, особенно в городе, чьи жители столь активно занимаются торговлей и то и дело вступают в контакты с внешним миром. Афинский олигарх, создавший первый образец атической прозы, трактат «Об афинском государственном устройстве», как раз и клеймит частоту внешних связей, характерную для Афин, и приписывает ей «гибридизацию» языка и кухни (II, 8). По крайней мере, до эпохи Солона (VI в. до н. э.) вся полнота политических прав (что, собственно, и входит в понятие гражданства) не представлялась неимущим. А современные историки не считают бесспорным тот факт, что именно Солон, как утверждает Аристотель в трактате об афинском государственном устройстве («Афинская полития»), допустил неимущих к участию в народном собрании.

Взгляд на гражданство, господствующий в классическую эпоху Античности, заключается в отождествлении гражданина и воина. Гражданином, полноправным членом общины, участвующим в решающих судьбы города народных собраниях, является тот, кто в состоянии выполнить основную задачу свободных мужчин, к которой его готовит вся *paideia*, то есть сражаться на войне. Работа ложится на плечи рабов и частично женщин. Теперь понятно, почему община, пусть «автономная», но включенная в огромную империю, которая ее подавляет и фактически руководит ею, располагает лишь урезанной демократией.

Поскольку долгое время звание воина предполагало наличие средств на вооружение, понятие гражданина/воина стало отождествляться с *имущим*. Это и в самом деле имущий, располагающий определенным доходом, чаще всего от недвижимости, который вооружается «на свои средства» (так называемые *hòpla parechòmenoi*). До какого-то момента неимущие находились в политическом меньшинстве, и перед ними, при определенных обстоятельствах,

то и дело вставала опасность, что их гражданские права окажутся существенно урезаны. Проще говоря, их положение не так уж далеко отстояло от положения несвободных. Через век после Солона, во время войны с персами, когда Афины повернулись к морю и произошло рождение флота, появилась нужда в огромном количестве военной силы нового типа: то были моряки, социальная группа и вместе с тем род войск, не требовавший вооружения «на свои средства» и в то же время необходимый для того, чтобы «ворочать веслами и двигать корабли», как с досадой пишет анонимный олигарх, автор трактата «Об афинском государственном устройстве» (I, 19–20). Вот переломный момент военно-политической истории, определивший приобщение к гражданству неимущих (*фетов*), которые таким образом поднимаются до уровня граждан/воинов: именно будучи моряками, в случае Афин, самого могучего флота в греческом мире. Можно было бы еще заметить, хотя это и так понятно, что среди условий, потребных для рождения «демократии», следует назвать приморское положение общины и ее как торговую, так и захватническую устремленность к морю. Не случайно, по мысли вышеупомянутого анонимного олигарха (им вполне мог быть «сократовский» Критий, возглавивший в 404 г. до н. э. самое жесткое олигархическое правление, какое только видели Афины), государственно-политические модели делятся на две категории: одни державы воюют на море (Афины и их союзники), а другие — на суше (Спарта и другие сходные с ней общины, основанные на главенствующей роли слоя гоплитов).

То есть изменяется не *природа* политической системы (в основе которой по-прежнему находится гражданин/воин), но количество тех, кто в нее включен. Вот почему, когда афиняне, вернее некоторые афинские мыслители, которых занимала проблема различных политических форм, старались разобраться в том, чем их система отличается от спартанской, указывали в конечном итоге на какие-то малосущественные черты: вспомним, как Фукидид то и дело отмечает «медлительность» спартанцев

по сравнению с «быстротой» афинян (I, 70, 2; II, 39–40; VIII, 96, 5). Просматривая афинскую политическую литературу, можно даже наткнуться на панегирики в адрес спартанского устройства, и не только в связи с привычным «лучшим правлением» (*eunomia*), но также и в виду сущностной *идентичности* того и другого устройства, спартанского и афинского. Исократ пишет: «Наши предки таким демократическим устройством далеко превосходили всех других людей», и добавляет: «...и о спартамцах по той же причине можно сказать, что у них самое лучшее политическое устройство, ибо там царит самая полная демократия» («Ареопагитик», 61). В более заостренно-патриотическом контексте, в «Панафинейской» речи, Исократ через несколько лет повторяет приблизительно ту же мысль: «Я подробно остановлюсь на учреждениях Спарты не потому, что Ликург будто бы изобрел либо измыслил какое-нибудь из них, но потому, что он воплотил возможно лучшим образом устройство наших предков и внедрил у спартамцев демократию в сочетании с властью лучших: точно также, как это было у нас» (153). (Таким образом, нет ничего удивительного в том, что Ликург, полулегендарный античный законодатель, творец спартанского государственного устройства, в совсем другой обстановке стал одним из основных источников для аббата Мабли; а вместе с Руссо — путеводной звездой Робеспьера и Сен-Жюста; или в том, что Спарта в якобинской идеологии превратилась в наивысший образец республики и республиканских доблестей.)

Исократ ухватил основную черту, а именно, что в обеих общинах инстанция верховной власти одна и та же. В обеих общинах, и это характерно для всего античного мира вплоть до кризиса самой формы города-государства, принимают решения те же структуры, которые сражаются на войне. Поэтому гражданство — великое благо, которым не разбрасываются: оно предоставляется при довольно жестких условиях, практически без исключений, чтобы максимально ограничить число тех, кто им пользуется.

Расхождение коренится в том способе, с помощью которого эти две общины провели границу между свободой и несвободой. В Афинах свободные исключили несвободных из числа людей, и после Солона, который вернул свободу обнищавшим слоям населения, попавшим в рабство за долги, между свободой и рабством разверзлась непреодолимая пропасть. Как уже говорилось, соотношение между свободными и рабами в Афинах составляло один к четырем; во всяком случае, таковым оно представляется в разные моменты V–IV веков. Огромная масса не-людей необходима для функционирования системы, которая в действительности питалась, пока могла, за счет грабительских войн и имперской власти. Рабы — основа как домашнего, так и общественного хозяйства. Даже самый нищий, самый жалкий человек имеет хотя бы одного раба, например «сократовский» Эскин, непосредственный ученик Сократа, дошедший, если верить свидетельству Лисия, до того, что принялся обхаживать семидесятилетнюю травницу в надежде унаследовать ее лавку. В общественном хозяйстве, в частности на рудниках, рабами управляют и надзирают за ними наемные рабочие, сами находящиеся в подчиненном положении; в домашнем надзор за рабами осуществляют женщины, которые тоже не причислены к людям, не обладают никаким значением и попросту не существуют для афинской политики. В Спарте социальное расслоение наложилось на кастовое и этническое, между господствующими дорийцами и покоренным местным населением, низведенным захватчиками к различным степеням и формам зависимости. Но чистокровные спартанцы, или «спартиаты», так же как и «чистокровные» афиняне, пользовались «свободой и равенством». Если они были вынуждены с помощью террора держать в повиновении покоренные народы, то в основном из-за внушающей тревогу численной диспропорции не в свою пользу. Большинство афинских рабов прозябали в рудниках, скованные, в дурном, спертом воздухе, как о том повествует Плутарх, упоминая о рабах Никия («Жизнеописание Красса», 34, 1). Трудно отрицать, что

такие условия гораздо хуже, чем условия жизни илотов, которым по крайней мере было гарантировано право на пользование какой-то частью плодов их труда.

Расширение числа граждан — то, что *однозначно* отличает афинскую модель от спартанской, — таким образом, неразрывно связано с рождением морской империи. Эту империю сами моряки-«демократы» стали с течением времени осознавать как универсум, населенный подданными, которых можно «выжимать» досуха, как тех же рабов. Знаком солидарности с союзниками считалось распространение на союзнические общины демократической системы (то есть предоставления гражданских прав неимущим). Следовательно, несмотря на империалистическую эксплуатацию со стороны Афин, какая-то часть общества в союзнических городах всегда находила приемлемым союз с Афинами, скрепляемый именно внедрением — полюбовно или же силой — политической системы головного государства. Таким образом, вне зависимости от наличия или отсутствия численного большинства, в союзнических, или подчиненных, городах всегда имелась база для демократии.

В этой связи следует вспомнить, что участие в принимающих решения народных собраниях, а значит, в самой работе демократии ни в коем случае не было автоматическим, а, наоборот, сопровождалось ограничениями. Можно сказать, что, по мере того как на сцену выходят одни общественные группы, другие с нее удаляются. Данное явление аналогично тому, которое можно проследить в революционном Париже 1794 г. на самом пике драмы Термидора: после падения Робеспьера и ослабления в секциях реального влияния и активного присутствия радикальных «санкюлотов» на смену им приходят другие социальные слои, и «другой народ», если можно его так назвать, становится субъектом того уровня прямой демократии (по античному образцу), какой был достигнут в механизме работы секций. Но к этому мы еще вернемся. Пока достаточно будет вспомнить, что в последней четверти V века до н. э. из числа

граждан, то есть порядка 30 тыс. совершеннолетних мужчин в возрасте, пригодном для военной службы, свободных и «чистокровных», на народное собрание почти никогда не являлся кворум в 5 тыс. человек. Об этом заявляют, не боясь обвинения во лжи, олигархи, в 411 году организовавшие антидемократический государственный переворот, имевший целью сократить число граждан как раз до 5 тыс. человек (Фукидид, VIII, 72, 1). Естественно, как всегда делается в подобных случаях, олигархи умолчали о том, что в их намерения входило передать решающую власть *другим* пяти тысячам (избранным согласно старому критерию, то есть возможности вооружиться за собственный счет), а, следовательно, вывести за пределы гражданства обычные пять тысяч (фетов, моряков и так далее), которыми кишит народное собрание во времена господства радикальной демократии. Так или иначе, даже после полного восстановления демократии в 409 г. до н. э. для привлечения граждан к участию в народном собрании потребовались дополнительные стимулы. Речь идет о пресловутой «диобелии» (плате, равной двум оболам): Аристотель («Афинская полития», 28, 3) приписывает ее введение инициативе Клеофонта, одного из последних народных вождей, действовавших до военного краха 404 г., о которых хоть что-то известно; в любом случае сведения о двух оболлах подтверждаются эпиграфическими надписями 410–405 гг. до н. э. Такие стимулы призваны уменьшить абсентеизм неимущих: получив плату, они могут участвовать в собрании, поскольку им возмещен их дневной заработок.

Внутри головного государства, Афин, распространение гражданства на неимущих определило важные процессы в верхних этажах системы. Правящими группами — об этом никогда не надо забывать — были и остались представители высших классов, двух классов, самых состоятельных по имущественному цензу. Как стратеги, так, разумеется, и гиппархи (то есть военные предводители, обладающие реальной властью в городе), не говоря уже об элленотамах

(тех, кто распоряжался казной Союза и контролировал финансы), происходили из этих классов. По жребии выбирались булиевты, члены Совета (состоявшего из 500 человек, по 50 от каждого из десяти «родов» /*фил*/, образованных Клисфеном). По жребию — то есть это позволяло каждому гражданину войти в высокий совещательный орган и в порядке очереди, хоть и на короткий срок, занять пост, эквивалентный «президентскому». Годовые списки, включавшие около шести тысяч граждан, из которых выбирались присяжные для разных судов, тоже состояли из добровольцев, выходцев из всех возможных слоев общества. А ведь известно, какую важную роль играют суды в ежедневном, упорном социальном противостоянии, объектом которого почти всегда является распределение богатства.

Тем не менее преобладание наиболее могущественных и богатых слоев в руководстве городской политикой было несомненным. Частью, причем немалой частью, богачи, «хозяева» приняли систему, лояльно относились к ней и согласились ею руководить, вернее, *naturaliter**, встали во главе ее. Перикл, Алкивиад, Никий, Клеон, если привести только самые громкие имена, были или богаты, или благородны, или и то, и другое вместе. Как бы ни расценивать злобную карикатуру на Клеона, навязчиво представляемую Аристофаном, Клеон тоже принадлежал к классу всадников, одному из двух самых высоких по цензу. Так правили они или позволяли собой управлять? Мнения современников по этому поводу расходятся. Автор трактата «Об афинском государственном устройстве» без обиняков заявляет, что знатные люди, принявшие демократическую систему, сами — каналы, преступники, которым есть что скрывать (II, 20). Из подобных выражений явствует, каков его собственный выбор: бескомпромиссное противостояние. Но он сам чувствует, что находится в меньшинстве. Если рассмотреть такую колоссальную, загадочную личность,

* Естественно (*лат.*).

как Перикл, будет поучительно убедиться, что для Фукидида он является анти-демагогом по преимуществу, тем, кто правит сам и не позволяет править собой; не потворствует гражданам, а умеет идти против течения, усмиряя несознательные порывы народа (II, 65); а для Платона («Горгий») Перикл — подлинное воплощение демагогии, один из главных «развратителей» народа, которому он потворствует, а потому развращает. Для Фукидида Перикл настолько чужд демагогии в отправлении своих общественных функций, что его можно определить как «принцепса» и — более того — на законных основаниях утверждать, будто под его властью «демократия» в Афинах существовала *только по названию*. Кроме того, вкладывая в его уста знаменитую речь памяти погибших в первый год войны, Фукидид заставляет Перикла сказать, что в Афинах правит «закон», в то время как Ксенофонт, другой сократик, в своих «Воспоминаниях» заставляет его утверждать, что при демократии в конечном итоге имеет значение лишь воля народа, превосходящая любой закон. Собственно, силу демагогии признавал и сам Фукидид, высказавший весьма взвешенное суждение по поводу взаимоотношений Перикла с массой постоянно присутствующих на народном собрании: «не позволял им управлять собой более, чем сам управлял ими». В этих словах, сказанных о человеке, которого Фукидид чуть ниже без колебаний называет «первым» в городе, содержится серьезное признание того, что *все-таки* нельзя не «быть управляемым» (*àgestai*), когда занимаешься политикой наперекор воле «народной массы» (*plèthos*). Вот в чем, возможно, и состоит основная причина того, что через несколько десятилетий Исократ предпочтет изобрести орудие (фиктивную речь как форму политической публицистики), с помощью которого через голову народного собрания, пренебрегая его одобрением или осуждением, попытается оказывать непосредственное влияние на правящие группы или даже формировать их. Написанная речь избирает свою публику, поскольку обращена к тому, кто имеет обыкновение читать. И все-таки

даже тут срабатывает механизм погони за «успехом»: показателем служит малое или большое количество учеников, которые в свое время станут непосредственно, активно заниматься политикой и должны будут учитывать *plèthos*. (Этого не было в школе Платона, которую «демократические» вожди воспринимали как чужеродное тело, если не как враждебный элемент.)

Таким образом, нелегко дать правильное представление о переплетении интересов, компромиссах, взаимных уступках, каковые имели место между «господами» (лидерами, знатными семьями) и «народом» в рамках афинской демократии. Нельзя не учитывать личностный, субъективный фактор. Авторитет, способности, престиж Перикла не вступают в противоречие с беззастенчивым, «демагогическим» (если слушать его противников) использованием экономических ресурсов города. Вместе с тем не будет ошибкой считать обоснованной точку зрения Фукидида и видеть в Перикле лидера, способного осуществлять гегемонию, а значит, готового к тому, что он будет непопулярен. Однако и Клеон в единственной истинно политической речи, которую он произносит у Фукидида, тоже не отступает перед непопулярными темами. Можно даже сказать, если судить по этой речи, что и Клеон «правит сам и не позволяет править собой»: не зря Демосфен век спустя берет тот же самый тон, когда рядится в «перикловы» одежды и выступает в роли непопулярного «воспитателя народа». Может быть, вообще невозможно до конца проникнуть в хитросплетения отношений между вождями и народом, лидерами и массой: этот «круговорот» составляет саму сущность политической деятельности. Здесь важно уяснить, что демократия в Афинах представляет собой не «народное правление», а руководство «народным строем» со стороны той вовсе не малой части «богачей» и «господ», которые приняли систему.

Итак, с демократией (распространением гражданских прав на неимущих) связан следующий феномен, полный динамизма и остроты: перед лицом такого нового явления,

как власть неимущих, правящие группы, которые в силу своего высокого положения получили политическое воспитание и владеют искусством слова (и, обладая такими преимуществами, естественно, претендуют на то, чтобы править городом), *разделяются*. Одна их часть — мы бы сказали, более значительная, хотя и не располагаем инструментарием для «квантитативного» анализа — соглашаются руководить системой, в которой неимущие уже становятся преобладающей силой. Из этой значительной части высших слоев (знатных семейств, богатых всадников и т. д.) происходят политики, возглавляющие город, от Клизфена до Клеона. В их среде властвует политическая диалектика, часто основанная на личном соперничестве, жажде престижа, власти, лидерства. Каждого поддерживает и ведет убеждение в том, что он воплощает общие интересы и его преобладание на политической сцене будет *также* и наилучшим средством продвижения общества к процветанию. Все они борются друг с другом за военно-политическую власть в городе. Никто из них не выступает против «системы»: следовательно, все они «демократы» (в том смысле, что принимают систему, вступают в игру и стремятся к власти) — как Перикл, так и Кимон, как Никий и Клеон, так и Алкивиад.

Напротив того, меньшая часть «господ» *не принимает систему*. Организуясь в более или менее тайные общества (так называемые «гетерии»), они представляют постоянную потенциальную угрозу для «системы», возможные трещины в которой жадно высматривают, особенно в моменты военных затруднений. Это — так называемые «олигархи». Термин, которым их определяют противники, означает «немногие» (*oligoi*). Уж конечно, они сами не прилагают к себе такого определения и не заявляют во всеуслышание, будто стремятся к правлению некоей узкой камарильи: они говорят о «лучшем правлении», о возврате к «мудрости» (*sophrosyne*)³ и предлагают резкое сокращение числа граждан, которое прежде всего отредило бы от гражданских прав неимущие классы и тем самым вернуло бы общину

к той стадии развития, когда полноправными гражданами считались лишь те, кто был «способен вооружиться за собственный счет». В этом смысле они взирают на Спарту как на образец *эвномии* («лучшего правления»): ведь в Спарте «равных», то есть свободных и полноправных граждан, немного по сравнению с массой несвободных и угнетенных. Однако процедура, которую они задумывают как подражание своему образцу, своему идеалу (не зря их называют «лаконизирующими»), то есть исключить часть свободных людей из числа граждан, в Спарте была бы немыслима. В этом заключается двойственность их позиции: они «мечтают» о Спарте, но им никогда бы не удалось «стать как Спарта». Попытка добиться этого принесла одни разочарования. Прежде всего, олигархи тоже были частью военно-экономической системы (империи), что не только делало невозможным воссоздать *in vitro** Спарту в Аттике, но и вовлекало их в конфликт со Спартой, какие бы иллюзии ни питали заговорщики по поводу политического режима, который они собирались установить. Когда в 411 г. до н. э. олигархи захватили власть, они натолкнулись на непредвиденное препятствие: Спарта продолжала войну, вовсе не собираясь соглашаться на их «мир», потому что для спартанцев было важно сначала разрушить империю. Не зря же в разгар заговора один из самых прозорливых олигархов, Фриних, предвидя ближайшее будущее, предупредил их всех, высказав следующую нелюбимую правду: «С империей связаны также и наши интересы, она выгодна и нам»⁴. «Немногие», хотя и не участвуя в управлении городом, тоже получали материальные блага от существования империи. Единственным последовательным «лаконизатором» был Критий, который во время своего кратковременного правления (404 до н. э.) истребил, как о том не устают твердить афинские источники, многих богачей, служивших направляющим разумом демократии, и попытался разом выставить из города всю ее социальную

* В стекле, в пробирке (лат.).

базу, «демос», возможно, ставя себе целью расколоть политическое единство Аттики, просуществовавшее много веков, восходящее к эпохе полумифического «синойкизма» Тесея. Осуществлению этого проекта, далекого от реальности, которая и в самом деле имела глубокие корни, помешали не кто иные, как спартанцы.

Сам термин «немногие» (*oligoi*), отмечает Аристотель, создает путаницу. Как о действующей причине и «субстанции», так и о демократии и олигархии Аристотель судил с одинаковой пронизательностью. Вся политическая теория в Древней Греции рождается в ответ на «скандальный» феномен демократии. Антонио Лабриола писал в своем очерке о Сократе, что вся сократическая философия вступала с демократией в «неизбежное противоречие»⁵. Сократики самых разных направлений, и прежде всего Платон, выказывали по отношению к этому политическому строю абсолютное неприятие. Аристотель, напротив, изучил его с максимальной непредвзятостью, исчерпав проблему до дна, развенчав как раз ту особенность демократии, которая критикам сократического толка казалась и доминирующей, и, главное, концептуально несостоятельной: принцип большинства. Различие между двумя противоположными политическими системами, отмечает Аристотель, не зависит ни от того, обладают ли гражданскими правами «многие» или «немногие»; ни от того, являются ли они имущими или нищими: их соответствующее число «есть признак случайный» («Политика», 1279 b 35). Заслуга философа в том, что он связал ту и другую систему с их классовым содержанием. Он пролил свет на тот факт, что «и при олигархии у власти находится большинство» (1290 a 31); кроме того, внутри олигархических групп решения принимаются большинством голосов, и это доказывает, хотя и без доказательств все очевидно, что между принципом большинства и демократией не существует неразрывной связи.

Именно в случае Афин численное превосходство неимущих над другими слоями общества вовсе не было чем-то

установленным раз навсегда. В любой момент имущие — не будем забывать об их руководящей роли в городе — могли выделить и привлечь на свою сторону какую-то, пусть даже скромную, часть бедняков и тем самым обеспечить себе большинство голосов на народном собрании. «Маленький средний класс»⁶ мог разделять настроения и чаяния «демоса», а мог и отдаляться от него. Последнее неизменно случается в моменты кризиса. Несомненно и то, что для такого класса демократическая практика означала «неограниченный доступ к культурным достижениям и возможность избавиться, время от времени занимаясь общественной работой, от тяжелого повседневного труда». Когда — через сто лет после 411 года — Афины потерпели поражение от Македонского царства (конец IV века, так называемая Ламийская война), имущие, при поддержке македонского оружия, лишили гражданских прав двенадцать тысяч неимущих (Диодор Сицилийский, XVIII, 18, 5; Плутарх, «Фокион», 28, 7), установив минимальный имущественный ценз в 2 000 драхм; таким образом обрушились устои аттической демократии, что привело к полной *изоляции* неимущих. «Маленький средний класс» в тот момент встал на сторону Фокиона, Демада и прочих «реформаторов», поддерживаемых македонцами.

Одним из главных элементов, скрепляющих соглашение между неимущими и «господами», является «литургия», то есть более или менее добровольный вклад, иногда довольно существенный, который изымается у богатых на нужды общины: от сумм, потребных для снаряжения кораблей, до щедрого финансирования праздников и государственного театра. «Народный режим» античности (во всяком случае, в его греческом варианте) не знал экспроприации, разве что применял ее как форму наказания за определенные преступления. Богачам было позволено сохранять их достояние (только Платон и утописты подвергали сомнению право собственности), но общество возлагало на их плечи тяжелое бремя.

Капиталист, — писал Артур Розенберг в своем прелестном модернизирующем стиле, — был короной, которую община выдавала бережно, но до последней капли. Поэтому нужно было также озаботиться, чтобы эта корова своим чередом получала сытный корм. Афинский пролетарий ничуть не возражал, когда фабрикант, купец или судовладелец огребали в чужеземных краях огромную кучу денег: тем больше внесут они в государственную казну⁷.

В этом и заключалась выгода, которую афинский «пролетарий» разделял с «капиталистом»: в эксплуатации союзников и вообще в империалистической внешней политике.

В тот период, когда они представляли собой направляющую силу города, неимущие афиняне безоговорочно поддерживали политику завоеваний. Стоит отметить, что как раз в эту эпоху своей истории Афины ввязались в две, одинаково катастрофические, грабительские войны за морем: против персов с целью захватить Египет и против своего торгового конкурента, Коринфа (эта война длилась 27 лет, и в ходе ее афиняне даже сделали попытку распространить свое владычество на запад, напад на Сицилию).

Чтобы поддержать свой престиж и завоевать народную поддержку, «господа», заправляющие системой, тратят деньги не только на «литургии», но и на щедрые раздачи, получатель которых — непосредственно демос: яркий пример тому — Кимон, антагонист Перикла, открывший согражданам свои владения.

Он приказал, — пишет Плутарх, — разобрать заборы вокруг своих огородов, чтобы иностранцы и бедные граждане могли не стесняясь брать овощи. Дома у него ежедневно давался обед, правда, простой, тем не менее сытный для многих. На него мог являться по своему желанию каждый бедняк. Ему не приходилось заботиться о своем пропитании, и он мог всецело посвятить себя общественной деятельности («Жизнеописание Кимона», 10, 1)*.

Аристотель (фрагм. 363 Rose) уточнял, что так Кимон обходился не со всеми афинянами без разбора, а лишь с

* Перевод В. А. Алексеева.

теми, кто принадлежал к его дему. Проблему пропитания помогала разрешать и практика праздников: в эти особые дни неимущие допускались к потреблению такого непривычного для простых людей и дорогого продукта, как мясо. «Старый олигарх», предполагаемый автор трактата «Об афинском государственном устройстве», не прощает народу такого паразитизма и прямо говорит об этом: «Город совершает множество жертвоприношений за общественный счет, но народ делит и пожирает жертвенное мясо» (II, 9). Кимон также снабжал бедняков одеждой: «С ним ходило постоянно, — рассказывает Плутарх, — несколько молодых людей, прекрасно одетых. Если Кимону попадался старик-согражданин в бедном платье, каждый из них менялся с ним своим плащом, — пример, достойный подражания» («Жизнеописание Кимона», 10)*.

Готовые с оружием в руках оспаривать друг у друга драгоценное право гражданства, все, как один, «чистокровные» граждане исключали и самую мысль о том, чтобы распространить гражданство *вовне*, за пределы «общины»⁸. Только в отчаянные моменты серьезной опасности афиняне начинали понимать, какие возможности таит в себе немедленное, чрезвычайное предоставление гражданства. Рабам, которые участвовали в ожесточеннейшем, кровопролитнейшем морском сражении у Аргингусских островов (406 г. до н. э.), в награду была предоставлена свобода. Но среднему афинянину такие меры были не по нраву: не зря в «Лягушках» Аристофана имеется место, безотказно действовавшее на публику, — жалоба трусливого раба Ксанфия, который слезно сетует, что не успел принять участие в битве (надо иметь в виду, что раб по определению вор, подлец, предатель и т. д., поэтому рвется в битву, в которой бились и которую уже выиграли другие). После потери последнего флота (Эгоспотамы, 405 г. до н. э.), с трудом собранного в конце изнурительной войны, афиняне предоставили — беспрецедентная акция — право граж-

* То же.

данства жителям Самоса⁹: этот остров, после того как было жесточайшим образом подавлено восстание 441–440 гг., стал самым верным союзником Афин. *In extremis** афиняне предприняли отчаянную и уже бесполезную попытку удвоить число своих граждан. Запоздалое, эфемерное предложение не возымело действия, поскольку в апреле 404 года остров сдался на милость победителя, Лисандра, а через пару месяцев им были изгнаны все самосские демократы (Ксенофонт «Греческая история», 2, 3, 6–7); но было повторено после восстановления демократии (403–402 гг. до н. э.) для самосских изгнанников¹⁰. Этот чрезвычайно выразительный эпизод обнаруживает осознание, пусть *in extremis*, того, сколь решающий характер приобретает фактор «количества» (ущемленный слишком скупым распределением вожеленного блага «гражданства»); и демонстрирует силу «классовой» солидарности между народными партиями разных городов. Этим фактом нельзя пренебрегать, он корректирует общий, весьма приблизительный взгляд на союзников как на «жертвы» господствующих городов. Это верхушке городов-союзников приходится туго, а никак не демосу (народной части), что хорошо понимал и описывал в полемически заостренной манере автор трактата «Об афинском государственном устройстве».

Аналогичным, даже более серьезным, было положение в Спарте. Там преимущественное право спартиатов (то есть единственных истинно «равных») начало подвергаться сомнению вскоре после великой военной победы над Афинами: заговор Кинадона, выражавший интересы впавших в нищету, но все же свободных по состоянию спартанцев относится к 398 г. до н. э. Было принято решение изгнать мятежников из общины, отчего она еще более оскудела. Во времена восстаний мессенцев заговорили о том, что крайнее средство добавить свежей крови в приходящую в упадок общину — сочетать спартанских женщин с периеками, то есть *произвести* в скором будущем некоторое

* В крайности (лат.).

дополнительное количество спартанцев для подкрепления сил. Такая система «разведения» людей, направленная на решение все более острой демографической проблемы, не была новой для Спарты. Однако решительная попытка переломить ситуацию и тут слишком запоздала: ее предпринял Клеомен III, царь-реформатор и «революционер», разбитый в битве при Селласии (222 г. до н. э.) македонским царем Антигоном, которого призвал Арат, крупнейший представитель Ахейского союза, любимец Полибия, воспевшего «миротворческое» господство Рима над Грецией.

Через несколько столетий, в начале II в. н. э., размышляя над причинами упадка греческих городов, историк Корнелий Тацит вложит в уста императора Клавдия достопамятную речь о правах гражданства: «Что же погубило лакедемонян и афинян, хотя их военная мощь оставалась непоколебленной, как не то, что они отгораживались от побежденных, так как те — чужестранцы (*pro alienigenis*)?» («Анналы», XI, 24, 4)*. Тацит верно уловил связь между замкнутостью общины и ее упадком. Да и сам Полибий говорил об *олигантропии* (XXXVI, 17).

Самый известный и поучительный пример упорной, самоубийственной замкнутости — эфемерная и неловкая попытка массового освобождения рабов в Аттике, предпринятая в разгар паники, которую вызвала в 338 г. до н. э. победа Филиппа Македонского над греческой коалицией, возглавляемой Демосфеном. Македонская фаланга опрокинула греческие войска, и ничто не мешало предприимчивому и неутомимому победителю двинуться прямо на Афины, совершенно беззащитные. Филипп, который пользовался вполне заслуженной славой разрушителя городов, представлял собой столь грозную опасность, что видный политик, известный враждебным отношением к Македонии, оратор Гиперид, предложил сотворить, так сказать, из ничего огромное войско для защиты Афин в этих чрезвычайных обстоятельствах, то есть немедленно освободить около

* Перевод А. С. Бобовича, ред. Я. М. Боровского.

150 тысяч рабов, которые в пределах Аттики трудились на полях или в рудниках (фрагм. 27–29 Blass–Jensen). Но был немедленно препровожден в суд, где ему предъявили обвинение в «противозаконии» (самое страшное, какое только было в Афинах). Кто же выдвинул это обвинение? Образец народного вождя, «пес народа» Аристогитон встал на защиту демократии (таков смысл обвинения в «противозаконии») против недолжного, неслыханного, чудовищного расширения гражданства. Те двадцать тысяч с небольшим полноправных граждан, какие в то время проживали в Аттике, потерялись бы в более широкой реальности, которую бы явила собой демократия для всех: их бы захлестнула эта волна. Аргумент, приведенный Аристогитоном (известный нам из более позднего источника), хоть и прозвучал в уникальный, драматический момент истории Афин, был все же типичен для демократической риторики. «Враги демократии, — гремел Аристогитон, — в мирные времена уважают законы и, так сказать, вынуждены не преступать их; но когда идет война, они легко находят разные предлоги, чтобы терроризировать граждан, утверждая, что *невозможно спасти город, если не принять противозаконное предложение!*»¹¹.

Демократическая законность, покушение на демократию, интересы «народа». Такой арсенал бездумно использовал и сиракузский демагог Атенагор, который вещал — афиняне между тем уже подплывали к Сиракузам, — что тревога по поводу «пресловутого» нападения афинского флота есть не что иное, как «козни олигархов» (Фукидид, VI, 36–40); этот же арсенал подошел и для эгоизма полноправных граждан, которые никак не могли допустить, чтобы их число увеличилось за счет массового освобождения рабов, пусть даже Филипп, ненавистный Филипп и стоял у ворот беззащитного города. Излишне говорить, что выступление Аристогитона против «незаконной», «антидемократической» инициативы Гиперида имело полный успех.

КАК ВЕРНУЛАСЬ В ИГРУ И КАК В КОНЦЕ КОНЦОВ СОШЛА СО СЦЕНЫ ГРЕЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

«Народ по воле Божией есть источник всякой справедливой власти. Общины Англии, собравшиеся в Парламенте, избраны народом и представляют его, а значит, являются верховной властью в стране. Все, что будет учреждено или объявлено в Палате Общин собравшегося Парламента, имеет силу закона, который жители этой страны обязаны уважать, даже если одобрение короля и Палаты Лордов и не будет получено». 4 января 1649 года Rump Parliament («Урезанный парламент», «Охвостье») — то, что осталось от Долгого парламента после «усечения» (ареста 90 депутатов, несгибаемых пресвитериан), произведенного «чисткой Прайда» (6 декабря 1648), — утвердил этот принцип, который можно считать конечным итогом первой английской революции и вместе с тем самой смелой формулировкой, какую она выработала. То, что записано в данном постановлении, — синтез, самая суть горячих споров, проходивших в пресвитерианской церкви Путни, небольшого лондонского пригорода, в конце октября 1647 года: в этих дебатах звучали, сталкиваясь, голоса всех социальных групп. Постановление от 4 января утверждало также победу самого передового крыла: в этих дебатах, отнюдь не академических, представлявшие это крыло люди не дали себя запугать.

Просматривая протоколы этих дискуссий¹, изумляешься не только их религиозной, «реформационной» основе, но и

отсутствию отсылок к другим традициям, кроме библейско-христианской. Для людей Кромвеля Исход повествует о грядущем освобождении; Священное Писание предвещает будущее, а не рассказывает о минувшем. Майкл Уолцер говорил в этой связи о «революции святых»².

С самого начала английская революция представляла собой последовательное развитие в непосредственно политическом плане того антиавторитарного разлома, каковым явилась Реформация. Религиозный аспект преобладает все восемь долгих и бурных лет, с 1641 (одобрение парламентом «Великой Ремонстрации») до 1649-го, и не только в официальных текстах и документах, но и в обширнейшей публицистике, которая сопровождает все события, комментирует их, составляет фон эпохи. Это наглядно показывает сам текст «Великой Ремонстрации». Там «зло» равным образом коренится как в «иезуитских папистах», стремящихся исказить англиканскую религию, так и в «епископах / англиканских / и растленных священнослужителях, питающих формализм и суеверие как естественное следствие и возможную опору их тирании». В результате революции как раз и была упразднена система епископата в англиканской церкви. Битва идей проходила *на религиозном поле*, и концепты, которыми все пользовались; мифы, к которым отсылали, были почерпнуты именно из Священного Писания и из того конфликта, который обнаружился в предыдущем веке вместе с лютеранским «восстанием» против Рима. Кроме того, не подлежит сомнению, что англиканская церковь, обладавшая сильной иерархией и нацеленная на возврат к ритуалистической религии, служила основной опорой абсолютистской монархии (что доказывает полную беспочвенность предъявленного Карлу I обвинения в том, что он хотел восстановить «иезуитский папизм»). С другой стороны, пресвитериане и пуритане прекрасно осознавали связь, пронизывающую как их действия, так и пропаганду, между религиозными убеждениями и отстаиванием народного суверенитета («Народ по воле Божией есть источник всякой справедливой власти»).

Чтобы увидеть воочию этот феномен, возьмем любое место из дебатов в Путни. Во время дискуссии 29 октября Рейнсборо с твердостью отвечает грандам: «Я не нахожу ни одного места в Законе Божьем, где бы утверждалось, что лорд должен избирать двадцать депутатов, джентльмен — двоих, а бедняк — ни одного»³.

Следует учитывать еще одну составляющую менталитета «левеллеров»: их обращение к фактору «исконности». До Вильгельма Завоевателя — этот тезис выдвинул Генри Айртон, зять Кромвеля, во второй день дебатов в Путни, — у англосаксов существовала очень древняя конституция, основанная на принципах свободы и равенства: от этой «конституции» и происходят исконные права англичан, которые попирались всеми нормандскими королями вплоть до Карла I. Такой взгляд на древнюю и новую историю Англии, благодаря элементарной диалектике Айртона, блокирует радикальные требования истинно всеобщего избирательного права. Сам представитель левеллеров произносит весьма двусмысленную фразу: «Мы считаем, что все жители страны, *не утратившие свое исконное право*, должны во время выборов голосовать на равных основаниях». Выражение «исконное право» в сочетании с теорией о древней свободе англосаксов подводит базу под утверждение, что все-таки в обществе не обязательно все имеют равное право голоса; и что это право связано с «этническим» происхождением.

Ни слова о «других». Политические свободы и наивысшая степень равенства, каких требуют эти революционеры, располагаются между двумя полюсами: с одной стороны, идеологический фундамент, каковой представляет собой Библия; с другой — «нация», «род».

Опора на Библию присутствует также в языке и политической риторике американских переселенцев:

Поскольку так было угодно Господу Всемогущему; по мудрому установлению Его Святого Провидения, которое так распорядилось и устроило все таким образом, что мы все вместе

поселились на реке Коннектикут, и теперь объединяемся и вступаем в союз, образуя одно Государство, или Commonwealth, дабы поддерживать и хранить свободу и чистоту Евангелия. /.../ В выборах магистратов примут участие все, кто считаются гражданами, кто принес присягу, и кто живет в этом округе, и признается *жительствоющим здесь* большинством обитателей города, в котором находится его жилище и т. д. /.../

Предприняв далекий путь ради основания первой Колонии в северной части Виргинии, к вящей славе Божьей и ради распространения Христианской Веры, и т. д.

Стиль этих документов, составленных в первой половине XVI века, эхом отдается через полтора столетия в Декларации независимости, окончательный текст которой сохранил многое от чернового варианта, набросанного Томасом Джефферсоном (июль 1776 г.). «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и ее Творца...»; и чуть дальше: «...все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами...»* и т. д.⁴

Помимо этого «библейского» пафоса, картину омрачали тяжеловесные конкретные оговорки. В недавнем очерке под знаменательным названием «Насколько демократична американская Конституция?» Роберт Даль вспоминает, что в своем первоначальном варианте (1787) этот документ утверждал институт рабства и даже «включал в свои статьи отвратительные законы против беглых рабов». Кроме того, остаются неизменными ограничения на право голоса, установленные в отдельных штатах, где из числа полноправных граждан исключались афроамериканцы, женщины и туземцы⁵.

И вновь «каменным гостем» этих велеречивых деклараций становится институт рабства. Вновь, как в Англии,

* Перевод О. А. Жидкова.

два «полюса», между которыми движется политическая мысль, — это библейская основа и опора на род. Джефферсон в Париже мог сколько угодно провозглашать свою приверженность к энциклопедистам — это не избавляло его от неловкости, когда французские друзья, из бесед с которыми он и черпал свое вдохновение, напоминали ему, что в его стране, при свободном, республиканском строе, все еще существует рабство. Будучи губернатором Виргинии, он провел закон, запрещающий дальнейший ввоз рабов в этот штат; однако, будучи владельцем образцового имения Монтичелло, он сам имел невольников, хотя и обращался с ними в высшей степени гуманно.

На заседании 16 плювиала II года (4 февраля 1794) Национальный конвент по инициативе гражданина Луи-Пьера Дюфе де ла Тура, одного из троих избранных в Санто-Доминго депутатов, который после полного злоключений путешествия прибыл в Париж всего лишь накануне (15 плювиала) и тотчас же был принят коллегами, — рассмотрел и принял — на том самом памятном заседании — декрет в защиту «наших братьев, живущих в колониях». Их приверженность республике, — заметил депутат, — так сильна, что необходимо своевременно принять меры, дабы «восстановить спокойствие в Новом Свете, обеспечив цветным людям, которые там обитают — и которые достойны того, чтобы быть французами! — привилегии, обозначенные в нашей Конституции, и все права, сопряженные со свободой и равенством».

В длиннейшей речи, которую произнес Дюфе (и тотчас же опубликовал ее брошюрой, «напечатанной по распоряжению Конвента»), выделяется эпизод, с пафосом переданный новоявленным депутатом: делегация цветных рабов является к французам, как раз воюющим с англичанами и испанцами, и просит свободы во имя Декларации прав человека (*Nous sommes nègres, Français, nous allons combattre pour la France: mais pour récompense nous*

demandons la liberté; ils ajoutèrent: "les Droits de l'Homme"*). Примерно то же самое сказал в ходе дискуссии депутат от Сарты Рене Левассер, верный последователь Робеспьера и непримиримый противник термидорианцев (те подвергли его жестокому тюремному заключению как раз за то, что в этот самый день 16 плювиала он поддержал отмену рабства), взявший слово сразу после Дюфе:

Я требую, чтобы Конвент не из сиюминутного восторженного порыва, но во имя принципов справедливости, следуя Декларации прав человека, немедленно принял декрет об отмене рабства на всей территории Республики. Санто-Доминго входит в эти пределы, а у нас в Санто-Доминго до сих пор есть рабы. Я требую, чтобы все люди были свободными, невзирая на цвет их кожи.

В поддержку Левассера выступил депутат Жан-Франсуа Делакура (вскоро он будет вовлечен в процесс против последователей Дантона). Он убедительно высказался по поводу недостаточности, или по меньшей мере неясности, разработанных до сего времени конституционных уложений:

Работая над Конституцией для французского народа, мы не удосужились обратить взор на наших злополучных цветных сограждан. Потомки могли бы бросить нам горький упрек по этому поводу; но мы постараемся исправить ошибку. Напрасно провозгласили мы, что ни одно феодальное право не может быть заявлено на территории Французской Республики. Вы только что слышали от одного из наших коллег, что у нас в колониях до сих пор имеются рабы! *Пора нам самим встать на высоту принципов свободы и равенства.* Недостаточно высказаться в том смысле, что мы не признаем рабства на французской территории: разве это не правда, что цветные люди прозябают в рабстве в наших колониях? Следовательно, мы должны провозгласить свободу цветным. Совершив этот акт справедливости, вы подадите хороший пример цветным рабам *в английских и испанских колониях.* Цветные люди также, как и мы,

* Мы негры, о французы, и мы идем сражаться за Францию: и в награду требуем свободы; и они добавили: «и Прав Человека» (фр.).

пожелали разбить свои оковы. Мы пожелали разбить наши; мы не желаем покоряться никакому игу — так преподнесем же и им этот дар.

Следующее выступление Левассера интересно также и в лексическом плане: «Если бы я мог, — вещает он, ненадолго взяв слово, — представить перед Конвентом ужасающую картину тех зол, что сопряжены с рабством, я бы заставил вас содрогнуться, представив угнетение /дословно — «l'aristocratie»*/ , какое установили в наших колониях иные из белых».

Делакруа берет слово и разражается бурной, убедительной речью: «Председатель! Стерпишь ли ты, чтобы Конвент бесчестил себя, продолжая дискуссию по этому поводу!» И тут же предлагает проект резолюции: «Национальный Конвент постановляет отмену рабства на всей территории Республики. В соответствии с этим, все люди, невзирая на цвет их кожи, должны пользоваться правами, предоставленными французским гражданам».

Тут некий депутат выступил с двусмысленным, если не злонамеренным, замечанием: «Не допустим, чтобы само слово *рабство* пятнало декрет Конвента, тем более, что свобода есть право, дарованное от природы». По существу, это было предложение оставить все как есть, не издавая особого декрета об отмене рабства, под надуманным предлогом того, что отмена рабства «подразумевается» одним из общих принципов: ведь уже признано, что свобода — естественное право. Решающим оказалось выступление аббата Грегуара, который безо всяких эмоций рассеивает софистический *escamotage***. «Необходимо, — говорит он, — чтобы слово *рабство* прозвучало; иначе завтра кто-нибудь попытается утверждать, будто вы имели в виду нечто иное; а вы ведь на самом деле все хотите, чтобы рабство было уничтожено».

* Аристократию (фр.).

** Подмену (фр.).

Собрание стоя, с восторженными криками принимает текст, представленный Делакруа. Председатель — в тот день это был Марк Вадье, персонаж, конечно, мало симпатичный, но сполна расплатившийся за свое участие в «заговоре» Бабёфа, — от имени Конвента торжественно провозглашает отмену рабства, в то время как, под возгласы «Да здравствует Республика, да здравствует Гора!», трех депутатов, прибывших из колоний, сжимают в объятиях, «*étroitement serrés*, — пишет протоколист парламента, — *dans les bras de leurs collègues*»* 6.

Там, где контраст с упорной защитой рабства со стороны либеральной Англии ощущался самым непосредственным и очевидным образом, то есть на Антильских островах, акция по освобождению, которой положил начало Конвент своим декретом от 16 плювиала, приобрела особенно взрывоопасный характер. Разворачивается битва между двумя представлениями о свободе: англичан-либералов, которые защищают с оружием в руках институт рабства, и Конвента монтаньяров, который стремится — искренне огорчаясь тому, что это делается с запозданием, — «подняться на высоту, заданную принципом свободы и равенства», недвусмысленно отменяя личную зависимость цветного населения. Пункт *цвета* кожи является основным: в непоколебимой уверенности английских либералов, которые восстанавливают рабство, едва успев присвоить себе какую-либо французскую колонию на Антильских островах, немаловажную роль играет фактор расизма, когда чернокожие воспринимаются низшими людьми, «недочеловеками».

Анри Бангу, крупнейший чернокожий историк с Антильских островов, прекрасно рассказал об этом в своей «Истории Гвадалупы». Как раз 4 февраля 1794 года, в день, когда Конвент голосует за повестку дня, предложенную Делакруа, английский флот появляется у берегов Мартиники. 24 марта англичане оккупируют Мартинику и чуть

* В тесных объятиях коллег (фр.).

позже высаживаются на Гвадалупе, призванные «большими белыми» (которые спешно подписывают договор с Лондоном) при полном безразличии «маленьких белых». Белые, даже «республиканцы», приспособливаются, приводя довод, что «l'intention de la République n'est pas de régner sur des cendres et des débris»^{*}/!//. Весь административный аппарат ancien régime восстанавливается, а вместе с ним укрепляется и институт рабства, которое, впрочем, никто и не пытался отменить, по причине полного совпадения во времени голосования в Конвенте и нападения англичан на эти два острова из Малых Антильских.

Зачинщиком борьбы против английских оккупантов и освобождения рабов на острове — после партизанской войны, длившейся несколько лет и завершившейся возвратом к республиканской, аболиционистской Франции, — был Виктор Юг, бывший общественный обвинитель в революционных трибуналах Рошфора и Бреста, затем (в начале 1794 года) назначенный комиссаром Конвента на Подветренных островах. Он доставил немало хлопот английским поборникам рабства, в конечном итоге сбросив их в море и захватив другие острова, например Мари-Галант. Освобожденные чернокожие рабы составляли костяк его армии.

Почему же в декларациях «прав», выдвинутых английскими революциями и революцией американской, не обнаружилось ни достаточно широкого теоретического взгляда, ни практических мер, которые поставили бы под сомнение институт рабства? Почему эти люди, утверждавшие «права» и «свободы», считали нормальным по-прежнему сосуществовать с рабством в своих колониях (и в чужих, когда их захватывали), или даже у себя дома, как в случае Соединенных Штатов?

Действительная причина, экономическая, выходит, несомненно, на первый план. Обращаясь к обстановке в

^{*} «В намерения Республики не входит править на пепелище, среди обломков» (фр.).

Соединенных Штатах, Анри Бангу пишет, не без оснований, что североамериканский случай представляет собой интереснейший пример «исторической, экономической и политической относительности понятия свободы, если не мистификации, какой она может оказаться подвержена». Война против Англии закончилась провозглашением независимости, но самым ярким доказательством того, что понятие свободы оказалось урезанным, будучи применено в пользу лишь одного класса, было как раз сохранение в новом «свободном» государстве института, отрицавшего свободу, то есть рабства. «Истинный двигатель истории, а также и институтов, как политических, так и общественных, — то есть экономика, а не дух, не разум, или какой-либо другой демиург, — пока еще не требовала исчезновения рабовладельческого способа производства с горизонта Соединенных Штатов», — иронически отмечает Бангу и добавляет чуть ниже, что не так уж сложно было привести к согласию 56 депутатов, призванных разработать законодательство для нового государства. «Не осталось и следа от противоречий, проявлявшихся во время войны /с англичанами/, когда в армию вербовали негров, обещая им свободу, и одновременно обещали белым, за их сотрудничество, чернокожих рабов!»⁷.

Неверно было бы утверждать, однако, что дело обошлось без влияния других факторов. Сильный библейски-протестантский отпечаток сослужил свою службу. Основной ментальной опорой для этих людей был Новый Завет, имевший в их аксиологии то же, если не большее, значение, что и греки и римляне для французских революционеров. Так вот, Священное Писание содержит в себе прекрасное оправдание для фактического поддержания рабства.

В Послании к Ефесянам (6:5–9) апостол Павел говорит:

Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимой только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как людям, зная, что каждый получит

от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный. И вы, господа, поступайте с ними так же, умеря строгость, зная, что и над вами самими, и над ними есть на Небесах Господь, у Которого нет лицепрятия.

И когда раб Онисим, принадлежавший хозяину Филимону, который тоже был христианином, убежал и добрался до Рима, где связался с Павлом, тот отправил его обратно к Филимону, в далекий фригийский город Колосс с сопроводительной запиской, которая — что крайне знаменательно — включена в собрание писем апостола. Это — своего рода шедевр, призванный смягчить хозяина перед лицом преступления против собственности, считавшегося одним из самых серьезных:

...я возвращаю его; ты же прими его, как мое сердце. Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах за благовествование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, может быть, он оттого на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного... (Послание к Филимону, 12–16).

Обращаясь к Галатам, Павел твердит, что «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского» (3:28), но в Первом послании к Коринфянам предупреждает: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван» (7:20). Равновесие шаткое, но работающее на практике — пусть все остаются на своих местах, беглые рабы пусть возвращаются к хозяевам, которые, однако, должны к ним относиться человечно, — имея в виду тот факт, что *в мире ином* эти различия теряют силу. Теперь понятно, почему учредители штата Виргиния в первую очередь думали о том, чтобы разработать закон против беглых рабов.

Хорошо знакомые с действительным положением вещей в колониальных владениях, последовательные в своих выступлениях иезуиты — во имя Евангелия, рискуя отлучением от церкви и обвинением в ереси, — проникли

в самую суть социального неравенства и прежде всего рабства: вспомним подрывное учение отца Виейры, отголоски которого слышатся в наше время у гватемалки Ригоберты Менчу, которая призывает обратиться к революционному значению Библии, совершенно забытому европейцами⁸. Но такой христианский радикализм, наличествовавший в мире, который английские мятежники клеймили «папистским», и не присутствовал, и не особенно ценился в мире реформаторов, или диссидентов от Реформации, *интеллигенции*, направлявшей революции в англосаксонском ареале. «Картина мира» на библейской основе не предполагала утверждения свободы *для всех*, здесь и сейчас, в зримом воочию, конкретном, современном обществе.

На заседании Конвента от 16 плювиала — там разыгрались весьма патетические сцены, к примеру патриотический обморок цветной гражданки, «регулярно присутствовавшей на собраниях и следившей с самого начала за всеми революционными движениями», говоря словами депутата Камбона, — взял слово сам Дантон, главным образом чтобы предложить поручить двум комитетам, общественного спасения и колоний, конкретное исполнение декрета об отмене рабства. Он начал с крайне знаменательной мысли: «До сегодняшнего дня мы утверждали принцип свободы эгоистически, только для нас самих. Настоящим решением мы провозглашаем *всеобщую* свободу, свободу для всего мира, и грядущие поколения будут гордиться этим декретом». Потом добавил: «Мы работаем для грядущих поколений, даруя свободу колониям; сегодня Англичанин погиб (*аплодисменты*). Свобода, пересаженная в Новый Свет, принесет обильные плоды и пустит глубокие корни». (Дантон выражается так, будто «свободы» в «Новом Свете» никто и в глаза не видел, что предполагает определенное суждение о Соединенных Штатах.)

На этом понятии «эгоистической» свободы следует остановиться. Хорошо известно, что основное обвинение в адрес античной модели (классической эпохи), стоящей

в центре революционной идеологии, в особенности якобинской, как раз и заключается в том, что свобода в классической древности была преимущественно «эгоистической», предназначенной для немногих, скорее даже для меньшинства.

В марте-апреле 1795 года, III года Республики, в Париже вышла солидная биография и библиография Ксенофонта: «Vie de Xénophon, suivie d'un extrait historique et raisonné de ses ouvrages» [«Жизнь Ксенофонта, дополненная избранными, исторически значимыми выдержками из его трудов»], написанная гражданином Фортиа, бывшим дворянином, ныне республиканцем, который каждый месяц аккуратно заполнял свой вид на гражданство. Эта книга, которой суждена была долгая жизнь, открывается однозначно «патриотическими» фразами, как было принято в ту эпоху: «Свобода и философия — вот наш боевой клич /*cri de raillement*/». Дальше следует вот какой неуклюжий выверт: поскольку Ксенофонт — философ, тем более живший во времена свободы Греции, лучшего предмета попросту не найти. Если иметь в виду, что в то время книги печатали с большим разбором — республика задыхалась в кольце войны с коалицией держав, была ослаблена мятежом в Вандее; ее экономика была подорвана внедрением фальшивых ассигнаций, изготовленных в Англии, — и предпочтение отдавалось практическим руководствам и учебникам, в самом деле замечательно, что гражданин Фортиа, бывший дворянин, вынужденный, будучи таковым, жить за пределами Парижа согласно «декретам жерминаля» (конец апреля 1794 г.), смог не только написать, но и отправить в типографию, и напечатать своего «Ксенофонта». Книга вышла при содействии Жана-Батиста Гэля, бывшего аббата, затем республиканца и профессора Коллеж де Франс, занявшего место «подозрительного» элемента, отправленного на каторгу.

Эти соображения дают понять, что книгу «раскрасили» под верность республиканским идеям, помогая ей пройти цензуру, но содержание ее вовсе не таково. Нужно осно-

вательно в нее углубиться, чтобы отдать себе в этом отчет. Добравшись до «Гиерона», небольшого трактата о тирании, мы убеждаемся, что, после ряда выкрутасов, Фортиа, опираясь на греческого автора, раздражается критикой в адрес «тирании народа», осуществляемой во имя равенства (не без обычных выпадов против Руссо). Когда же дело доходит до трактата «Об афинском государственном устройстве» (сочинения сомнительной атрибуции, о котором мы уже неоднократно упоминали и которое во времена Фортиа считалось несомненно принадлежащим Ксенофону), нападки на демократию становятся еще более язвительными.

Задумка состоит в том, чтобы приписать рассуждения о данном трактате аббату Арно (в сущности, это правда: речь идет практически о плагиате), чей парафраз книги Ксенофонта предлагается вниманию читателя потому, что «этого издания сейчас почти невозможно найти». Разумеется, обещает автор, мы смягчим некоторые чересчур монархические формулировки (принадлежащие Арно), однако оставим многие из тех, что «характеризуют самого Ксенофонта, чьи идеи не всегда были республиканскими /sic!/, и все-таки следует принимать их такими, какие они есть» (с. 391). Далее следует сделанный Арно парафраз ксенофоновой критики недостатков демократического строя в Афинах. Читатель, очевидно, задается вопросом, что же осталось от первоначальных предпосылок (*liberté et philosophie**), определивших сам выбор Ксенофонта как темы для обсуждения. Но выбор Арно как интерпретатора греческого историка — тонкий ход (удобный способ не говорить какие-то вещи от первого лица), почему иные толкователи, пусть ошибочно, настаивали на противоположном прочтении этого текста и видели в нем полную патриотизма защиту Афин⁹. Закончив парафраз сказанного Арно (который не преминул припомнить, что вся афинская философская традиция начиная с Сократа была враждебна демократии), автор возвращается к Ксенофону:

* Свободы и философии (фр.).

Вот что думал аббат Арно по поводу творений Ксенофонта. Я же предпочту не отклоняться от темы и воздержусь от каких бы то ни было политических суждений по поводу принципов, утвержденных тремя великими философами Греции. Ограничусь чисто историческим наблюдением, которое поможет несколько сгладить впечатление от столь авторитетных суждений, какие составил Арно об этих трех великих знатоках человеческого сердца. Наблюдение следующее. Эти три великих мыслителя не могли судить о свободе иначе, как в той форме, в какой она представляла их взорам, то есть *запятнанной наличием рабства*. В те времена *рабство везде соседствовало со свободой*. В самом деле, у всех древних народов имелось огромное количество рабов, и *это, похоже, было нормой их жизни*. Оно чудовищное сочетание — какой бы ни была на самом деле форма правления — не предлагает ни у одного из древних народов прекрасного зрелища истинной свободы.

Писатель наивный, намеренно банальный в большей части своих работ, здесь он обретает невиданную глубину и силу, высказывая один из самых современных взглядов на жгучую, запутанную контroversию свободы/рабства в греческом мире (он далеко превосходит общие места Руссо, «Общественный договор», III, 5). Основная мысль, на которую он хочет пролить свет, — это резкая оценка ограниченности *всех* античных республик. Но он приходит к такому выводу окольным путем: цитирует некоего противника демократии, восхваляющего сдержанное отношение «сократиков» к этому строю; заявляет, что не согласен с ним; но вместо того чтобы защищать античные демократии, опровергает их все, как ложные! И ключевым аргументом в этой связи является «пятно» рабства. На эту тему он размышляет долго и заканчивает вполне современно, что *во всех аспектах античной жизни* присутствовало рабство (эта формулировка встречается потом в блестящих очерках Мозеса Финли); что свобода и рабство были в античном обществе нераздельны; и это делает не-существенными типологические различия между разными формами правления. Понятие нераздельности, очень верное и современное, выражено у Фортиа формулировкой «as-

semblage monstrueux»*. Вывод неутешителен: нигде и никогда в мире классической древности нам не встречается «le beau spectacle d'une véritable liberté»**.

И все же античные демократии были *образцами*, великими образцами, к которым снова и снова возвращались новые республиканцы.

Чуть раньше, а может, и в те самые дни, когда в Париже выходила в свет эта любопытная книжка, Константен-Франсуа Вольней, уже немолодой историк и антрополог, недавно получивший кафедру в новооткрытой Высшей нормальной школе, заканчивал свою пятую лекцию (3 жерминаля III года, т. е. 23 марта 1795) яростным выпадом как раз на эту тему:

Мы упрекали наших предков в суеверном поклонении евреям, а сами впали в не менее суеверное поклонение грекам и римлянам! Наши предки клялись Библией и Иерусалимом; новая секта /речь, очевидно, идет о только что разогнанных якобинцах/ клянется Спартой, Афинами и Титом Ливием. /Вольней критикует *ошибочную идею* о том, что эта новая «секта» подражает реальным античным обществам/. В этой новой разновидности религии изумляет то, что ее апостолы даже не имеют правильного представления о доктрине, которую проповедуют, и образцы, предлагаемые ими, диаметрально противоположны их заявлениям и намерениям. Они восхваляли перед нами свободу Рима и Греции, скрывая от нас, что в Спарте аристократия числом в 30 000 человек самым ужасным образом угнетала 600 000 рабов; что, дабы не возросло число этих «негров», молодые лакедемоняне по ночам охотились на илотов, как на диких зверей; что в Афинах, этом святилище всех свобод, на одного человека свободного состояния приходилось четыре раба; что не было дома, где бы эти пресловутые демократы не осуществляли деспотический режим, достойный наших поселенцев в Америке; что из порядка пяти миллионов человек, населявших Грецию, более трех с половиной миллионов были рабами¹⁰.

* «Чудовищное сочетание» (фр.).

** «Прекрасное зрелище истинной свободы» (фр.).

Вольней в корне переворачивал сам «зовущий к свободе» образ античной демократии, обнажая ее истинную природу как демократии для *элиты* — конечно, многочисленной, но по сравнению с массами рабов довольно тонкой прослойки полноправных граждан, «свободных и равных».

Все же, упоминая о «наших поселенцах в Америке», Вольней безоговорочно поддерживал — что говорит в его пользу — отмену рабства, провозглашенную Конвентом год назад; зато Бонапарт, как мы увидим, пойдя в этом пункте на разрыв с Вольнеем, упразднил декрет, восстановив прежние колониальные порядки.

Но такой взгляд на рабство как помеху в развитии античных обществ не был нов. На подобной мысли останавливался Руссо в конце XV главы III книги «Общественного договора»; глава эта не укрылась от внимания Ленге, который воспользовался ею в своих «*Annales politiques, civiles et littéraires du dix-huitième siècle*» [«Политические, гражданские и литературные анналы XVIII столетия»]¹¹. За несколько десятилетий до него Юм широко исследовал данный вопрос, прилежно изучая население античного мира, и, вероятно, напуганный огромным числом рабов, обозначенным в источниках, занялся достойным сожаления пересмотром последних, в каковой пересмотр включились многие историки тех лет, как маститые, так и начинающие. Вослед ему они принялись старательно подправлять извлеченные из античных источников цифры, касающиеся численности рабского населения. Как известно всякому знатоку римского права, рабство является настолько вездесущим в римском обществе, что, говоря словами Фортиа, «оно было повсюду, помещаясь рядом со свободой»: нет такой нормы, нет такого аспекта общественной и частной жизни, которых бы не касалось рабство.

Таким образом, с фактической точки зрения не прибавилось ничего нового. Новизна проявилась в другом. Через несколько месяцев после падения Робеспьера начались *нападки на «античные республики», подразумевавшие нападки на республику якобинскую*. И, согласно сцена-

рию, обогащенному и более тщательно разработанному в XX веке применительно к «реальному коммунизму», им всем бросался следующий упрек: вы не то, что сами о себе возглашаете. Как самые оголтелые и убежденные антикоммунисты безжалостно набрасывались на СССР, крича, что в этой стране нет «настоящего коммунизма» (и *doléances** беглецов предоставляли собой сырье, которое принималось *illico et immediate*** за чистую монету), так и нападки на Республику II года были следующими: эта республика на самом деле — деспотизм, а ее образцы (античные) в свое время были жестокими олигархиями.

На эту историю, на которую мы привыкли смотреть глазами выдающихся либеральных мыслителей (Констана, Токвиля), следует пролить немного более света. Очевидно, что, следуя за рассуждениями своих предшественников, термидорианские, а потом либеральные ниспровергатели «культа» античных республик, говорили чистую правду и обнажали — если только в этом еще была какая-то нужда — их истинную природу. Они, само собой, способствовали рождению реалистического, правдоподобного и свободного от риторики образа этих «республик», за что историческая наука должна им быть благодарна. Это разоблачение, которое ощущается и на некоторых замечательных страницах «Города» Макса Вебера (где приводится знаменитое определение античной демократии как «гильдии», делящей добычу), не имело, однако, того успеха, какого заслуживало. И не потому, что в недрах историографии еще укрываются тайные якобинцы, а потому, что, с одной стороны, лубочный классицизм, гораздо раньше якобинцев обожествивший античную реальность и закрывший глаза на ее неприглядные черты (например, на рабство и на варварскую жестокость в дни мира и войны), так никуда и не делся; а с другой — в ходе историографической

* Жалобы (фр.).

** На месте и тотчас же (лат.).

дискуссии XIX века и те, кто прославлял античную демократию, и те, кто ее порицал, продолжали относиться к ней как к *непосредственной предшественнице и модели демократии современной*. Джордж Грот (убежденный либерал и поклонник Клеона) и, на противоположном полюсе, Эдуард Мейер (он упорно видел в афинской республике времен Клеона все беды ненавистной Третьей республики во Франции) проделали большую работу в реконструктивном плане, но достигнутый ими уровень исторического проникновения в античную реальность значительно уступал трезвым оценкам Вольнея, Констана и Токвиля. Но именно первые, а не последние, что очевидно, создали школу, имея в виду объем и авторитет их монументальных «Историй», а также пользу, какую они принесли в плане эрудиции.

Но есть еще один пункт, который не следует упускать из виду. В той *политической лаборатории*, какой являлся античный город, или, вернее, античная политическая цивилизация с ее колоссальным *письменным* наследием (ораторским, философским, историографическим), с одной стороны, разворачивались *актуальные* конфликты, в которых выражались яростные столкновения интересов *тех* социальных слоев, принадлежавших *тому* времени; с другой же стороны, вырабатывались модели и понятия — в чем и состоит особенность этого великого расцвета *письменной* политической культуры — которые в конце концов по праву обрели *общечеловеческую ценность*, выйдя за рамки конкретного значения, какое они имели для своего времени. Отсюда их неувядаемая, по заслугам долго длящаяся «жизненность». Поэтому к столь далекой по времени матрице обратилась якобинская политическая элита, а до нее — «философская секта» ее учителей, Мабли и Руссо. Это была единственная известная нам политическая цивилизация, накопившая идеологический, эмоциональный, анекдотический багаж, который помог ей преодолеть временные пределы и вновь возникнуть на горизонте, суля непосредственную пользу, выражая *общечеловеческие цен-*

ности (особенно равенство и свободу), которым она прида-
ла форму, которые превратила в понятия; при этом можно
пренебречь тем фактом, обнаружить который очень легко,
что этот интеллектуальный продукт создавался как орудие
самопрезентации господствующего класса в определенный
момент определенной исторической реальности, обладаю-
щей жесткой классовой структурой и, если хорошенько
вглядеться, глубоко антиэгалитарной.

Но якобинцы первыми осознали это. Они слушали до-
клад Кондорсе в Законодательном собрании, когда этот
величайший защитник «новых» безжалостно изобличал
«растленность», какую древние с тех самых времен вне-
дрили в умственный склад европейцев. Они, якобинцы,
ввели единую систему народного просвещения, ориенти-
рованную на центральные школы, где доля классических
языков была существенно урезана. Так называемый «пара-
докс» якобинцев, которые все-таки внесли большой вклад
в формирование современной Европы, состоит в их несо-
мненном происхождении от «новых» (они родились из ре-
бра «Энциклопедии») и в то же время в приверженности к
античной «идеологии», к образцам политических доблестей,
каковыми являлись античные республики, где — вот что их
завораживало больше всего — *свобода и равенство вроде
бы могли сосуществовать*, или по крайней мере (как им
казалось) сопутствовали друг другу, в чем-то сходились,
имели одинаковую цену и отстаивались с равной силой и
убежденностью.

За те месяцы, пока у власти находился Комитет обще-
ственного спасения, изучение греческого (а также латин-
ского) сократилось до самого элементарного уровня: депу-
таты голосуют за то, чтобы классиков читали в переводах
и пересказах. («Давно существуют переводы всех великих
писателей», — можно прочесть уже в докладе Кондорсе.)
И в то же самое время великие классики (одни предпо-
чтительнее, чем другие) и великие персонажи той монументальной истории воспринимались как носители *нормативных* моделей. Их сила коренилась в их поистине

универсальном характере, не привязанном к какой-то одной религии или секте. Так можно объяснить, или, вернее, понять, почему все, что сказали и о чем подумали Греки, оказывается востребованным *für ewig**. Их опыт предшествовал христианству, был прожит задолго до него и утверждал ценности, не нуждавшиеся в такой опоре, не принадлежавшие — так можно было их прочесть — какому-то одному народу, одной вере, одной истории. Они представляли собой инкунабулы *всемирного* признания прав, утвержденных как таковые. Разумеется, речь шла о метаисторическом использовании этого опыта, восприятие которого на протяжении тысячелетий и возведение которого в ранг *модели* как раз и способствовали такому метаисторическому употреблению. И чем более смутным и приблизительным было представление об Античности, тем более возможным становилось такое идеологическое использование (и с тем большим пылом оспаривали его те, кто призывал обратиться к достоверным источникам и точным данным).

Вот почему, помимо прочих факторов, которые здесь не стоит перечислять, результаты, каких достигли англосаксонские революции, с одной стороны, и французская революция, с другой, оказались столь несхожими. Обычно упор делается на другие отличия: автономии и права личности в одних, централизм и якобинский дирижизм в другой. Но обыкновенно остается в тени основное расхождение: одни безмятежно сосуществовали с рабством и даже способствовали его поддержанию (чтобы освободиться от него, Соединенным Штатам пришлось перенести самую долгую и кровопролитную войну в их истории); вторая пришла *gesta via*** к признанию никчемности «Прав человека», если они на практике зависят от цвета кожи; если с ними сочетается — за пределами «европейского» пространства — культивирование дешевой рабочей силы,

* В веках (нем.).

** Прямым путем (лат.).

принуждаемой к рабскому труду, который превращает человека в животное. Одни вдохновлялись Библией как своим первоисточником, другая искала в опыте греков и римлян, гораздо более древнем и существенно перетолкованном, точку опоры для практического распространения *равенства и свободы* по всему миру.

Подобную «идеологию» было легко разоблачить, опираясь на более основательное и корректное знание Античности. Но то был слишком удобный *escamotage*, чтобы отвергнуть *сущность* того, чего якобинцы, по их собственному, разумеется, предвзятому мнению, достигли, апеллируя к классической древности. Они первыми отменили рабство в колониях и поняли прежде многих других, что исключительно европейский взгляд на вещи — это такая же *привилегия*, но все это они проделали, воодушевляясь призраками, взятыми из картины мира, которая была основана на рабстве.

И все же существует еще материал для более непосредственной аналогии с политикой античных демократий: демократия как «насилие», как принуждение, осуществляемое социальной группой неимущих (ею были парижские санкюлоты) по отношению к привилегированным классам и богачам: этих последних не экспроприировали, но подвергали давлению, по подобию «народной диктатуры» в Афинах, с такой яркой враждебностью описанной в трактате «Об афинском государственном устройстве». Таким образом, мы окажемся недалеко от истины, если отметим, что те, кто разоблачал ложную идею античной республики, бытовавшую в якобинскую эпоху, на самом деле думали не о горестях рабов, а о преследовании богатства, которое имело место при якобинской диктатуре, с применением, например, такого орудия, подлежащего дальнейшему развитию, как отслеживание «состояний, приобретенных подозрительным путем». Так что на самом деле они защищали свободу приобретательства, эти хорошо образованные термидорианцы, когда громили античное рабство, которое «утаили» их противники.

Эро де Сешель, которому поручено составить текст Конституции 1793 года, торопит хранителя фондов Национальной библиотеки, чтобы тот выдал ему «sur-le-champ les lois de Minos qui doivent se trouver dans un recueil des lois grecques»^{*}; это впоследствии вызовет у Ипполита Тэна иронию — и неуместную, и свидетельствующую о предубежденности. «Представление, сложившееся о Греции и Риме, нередко смущало умы недавних поколений, — пишет Фюстель де Куланж во введении к «Древнему городу», — плохо разобравшись в учреждениях античного города, они вообразили, что можно воскресить их в наши времена. Они впали в заблуждение относительно античной свободы, и единственным результатом этой иллюзии стало то, что свобода современников оказалась в опасности», и добавляет, что виновен в подобном недоразумении «непосредственно воздействующий» классицизм, характерный для системы образования, которая «с самого детства заставляет нас жить среди греков и римлян, вырабатывая у нас привычку к постоянному сопоставлению».

Вплоть до Революции вся культура и все языки (включая политические) базируются на античной классике. Но по мере удаления от Революции классицизм и прогрессизм расходятся, и более обоснованное понимание Античности — как в случае Вольнея, Констана, Токвиля и Фюстеля — тяготеет к консервативному, антидемократическому горизонту. Чем чаще обращается европейский классицизм к элитарным, антиэгалитарным ценностям античного мира и пережившей все бури традиции, тем глубже становится понимание того и другого. (Однако феномен самоидентификации с людьми античной эпохи вновь проявит себя в диаметрально противоположной форме: вдохновившись Фюстелем, Шарль Морра будет восторженно говорить о «республике, основанной на рабстве большинства» и с наслаждением чувствовать себя «афинянином».)

^{*} «тотчас же законы Миноса, которые должны находиться в собрании греческих законов» (фр.).

Официальное «упорядочение» отношений между учеными-классиками и политической властью, установившейся после смуты революции, попытался осуществить, и частично преуспел в этом не кто иной как Бонапарт, вставивший и эту деталь в общую картину умеренно реорганизованного французского общества времен Империи.

Официальный документ такого упорядочения, к которому вскоре присоединились все ученые-классики Франции (и Европы), — «Rapport à l'Empereur» [«Рапорт Императору»], представленный посредственным, но ушлым Бон-Жозефом Дасье и рассмотренный императором в 1808 году. Всю акцию вдохновлял, написав к тому же раздел «Рапорта», посвященный Античности, Эннио Квирино Висконти, который ранее основал в Риме вместе с папой Пием VI музей Пио-Клементино, потом превратился в интеллектуалокосмополита и в конце концов поступил в Лувр хранителем «антиков». И Бонапарт лично, пользуясь своим огромным авторитетом, постоянно курировал «государственные» издания греческих классиков, например роскошное издание «Географии» Страбона, порученное, кстати, греческому изгнаннику, республиканцу, осевшему во Франции, Адамантиосу Кораису. Нельзя не отметить, что легко узнаваемой моделью для этой инициативы была «Collection du Louvre» [«Луврская коллекция»] авторов истории Византии, поддержанная в свое время Людовиком XIV. Так Ancien régime и Révolution сближались между собой, по крайней мере, в плане возобновления классической традиции, но и не только.

Неслучайно, несмотря на протесты его друга Вольнея, именно Бонапарт, «меч революции», восстановил рабство в колониях.

В декабре 1797 года правительство Виктора Юга на Гвадалупе переживало трудный период в связи с повторяющимися мятежами. В особенности на острове Мари-Галант тысячи негров брали под арест и разоружали белых, обвиненных в сговоре с англичанами. Угроза их вторжения

явственно ощущалась на острове, но — и это очевидно — прежде всего она касалась цветного населения, которое не без оснований боялось возвращения рабства, если бы остров снова подпал под власть англичан. С этими волнениями Юг справился, но очень скоро ему пришлось пережить самое горькое разочарование в его жизни: как о свершившемся факте, ему сообщили о том, что он отправлен в отставку и заменен генералом Дефурно; этот последний коварно арестовал его из страха, что Юг все-таки останется на острове, хотя бы и в качестве простого гражданина.

После 18 брюмера многое начало меняться. Было, например, ограничено в соответствии с имущественным цензом избирательное право, что нашло свое полное воплощение в Империи и в смехотворных претензиях новой «знати», созданной императором. Нововведения первого консула, скоро ставшего пожизненным, к которым он сразу же приступил, опираясь на юристов и доверенных членов министерства, клонились к тому же самому. Восстановление рабства на Гвадалупе было объявлено законом от 20 мая 1802 года, который был уточнен законодательным актом от 16 июля того же года. Нелишним будет припомнить, что Фуше, министр внутренних дел при Бонапарте, располагал немалой собственностью в колониях. И крайне знаменательно, что практически одновременно в Санто-Доминго была предпринята ликвидация чернокожего лидера Туссена Лувертюра (арестованного 12 июня 1802), который добросовестно управлял островом, где находились, в частности, и имения Жозефины Богарнэ. Через год с Туссеном расправятся без суда по смехотворному, клеветническому обвинению в «сговоре с англичанами»!

Текст законодательного акта, которым восстанавливалось на Гвадалупе рабство, очень поучителен как пример колониалистских манипуляций с историей:

Признавая, что, как следствие Революции и чрезвычайной обстановки, которую вызвала война, в слова и дела этой страны

вкрались злоупотребления, подрывающие безопасность и благосостояние колонии;

Признавая, что колонии суть не что иное, как поселения, созданные Европейцами, которые доставили туда Негров, как единственно приспособленных к освоению этой страны; что кроме этих двух основных категорий — поселенцев и негров — образовалась раса метисов, все же отличная от белых, основавших эти поселения;

Признавая, что только последние являются представителями французской национальности и должны пользоваться соответствующими привилегиями;

Признавая, что благодеяния, оказанные Отчиной при утверждении основных принципов жизнедеятельности этих поселений, послужили лишь к подрыву всех основ их прежнего существования и постепенно привели к тому всеобщему заговору, какой сложился на этом острове против Белых и против войск под командованием генерала Консульства, в то время как другие колонии, остававшиеся под отеческой, домашней опекой, демонстрировали благосостояние всех своих людей по контрасту с бродяжничеством, ленью, нищетой и прочими бедами, обрушившимися на эту колонию, а в особенности на Негров, предоставленных самим себе, приходим к выводу, что национальное правосудие, гуманность, а также и политические интересы требуют возврата к единственно верным принципам, на которых покоится безопасная жизнедеятельность поселений, основанных Французами в этой колонии; вместе с тем Правительство будет энергично искоренять злоупотребления и эксцессы, имевшие место в прошлом и способные проявиться вновь...

А вот статья I:

Вплоть до дальнейших распоряжений на территории этой колонии и зависимых от нее земель звание французского гражданина не будет предоставляться никому, кроме Белых. Никакое другое лицо не сможет носить это звание и исполнять функции либо должности, с ним сопряженные¹².

2 июля был запрещен въезд цветных на территорию метрополии. 19 февраля новый указ запрещал государственным чиновникам регистрировать браки между белым и негритянкой, и наоборот. Начался неуклонный упадок в жизнедеятельности острова. Не обошлось, разумеется,

и без жесткой чистки в рядах армии, откуда были устранены «нежелательные» элементы.

Константен-Франсуа Вольней, который по разным причинам заслужил при императоре репутацию «независимого», пытался помешать тому, что в его глазах знаменовало отход от принципов, провозглашенных Революцией. Этот человек был пропитан культурой «энциклопедистов», но он видел Америку вблизи, и это, наверное, перевесило. В Соединенных Штатах он видел противостояние двух «партий», профранцузской и проанглийской, и наблюдал, как положение на Антильских островах влияет на это противостояние. Вернувшись из Америки в 1798 году, Вольней оказался среди близких друзей Бонапарта. Однако его великолепный просветительский антиклерикализм восставал против сближения с католической церковью и Конкордата; его республиканская *forma mentis** отвращала его от самой идеи провозглашения Империи. Ранее из-за этой своей независимости он упустил шанс стать консулом вместе с Бонапартом. Это не помешало прагматику-императору заставить его, шаг за шагом, принять место в Сенате, звание «командора Почетного легиона» и, наконец, титул графа Империи. Император прямой дорогой двигался к победе буржуазии, а опорами для этой победы служили как отмена всеобщего избирательного права, так и возврат к рабству в колониях (английская модель). Вольней не спешил присоединяться к общему хору, наткнувшись на противоречие, которое вскоре выявится со всей очевидностью, между универсальной (а посему до крайности досадной) ценностью принципов 1789 года и практическими проявлениями господства того класса, который наконец-то вышел на авансцену. Этот класс спешил нажиться и не имел ни малейшего желания заигрывать с универсальными принципами, которым столькие дворяне («бывшие») оказались, как личности, привержены на заре эпохального перелома 1789 года, предвещавшего великое будущее.

* Образ мысли (лат.).

Итак, очевидно, что гигантские греко-римские «куклы» из ораторского и эмоционального арсенала якобинских политиков не могли долее существовать.

На самом деле «античный маскарад» этих революционеров Нового времени всегда казался неестественным. Превращая в банальность знаменитое суждение Маркса, Эдвард Халлетт Карр назвал эту тягу к классике «аномальной составляющей» политической культуры якобинцев¹³. В шестой главе «Святого семейства» Маркс и Энгельс вскрыли противоречие якобинского «классицизма»:

Какое колоссальное заблуждение — быть вынужденными признать и санкционировать в *правах человека* современное буржуазное общество, общество промышленности, всеобщей конкуренции, свободно преследующих свои цели частных интересов, анархии, самоотчужденной природной и духовной индивидуальности, — быть вынужденным признать и санкционировать все это и вместе с тем желать аннулировать вслед за тем в лице отдельных индивидуумов *жизненные проявления* этого общества и в то же время желать построить по *античному* образцу *политическую верхушку* этого общества!

Заблуждение это представляется трагическим, когда Сен-Жюст, в день своей казни, указывая на висящую в зале Консьержери большую доску с «*Декларацией прав человека*», с гордым чувством собственного достоинства произносит: «А все-таки создал это я». Именно на этой доске провозглашались *права человека*, который в такой же мере не может быть человеком античной республики, в какой его *экономические и промышленные* отношения не являются *античными*. /.../ Революция освободила буржуазное общество от феодальных оков и официально признала его, как ни старался терроризм принести это общество в жертву антично-политическому строю жизни. При *Директории* стремительно вырывается наружу и бьет ключом настоящая жизнь *буржуазного общества*.

Маркс и Энгельс усматривают как раз в недолговременных «стараниях» Террора основное усилие, направленное на то, чтобы сделать действенной античную демократию. Римский арсенал предается забвению, когда подходит к концу доминирование якобинцев: «Но как только новая

общественная формация сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина /.../, — пишет Маркс в своей работе «18 брюмера Луи Бонапарта» (1852). Очень скоро ключевые моменты самой революции (ее этапы, взлеты и падения, победы и поражения), а также расстановка сил в десятилетие, прошедшее с 1789 года до 18 брюмера, в свою очередь составят новые *мифы* и новый *язык*.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА ЛИБЕРАЛИЗМА

С пророческой прозорливостью приспособленец Барер, во время оно «Анакреонт гильотины», в дни, следовавшие за бонапартистским переворотом 18 брюмера, писал Бонапарту (7 фримера): «Революционные идеи устарели, реакционные — одиозны, остаются только идеи либеральные»¹. Барер, член Конвента и Комитета общественного спасения, не был, разумеется, ни умеренным, ни терпимым. Сейчас некоторые считают, что в период своего самого безудержного экстремизма он являлся английским шпионом². Это, однако, не предполагает, что он втайне питал какие-то либеральные склонности. Слова, которые он написал Бонапарту именно тогда, когда тот перешел Рубикон республиканской законности и пустился в авантюру, сопряженную с единоличной властью, были, вероятно, продиктованы оппортунизмом. Но и в самом деле, после длившейся 15 лет наполеоновской бури, либеральная «золотая середина» появилась на европейском горизонте как некий выход, предпочтительное решение. Парадокс заключался в том, что с Наполеоном сражались и победили его во имя «свободы», чему прежде всего способствовала либеральная Англия, которая потребовала, чтобы возвращающийся на трон Людовик XVIII подписал Хартию. Тем не менее во имя той же «свободы» оппозиционные движения, большей частью подпольные, нередко подвергавшиеся преследованиям и репрессиям, боролись против «нового» порядка, установившегося после победы союзников

над Бонапартом и изнурительного Венского конгресса, который увенчался созданием Священного союза, предложенного царем и поддержанного Пруссией и Австрией, без участия Англии.

Уже тогда обозначается сценарий, который, в большей степени или в меньшей, особенно при новом осложнении отношений во времена Второй империи, ляжет в основу расстановки сил в Европе: сближение Франции и Англии в противовес королю Пруссии и двум императорам, австрийскому и русскому. Священный союз, возникший из головы Александра I, уже отуманенной мистицизмом, несмотря на первоначальную характеристику, данную этому царю Меттернихом («напыщенное ничтожество»), привлек монархов, которые — вместе с Александром — контролировали половину континента, его центральную и восточную части. Документ, предложенный царем, гласил, что отношения между монархами должны строиться на основе «высших истин, которым учит нас Священная Религия Нашего Спасителя», и что отныне и впредь следует придерживаться принципов «справедливости, христианского милосердия, мира»; правители и народы входят в единую «христианскую нацию», а три монарха, заключившие Союз, обязуются быть «отцами» для своих подданных. Будучи предложен монархом, который одновременно являлся самым авторитетным представителем православной веры, этот документ, как и последующий договор, не мог получить одобрения Римского папы: тот, хотя и пострадал непосредственно от неудержимой агрессии Бонапарта, был одним из немногих глав государств, которые не вошли в Священный союз.

Принципы его были сформулированы так, как будто конфессиональные расколы, все еще ставившие барьеры между европейскими государствами, были уже преодолены. Единственным католическим государем, который внес свой вклад (по правде говоря, довольно скромный) в падение Наполеона, был император Австрии. Остальные трое принадлежали к англиканской, лютеранской, право-

славной церквям. Кроме того, даже отношение членов этого необычного, «экуменического» (в том, что касается вероисповедания) Союза к революционной Франции, а потом к Бонапарту вовсе не было последовательным; что уж говорить о немецких князьях (вроде правящих династий Бадена или Вюртемберга), которые были органично связаны с императором французов. Вся рейнская область Германии взидала на него с симпатией. Король Пруссии в апреле 1797 года даже заключил мир с Французской республикой, во главе которой тогда стояли большей частью цареубийцы: «Базельский мир», лишивший антифранцузскую коалицию важнейшего союзника. Сам царь в Тильзите (1807) заключил с «узурпатором» Бонапартом — к ужасу толп *émigrés**, наводнивших салоны российской знати, — договор, который фактически санкционировал раздел Европы. С другой стороны, именно поход против России предрешил конец военно-политической авантюры Бонапарта.

Всегда несгибаемая, без малейшего снисхождения, всегда готовая к войне, в одиночку или в союзе с другими, Англия проводила неизменно враждебную политику. Ее секретные службы прославились неустанной работой по внедрению в революционную, затем имперскую Францию и подрыву ее внутренней жизнедеятельности. Эта постоянная угроза, эта политика, проводившаяся с беспримерной отвагой, вплоть до таких доблестных «побед» *intelligence****, как вербовка выдающихся генералов (или, в случае Барера, видных политических деятелей, имеющих доступ к важным и секретным делам), решительно способствовала тому, чтобы во Франции, республиканской, а затем и имперской, установился полицейский, репрессивный режим. Большая часть рапортов, которые Фуше, а потом и сменивший его Савари ежедневно направляли императору, касалась деятельности английских шпионов, их обнаружению и возможной ликвидации.

* Эмигрантов (*фр.*).

** Разведывательной службы (*англ.*).

В общем, можно понять, несмотря на впечатление гротескного анахронизма, почему Александр I, пытаясь найти общую почву, на которой сошлись бы ради стабильного будущего монархи и князья, так или иначе принимавшие участие в борьбе с Бонапартом, победоносной в конечном итоге, не нашел ничего лучшего, чем модель воображаемой всеевропейской «христианской нации», а в качестве связующей идеологии не мог предложить ничего иного, кроме «Священной Религии Нашего Спасителя». Но неприсоединение к Союзу с одной стороны Папы, а с другой — Англии тут же дало ему понять, что Европа не является единой общностью даже и с такой точки зрения.

Англия, если можно так выразиться, «мариновала» у себя, дабы посадить на трон, брата казненного короля, графа Прованского, который, возвратившись после первого отречения Наполеона, принял титул Людовика XVIII (Louis le désiré*, как его тогда называли) — человека, которого даже сам Мирабо охотно посадил бы на трон (он был воспитан на Вольтере и просветителях). И, несмотря на тучи шуанов, émigrés, крайних реакционеров, фанатиков и мошенников, которые составляли пеструю и буйную общину французской эмиграции в Лондоне, из чьих интриг Людовик ловко выпутывался, именно по выбору и решению англичан форма государственного управления, установленная во Франции после Бонапарта, строилась по модели конституционной монархии, хотя и весьма консервативной (с *крайне*, до смехотворного, усеченным избирательным правом). Такое явное вмешательство, когда победитель навязывает побежденному политическую систему управления (исходя из того, что предыдущая политическая система была *mal labes*** и к тому же источником конфликта), было в Европе опробовано еще спартамцами, которые в 404 году до н. э., после поражения Афин, заставили афинских граждан принять крайне олигархическое правление.

* Людовик Желанный (фр.).

** Началом бедствий (лат.).

Аналогично в последние месяцы Первой мировой войны, когда Германия уже была поставлена на колени, Вильсон лично потребовал, чтобы кайзер назначил рейхсканцлером умеренно либерального князя Макса фон Бадена. В том же духе Англия в лице Каслри, Веллингтона и герцога Ливерпуля навязала Франции «карикатуру» на английский либерализм, как единственно допустимую форму правления. И эти две державы стали ближе друг к другу, чем к трем монархам, заключившим Священный союз. Разумеется, Англия не вела на протяжении 20 лет непрекращающуюся войну против Франции с единственной целью утвердить превосходство английской конституционной модели (перед которой преклонялись Бёрк и другие теоретики) над впадающим в крайности якобинством и еще более крайним интервентизмом Наполеона. С того самого момента, когда войска, набранные Революцией в дни наивысшей опасности, смяли ряды профессиональных армий *ancien régime*, истинной проблемой английского правительства был панический страх, боязнь того, что на континенте возродится, в доселе невиданных и куда более опасных формах, та французская гегемония, какая существовала при Ришелье и Людовике XIV. Отсюда и упорство, и неразборчивость в выборе союзников, включая султана «неверных», которому Нельсон помог во время французской экспедиции в Египет; затем, на Венском конгрессе, англичане поддержали его, когда был поднят весьма щекотливый вопрос, предоставлять ли свободу грекам, угнетаемым Османской империей.

Но хорошо известно, что пропаганда победителя по меньшей мере столь же действенна, как и его оружие. Для традиции умеренных, как в Англии, так и на континенте, победа над Бонапартом венчала собой справедливую борьбу против «тирана», а значит, за «свободу» (слово «демократия» тогда не жаловали, оно еще не составило, как это случится во времена антикоммунистической пропаганды, устойчивого синонимического сочетания со «свободой»).

Возвращение Бонапарта с Эльбы возродило панику; доблестный Людовик XVIII сбежал в Гент и там, трясаясь от страха в окружении разных Шатобрианов, дожидался удобного случая, чтобы вернуться. Но второе прибытие, вторая реставрация оказалась более жестокой и свирепой; «белый террор» (бессмысленное убийство маршала Нея было лишь самым известным из его эпизодов) ничем не уступал предшествующим «террорам»: якобинскому, а потом термидорианскому против якобинцев (им-то их противники весьма ловко и прилепили ярлык «террористов»). В очерке, к которому мы еще вернемся, Морис Дюверже писал:

Крайне правые начинают истреблять противников позже и с большей умеренностью. Но они это делают более регулярно и в более широких масштабах. Не зря репрессии роялистов против либералов после Ста дней называются «белым террором». Они коснулись прежде всего юга Франции: наполеоновских солдат убивали на улицах Марселя и Нима; маршал Брюн был убит в Авиньоне, многие протестанты в Гарде, сотни людей — в городах и селениях Средиземноморского побережья. Начав с Тулузы, ультра-роялисты, связанные с герцогом Ангулемским, распространили убийства и казни на многие департаменты. По приговору правительства были расстреляны генерал Ла Бедойер, братья Фоше, маршал Ней и т. д.³

Можно было бы сказать, что либерализм вступил в свою «кровавую» фазу. Ирония, правда, была бы чересчур зловещей. На самом деле от либерального впечатления, пусть бледного, какой носила первая реставрация, не осталось практически ничего, кроме Хартии, на которую все меньше оглядывались, особенно в области, излюбленной еще сохранившимися представителями либеральных элит — о ней мы поговорим чуть позже, — в области «liberté de la presse» (свободы печати).

Поэтому изрядно изумляешься, читая в «священном» для либералов XIX века тексте, «La liberté des Anciens comparée à celle des Modernes» [«Свобода Древних в сравнении со свободой Новых»] (эту речь произнес Бенжамен

Констан в Королевском атенеуме в 1819 году), следующие слова:

Поскольку наша счастливая революция (я зову ее счастливой, несмотря на эксцессы, делая упор на ее результатах) позволяет нам пользоваться благами представительного правления, было бы интересно и полезно постараться понять, почему о таком типе правления, единственном, при котором *было бы возможно/pousser puissions/сегодня обрести хоть немного свободы* и мира, практически не знали свободные народы древности⁴.

Эта формулировка стоит в самом начале, на второй странице знаменитой брошюры. Прежде всего из этого вступительного заявления следует, что, по мнению автора, Франция при второй реставрации (дело, конечно, происходит в месяцы, предшествующие убийству герцога Беррийского, которое вызвало ужесточение полицейского надзора) — это страна, пользующаяся «миром и свободой» в рамках лучшей из всех возможных конституционной модели, то есть «представительного государства». Другой вывод, который напрашивается при чтении этих строк, следующий: для автора существует некая преемственность между «нашей счастливой революцией» и Хартией Людовика XVIII, за исключением того, что революция допустила «эксцессы», которые, впрочем, можно поставить в скобки. Эксцессы, которые клонились как раз к тому, чтобы «заставить Францию воспользоваться этим благом — *pouvoir social** — для нее нежеланным»: то есть к насильственному принятию античной модели свободы. Значит, и Бонапарт озарен этим светом представительного правления? Имея в виду взлеты и падения, наблюдавшиеся в отношениях Констан с императором, об этом не так легко судить. Антибонапартизм мадам де Сталь, несомненно, лежит в основе «Духа завоевания и узурпации» (1814); верно также и то, что во время Ста дней Констан поддерживал Бонапарта и даже,

* Силой общества (фр.).

как член Государственного Совета, явился автором «Acte additionel aux Constitutions de l'Empire» [«Дополнительный акт к Конституциям Империи»]. Но в предшествующие месяцы, во время первой реставрации, он взял на себя задачу составить проект конституции, который лег в основу Сент-Уэнской декларации (3 мая 1814 года) и «Учредительной Хартии» нового монарха, опубликованной 4 июня. Таким образом, события этих бурных лет для Констана были ознаменованы тем, что среди различных инцидентов, эксцессов и отклонений мало-помалу выявлялась магистральная линия: учреждение «конституционного правительства», то есть «свободы новых».

Последовательность наблюдается и в его парламентской деятельности. Ополчившись на «тирана», вернувшегося в отчизну, он витийствует в «Journal des débats» [«Газета политических и литературных дебатов»] 19 марта 1815 года. Ему не удастся сесть на корабль в Нанте и укрыться за границей; тогда он предпринимает все усилия, чтобы встретиться с «тираном» в Тюильри 14 апреля; сраженный магнетизмом возрожденного к жизни императора, соглашается войти в Государственный совет; пишет для него «Acte additionel»; но уже в 1818 году выставляет свою кандидатуру на выборах; через год, как раз во время «Свободы Древних в сравнении со свободой Новых», его избирают депутатом от Сарты. Он будет избран еще на два парламентских срока (1824–1827; 1827–1830); успеет стать свидетелем Июльской революции и удостоится 8 декабря 1830 года «всенародных» похорон, которые выльются в подлинный апофеоз. Что же это иное, если не последовательность?

На выборах 1818 года электорат состоял из 88 тыс. человек. Но для либералов типа Констана истинной целью было не расширение избирательного права (понятное дело, что они не выдвигали таких «экстремистских» предложений, как всеобщее избирательное право, на тот момент утвержденное одной лишь эфемерной конституцией II года), а «liberté de la presse». Печать — основное, драгоценней-

шее средство, с помощью которого боевое парламентское меньшинство при совершенно нежизнеспособной парламентской системе, которую все тем не менее величают «свободным режимом», может заставить услышать себя. Кон-стан сражался на стороне «Независимых»: эта группировка (партия — неподходящее слово для эпохи, когда электорат, зависящий от имущественного ценза, столь узок) считалась «крайней», то есть откровенно либеральной. В нее влились «республиканцы» (определяемые *tout court** как якобинцы) и бонапартисты, которые только путем такой упрощенной идентификации с данной группировкой могли участвовать в политической борьбе. Не надо забывать, что и им приходилось добиваться избрания в рамках столь неприкрыто цензового и олигархического механизма. Им не так легко было маскироваться, к тому же их парламентская деятельность постоянно находилась под наблюдением. Вскоре мы узнаем о зловключениях — вплоть до ареста прямо в зале заседаний за «восхваление террора»! — выпавших на долю честнейшего Жака-Антуана Манюэля, всюду почитаемого, но для властей — не более чем тайного якобинца. В те годы «либерал» безоговорочно приравнивался к «революционеру», с точки зрения правительств, международной реакции, Священного союза, с одной стороны, и Четверного союза (включавшего также Англию) — с другой. В то же время не удивительно, что некоторые слова оказались под запретом: таким образом, всякий «революционер», всякий «демократ» определял себя попросту «либералом». Половинчатая позиция между признанием перемен, «жесточких реплик» истории и «маскировкой». Впрочем, нечто подобное произошло на нашем континенте и в момент общего сдвига вправо, последовавшего за окончанием советского эксперимента: силы, проявившие себя в период этих волнений, наметили себе такой горизонт, заговорили таким языком, что им оставалось только определить себя как «либералов».

* Для краткости (*фр.*).

История Жака-Антуана Манюэля симптоматична и заслуживает упоминания. Он родился в 1775 году; в 17 лет, как раз в 1793-м, завербовался в республиканские войска и участвовал в кампаниях тех лет вплоть до Кампоформио; затем избрал карьеру адвоката и играл видную роль в Палате представителей во время Ста дней. Он был вновь избран в Палату в 1817 году и, несмотря на яростное сопротивление противников и козни правительства, переизбирался снова и снова, вплоть до своего драматического изгнания из Парламента с помощью жандармов 3 марта 1823 года. На приказ, прозвучавший в стенах Парламента: «Gendarmes, empoignez M. Manuel»*, — мужественный депутат ответил, обращаясь к жандарму, стоявшему рядом: «Этого довольно, сударь, я готов следовать за вами», — и позволил схватить себя за руку, дабы показать, что его силой изгоняют из Парламента. Что за преступление он совершил? Один его восторженный биограф пишет, что Манюэль взял на себя «почетную задачу защищать Революцию от беспардонных, несправедливых нападков, каким она постоянно подвергалась с парламентской трибуны. Многие депутаты не решались отвечать на эти нападки, боясь, что их слова сочтут защитой эксцессов, запятнавших ту эпоху». Манюэль, напротив, прилагал все усилия, чтобы «доказать, сколь несомненно и невероятно полезными оказались в своем большинстве результаты Революции»; и призывал «обуздать поток инвектив, который изливался отовсюду с подлинно контрреволюционным пылом»⁵. Таким образом, преследовались как историографические, так и политические цели. Суд над Революцией, выносящий ей суровый приговор (в стиле де Местра и его «Les bienfaits de la Révolution» [«Благодеяния революции»]), шел полным ходом на волне военно-политической победы союзных держав и международной реакции; стало быть, пересмотр итогов революции в ее защиту имел двоякую природу. Доводы, которые следовало опровергнуть, были такие же,

* «Жандармы, арестуйте г-на Манюэля» (фр.).

какие мы слышали в конце XX века: список «преступлений», «черная книга».

Поводом для выдворения Манюэля из Парламента послужило то, что он наступил на большую мозоль, упомянув один из одиозных эпизодов Революции. Это произошло во время дискуссии по поводу испанской политики. Критикуя правительственный законопроект, Манюэль весьма откровенно высказался в адрес Фердинанда VII. Он предусмотрел возможность того, что этот король, оказавшийся узником, разделит (по полному праву, подразумевалось из речи) судьбу, какую вторжение коалиционных войск на территорию Франции уготовило Людовику XVI. Эти-то слова и привели в неистовство экстремистов. Но изгнание Манюэля имело неожиданный финал. «Левые» депутаты покинули зал с криками: «Мы все — Манюэль!» Огромная толпа встретила изгнанного депутата при выходе из Пале-Бурбон и с триумфом препроводила его до дома. Это было первое заметное, получившее огласку возвеличение Революции, охаянной победителями, в защиту которой левые силы, слишком податливые и покорные, либо вовсе не выступали, либо делали это весьма нерешительно. Таким образом, слова Констана о «нашей счастливой революции» свидетельствовали о немалой твердости духа.

Бодро издаваемые биографические труды и словари, хлынувшие потоком начиная с широкомасштабного предприятия братьев Мишо, затеянного в последние годы Империи, но в особенном изобилии расплодившиеся после того шока, каким явился много раз переизданный убийственный «Dictionnaire des girouettes» [«Словарь флюгеров»] (1815), были важным аспектом политической борьбы, разразившейся в период драматического и протяженного во времени конца Империи. То было подведение итогов, как с точки зрения историографии, так и в политическом плане. Появился и оказался востребован жанр биографий ныне живущих современников, где не только разоблачалось вероломство отдельных лиц, но и подбивался

баланс эпохи: двадцати пяти лет, которые изменили мир и лишь на первый, поверхностный взгляд завершились возвратом *ad primum**. Две самые авторитетные и распространенные серии, «*Biographie nouvelle des contemporains*» [«Новые биографии современников»] Арно и компании и «*Nouvelle biographie des contemporains*» Рабба, — первая была начата в 1820 году, а вторая в канун Июльской революции — преследуют одну и ту же цель: «спасти» Революцию и Империю: эти два широкомасштабных ревизионистских издания своей убедительностью и действенностью составляют яркий контраст *damnatio memoriae***, предпринятому победителями.

Discours préliminaire [Предисловие], без подписи, к «*Biographie nouvelle*» является «манифестом» этой историографической битвы. Симптоматично само начало: «Французская революция — самая великая эпоха в нашей истории, а возможно, и в истории Европы». От оценок издателей веет жирондистским духом (не совсем верна столь часто повторяемая мысль, что из всех «фракций» тех лет одни только жирондисты остались без последователей); основная идея состоит в том, что Реставрация не может не опираться на фундаментальные ценности, утвержденные Революцией:

Напрасно суд над Революцией, — пишет автор предисловия, возможно, Арно, — возобновлялся много раз, и напрасно длится, похоже, и по сей день. Защищая прошлые, отжившие интересы, адвокаты абсолютистского режима вынуждены со всем тщанием доказывать, что тот тип управления предполагал *свободу*: то есть сами они волей-неволей вышли на арену свободы, являя собой невероятное зрелище войска, ведущего осаду, которое вдруг присваивает себе цвета осажденных, дабы проникнуть в крепость.

Но, — продолжает он, — их опознали под чужим мундиром, ибо они не знали пароля: «Родина». И здесь автор

* К прошлому (лат.).

** Проклятию памяти (лат.).

предисловия использует самый сильный довод ревизионизма в защиту революции: Революция спасла нацию и возвеличила ее; она добилась этого потому, что смогла мобилизовать патриотизм масс, отождествлявших себя с республикой. И Манюэль, на которого так яростно нападали в парламенте, говорил своим критикам, что неверно было бы считать, будто доблесть в те годы проявляла исключительно армия*, и даже заставил своих противников признать, что патриотические войны Революции являются общенародным достоянием. (Так Великая Отечественная война отзывается в душах и является достоянием всех, или подавляющего большинства, в современной посткоммунистической России.)

Второе сильное место этого удивительного «Discours préliminaire» состоит в том, что автор его бросает взгляд не только на всю Европу, но и за ее пределы. Революция победила, несмотря на пережитое унижение, когда дважды за короткое время коалиционные войска вступали в Париж, потому что «наша политическая реформа 1789 года, против которой тщетно сражались коалиции, обреченные на поражение; которую напрасно презирают коалиции победившие, *была совсем недавно принята тремя народами юга* / имеется в виду Южная Америка /; ее ждут все остальные народы, она превращается в главное событие эпохи, отправной пункт, прототип новой цивилизации обоих полушарий». Знаменательно, что, признавая универсальную ценность принципов, утвержденных Революцией, и их удивительную способность к распространению, автор ни единым словом не упоминает прецедент Соединенных Штатов: перед нами не забывчивость, а оценка.

В заключительной части нашлось место для обширного рассуждения о «преступлениях». Но мысль здесь идет по кругу: автор «выгораживает» как Шарлотту Корде, так и монтаньяров, которые «кончали жизнь самоубийством перед военным трибуналом»; выдвигается смелый тезис,

* Имеется в виду армия противников революции. (Прим. перев.)

согласно которому «чтобы бороться с преступлением, добродетель порой бывает вынуждена приспособливаться к нему, использовать его методы»⁶. Вне всякого оправдания остаются «Робеспьеры, Кутоны, Мараты». Но и этого довольно. Можно сказать, что каждый шаг по пути к подлинной демократии сопровождается шагом в осознании великих, все еще живых, деяний Революции.

Разумеется, нелегко было сохранить последовательность среди стольких резких перемен. «Словарь флюгеров» (1815) одаривает Констана тремя «знаменами», или «флажками», соответственно числу «оборотов». Немного, по сравнению с двенадцатью у Талейрана, но все же достаточно. Этот перечень не был вольной школярской шуткой. Ожесточенные, мелочные придирки и нападки, какие он вызвал, свидетельствуют о том, что стрела попала в цель. «*Le censeur du Dictionnaire des girouettes, ou Les honnêtes gens vengés*» [«Цензор Словаря флюгеров, или Отмщение честных людей»], подписанный инициалами *C.D.* (Париж, сентябрь 1815; к тому времени уже вышло второе издание «Словаря») состоит из пары сотен страниц, множества изысканий и скудного количества фактов. Кроме того, самый сильный аргумент, приводимый цензором, заключается в том, что «в настоящий момент» Франции нужно одно лишь забвение.

В действительности, примкнув к новой авантюре Бонапарта, Констан составил не только «*Acte additionel*», но и «Манифест», который Наполеон хотел выпустить в собственную поддержку (неясно, кто бы стал его подписывать, кроме самого Констана). Наполеон просил составить этот документ 8 июня, но 11-го он уже отбыл на фронт, а через шесть дней произошла битва при Ватерлоо⁷. В таких случаях принято считать, что злополучный «органичный» интеллектуал подчиняется из духа подобострастия, или полагая, что у него нет иного выбора. В случае Констана, однако, мы имеем его дневник за эти дни, и под датой 8 июня читаем: «*Nous avons besoin d'une victoire. Manifest*

à faire. Il faut que se soit un morceau superbe. L'Europe en sera frappée, si elle n'est pas convertie»* 8. Эта последняя фраза — в тексте, написанном для себя самого, — недвусмысленно указывает на природу отношения Констана к возрождению Империи.

В том же 1815 году издатель Делоне выпустил *«Dictionnaire des Protées modernes, par un homme retiré du monde»* [*«Словарь современных Протеев, /составленный/ человеком, удалившимся от мира»*]; и здесь тоже «обороты» Констана попали под прицел, особенно в связи с уже упомянутой инвективой против Бонапарта по его возвращении с Эльбы. Здесь внимания заслуживает не столько легкомыслие публициста, всегда готового выдать «ses idées pour des principes, et ses rêveries pour des vérités»**, как пишет анонимный автор словаря, язвительно именуя Констана подлинной «tête à constitutions»***. Гораздо больший интерес представляет тот факт, что уже в статье от 19 марта 1815 года выражена суть речи, произнесенной в Королевском атенеуме в 1819 году. «На стороне короля, — пишет Констан, — конституционные свободы, безопасность, мир; на стороне Бонапарта — рабство /.../ Мы пользовались, при Людовике XVIII, представительным правлением: *то было самоуправление* /«мы сами управляли собой/». При Бонапарте нам навязжут правительство мамелюков, и т. д.».

Если отрешиться от оскорблений в адрес Бонапарта — чуть ниже он заклеен как Аттила и Чингиз-хан (а через несколько дней, когда Констан не успеет сбежать из Нанта, он станет поклоняться этому человеку и благодарить его за звание государственного советника) — самым важным пунктом является определение «свободного» режима, установленного Людовиком XVIII. Оно основывается на трех составляющих: «конституционные свободы», «пред-

* «Нам нужна победа. Написать манифест. Он должен быть великолепен. Он поразит Европу, если не обратит в нашу веру» (фр.).

** Свои идеи за основы, а свои мечты — за истины (фр.).

*** Голова, полная конституций (фр.).

ставительное управление», «самоуправление»; те же составляющие лежат в основе «свободы новых», воспеваемой в речи 1819 года.

Тут все становится ясным, даже конкретный вклад каждой из элегантных формулировок. В самом деле, взглянем на заключение: «Свобода должна состоять для нас в мирном пользовании личной независимостью». «Личная независимость» в действительности означает богатство. Это становится понятным из последней тирады, где Констан поет гимн преобладанию богатства над властью правительства:

Деньги — вот самый действенный способ обуздать деспотизм /.../. Применять к ним силу бесполезно: деньги прячутся или ускользают /.../. Кредит не имел для древних такого значения, как для нас. Их правительства были сильнее частных лиц. Наоборот, сегодня частные лица повсеместно сильнее политической власти. Богатство — сила, которую удобнее приложить к любым интересам, а, следовательно, более реальная: *ей подчиняются охотнее*. Власть угрожает, богатство платит. Можно отрешиться от власти, обманывая ее; но чтобы добиться милостей от богатства, *следует ему служить*. Получит ли оно в конце концов *преимущество*?⁹

В таких выражениях, как «подчиняются охотнее», «следует ему служить», «преимущество», как и вообще в перевороте отношений между «правительством» и «богатством» в пользу последнего, можно усмотреть характеристики общества, рождающегося на глазах у «новых», очень схожие с догадкой Маркса о структурном преобладании «капитала» в новых экономических отношениях. Общим для них обоих, как для Констана, так впоследствии для Маркса, является стремление «научно» описать конкретную ситуацию, схваченную в ее основных чертах; оба они далеки от проповеднического, морализирующего тона, свойственного тем, кто описывает не то, что существует, а то, что «должно существовать».

Заметим без излишнего педантизма, что и Констан «схематизирует» древних. В одном из немногих текстов,

посвященных политической экономии, — речи Демосфена «О симмориях» (датируемой серединой IV века до н. э.), представлена в точности такая же теория: «...что же касается денег, то в настоящее время надо оставить их на руках у владельцев, так как нигде в другом месте не будут они в лучшей сохранности /.../. Если же когда-нибудь наступит такая крайность, тогда они будут сами добровольно вносить их, и вы так получите их»* (28). Разумеется, это свидетельство не является решающим, его не стоит абсолютизировать или обобщать, но оно показывает, что отношения между слоями населения, рассматриваемые с точки зрения богатства, могли быть противоречивыми или нестабильными и в античном городе.

* Перевод С. И. Радига.

ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО: АКТ ПЕРВЫЙ

На заре представительной демократии в Европе два влиятельных голоса прозвучали, чтобы изначально поставить под сомнение и ее смысл, и ценность. Первое выступление, хорошо известное, автору которого адресовались упреки разного рода — в наивности, исторической недалековидности, врожденной склонности к «тоталитаризму» и т. п., — принадлежало Жан-Жаку Руссо, это уже упомянутая XV глава Третьей книги «Общественного договора» (1762). Предпосылкой его, как известно, является то, что «суверенитет не может быть *представляем* по той же самой причине, по какой не может быть отчуждаем». Нельзя не отметить тот факт, что по-французски *représentation* означает как «представительство» (политическое представительство, избранных депутатов), так и «представление». Суверенитет состоит в «общей воле, а воля никак не может быть представляема». Отсюда ставшая знаменитой пренебрежительная оценка английской представительной системы, действовавшей уже не одно десятилетие: «Английский народ считает себя свободным; он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов Парламента: как только они избраны — он раб, он ничто. Судя по тому применению, которое он дает своей свободе в краткие мгновения обладания ею, он вполне заслуживает того, чтобы он ее лишился»*. Доказатель-

* Перевод А. Д. Хаятина и В. С. Алексеева-Попова.

ством, если можно так выразиться, от противного, является для Руссо исторический прецедент античности: «В древних Республиках и даже в монархиях народ никогда не имел *Представителей*». Поражает тот факт, что Руссо не торопится обратить внимание на те жесткие пределы, какие «свободная» английская система ставила представительству, то есть ограниченность системы выборов в Палату общин; нет, Руссо ставит под сомнение представительство само по себе. Этот кажущийся парадокс экстремистского характера все же подчеркивает, с немалой дальновидностью, губительный эффект представительной системы: избранные представители превращаются — как мы сказали бы сейчас — в «политические круги» (к каким бы классам они первоначально ни принадлежали); они, по существу, отстраняются от интересов тех, кто их выдвинул на роль своих представителей; в решающие моменты они действуют как отдельный, самодовлеющий корпус. Руссо изобличает этот изначальный порок как в логических и философских, так и — хотя это и не так явственно — в юридических терминах. Перед нами, таким образом, — предупреждение, или отдаленное предвидение.

Второе «превентивное предостережение» было сформулировано Кондорсе в 1785 году, уже после Американской революции и в преддверии 1789 года. Его работа «*Essay sur l'application de l'analyse à la probabilité des décisions rendues à la pluralité des voix*» [«Очерк о применении анализа к вероятности решений, полученных от множественного голосования»] ставит под удар любую выборную процедуру, если только избиратели должны выбирать более чем из двух альтернатив. Согласно довольно известному парадоксу (о котором охотно забывают), со всей очевидностью оказывается невозможным получить значимый результат общего характера (или, как принято говорить, «переместить индивидуальные предпочтения в социальную область»)¹: иными словами, выбор одного человека из трех альтернатив, выраженный *последовательностью предпочтения* (A, B, C) поддается выражению и предстает значимым (господин x отдает предпочтение A перед B и

В перед *С*: это совершенно понятно); иное дело — сумма (или баланс) многих индивидуальных предпочтений такого рода. Схема, иллюстрирующая этот видимый парадокс, основана на трех возможностях выбора и трех «голосующих» (x, y, z).

Циклический порядок предпочтений:

x : ABC

y : BCA

z : CAB

Отсюда вытекает, что *А* преобладает над *В*, *В* преобладает над *С*, но *С* преобладает над *А*, поскольку если сравнить результат *С* непосредственно с результатом *А*, можно обнаружить, что *С* получил два предпочтения относительно *А*, в то время как *А* относительно *С* — только одно, от x . Около полувека тому назад экономист и математик Кеннет Арроу «открыл» парадокс Кондорсе и доказал теоремой, которую почему-то продолжают именовать «парадоксом», что при системах голосования по принципу большинства результат совершенно произволен: он зависит от *порядка* личных предпочтений, которые — по причинам, изложенным выше, — никак не «сливаются» в сколько-нибудь значимый «комплексный» результат².

Маловероятно, чтобы предупреждения Руссо как-то определили позицию законодателей, которые привели в действие чрезвычайно активный «механизм выборов», функционировавший в годы Революции. Напротив, они пытались в большинстве случаев — за исключением Конституции Робеспьера — внести *коррективы* в избирательное право. И ограничили его отдельными социальными группами.

Выборы, давшие жизнь Генеральным Штатам, собравшимся в мае 1789-го, были двухступенчатыми. Огромная масса французов в местечках и городах называла не избранных, но выборщиков. Все эти люди не могли высказаться иначе, как через посредство знаменитых «*cahiers de*

doléance»*. Означенные выборщики собрались в главном городе избирательного округа и выбрали одного (или нескольких) депутатов.

Конституцией 1791 года тоже была установлена двухступенчатая система: Учредительное Собрание, ее выработавшее, в основном приняло идею Сийеса, которая состояла в том, чтобы разделить все население на *активных* и *пассивных* граждан и исключить последних из собраний первого уровня. Кто же были эти пассивные граждане? Все, кто находился в положении «зависимости», а также слуги на жаловании. Были исключены и те, кто не вносил никакого прямого налога, или вносимый налог был ниже, чем эквивалент трехдневного заработка. Другие исключения касались уголовного кодекса. Разрыв с прошлым в подлинно демократическом смысле был утвержден Конституцией Робеспьера, принятой 24 июня 1793 года: она отменяла «непрямое» голосование и уничтожала цензовые и классовые ограничения на право голоса. Помимо всего прочего, Конвент упразднил саму должность «слуги». Эта Конституция так и не вступила в силу: акт отложили до окончания войны с агрессорами от Коалиции, но свержение Робеспьера и его казнь перечеркнули возможность создания единственной значимой предпосылки «демократии», то есть, введения всеобщего избирательного права. Все последующие Конституции, вплоть до Конституции 1848 года, устанавливали сильные ограничения права на голосование.

При первой Реставрации Хартия, о которой так радела либеральная Англия и которую «предоставил» стране Людовик XVIII, ставила условием для того, чтобы быть избирателем, 300 франков налога, а чтобы быть избранным — 1000 франков. Но основанная на столь жестком цензовом принципе модель не явилась новостью. Было заново предложено, в другой форме, то, что установил Бонапарт после 18 брюмера. В 1814 году был узаконен произошедший в 1799 году переворот в пользу классового

* Тетрадей жалоб (фр.).

расслоения (еще более обозначившегося в 1814-м). В самом деле, согласно избирательной системе, утвержденной после 18 брюмера, граждане на кантональных собраниях избирают «кандидатов-выборщиков» (sic) из шестисот наиболее крупных налогоплательщиков (знаменитые списки 600 — лиц, которые впоследствии станут «grands notables»* Империи). Кандидаты-выборщики, в свою очередь, собираются на ассамблеях *департаментов*, но выбирают все-таки еще не депутатов, а «кандидатов в депутаты», из которых первый консул отбирает «представителей нации». «Act additionel», выпущенный во время Ста дней и составленный учителем свободы Бенжаменом Констаном, вновь предлагал в точности то же самое безобразие.

Закон от 5 февраля 1817 года не слишком отличался от избирательной системы 1814-го, разве только вся процедура выборов препоручалась заботам префектов. Закон, принятый в мае 1820 года, усугубил положение вещей, введя механизм двойного голосования. Результатом явилась семилетняя Палата, поддерживавшая министра Виллеля, разрешившая религиозные конгрегации, голосовавшая за вторжение в Испанию и изгнавшая Манюэля с парламентской скамьи. И все же Палата, избранная такими методами, проголосовала (221 голосом) за свержение Карла X. Очередной шаг к демократии был сделан с баррикад — три дня боев, начиная с 29 июля 1830 года, — но в выигрыше вновь оказались люди состоятельные. Закон от 19 апреля 1831 года гласил, что избирателем может стать лишь тот, кто платит 200 франков «прямого» налога; членам Французского института и офицерам армии и флота предоставлялась скидка в 50%. Отметим, чтобы показать масштаб подобных ограничений, что, как правило, преподаватели провинциальных гуманитарных факультетов, именно по причине ценза, оставались за пределами электората. Был случай, когда один только привратник факультета платил соответствующий налог и пользовался избирательным правом.

* Вельможи, именитые лица (фр.).

Исследователи избирательного механизма, основанного на цензе, всегда обращают внимание на самый подлый из его аспектов: куплю-продажу голосов. Депутаты покупали избирателей, а власть покупала депутатов, говорят они. Это — реалистический образ избирательной практики, бытовавшей во время Июльской монархии, которая представляла собой неоспоримое царство денег. При Гизо, как никогда, движимое имущество с неимоверной быстротой меняло хозяев. Но этот порок, превращение голоса в товар, появился раньше. Статья 32 Конституции III года (вступившей в силу 25 сентября 1795-го), гласит: «Всякий гражданин, изблеченный в установленном законом порядке в продаже или покупке избирательного голоса, исключается из состава съезда избирателей для избрания выборщиков и лишается всех публичных функций сроком на десять лет; в случае повторения этого он лишается этих прав навсегда». Следовательно, такое явление существовало, иначе наказание за него не имело бы смысла. Стоит отметить возникновение — когда практика купли-продажи голосов распространилась и на другие системы, основанные на всеобщем голосовании (более или менее «корректном»), — теорий, защищающих подобную практику как частный случай победы «рынка» во всемирном масштабе, которую воспевают либеральная мысль, одержавшая новую победу. Они аналогичны теориям, защищающим проституцию во имя права торговать собственным телом; если следовать логике, то такие теории неизбежно распространятся и на куплю-продажу органов (что до цен, то тут все решает «рынок»; и будет «логично», если такая торговля коснется прежде всего так называемого третьего мира); «логическим» завершением подобного теоретизирования будет предоставление «права» продавать в рабство себя (или несовершеннолетнего, который пока еще недееспособен). Противоядием от означенных перегибов пусть послужит формулировка отца «либерализма», о котором в данном случае забыли его верные эпигоны, барона де Монтескье: «Свобода может заключаться лишь в том, чтобы

иметь возможность делать то, чего должно хотеть»; условие такой свободы — развивать его можно в различных направлениях, включая социальную справедливость — состоит в том, чтобы «не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть» («Esprit des lois» [«Дух законов»], книга XI, глава 3). В том же смысле и Робеспьер написал в своей «Декларации прав», что свобода состоит, разумеется, в возможности располагать собой, но «определяется справедливостью».

Взгляд на эволюцию Англии в тот же самый период времени показывает, что и там развитие промышленности и обусловленный этим самым развитием численный рост населения, занятого на фабриках или тяготеющего к фабрикам, с одной стороны, и, с другой стороны, борьба за более широкие права, как политические, так и социальные, идут рука об руку. В этих двух странах, которые после «переустройства» Европы, узаконенного Венским конгрессом, находились в самом тесном контакте и наивысшей гармонии, наметилось противостояние либерализма и демократии, красной нитью прошедшее через весь XIX век; причем под либерализмом понималось не абстрактное, а вполне животворное утверждение абсолютных принципов, конкретная деятельность имущих слоев, с помощью ограничений избирательного права решительно вставших на защиту своих социальных привилегий.

Термин «демократия» становится расплывчатым, как никогда. До 1848 года его одушевляют многие идеи, от передовых либеральных (носителями которых были бывшие или тайные якобинцы) до социалистических, в их новых, далеко идущих проявлениях (от Бабёфа к Буонарроти и к Прудону, если наметить одну только французскую линию; в Англии же как основную составляющую демократического движения следует вспомнить идеи чартистов и последователей Оуэна). После 1848 года расхождения станут очевидными, и будет неправомерно говорить о едином «демократическом» движении. Но до 1848 года общее определение

отвечает, в сущности, единой борьбе против откровенно цензовых режимов.

В Англии эра Каннинга обозначила разрыв с консервативной политикой Каслри, хотя последний и привел свою страну к Четверному договору с тремя державами, входившими в Священный союз. Либеральный историк Герберт Альберт Фишер в третьем томе («Либеральный эксперимент») своей «Истории Европы» утешает себя по поводу политики Каслри:

Каслри, министр иностранных дел, который с триумфом провел страну через завершающую стадию наполеоновских войн, был заклеен соотечественниками как воплощение духа реакции и мракобесия. Но по сравнению с русским царем Александром и с Меттернихом английский *тори* предстает образцом либерального, просвещенного здравого смысла³.

Сколь бы ни были по праву достойны восхищения и способность английских *тори* к самоконтролю, и их приспособляемость к историческим переменам, и своеобразная непрерывность традиции, дожившей до наших дней, неоспоримым является тот факт, что раскол оказался неизбежен: из тех же самых *тори* выделились деятели передового либерального направления, нашедшие общий язык с партией *вигов*. Человеком, осуществившим такой поворот, был Каннинг, более всего прославивший себя некоторыми внешнеполитическими решениями. Он не присоединился к интервенции и оставил Англию в стороне от вмешательства в крайне запутанные испанские дела (сентябрь 1822-го и март 1823 года). В ноябре 1824 года он не пожелал, чтобы Англия участвовала в «европейских» постановлениях по восточному вопросу. В декабре того же года добился признания независимости испанских колоний. В следующем году признал независимость Бразилии. Отвечая на нападки в адрес своей южноамериканской политики, он заявил в Палате общин 12 декабря 1826 года: «Я позволил родиться Новому Свету, чтобы восстановить равновесие в Старом».

Казалось, будто смерть Каннинга (1828) остановила это развитие в направлении прогресса, но привнесенный им дух новизны не выветрился так скоро. В 1829 году под сильным давлением Ирландии был отменен ненавистный Test Act, или «Закон о присяге», согласно которому, чтобы занимать какой-либо государственный пост, нужно было принадлежать к государственной англиканской церкви. Движению английской политики к либерализму и на этот раз способствовала — если не вдохновила его — кампания борьбы за права религиозного меньшинства.

Тем временем достиг своей кульминации промышленный переворот, зримым символом которого явилась первая железная дорога (Манчестер — Ливерпуль, сентябрь 1830). С неуклонным развитием капиталистических фабрик рушилось традиционное превосходство крупных землевладельцев-тори, которым избирательная система гарантировала также и преобладание в парламенте. Речь идет о так называемой системе «гнилых местечек». Мелкие городишки, вовсе обезлюдевшие или насчитывавшие какую-нибудь горстку избирателей, из-за абсурдного, несправедливого деления на избирательные округа направляли в Палату общин больше представителей, чем густонаселенные города с высоким уровнем промышленного производства. Толчок к реформе избирательной системы был дан новым монархом, взошедшим на престол в 1830 году, Вильгельмом IV, который симпатизировал вигам. Впервые образовалось правительство, состоящее из либеральных тори и вигов; во главе его встал Чарльз Грей. События, происходившие по ту сторону Ла-Манша, повлияли на принятие столь непростого решения. Уступка в вопросе по закону о выборах означала для крыла несгибаемых тори, по-прежнему имевших явное преобладание, крайне значительное ослабление их власти. Поэтому Палата лордов определенно заблокировала бы реформу. Но в июле в Париже неожиданно вспыхнула революция, и это убедило пэров смягчить позицию, ибо неуступчивость в данном вопросе могла бы вызвать волнения и мятежи и в Англии тоже. Избирательная реформа

была окончательно одобрена в апреле 1832 года. Речь, конечно, не шла о всеобщем избирательном праве, которое казалось ересью даже в 1861 году Джону Стюарту Миллю («Рассуждения о представительном управлении»), но монополия богачей на места в парламенте была подорвана: в Палату общин проник «дозор» радикалов.

В 1833 году Палата общин утвердила первый закон о работе на фабриках. Было запрещено использовать на фабрике труд детей моложе девяти лет (кроме фабрик, где обрабатывался шелк!), а для детей старше девяти лет была установлена максимальная продолжительность рабочего дня. Эта карикатура на социальное законодательство верно отражает основную черту «манчестерского» капитализма: его способность *вовлекать подавляющую часть городского населения в производственный цикл*, «заражать» все общество. Кратко и с поразительной убедительностью этот феномен описал Маркс в первой главе «Манифеста коммунистической партии» (февраль 1848):

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города /.../ и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни. /.../

Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала /.../ многочисленные /.../ производительные силы. /.../

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархального мастера в крупную фабрику /.../. Массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой армии унтер-офицеров и офицеров.

Все промежуточные классы *«опускаются в ряды пролетариата»*, частью оттого, что их маленького капитала недостаточно для ведения крупных промышленных предприятий и капитал не выдерживает конкуренции, частью потому, что их умения обесцениваются новыми методами производства. *Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения.* А во второй главе он изобличает одну

из самых лицемерных ипостасей господства буржуазии, прикрывающейся моралью «среднего класса»:

В совершенно развитом виде она /семья/ существует только для буржуазии; но она находит свое *дополнение* в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции. /.../ Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в *простые предметы торговли и рабочие инструменты*.

Очевидно, что речь здесь идет о массовом применении детского труда, которому реформы просвещенного правительства Грея поставили весьма хрупкий заслон.

Ясно, что подобный обзор, учитывая время и место его замысла и написания, сугубо реалистичен и содержит в себе практически неизбежный политический вывод: веру в сокрушительную силу всеобщего голосования, призванного расшатать этот общественный «порядок». Обзор стремительной пролетаризации общества на примере самой передовой страны в Европе (и в те времена единственной мировой державы), то есть Англии, чей опыт подтверждался и быстрой эволюцией в том же направлении «буржуазной» Франции Луи-Филиппа, мог иметь единственный логический вывод: не утопическую, но конкретную *программу*: немедленный захват политической власти огромным большинством населения, то есть именно завоевание *демократии*. В прикладных, «программных» частях «Манифеста» это ясно высказано в начале и в заключении второй главы («Пролетарии и коммунисты»):

Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям. У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. /.../ Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий: формирование пролетариата в класс, ниспровержение *господства буржуазии*, завоевание пролетариатом *политической власти*.

И совершенно недвусмысленно в заключении этой главы провозглашается, что «первым шагом» является «*завоевание демократии*». Такое завоевание станет предпосылкой для того, чтобы «вырвать» — благодаря «политическому господству» — «у буржуазии шаг за шагом весь капитал».

Все это самым несомненным образом означает, что целью как раз и является разрушение того преимущества, которое позволяет классу, господствующему, несмотря на свою малочисленность, над остальным обществом, удерживать политическую власть. Пролетариат (то есть, согласно достоверным данным за текущий период времени, преобладающее большинство населения, почти целиком вступившего на путь пролетаризации) должен «завоевать политическую власть», что принимается как синоним «завоевания демократии». Вот в чем значение равного избирательного права, и вот почему равное избирательное право вызывает такой ужас в противоположном лагере.

В момент написания «Манифеста» в феврале 1847 года Маркс не предвидит февральской революции в Париже. Было бы ошибкой перспективы услышать в этой маленькой книжке, чреватой будущим (но только не завтрашним днем) трубные звуки, предвещающие европейскую революцию. Как хорошо сказал Эрик Хобсбаум, «Коммунистический Манифест Маркса и Энгельса — объявление *будущей* войны против буржуазии, но на текущий момент — заключение союза, во всяком случае, это так для Германии»⁴. Хобсбаум напоминает, что в 1848 году именно рейнские промышленники предлагают блестящему тридцатилетнему публицисту Карлу Марксу возглавить их радикальный орган печати, «*Neue Rheinische Zeitung*» [«Новая Рейнская газета»]: «Он согласился и руководил газетой не только как коммунистическим органом, но и как рупором и проводником идей немецкого радикализма». Подобная риторика характерна для коммунистической агиографии, склонной к мистификациям и обобщениям задним числом. После февраля и после июня 1848 года Маркс пишет — и это очевидно — совсем не то, что в декабре 1847-го.

В политическом плане программа «Манифеста» — это программа поиска союзников, причем в широком диапазоне и без особой разборчивости, а вовсе не программа захвата власти. Вот почему целью является «завоевание демократии»: это — непосредственная, необходимая цель, достигнув которой, можно будет «вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал». Задача — добиться успеха на самом ближнем из фронтов, до которого рукой подать: обеспечить победу *большинства*, в уверенности, что оное большинство, благодаря конкретным действиям коммунистов, научится отличать свои интересы и цели от интересов и целей мизерного, но до сей поры всемогущего меньшинства, в открытую распоряжающегося более или менее ограниченным избирательным правом. Коммунисты должны сыграть важную роль в том, чтобы «пролетариат сформировался в класс», чтобы пролетаризированное большинство населения осознало себя как класс.

В соответствии с такой целью в «Манифесте» выражен всего один призыв: создавать *коалицию с другими силами*. «После того, что было сказано в разделе II, — так начинается IV и последняя глава под названием «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям», — само собой разумеется отношение коммунистов к сложившимся уже рабочим партиям»: «само собой» именно потому, что общей целью является «завоевание демократии» (и в этом состоит первостепенный интерес огромной пролетаризированной массы, а у коммунистов нет *собственных* интересов, они защищают «те же интересы пролетариата»). Вот почему это «само собой разумеется»: выражение резкое, почти надменное (*versteht sich von selbst*), Маркс добавляет, в качестве наглядного примера: «то есть, их отношение к чартистам в Англии и к сторонникам аграрной реформы в Северной Америке». Программа чартистов вся сконцентрирована на модификации жульнических избирательных механизмов, цензовых и мажоритарных. Вот их требования:

1. Всеобщее избирательное право для мужчин;

2. Пересчет бюллетеней в сомнительных случаях;

3. Ежегодное обновление парламента путем выборов (эмпирическое, весьма уязвимое для критики со стороны благонамеренных граждан, средство против серьезного, периодически возникающего недостатка, на который обратил внимание Руссо именно в отношении «английского народа»);

4. Отмена ценза для избираемых, чтобы неимущие тоже получили возможность быть избранными;

5. Стипендия для депутатов (требование явно дополняет предыдущее и имеет отдаленные корни в Афинах);

6. Равные избирательные округа (даже после ликвидации «гнилых местечек» фактическое положение вещей продолжало оставаться возмутительным и неблагоприятным для оппозиционных партий);

7. Пересмотр списка округов *после каждой переписи*.

Несомненно, что в этих требованиях заключена программа, направленная на завоевание сильного представительства в парламенте (если не большинства) через всеобщее и равное избирательное право.

Затем авторы «Манифеста» переходят к Франции, другой стране, которую они считают созревшей для «завоевания демократии». «Во Франции, — пишут они, — в борьбе против консервативной и радикальной буржуазии, коммунисты примыкают к социалистическо-демократической партии». В примечании к изданию 1888 года Энгельс объясняет, что понималось в 1847 году под французской «социал-демократической партией»: «Эта партия была тогда представлена в парламенте Ледрю-Ролленом, в литературе Луи Бланом, в ежедневной печати — газетой «Réforme». Потом добавляет: «Придуманным ими названием — социалистическо-демократическая — они обозначали ту часть демократической или республиканской партии, которая была более или менее окрашена в социалистический цвет». В предисловии к четвертому немецкому изданию (1890) Энгельс уточняет также, что они с Марксом приняли термин «коммунисты» для своего «Манифеста»,

потому что «социализм» уже означал скорее буржуазное движение; «коммунизм» же был распространен в рабочей среде: «социализм, по крайней мере, на континенте, был салонной доктриной, коммунизм — наоборот». Коротко говоря, в ту эпоху «социализм» был скорее философски-сентиментально-литературным термином; но уже начиная с Первого Интернационала, основанного в 1864 году, партии трудящихся стали называться социалистическими или социал-демократическими, хотя «Манифест» коммунистов продолжал считаться важным источником, а авторитет обоих его авторов оставался неоспоримым.

В Швейцарии /коммунисты/ поддерживают радикалов, не упуская, однако, из виду, что эта партия состоит из противоречивых элементов, частью из демократических социалистов во французском стиле, частью из радикальных буржуа. Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения. /.../ В Германии, поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мешанства.

Насколько далек был Маркс от того, чтобы предвидеть ближайший поворот событий, показывает следующий абзац: «На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции». Маркс уточняет, что означенная немецкая буржуазная революция разразится в условиях, когда пролетариат (немецкий) «более развит», чем был французский в 1789 году, а, следовательно, грядущая немецкая буржуазная революция «станет непосредственным прологом для революции пролетарской». Трудно столь капитально ошибиться в политических прогнозах. Революция, состоявшая из двух этапов, разразилась через несколько недель во Франции, и «пролетарская», вспыхнувшая в июне 1848 года, была подавлена «передовой» буржуазией. А в Германии либеральная революция рассеялась вместе с роспуском ассамблеи во Франкфурте, без какого-либо намека на «вторую

фазу». Прогноз состоял в том, что революция вспыхнет в «отсталой» стране (Германии), а во Франции и в Англии речь пойдет о завоевании демократии путем союза с уже сильными рабочими партиями, которые существуют в этих передовых капиталистических странах⁵.

Как известно, Марксу повезло в том смысле, что он мог и в теории, и на практике направлять крупное и долговременное политическое движение, то есть, все три «Интернационала»: Третий, несомненно, самый догматический из всех, сделал из него бессменного интерпретатора действительности, оценки которого неизменно воспринимались как высшая истина (даже когда действительность претерпела радикальные перемены). Это способствовало всемирному распространению трудов великого рейнского ученого (при Третьем Интернационале «Манифест» разошелся по всей планете в миллионах экземпляров на всех языках мира), но во многом затрудняет отстраненное от мифологии прочтение его текстов, особенно тех, на которых мы остановили свое внимание.

В них, что очевидно, обзор остается европейским (помимо беглого указания на не слишком известную партию сторонников аграрной реформы в Северной Америке). Европейский взгляд — наследие европейского распространения якобинства, которое присутствует и у Мадзини в 1834–1836 гг. — заявлен с первой строчки: «Призрак бродит по Европе». И подчеркнут кратким финальным перечнем, который с востока ограничен Польшей и игнорирует всю южную Европу, но с неким абстрактным универсалистским вывертом завершается знаменитым призывом к «пролетариям всех стран» «соединяться».

Победить на выборах через по-настоящему равное избирательное право. Это — программа. Все уверены в том, что равное избирательное право придаст непризнанному большинству соответствующий вес и соответствующую роль. Великим разочарованием явилось то, что ничего подобного не произошло.

22 февраля 1848 года Луи-Филипп и его не особенно прозорливый министр Гизо запретили грандиозный *банкет*, который оппозиция собиралась устроить в XII округе Парижа. «Банкеты» представляли собой род публичного протеста с целью подорвать цензовое избирательное законодательство, по существу, не отличавшееся от того, что содержалось в Хартии Людовика XVIII; такой вид протеста был широко распространен и направлен на модернизацию парламентской системы, не обязательно вне рамок конституционной монархии. Запрет вызвал восстание; 24-го столица была в руках повстанцев; на некоторых баррикадах появилось красное знамя. Его уже видели во время парижского восстания в июне 1832 года: начавшееся с похорон генерала Ламарка, восстание было вдохновлено более или менее бланкистской ассоциацией «Друзей народа» и увековечено выдающимся хронистом, Виктором Гюго в десятой книге IV части «Отверженных» (первое издание — Брюссель, 1862).

Назначение *in extremis* министром Тьера, а графа Парижского — новым монархом, объявленное уже превратившейся в анахронизм Палатой, избранной по цензовому принципу, было сметено толпой, которая провозгласила республиканско-социалистическое временное правительство: Ламартин, Ледрю-Роллен (союзник, «предсказанный» в «Манифесте»), Луи Блан и рабочий Мартен, по прозвищу Альбер. Впервые рабочий вошел в состав правительства.

Решение провозгласить республиканское правление было принято с готовностью. Оно, конечно, отразило мысли и чаяния новых лидеров и всей столицы. Инертность, которую в решающий момент выказала остальная Франция, привела к тому, что было принято первое неординарное решение: избрать Национальное учредительное собрание, но отложить выборы на несколько месяцев (голосование прошло 23 апреля 1848 года) в надежде добиться поддержки большинства из уже почти девяти миллионов избирателей. Это был первый опыт всеобщего голосования в Европе:

страна, наиболее развитая в конституционном плане, Англия, была в тот период времени еще очень от него далека. И сложилась парадоксальная ситуация. Можно было предположить, что люди, олицетворявшие «порядок», убоятся установления всеобщего избирательного права, которое станет первым шагом к социальной революции. Разве не предвидел Токвиль (в октябре 1847), что «политическая борьба вскоре будет проходить между теми, кто имеет, и теми, кто не имеет», а «великим полем битвы станет собственность», та самая собственность, которую даже Французская революция не осмелилась поставить под сомнение?⁶ Но все случилось наоборот. Именно революционеры, которые уже начали называть себя «красными», а также нео-якобинцы, вернувшиеся к названию «Гора», стали бояться выборов. Тем временем временное правительство пыталось проводить социальные реформы. И в 1789, и в 1830 году, борясь с безработицей, власти открывали *ateliers nationaux**, чтобы занять в них значительное число рабочих. Временное правительство повторило этот опыт. Министр общественных работ Александр Мари, который расценивал эту меру как способ уравновесить давление на правительство со стороны так называемых «люксембургских рабочих», принадлежал к умеренному крылу временного правительства. Неожиданным для умеренных стало то, что число принятых в «мастерские» чудовищно выросло за короткое время. Хотя речь шла об «авангарде».

Дважды, 17 марта и 16 апреля, массовые демонстрации рабочих (в глазах Ламартина, Мари, Кремье и прочих то были «беспорядки») пытались добиться того, чтобы выборы отложили. Напрасно. 23 апреля состоялось голосование. Историк Сеньобо, чей предок был тогда депутатом, воскрешает атмосферу ликования и общественного подъема (не выходящего, впрочем, за рамки), в которой проходили выборы⁷: «Приглашенные к определенному часу, избиратели из одного округа договаривались идти на участок все

* Национальные мастерские (*фр.*).

вместе, как призывники в день жеребьевки. Они прибывали в главный город кантона строем, часто со знаменами и под барабанный бой; во главе шли тогдашние «власти»: мэр и кюре». Этот первый опыт всеобщего голосования, — продолжает Сеньобо, — проходил в атмосфере «почти религиозного энтузиазма». Проголосовало 84% избирателей (около 8 млн человек): рекордный показатель, который во Франции не был достигнут ни разу в последующие века. Результат не оставлял места сомнениям. Из 900 избранных 450 принадлежали к умеренным республиканцам, 200 — к орлеанистам и 200 — к «социал-демократам». Прошло всего 26 депутатов из народа. Даже в Париже поражение было полным: Ламартин получил 260 тысяч голосов, Луи Блан — 121 тысячу.

Учредительное собрание приступило к работе 4 мая 1848 года. 15 мая, направляемые Бланки, Распеем, Барбесом, рабочие вторглись в зал заседаний, но были выдворены силой с помощью Национальной гвардии. Мотивом такого налета на только что избранный парламент якобы было стремление вернуть, хоть бы и путем вооруженной интервенции, свободу Польше; на самом деле то была попытка ввергнуть в кризис правительственную «Комиссию». На следующий день после неудавшегося восстания Блан и Альбер были вынуждены покинуть правительство; Луи Блану было предъявлено обвинение в том, что он заранее знал о готовящейся акции; в Палате по всем правилам прошло разбирательство и голосование (369 голосов «против» и 337 — «за»).

События 15 мая развивались бурно. 150 тыс. человек двигались к Парламенту с криками «Да здравствует Польша!», но, наводнив зал заседаний, стали требовать другого. Вожди — Бланки и Барбес, соревнуются в экстремизме. Барбес требует колоссального налога на богатство. К крикам, прославляющим Польшу, присоединяются здравицы в честь «Организации труда». Посреди хаоса Луи Юбер, видный представитель Société des droits de l'homme [Общество прав человека], неоднократно пытался объявить собрание

распущенным и утвердить новое правительство, список министров которого, составленный им самим, тут же прочел: Прудон, Леру, Консидеран, Бланки, Луи Блан и т. п. Правительство, состоящее из одних социалистов. Дважды в течение дня подвергнутый аресту, он в конце концов укрылся в доме своих друзей и, обрившись наголо, чтобы не быть узнанным, удрал в Лондон. Процесс, проходивший в Версале через год, вылился в тягостное сведение счетов между ним и его бывшими товарищами по партии.

Подавление стихийной демонстрации, превратившейся в пробу сил, заключало в себе полезный урок. Оно показало невозможность повторения пройденного. Демонстрация была попыткой заново разыграть сценарий 31 мая 1793 года, когда с подачи монтаньяров были арестованы прямо в Конвенте депутаты Жиронды, и к власти пришел Большой Комитет общественного спасения. События должны были развиваться так же: в тот раз 33 секции, где Гора составляла большинство, подготовили в ночь с 30 на 31 мая нападение на Конвент; и там жирондисты, разрозненные, охваченные страхом, оказавшиеся в меньшинстве из-за собственного отступничества, были разгромлены. В газетах того времени можно прочесть выразительные хроники этого то ли восстания, то ли переворота: «*Journal de Paris*» [«Парижская газета»] рассказывает, как по предложению Барера якобинцы пожелали, когда арест депутатов-жирондистов был уже предрешен, «посоветоваться с народом». Депутаты вышли к толпе восставших, скопившейся вокруг Конвента; услышав после утомительного заседания приветственные крики, они решили, что «воля народа» состоит в том, чтобы продолжить аресты. Первый, непосредственный вывод из событий 15 мая 1848 года был тот, что история не повторяется, что сценарий, один раз удавшийся, во второй раз ведет к поражению. На этот раз Ламартин (автор «*Histoire des Girondins*» [«История жирондистов»]) одержал победу над теми, кто хотел повторить переворот, осуществленный монтаньярами.

Восстание 23–24–25 июня 1848 года в Париже вспыхнуло по причине насильственного роспуска национальных мастерских, осуществленного, несмотря на соглашательские, «умиротворяющие» речи в Парламенте, такие как, например, речь Виктора Гюго; неудержимый рост этих «мастерских» еще более усилился после злополучных событий 15 мая. Временное правительство (уже в сокращенном составе) приняло чрезвычайные меры, такие как прекращение выдачи разрешений на въезд (внутренних паспортов) рабочим, которые хотели бы поменять место жительства или перебраться в Париж. Наибольший размах восстание приобрело в предместьях Сент-Антуан, Сент-Мартен, Темпл: клич строить баррикады подхватили около семи тысяч рабочих, собравшихся у колонны на площади Бастилии. «Исполнительная Комиссия» — такое название тогда носило правительство — подала в отставку, и Учредительное собрание передало всю полноту власти генералу Кавеньяку, сыну члена Конвента и цареубийцы Жана-Батиста Кавеньяка. Установилась диктатура: «Франция покорилась генералу, только чтобы не довериться монарху», — писал Бастед⁸. Подавление восстания поручено войскам; вместе с Кавеньяком ведут войну — войну по всем правилам — на Rive droit* и в Латинском квартале генералы Ламорсьер и Дамесм. Три генерала (Бреа, Дювивье, Негрье) были убиты в ходе самых ожесточенных боев, тех, что разгорелись за предместье Сент-Антуан. Осадное положение длилось и после того, как с восстанием было покончено; более четырех тысяч рабочих были без суда отправлены на каторгу в заокеанские колонии.

Это событие не было ни эфемерным, ни изолированным; его нельзя назвать яркой, но кратковременной, одиночной вспышкой. Токвиль в «Воспоминаниях о 1848–1849 годах» говорит о нем, как о «самом крупном восстании в нашей истории, а может, и в истории вообще». Более пронизательный, чем его соратники по политическому лагерю, Токвиль,

* Правом берегу (фр.).

не симпатизируя, разумеется, революции, понимает ее природу: то был не просто политический конфликт, а «борьба классов», прямое следствие всего того, о чем говорилось, что предлагалось в февральские дни. То была, можно сказать, классовая борьба в чистом виде, не только исходя из социально однородного состава повстанцев и явно антирабочей меры, которая спровоцировала выступление, но и по преимущественно стихийной и с организационной точки зрения импровизированной природе движения. Лидеры, во всяком случае наиболее видные, сидели на парламентских скамьях; они могли только плестись в хвосте событий, быть посредниками, не политическими руководителями. В июне 1848 года, как и двадцать лет спустя во время Коммуны, пролетариат идет на верную гибель, бросается в битву, заранее обреченную на поражение.

Когда бывший «умеренный» депутат Виктор Гюго пишет, уже в изгнании, свою эпопею «Отверженные», он относится к июньским дням по-прежнему сдержанно. Июньские события оказали на него немалое влияние: предоставив вместе с другими депутатами всю полноту власти Кавеньяку, но восстав впоследствии против Луи Бонапарта, Гюго посвящает размышлениям о восстании 1848 года целые страницы в начале V части романа, переходя к этой теме от антиорлеанистского восстания 1832 года (которое играет важную роль в развязке романа). Хорошо узнаваем тон этих размышлений, «plein de beautés et de bêtises»* по словам Бодлера, который прилепил Гюго кличку «Олимпио»⁹. Со своей стороны, Маркс так определил все, что Гюго писал и говорил в месяцы своей парламентской деятельности: «блестящие тирады старой луи-филипповской знаменитости, г-на Виктора Гюго»¹⁰.

Возмущение толпы, страдающей и обливаемой кровью, — пишет Виктор Гюго, — ее бессмысленный бунт против жизни и необходимости для нее же принципов, ее беззакония ведут к

* «полиых красот и глупостей» (фр.).

государственному перевороту и должны быть подавлены. Честный человек идет на это и, именно из любви к толпе, вступает с ней в борьбу. Но как он сочувствует ей, хотя и выступает против! Как уважает ее, хотя и дает ей отпор! Это один из редких случаев, когда, поступая справедливо, мы испытываем смущение и словно не решаемся довести дело до конца; мы упорствуем — это необходимо, но удовлетворенная совесть печальна; мы выполняем свой долг, а сердце щемит в груди.

Поспешим оговориться, — июнь 1848 года был событием исключительным, почти не поддающимся классификации в философии истории. Все слова, сказанные выше, надо взять обратно, когда речь идет об этом неслыханном мятеже, в котором сказалась священная ярость тружеников, взывающих о своих правах. Пришлось подавить мятеж, того требовал долг, так как мятеж угрожал Республике. Но что же в сущности представлял собой июнь 1848 года? Восстание народа против самого себя*.

После этого шедевра благопристойного лицемерия, необычного для него, Гюго пускается в виртуозное, можно сказать, эстетизирующее описание баррикады, воздвигнутой в июньские дни в предместье Сент-Антуан, с жаром утверждая, доказывая, что он видел все это своими глазами: «...те, кому довелось увидеть эти выросшие под ясным голубым июньским небом грозные творения гражданской войны, никогда их не забудут». С незаурядной интуицией он усматривает в наслоениях предметов, из которых состоит баррикада, историко-геологическую аккумуляцию всех предшествующих революций, от 1789-го до 1848 года: «...баррикада имела право возникнуть на том самом месте, где исчезла Бастилия». И не перестает, на протяжении нескончаемых страниц, которые он посвящает ее описанию, одновременно принижать и восхвалять ее: «...то была куча отбросов, и то был Синай!» Но все же идет напролом: нападает на революцию во имя революции. «Эта баррикада, порождение беспорядка, смятения, случайности, недоразумения, неведения, восстала против Учредительного собрания,

* Здесь и далее перевод V части «Отверженных» В. Гюго М. В. Вахтеровой.

верховой власти народа, всеобщего избирательного права, против нации, против Республики: Карманьола вызвала на бой Марсельезу».

Всеобщее избирательное право, в самом деле. Первое горькое разочарование на этой почве постигло как раз душителя революции Кавеньяка 10 декабря 1848 года, во время выборов президента Республики. Несмотря на такое преимущество в глазах умеренного большинства, как роль спасителя отечества, и несмотря на выгодную позицию, какую он занимал, будучи председателем Совета министров (вплоть до самых выборов), Кавеньяк получил всего лишь 1448 тысяч голосов против 5434 тысяч, отданных принцу Луи Бонапарту, который уже готовил свой рывок к бонапартистской империи.

ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО: АКТ ВТОРОЙ

«О общеизвестно, что представляли собой выборы 10 декабря 1848 года, — читаем в «Grand Dictionnaire» [«Большой словарь»] Пьера Ларусса, — Некий trombe populaire* вырвал из деревень миллионы жителей и заставил их кружиться вокруг избирательных урн, сжимая в руках бюллетени, где было отчеркнуто одно-единственное имя» (III, 637). Возникает неизбежный вопрос: каким образом был достигнут консенсус? Причины триумфального избрания Луи Бонапарта коренились глубоко, но в то же время намечалось формирование специфически новых черт внутри социально-политического сценария «демократии».

В 1848 году Луи Бонапарту исполнилось сорок лет, и за плечами у него был порядочный политический опыт. В левой культуре сложилась традиция противопоставлять «Великого» и Третьего Наполеонов, подчеркивать, что между ними пролегает пропасть. В каком-то месте «Тюремных тетрадей» Антонио Грамши определяет, весьма схематично, различие между «позитивным» и «негативным» цезаризмом: первый, к примеру, воплощен в первом Наполеоне, второй — в Наполеоне III¹. На самом деле основная черта «бонапартизма» — то есть политика межклассового сотрудничества, демагогическая, обольстительная, почти неотразимая, опирающаяся на наименее политизированные массы и в то же время надежно привязанная к имущим

* Народный смерч (фр.).

слоям, — присутствовала уже и у первого «императора французов». От резкого сужения избирательного права до восстановления рабства, от создания новой прослойки нотаблей до железной цензуры — все это было в Первой империи, даже начиная с 18 брюмера. Резкому противопоставлению Первого Наполеона Третьему способствовал, несомненно, и презрительный тон памфлетов, направленных против Луи Бонапарта: от «Наполеона Малого» Виктора Гюго до «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркса.

Под всем этим, в конце концов, была сокрыта суть: рождение, причем преждевременное, из самого лона революции так называемого «третьего пути» между демократией и реакцией, то есть бонапартизма, который в действительности представляет собой не что иное, как «второй путь» (реакцию) в ее современных, псевдореволюционных формах. В XX веке этот путь продолжил фашизм в различных его ипостасях (европейской, южноамериканской и т. д.). А образцом для всех этих форм послужил «цезаризм». Этот образец у обоих Наполеонов, Первого и Третьего, превращается просто в навязчивую идею, даже в области литературы: ведь оба явились авторами интереснейших работ о Юлии Цезаре, которого тот и другой рассматривали как архетип и объект для сопоставления (при необходимости и для противопоставления). Так удивит ли нас, если мы вспомним, что второразрядный французский публицист 1930-х годов Огюст Байи — он писал, когда Муссолини пользовался наибольшим влиянием (1932), а Гитлер еще не стал канцлером, — определяя в обзорной статье о Юлии Цезаре тот режим, какой император пытался установить, прибегнул к формуле «демократический фашизм».

Воспользовавшись весьма поучительным опытом своего знаменитого родича, Луи Бонапарт после того, как провалились попытки путча в 1836 и 1840 годах (тогда имущие не нуждались в нем, поскольку Луи-Филипп крепко удерживал власть), избрал ориентирами для своей деятельности три основных элемента: популизм, подчеркнуто почтительное отношение к католической церкви и тесный контакт

с экономически могущественными кругами, которые могли бы поддержать его вступление на политическое поприще.

В 1844 году, еще находясь под арестом после неудачной высадки в Булони, он написал книжицу под названием «Уничтожение бедности» («Extinction du paupérisme»), в которой объявил себя «другом» трудящихся классов. В этом труде Луи Бонапарт делает акцент на равновесии между сельским хозяйством и промышленностью; даже нападает на «дикий» капитализм, который, как «подлинный Сатурн, пожирает своих детей и живет не иначе, как за счет их смертей». В эпоху, когда рабочий день в промышленности длился двенадцать часов, все более безжалостно эксплуатировался труд несовершеннолетних, а по ту сторону Атлантики, в США, защитники рабства на плантациях приводили здравые доводы в пользу того, что такая архаическая форма зависимости куда более гуманна, чем неимоверная тяжесть фабричного труда, предложения нового Бонапарта казались весьма привлекательными, особенно в провинциях, в сельской местности. В частности, в книжке было предложено создать сельскохозяйственные общины для возделывания 9 млн гектаров целинных земель (таковы были данные официальной статистики). Такая огромная сеть аграрных колоний не только обеспечила бы пищей большое число бедных семей, но и могла бы стать прибежищем для масс безработных, отрешенных от производственного цикла по причине стагнации экономики (сильно ощутимой в те месяцы и продолжавшейся по меньшей мере до зимы 1848/49). Прибыли — и тут книжица становится истинным манифестом межклассового сотрудничества — должны быть поделены между работниками и работодателями. «В настоящее время, — писал Луи Бонапарт, — оплата труда зависит от случая и от силы. Хозяин угнетает, и, в качестве альтернативы, рабочий восстает». Вносилось следующее предложение: «Заработная плата устанавливается не на основании соотношения сил, а по справедливости, учитывая нужды тех, кто работает, и интересы тех, кто предоставляет работу». Вот в чем, — под-

черкивал автор, — должна заключаться цель эффективного правительства. «Победа христианства уничтожила рабство, победа Французской революции уничтожила привилегии; победа демократических идей уничтожит бедность»². Здесь, несомненно, чувствуется дыхание истории, стремление сделать краткий ее очерк основанием программы реформ.

Луи Бонапарт был такой же авантюрист, как и его предок, но ему не представился случай проявить военные таланты. А вот деньги он пытался делать самыми фантастическими способами, включая призыв к финансистам Старого и Нового Света предоставить средства для постройки канала между Тихим и Атлантическим океанами. Его миллионные долги время от времени погашали доброхоты; накануне февральской революции (1848) «актив» и «пассив» у него сходились. Благодетели, более или менее заинтересованные в нем, как, например, мисс Ховард, щедрой рукой отсыпали золото, чтобы поправить его финансы.

Один памятный эпизод поможет нам непосредственным образом проникнуть в бонапартистский умственный склад, неизменно двойственный. В канун февральской революции, 22-го числа, Луи Бонапарт тайно выехал из Лондона. Он явился в Париж, когда только что было провозглашено временное правительство (и никакого бонапартистского движения на горизонте не наблюдалось). И все же он пишет новому правительству, предлагая сотрудничество: «Спешу вернуться из изгнания, чтобы встать под знамена Республики. Не имея никаких других амбиций, как только служить моей стране, объявляю о своем приезде членам временного правительства и заверяю их в моей преданности делу, которое они представляют». Правительство, боясь, что принц снова начнет плести интриги, 26 февраля, в четыре часа утра, направило ему приказ немедленно покинуть Францию. Уезжая, он послал в правительство новое письмо: «Господа, вы полагаете, что мое пребывание в Париже в настоящий момент может создать затруднения. Итак, я сей же час удаляюсь. Эта жертва явит вам

чистоту моих намерений и присущий мне патриотизм». Добравшись до Лондона, переменчивый принц стал свидетелем политических волнений, выступлений чартистов, которым новости из Парижа, очевидно, дали толчок. Луи Бонапарт немедленно записался в особое подразделение, вооруженное палками, предназначенное для того, чтобы расчищать дорогу демонстрантам, которые направлялись к Парламенту (10 апреля 1848).

Во время апрельских выборов во Франции ему не удалось добиться избрания. Зато успех ждал его на дополнительных выборах 3 июня, благодаря кропотливой работе его сторонников, проводивших беседы с избирателями, призывавших народ голосовать, в его лице, за «республиканца, патриота, нашего брата, который борется за *возможно более полное развитие демократических принципов*». Показательно, что он имел успех — в отличие от остальных избранных — не только в Париже, но и в Нижней Шаранте, Йонне, на Корсике. На этом этапе его пропаганда была обращена к народным слоям, которые охватывал, все разом, «Наполеониен» (орган его избирательной кампании). Но в то время как социалистов, открыто заявивших о себе, поддерживали в основном в Париже, имя принца Бонапарта широко распространилось также и в провинции. Его избрание вывело из себя умеренных. Ламартин попытался возобновить обсуждение закона 1832 года, предписывавшего изгнание лиц, «опасных для дела свободы». Но после долгой дискуссии собрание отклонило закон; таким образом, избрание нового депутата было подтверждено. И Луи Бонапарт занял место на скамьях Горы, то есть, среди левых республиканцев, опиравшихся на самый радикальный опыт Первой республики; рядом со своим наставником и «учителем» Нарсисом Вьельяром³. Об этом с иронией вспоминает Гюго в первой главе «Наполеона Малого».

14 июня на Учредительном собрании было зачитано письмо принца Бонапарта, в котором, в частности, говорилось: «Если бы народ возложил на меня долг, я знал бы, как его выполнить». Кавеньяк потребовал, чтобы депутат,

который посмел выразиться в таком духе, был немедленно лишен мандата. На другой день Бонапарт совершил ловкий маневр: немедленно подал в отставку, заверяя при том в искренности своих намерений. Таким образом у бонапартистской пропаганды оказались развязаны руки. Когда три июньских дня в Париже бушевало восстание, бонапартистские агенты внедрялись в ряды повстанцев, смешивались с ними. Дэ и Лар, входившие в группу, совершившую убийство генерала Бреа, несомненно, были бонапартистами. Принц завоевывал доверие во всех слоях и оставался в Лондоне, «вынужденный» к тому остракизмом, которому его подвергли такие люди, как Кавеньяк, вершивший тем временем расправу над восставшими и запятнавший себя кровью. На сентябрьских «дополнительных» выборах Бонапарт, по-прежнему из Лондона, выставил свою кандидатуру и победил в пяти округах. Его программа заключалась в том, чтобы «поставить Республику на более широкую и прочную основу». В своих посланиях он заявлял избирателям: «демократическая республика — мой культ, я стану служить ей, как жрец». Он вернулся на скамьи Собрании 26 сентября, но присутствовал нечасто. Он не хотел компрометировать себя принятием непопулярных решений. Когда стало известно, что его кандидатура выдвинута на выборы в декабре, раздались протесты; несколько дней спустя Бонапарт принялся оправдываться: дескать, он был обязан согласиться с выдвижением в ответ на многочисленные настояния, после стольких побед на предыдущих выборах. Тем временем вне Палаты он обхаживал как вождей социалистов (Прудона и Луи Блана), так и монархистов (Тьера, Монталамбера и т. д.). По всем правилам вел осаду своего главного противника, Кавеньяка. Конечно, результат выборов говорит сам за себя: пять с половиной миллионов голосов за Бонапарта, миллион четыреста тысяч за его основного оппонента (Кавеньяка); но еще более показателен практически полный провал «официальных» социалистов (36 329 голосов за Распая и 370 719 за Ледрю-Роллена!). Новый Бонапарт «сожрал» всю оппозицию, всех

недовольных правительством Кавеньяка и вместе с тем использовал провинциальный электорат, свою стабильную и обширную «кормушку».

Его предвыборная программа была в своем роде совершенством. Он обещал поддерживать порядок, защищать религию, семью, собственность; желал мира, децентрализации, свободы печати, отмены законов о ссыльных (а ссыльными были на тот момент тысячи рабочих, депортированных после июньских событий); собирался отменить самые обременительные для народа налоги; поощрять предприятия, создающие новые рабочие места; предоставить средства для поддержки престарелых рабочих — говоря короче, целью его было благосостояние каждого, основанное на процветании всех. Кроме того, Бонапарт заверял, что, пробыв четыре года на этом посту, он передаст власть своему преемнику. Рядом с напыщенными, громогласными или экстремистскими речами других кандидатов, эта программа была обречена на успех. Никогда не умиравшая легенда о первом Бонапарте завершила дело.

От «плебисцита» 10 декабря 1848 года до государственного переворота 2 декабря 1851 года Луи Бонапарт ловко лавировал между народом и парламентом, постоянно обращая на этот последний, на его противоречивые, непопулярные решения все недовольство масс. Он желал, чтобы для всех стал очевиден «беспорядок», происходящий от господства различных партий и фракций, и приступил к решительным действиям, когда убедился, что страна с признательностью поддержит сильную власть.

Решающих моментов было два: кризис 13 июня 1849 года, последовавший за римской экспедицией в поддержку папы Пия IX, которая должна была покончить с последней «аномалией» 48-го года (правительством Мадзини в Риме); и довыборы 10 марта и 28 апреля 1850 года, продемонстрировавшие явное оживление среди левых.

Известно, что экспедицию в Рим, за которую проголосовали и либералы, и антиклерикалы, такие как Фран-

суа-Андре Изамбер, и многие другие, принц-президент задумал, дабы ублаготворить клерикальную партию, ибо именно на глубинную, католическую Францию он в основном и опирался на выборах. Лицемерием было утверждать, что экспедиция должна была всего лишь вернуть папу в Рим, не свергая Римской республики, что французские войска выступали посредниками, не исполнителями реставрации. Учитывался тот факт, что решение принимало Учредительное собрание (практически перед самым своим роспуском), то самое Учредительное собрание, которое было избрано в апреле 1848 года, и, хотя левых в нем и поубавилось, все же большинство оставалось республиканским. 28 мая 1849 года приступила к работе новая Палата, Законодательная, где большинство составляли умеренные. 2 июня генерал Удино предпринял яростное наступление, в результате которого Римская республика меньше чем за месяц была раздавлена. Только 13 июня яркий представитель левых Ледрю-Роллен поднял в Палате вопрос о том, что интервенция против Рима противоречит конституции, и потребовал выдвинуть против принца-президента обвинение в антиконституционных действиях. Тщетная попытка. Правительство вовремя подавило уличные демонстрации, начались аресты, было объявлено осадное положение. Но после падения Рима, с началом папских репрессий Луи Бонапарт ловко устранился от содеянного, твердя об «истинных целях» римской экспедиции! Еще один способ замаскироваться, поставить себя *super partes** и переложить ответственность за самые неблагоприятные решения на Собрание. С такой целью он обнародовал в августе свое письмо к полковнику Нею, своему офицеру для поручений, где, в частности, говорилось:

Французская республика направила войска в Рим не для того, чтобы задуть итальянскую свободу; наоборот: чтобы ввести ее в русло, спасти от ее собственных крайностей! /.../ С ис-

* Над сторонами (лат.).

тинной скорбью узнаю, что благие намерения понтифика, да и наши действия, развеялись по ветру. Неужели было необходимо сопровождать возвращение папы проскрипциями и тиранией?

Таким образом ответственность перелагалась на чужие плечи. Таким образом принц-президент не портил отношений с клерикальной партией, но в то же время его «имидж» оставался незатронутым тем неприятным впечатлением, какое вызвали наступление на Рим и (вполне предвидимая) месть папы, его реваншистский террор.

Но подлинным его шедевром явился государственный переворот, произведенный *во имя всеобщего избирательного права*. Восстановим развитие этих событий, имеющих чуть ли не эмблематический характер. Тактика принца-президента и в этом случае заключалась в том, чтобы постоянно отделять в глазах общественного мнения путем хорошо продуманных, настойчивых маневров свой образ от образа исполнительной власти и Палаты депутатов. В конце октября (1849) провокационное послание президента Собранию явило перед никчемной «политической прослойкой» великую тень Императора (первого Наполеона). Тон послания, казалось, был полон горького разочарования:

Я допустил к управлению государством людей самых разных убеждений⁴, но не получил от этой попытки сближения тех результатов, каких ожидал. Среди такой неразберихи Франция, мятущаяся, утратившая ориентиры, ждет руководства, уповает на волю того, кто был избран 10 декабря /.../. Целая политическая концепция /un système/ победила в моем лице, вместе с моим избранием: ведь имя Наполеона само по себе является программой. Оно означает: во внутренней политике порядок, твердая власть, религия и благосостояние народа; в политике внешней — национальное достоинство. Успеха такой политики я собираюсь добиться, опираясь на поддержку страны, Собрания и народа.

Собранию не понравилось такое откровенно программное выступление, хотя впоследствии, по конкретным пунк-

там — особенно в области народного образования, где были сделаны уступки католической партии, а преподаватели поставлены под надзор префектов, — Палата с ее католическим умеренным большинством и президент явно пришли к согласию.

Этот тяжкий разворот политического механизма вправо считается причиной успеха левых сил на довыборах 10 марта и 28 апреля 1850 года. (Под левыми силами понимаются демократы-республиканцы, которые по-прежнему именовали себя «Горой» и во время февральской революции пользовались большой популярностью, и социалисты разных направлений.) Продолжая свою двойственную политику *super partes*, Бонапарт тем временем сделал жест сближения с левыми, освободив и вернув домой 1341 заключенного из тех, что попали в тюрьмы и на каторгу после июньского восстания. Этот ход был рассчитан на то, чтобы парламентское большинство выразило свое осуждение, впрочем, ни к чему не ведущее. Парламентское большинство сильно обеспокоилось результатами выборов в марте-апреле 1850 года, и 2 мая была создана парламентская комиссия, призванная разработать закон, который *ограничил бы избирательное право*. В состав комиссии вошли, в частности, Тьер, Пискатори, Дарю и Леон Фоше. 31 мая Палата утвердила закон, упразднявший всеобщее избирательное право и на практике лишавший права голоса около трех миллионов французов (это «неимущее» меньшинство, которое может победить, если найдет союзников...). Закон прошел 433 голосами против 241. Вот его основные статьи: чтобы стать избирателем, необходимо проживать в кантоне не менее трех лет, и это должно быть подтверждено ведомостью об уплате прямых налогов, или, для рабочих, справкой от работодателя; все осужденные за политические (подстрекательство в печати *in primis*) и уголовные преступления (включая бродяжничество, адюльтер и нищенство) лишались избирательных прав. Так число избирателей сократилось с 9 миллионов 600 тысяч до 6 миллионов 800 тысяч. Свой протест высказали Кавеньяк,

Ламартин, Виктор Гюго (который прослойке *misérables**, совсем не похожей на фабричный пролетариат, в последующие годы посвятит эпопею) и некоторые другие. Тьер ответил: «Никто не собирается оспаривать всеобщее избирательное право и не пускать народ к урнам; это *подлую чернь* / «подлая чернь»: вот уж в самом деле расплывчатое понятие / намеревается исключить закон». Тьер, впрочем, разъяснил, кого он имеет в виду: «*les mauvaises blouses***», и прокомментировал свое определение: «...я имею в виду рабочих-бродяг, всегда готовых подхватить любой лозунг, какой они услышат в кабаке». Будущий палач коммунаров, ставший миллионером за время своего пребывания в правительстве Луи-Филиппа, мог похвастаться последовательностью мнений и поступков.

Принцу-президенту Бонапарту этот злополучный закон предоставил блестящую возможность. Он буквально направил Бонапарта на путь прямого обращения к народу и открытого разрыва с утратившими чувство реальности ретроgrадами, окопавшимися в Парламенте. В момент государственного переворота, который подготавливался месяцами, не только путем укрепления связей с военной верхушкой и сетью префектов, но и посредством долговременной кампании: поездки по провинции, торжественные речи — все было нацелено на то, чтобы подготовить общественное мнение к смене режима, — воззвание, на заре 2 декабря 1851 года красовавшееся на стенах по всей стране, гласило: «От имени французского народа президент Республики постановляет: Статья 1: Национальное собрание объявляется распущенным. Статья 2: Всеобщее избирательное право восстанавливается, закон от 31 мая отменяется. Статья 3: Французский народ приглашается к избирательным урнам».

* Отверженных (фр.).

** «Скверные блузы» (фр.).

ЗАТРУДНЕНИЯ «СТАРОГО КРОТА»

Зи 4 декабря возникли баррикады. Никто никогда не подсчитывал павших за эти дни. Чтобы отбить у горожан охоту поддерживать повстанцев, были даны залпы по бульварам, прямо в прохожих. Восставших, правда, и было немного: вряд ли больше тысячи человек. Сразу после этого Бонапарт настоял на принятии закона о роспуске тайных обществ, включая клубы; согласно этому закону, можно было депортировать в колонии всех, кто примыкал к той или иной ассоциации: по самым скромным подсчетам, за несколько месяцев было выслано 26 тысяч человек¹.

На волне практически ничем не омрачаемого успеха, какой имел государственный переворот 2 декабря, принц-президент обратился непосредственно к народу. «Собрание, — вещал он в своем манифесте, — которое должно было представлять собой опору порядка, превратилось в очаг заговоров. Патриотизма третьей части его членов оказалось недостаточно, чтобы пресечь эти пагубные тенденции. Вместо того, чтобы работать над законами ради всеобщего блага, Собрание ковало оружие для гражданской войны» (намек, в частности, на закон о выборах от 31 мая, который был якобы направлен, в глазах Бонапарта, на разжигание конфликтов и усиление напряженности). Отсюда и призыв: «Если вы питаете ко мне доверие, дайте мне средства, чтобы выполнить великую миссию, которую вы сами на меня возложили». И принц-президент просит предоставить ему мандат на десять лет; исполнительный

орган, не зависимый от Собрания; государственный совет и две палаты: законодательный корпус, избранный всеобщим голосованием «без кандидатских списков, при наличии которых итоги выборов легко сфальсифицировать», и Сенат, образованный из «illustrations de la nation»*, гарантирующий общественные свободы (не выборный).

Поскольку закон от 31 мая 1850 года был отменен, 20 декабря 1851 года снова голосовали все французы: свою волю выразили примерно 8 миллионов 200 тысяч избирателей, и семь с половиной миллионов выразили поддержку предложениям Наполеона. 14 января следующего года была обнародована конституция, в статьях которой в точности отражались положения, одобренные плебисцитом три недели назад. Аналогичным образом сто лет спустя, в 1958 году, была принята конституция Пятой республики — знак жизнеспособности такого явления, как бонапартизм: он всегда прибегается как запасной вариант «парламентских игр».

Левая историография всегда испытывала некоторое неудобство, описывая этот удивительный этап в развитии всеобщего избирательного права. «Чтобы затушевать контрреволюционную сущность переворота и обмануть демократические круги населения, Луи Бонапарт объявил об отмене закона 31 мая 1850 г., ограничившего избирательные права», — читаем во «Всемирной истории» Академии наук СССР. Затруднение, однако, восходит к более отдаленным временам, даже, можно сказать, к самому Марксу, к его выдающимся, блистательным статьям о французской политике тех лет, появлявшимся частью в «Neue Rheinische Zeitung» под названием «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год», частью в газете «Die Revolution» (Нью-Йорк) под прославившимся впоследствии заглавием «18 брюмера Луи Бонапарта».

Мы уже отмечали выше, что завоевание политической демократии, отождествляемой с ее основным орудием,

* Просвещенных людей нации (фр.).

всеобщим избирательным правом, стоит в центре сугубо предметной, оперативной части «Манифеста». Это подтверждает такой авторитетный интерпретатор, к тому же соавтор, как Энгельс, в своей работе последних лет, написанной в глубокой старости — во введении к переизданию (1895) «Классовой борьбы во Франции» Маркса: «Уже Коммунистический Манифест, — пишет Энгельс в этом важном очерке, который можно считать его завещанием, — провозгласил завоевание всеобщего избирательного права, завоевание демократии одной из первых и важнейших задач борющегося пролетариата». Из контекста можно было бы понять, что речь идет о всеобщем избирательном праве в Германии, но это, конечно, не так. Французские события 1848–1852 годов были в глазах Маркса столь значимы, что он посвятил им серию работ, которыми заявил о себе как об одном из самых острых и боевых историков XIX века. К ситуации во Франции, которая в очередной раз осознается как ключевая для развития демократии во всей Европе, он вернется после поражения Коммуны, посвятив и этим событиям не менее драматичные труды.

Как всякий крупный историк, обратившийся к современному, злободневному материалу, Маркс глубоко пристрастен и не чужд сарказма; всё что угодно, только не олимпийски отстраненный рассказчик, он в то же самое время демонстрирует достоверное, кропотливое знание фактов, полемик, публицистики и парламентских дебатов, каким лишь современник, притом приверженный к какой-то партии, мог располагать. Следствием из такой его позиции по отношению к фактам является то, что иногда, в пылу сиюминутной оценки, он придает некоторым событиям несоразмерный масштаб: по прошествии времени, в более отдаленной исторической перспективе это бывает трудно понять.

Третья и четвертая главы «Классовой борьбы во Франции» (датируемые соответственно мартом и началом ноября 1850 года) посвящены: одна — восстановлению событий с 13 июня 1849 года (восстание против римской экспедиции) по 10 марта 1850 года (довыборы, в которых победили

левые); о теме другой можно судить по заглавию: «Отмена всеобщего избирательного права». Восторг по поводу пресловутых довыборов переливается через край. Маркс, не колеблясь, пишет:

Выборы 10 марта 1850 года! *Это была кассация июня 1848 года*: те, кто ссылали и убивали июньских инсургентов, вернулись в Национальное собрание, но согбенные, в сопровождении сосланных, с их принципами на устах. *Это была кассация 13 июня 1849 года*: Гора, которую Национальное собрание изгнало, вернулась в Национальное собрание, но она вернулась уже не как командир революции, а как ее передовой горнист. *Это была кассация 10 декабря*: Наполеон провалился в лице своего министра Лаита. /.../ Наконец, выборы 10 марта 1850 года были кассацией выборов 13 мая /1848/, которые дали большинство партии порядка. Выборы 10 марта явились протестом против большинства 13 мая. 10 марта было революцией. За избирательными бюллетенями скрываются булыжники мостовой.

Если не знать, что автором этих строк является Маркс, можно было бы подумать, что они слетели с пера Гюго: так риторично их построение на двух анафорах, сменяющих одна другую на протяжении всего текста («*Это была...*», «*Выборы 10 марта...*»), полного к тому же гипербола, вплоть до двух завершающих фраз, в которых tout court объявляется «революцией» промежуточный тур выборов.

10 марта 1850 года на следующих страницах рассматривается как начало новой исторической эры: конституционная республика с этого момента вступает «в фазу своего разложения». «Различные фракции большинства снова объединены друг с другом и с Бонапартом /.../; Бонапарт снова — их *нейтральная личность*». Контратака умеренных выливается в «уничтожение всеобщего избирательного права». И здесь Маркс, приближаясь к выводу из своего очерка («10 марта носит надпись: *Après moi le déluge!**»), пытается выстроить *историю* всеобщего изби-

* После меня хоть потоп! (фр.).

рательного права вокруг своей основной мысли — в общем, вполне уместной: когда выборы, основанные на всеобщем голосовании, идут *не так*, буржуазная элита пытается поставить ему пределы. Что и в самом деле произошло в случае с изданием злополучного закона от 31 мая. Маркс весьма проницательно замечает:

Разве всеобщее избирательное право, каждый раз уничтожая существующую государственную власть и каждый раз снова воссоздавая ее из себя, не уничтожает тем самым всякую устойчивость, не ставит ежеминутно на карту все существующие власти /.../? Отвергая всеобщее избирательное право, в которое она драпировалась до сих пор, из которого она черпала свое всемогущество, буржуазия открыто признается: *«Наша диктатура до сих пор существовала по воле народа, отныне она будет упрочена против воли народа»*.

Если отрешиться от сиюминутного повода, определяющего и полемический задор, и апологетический тон, что в каком-то смысле снижает непреходящую ценность работы, перед нами настоящее прозрение, даже и в юридическом ключе: взгляд на неизменно подрывную роль всеобщего голосования, которое постоянно подвергает сомнению «действующую» власть государства и заявляет о себе как о единственно правомочном источнике власти.

Слишком приближенная перспектива приводит к тому, что Маркс приписывает своему объекту гигантские масштабы. Довыборы 10 марта приобретают значение эпохального перелома. Чрезмерность приближения заметна и в одновременной полемике по поводу следующего тура выборов, 28 апреля. В четвертой главе «Классовой борьбы» — которая первоначально являлась статьей, опубликованной через несколько месяцев после этого тура выборов в «Neue Rheinische Zeitung» и полностью посвященной «отмене всеобщего избирательного права», — приобрел гигантский масштаб даже тот факт, что во втором туре по парижскому округу на место социалиста Видаля, кооптированного по

округу Нижний Рейн, был избран Эжен Сю. Такой нехитрый факт, как кооптация, заставляет Маркса прийти к следующим заключениям: «Победа 10 марта потеряла свое решающее значение /.../ кандидатура Эжена Сю, сентиментально-мещанского социал-фразера, совершенно уничтожила революционный смысл 10 марта — реабилитацию июньского восстания; пролетариат в лучшем случае мог принять ее как шутку в угоду гризеткам» (необоснованный антифеминистический выпад, который все-таки не объясняет, почему выдвижение Сю в округе, где месяц тому назад победил Видаль, имеет такой эпохальный, катастрофический характер).

Кроме того, в конце этого очерка, написанного приблизительно за год до произошедшего в декабре 1851 года государственного переворота, Маркс изменяет оценку, ранее данную им соглашению между умеренными и Бонапартом против сил, победивших 10 марта. В предыдущем очерке он представляет дело так, что они немедленно консолидировались вновь, а здесь проговаривается — правда, всего лишь намеком, — что «по всей вероятности, он /Бонапарт/ апеллировал бы даже против Собрания к всеобщему избирательному праву»². Что и в самом деле произошло. В «18 брюмера Луи Бонапарта» восстановление Бонапартом всеобщего избирательного права разобрано детально (в главе «Разложение Партии порядка»).

В последней главе Маркс размышляет над репликой Гизо, старого, преданного орлеаниста, министра Луи-Филиппа, который так прокомментировал государственный переворот 2 декабря: «Это — полное и окончательное торжество социализма!». Маркс не отвергает диагноз; он отмечает, что победа Бонапарта и в самом деле полностью подорвала влияние орлеанистской буржуазии («то есть, — уточняет он, — самой жизнеспособной фракции французской буржуазии»); а после того, как Бонапарт расправился с Собранием, где большинство составляли умеренные,

.../революция/ закончила половину своей подготовительной работы /.../. Теперь, когда она этого /ниспровержения

парламентарной власти/ достигла, она доводит до совершенства *исполнительную власть*, сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе как единственный объект, чтобы сконцентрировать против нее все свои силы разрушения. И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, *тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: Ты хорошо роешь, старый крот!*

Эта тирада содержит интересные элементы: прежде всего, оценку, высказанную таким человеком, как Гизо, по поводу победы бонапартистов. Однако в ней обнаруживаются и признаки немалых затруднений, какие Маркс испытывает, оказавшись перед одновременно правым и левым феноменом «цезаризма». Впрочем, разве большой словарь Литтре не определил «цезаризм» как «преобладание в управлении принципов, привнесенных демократией, но облеченных абсолютной властью»? (Такое определение подошло бы и старику Писистрату.) Сколь бы шокирующим ни казался этот диагноз второго бонапартистского эксперимента людям, одушевленным республиканскими, якобинскими идеями, он был частично подтвержден последовавшими довольно скоро историческими событиями: конец Второй империи, военная катастрофа, Парижская коммуна. Но всеразрушающая ярость, с какой Тьер, Гамбетта и сотоварищи разгромили Коммуну во имя Республики, с помощью генералов, готовых на все, и при поддержке большинства нации, показывает, что «старый крот» не так уж много нарыл, во всяком случае, на тот момент.

Очевидно, что Маркс был привержен к этим своим оценкам: ведь не зря в 1869 году, за год до Седана, он переиздал этот очерк с кратким введением, где весьма иронически отзывался о Викторе Гюго. И все же связь между бонапартистским исходом и всеобщим избирательным правом так или иначе представляла проблему. В предисловии к переизданию «Классовой борьбы» в 1895 году Энгельс, набрасывая краткую историю всеобщего избирательного права, испытывает такое же затруднение, из которого выходит

с помощью довольно расплывчатой фразы: «Всеобщее избирательное право давно уже существовало во Франции, но оно приобрело там дурную репутацию вследствие того, что им злоупотребляло бонапартистское правительство».

Другие критики ставят во главу угла механизм плебисцита, к которому прибегал Наполеон III в переломные моменты, такие как принятие новой конституции и провозглашение Империи, когда требовалось одобрение подавляющего большинства голосующих. Этому механизму ставится в вину то чрезмерное «упрощение» возможностей выбора, то «атмосфера», в какой проводится плебисцит. (К слову, предполагая возможность выбора только из двух вариантов, плебисцит не подвержен пагубным эффектам «парадокса» Кондорсе.) На самом деле, единственное, что имеет значение, — это манипуляции с голосами, основное орудие, которое совершенствуется с каждым годом: о нем и пойдет речь в большинстве последующих глав.

ЕВРОПА «НА МАРШЕ»

Шестьдесят лет отделяет инициативу Джованни Джолитти, направленную на то, чтобы распространить избирательное право на широкие массы населения (1912) — реформу, которую иные итальянские историки с оптимизмом величают всеобщим избирательным правом, — от президентского декрета 2 февраля 1852 года, которым Луи Бонапарт, после принятия новой конституции, упорядочил ход выборов. Поражает все еще частично ограничительный характер реформы Джолитти по сравнению с законодательством Наполеона III. Само собой разумеется, что и там, и там право голоса предоставлялось только мужчинам. Распространение избирательных прав на женщин произойдет только после русской революции.

Закон 2 февраля имел подспудную полемическую направленность в адрес двух распространенных тогда явлений: с одной стороны, неравного деления на избирательные округа, которое, например, в Англии приводило к сильному перекосу избирательной системы; с другой — ограничительных механизмов, запущенных французским законом 31 мая 1850 года, вокруг которого Бонапарт и выстроил свой государственный переворот. Каждый округ — устанавливалось в новом законе — имеет право на одного депутата от 35 тыс. избирателей; к этому прибавляется еще один депутат, если число избирателей в округе на 25 тыс. превышает базовую цифру в 35 тыс. (статья 1). Такой порядок позволял избежать того чудовищного искажения про-

порций, какое имело место в Англии из-за так называемых «гнилых местечек». Что же до ограничений, то основной пункт в этой связи гласил, что достаточно шести месяцев проживания в округе, чтобы стать избирателем; уточнялось, что это касается и тех избирателей, шестимесячный срок проживания которых в округе (трехлетний по старому закону) приходился на период между объявлением о выборах и их практическим прохождением (статьи 12 и 13). Лишение права голоса (статьи 15 и 16) применялось к уголовным преступникам, но статья 17 предполагала ежегодный пересмотр списков. Статья 27 вводила принцип несовместимости парламентского мандата с принадлежностью к корпусу государственных служащих. Всякий служащий, состоящий *на жаловании*, с того момента, как он входил в законодательный орган, считался уволенным со своего поста (если только его не кооптировали специально, для проверки органов власти). Так или иначе, стержнем избирательной системы был одномандатный округ: он открывал широкую дорогу для преобладания «нотаблей». Возрастной ценз для избирателей назначался в 21 год, для избираемых — в 25.

В законодательстве, которое проводил Джолитти в 1912 году, возраст, начиная с которого можно было голосовать, устанавливался в 30 лет (без имущественных ограничений). Зато лицам в возрасте от 21 до 30 лет избирательное право предоставлялось лишь на условиях ценза («по праву культуры и почета») и прохождения военной службы¹.

Очевидно, что Италия таким образом сделала заметный шаг вперед, если учесть, что до 1880 года избирательным правом в королевстве пользовалось 2% населения, а с реформой 1882 года число избирателей возросло до 10%. Но и непосредственно после реформы Джолитти, во время выборов 1913 года, правом голоса обладало только 23% населения². Комментируя нововведения Джолитти в своей «Истории Италии с 1871 по 1915 год», Бенедетто Кроче правильно утверждает, что его целью было «приблизиться» к всеобщему избирательному праву³. Кроче подчеркивает

«благородно» практический характер реформы: привлечь народные массы к участию в государственных институциях. Консерваторам, которые возражали, утверждая, будто «правительство предоставило трудящимся классам то, чего они *не* просили», Кроче, становясь на точку зрения Джолитти, отвечает, что «культурный правящий класс не заслуживает такого наименования, если не восполняет своим сознанием пока еще не достаточное, не сформировавшееся самосознание низших классов и не предвосхищает тем или иным образом их запросы, одновременно пробуждая в них новые потребности». И, успокаивая *post factum* всех настороженных, констатирует, что в Палате, избранной в 1913 году, возросло число депутатов-социалистов; прошло несколько католиков; но «общий облик Палаты остался либеральным». Страницы, весьма поучительные во многих смыслах, в частности, из-за нового, продуктивного осмысления такого понятия (разумеется, выраженного по-другому), как *гегемония*. Правящие круги могут совладать со сколь угодно широким избирательным правом, если они в самом деле обладают властью и умеют ею пользоваться. Полон дополнительных смыслов и намеков на огромную дистанцию между левыми партиями, ратующими за всеобщее избирательное право, и народом (от имени которого левые партии выступают), пока еще весьма далеким от подобных идей (и, если судить по результатам выборов, похоже, не проявляющим особого интереса к ним и не слишком стремящимся воспользоваться этой новой возможностью).

«Холодность» либералов по отношению ко всеобщему избирательному праву хорошо обоснована на страницах другой работы, на этот раз далекой от олимпийского спокойствия, наоборот — страстной и полемической, принадлежащей тому же Кроче: «Истории Европы в XIX столетии» (1932). Там устанавливается четкое различие между «либеральными настроениями, обычаями и действиями», с одной стороны, и «более или менее широким, даже, может быть, всеобщим избирательным правом», с другой. Широта избирательного права, утверждает он, «ничего не

говорит о распространении либерализма вширь и вглубь». Подразумевается, что правящая *элита*, проникнутая «либеральными чувствами», может придать всему обществу гораздо больше *свободы*, чем такое абстрактное, чисто арифметическое орудие, как право голоса, распространенное на всех. Дальше звучат полемические выпады в адрес некоторых стран, где избирательное право предоставлено так широко, что «шире некуда», и особенно инвективы против всеобщего избирательного права как такового: «оно во много раз дороже врагам свободы, феодалам, священникам, королям, вождям народа и авантюристам». Совсем не олимпийские речи, не похожие на те, в которых тремя годами раньше восхвалялась «мудрость» реформы Джолитти: в них явственно ощущается неизменно пессимистический взгляд на *неограниченную*, потенциально опасную форму предоставления «гражданства». Приведенные примеры основаны на сопоставлении положения вещей в великих европейских державах, но двумя основными полюсами, по-видимому, являются Англия и Германия.

В Англии избирательное право более ограничено, чем во Франции или в той же Германии, *ибо там правом голоса обладают лишь те, кто владеет собственным домом*, или вносят квартирную плату не ниже определенного ценза; имеются и другие сходные условия. В то же время в этой стране *свобода жизни* ничуть не меньше, чем во Франции или в Италии, и *гораздо больше, чем в Германии*⁴.

Германия, которую Кроче ценит по иным причинам, здесь предстает в том же освещении, какое чуть позже станет привычным для антинемецкой пропаганды времен войны; оценка, сфокусированная на «свободе жизни», вроде бы вовсе не учитывает тех социальных достижений, которых добились немецкие рабочие как раз благодаря всеобщему избирательному праву. Но внимания заслуживает скорее убеждение в том, что позитивный характер общества зависит в основном от незыблемости ценностных ориентиров (для Кроче это «свобода»), какие правящая

верхушка сможет ему задать, *независимо от «выборных» реалий*⁵. Совершенно очевидно, что эта мысль может быть развита во многих интересных направлениях. Что до Италии, то взгляд Кроче на эпоху Джолитти скорее лубочный. В этой стране, как ему представляется, народные массы под руководством умелого кормчего гармонично вовлекаются в орбиту либерального государства. В реальности все было несколько иначе. Уже во времена Криспи Гаэтано Моска указывал на ту роль, какую играли префекты, самым непосредственным образом направляя голосование:

То, что все префекты на время выборов становятся агентами министерства, — писал Моска, — настолько общеизвестная истина, что даже не требует доказательств. Во Франции это происходит уже давно, в Италии — не так давно, и все же такой образ действий и у нас не нов и появился отнюдь не в последние годы: сейчас, правда, он приобретает всеобщий характер, ибо раньше агентами на время выборов становились так называемые *политические префекты*, которых посылали в некоторые крупные города, а теперь они все без исключения исполняют такую роль⁶.

В начале нового века, после серьезного кризиса 1898 года, когда председателем Совета министров был Дзанарделли, а Джолитти — министром внутренних дел, Джузеппе Ренси, мыслитель, весьма далекий от «олимпийской» бесстрастности Кроче, опубликовал вслед за Моской настоящее обличение мошенничества на выборах:

Повторять, что выборы не представляют собой выражение воли народа, разве, может быть, в самой малой степени, уже становится банальным. Тысячи обстоятельств, как всякий знает, сходятся во время выборов, чтобы воспрепятствовать проявлению этой воли, исказить ее или запутать. Из всех сил, которые непосредственно стремятся ее урезать, главной является правительство, действующее как прямым давлением, так и подкупом. Из тех, что стремятся исказить ее и запутать, выделяются сами кандидаты, или поддерживающая их верхушка, или печать.

Предположим, что среди народа появилась некая направленность общественного мнения, негодная правительству; и что подобного мнения придерживается большинство. При политическом строе, который считает себя отличным от предшествующих именно потому, что приводит в действие механизм, позволяющий проявиться воле большинства, такая направленность общественного мнения должна была бы вскоре победить. Но при парламентарном правлении она рискует всегда оставаться в проигрыше, вплоть до полного ее выхолащивания, разве если усилится настолько, что заставит бояться революции.

В самом деле, правительству удастся посредством давления и подкупа воспрепятствовать тому, чтобы такую направленность мнений, которой придерживается большинство населения страны, представляло бы и большинство в Палате представителей; правительство располагает всеми средствами, чтобы, придерживаясь рамок закона, вечно оставлять выразителей негодной идеи в меньшинстве. Именно это обычно и происходит⁷.

Джолитти в своих «Мемуарах» с иронией описывает избирательный механизм, который действовал во времена его первого избрания в парламент от округа Кунео (1882). В этот округ входило, в частности, местечко Певераньо, и в этом местечке Джолитти получил *все* голоса. Вот как он сам объясняет это необычайное явление:

В Сан-Дамиано мой дедушка, человек весьма известный, держал свой дом открытым для всех, и проезжие часто останавливались у него. Отец мэра Певераньо однажды остался на ночь вместе с беременной женой: у нее начались схватки, она родила, а потом еще гостила месяц с лишним, пока не оправилась. Мэр вспомнил, что родился в доме, принадлежащем моей семье, и решил отблагодарить меня за то давнее гостеприимство столь единодушным голосованием⁸.

Превосходство в обращении со всеобщим голосованием оказалась, таким образом, неким своеобразным результатом, «фирменным блюдом» бонапартистской кухни, то есть управления выборным механизмом и консенсусом. Это тем более достойно восхищения, что принцу-президенту (с ноября 1852 года — императору) требовалось приручить

гораздо более политизированную и склонную к мятежам страну, какой была Франция, десятилетиями жившая в условиях беспрецедентной общественно-политической напряженности и гораздо больше привыкшая голосовать, чем какая бы то ни было другая держава (что уж говорить о крайне отсталом Итальянском королевстве, где в 1871 году 30% населения было полностью неграмотным).

Законодательное собрание при Наполеоне III было настоящим парламентским органом, созданным на основе настоящих выборов. То не было скопище «немых» нотаблей, как тот призрак парламентаризма, какой сотворил для себя первый Бонапарт. Новый император осуществлял свою гегемонию для того, чтобы помешать политическим противникам воспользоваться всеобщим избирательным правом и снова прийти к власти, через парламент, хотя, конечно, прерогативы последнего сильно уменьшились, поскольку исполнительная власть теперь подчинялась непосредственно главе государства⁹.

Предпосылкой «построения консенсуса» являлось то, что сам народ породил этот режим, высказавшись за него во время плебисцита, утвердительно ответив на ряд последовательно поставленных, первостепенной важности вопросов: отсюда приказ префектам оказывать в открытую политическое влияние. «Действуйте при ярком свете солнца, и народ сам будет в состоянии разобраться, кто друзья, а кто — враги *правительства, которое он сам создал*». Пресса тщательно контролировалась, и большая часть ежедневных газет не могла выжить в условиях особо суровой цензуры; общественные заведения считались источником пропаганды и грозили превратиться в клубы, отсюда суровое, бдительное законодательство касательно разрешений на открытие коммерческих заведений, и т. п.

Господин префект, — пишет министр внутренних дел своим непосредственным подчиненным, — примите все необходимые меры, задействуйте административных служащих, используйте все способы, какие считаете подходящими для вашей конкретной

области, но сделайте так, чтобы избиратели всех округов, входящих в ваш департамент, узнали имя того из кандидатов, кого правительство Луи Наполеона считает наиболее соответствующим и способным оказать помощь в его работе по возрождению страны. /.../ Правительство не интересуется былыми политическими убеждениями кандидатов, искренне принявших новое положение вещей; но в то же время просит вас без колебаний предостерегать народ против тех деятелей, каковы бы ни были их имена и звания, чьи открыто высказываемые идеи не соответствуют духу новых установлений.

Выстраивание консенсуса происходит сверху вниз, охватывая всех и вся. Вот что один мэр, хорошо вышколенный и подготовленный префектом, пишет своим избирателям:

Избиратели! Не забывайте благодеяний, какими Император щедро одаривал наш округ во время своих многочисленных визитов: вспомоществование бедным, дарения на церковь, покупка противопожарного насоса. Избиратели! Вы можете выразить благодарность Императору, отдав свои голоса почтеннейшему Клари, рекомендованному правительством и оказавшему неоценимые услуги нашему департаменту. Не забывайте, что Император снова готов прийти на помощь нашему округу, выхлопотав для нас сумму в две тысячи франков на церковь, постройку которой мы сами не в состоянии оплатить. Избиратели! Объединитесь и отдайте все свои голоса Клари. Он один представляет идеи Императора, вашего августейшего благодетеля¹⁰.

Примерно так же через несколько десятилетий руководил голосованием и либерал Джолитти, особенно после такого важного шага, как реформа 1912 года; специфика состояла в том, что на юге Италии он это проделывал в сердечном согласии с преступным сообществом, так называемыми «банкометами», связанным с земельными собственниками и аристократами. Не без оснований, хотя, конечно, и с чрезмерной резкостью крупный итальянский историк Газтано Сальвемини, происходивший с Юга и принимавший непосредственное участие в избирательных кампаниях при Джолитти, в одном своем известном памфлете назвал на первый взгляд олимпийски недоступного

пьемонтского премьера, которым так восхищался Кроче, «министром преступного мира».

Тогда еще не было партий в современном смысле этого слова, какой был в него вложен в XX веке, когда они стали, по знаменитому определению Пальмиро Тольятти, «организующей себя демократией». Партией в современном смысле этого слова была бонапартистская партия, которая вскоре поставила себе на службу государственный аппарат; партиями становились постепенно, под влиянием Интернационала, социалисты. Все остальные были либералами, то есть представляли в политике «естественный порядок вещей» (формулировки варьировались от эпохи к эпохе, от страны к стране). Им не нужны были настоящие партии: их представители непосредственно примыкали к правящему классу. И все же нелишним будет подчеркнуть, что удачный опыт нового Бонапарта стал источником вдохновения, а иногда и прямым «образцом». Сильная личность, поддержанная консенсусом, — пример, привлекавший не только Бисмарка, но и Криспи; нашедший отклик даже в консервативной английской атмосфере. Плебисцит как основное орудие направляемой «воли народа» великолепно сработал и в Италии: вся операция, буквально за несколько лет (1858–1861) приведшая к объединению страны, была осуществлена типично бонапартистскими методами плебисцита. Даже когда по тайному соглашению (1859) между Французской империей и Сардинским королевством последнее уступило Франции Ниццу «в обмен» на Ломбардию, Наполеон III организовал в Ницце фарсовый плебисцит, который «демократическим путем» подтвердил переход к Франции этого города (уже оккупированного французскими войсками). Лоренс Олифант, корреспондент «Таймс» и одновременно агент британского правительства, осуществлявший надзор за Гарибальди, тщетно пытался развалить операцию по проведению плебисцита, используя в том числе глубокую неприязнь уроженца Ниццы Гарибальди к Кавуру, одному из организаторов этого «обмена». Потерпев неудачу, Олифант обрушился на императора в

памфлете под названием «Universal suffrage and Napoleon the Third» [«Всеобщее избирательное право и Наполеон III»] (1860). Чуть позже пьемонтское правительство, взяв пример с Ниццы, провело такую же процедуру, дабы узаконить присоединение центральных и южных провинций (1861). Второй император французов научил буржуазную Европу не бояться всеобщего избирательного права, наоборот, показал, как его «приручить»: разумеется, в том случае, когда оно «подправлено» безотказно действующим в качестве «усмирителя» механизмом одномандатного округа.

Благодаря общественно-политической природе своего межклассового движения он сконструировал почти совершенную «машину»: смог усидеть в Учредительном собрании на скамьях Горы, поддерживать тесные отношения с католическим духовенством и при этом не терять связи с некоторыми из ведущих социалистов, при условии, конечно, что они не выступают против существующего строя. Таким образом он очень долго, почти двадцать лет, находился в положении гораздо более благоприятном, чем то, в какое были поставлены английские правящие круги после событий 1848 года в Европе.

История довольно медленного продвижения всеобщего избирательного права в Англии особенно поучительна. Она поможет освободиться от неизбывной англomanской риторики, представляющей Англию как геометрический центр и преимущественное местопребывание вечной свободы, действующей в этой благословенной стране начиная с «Magna Charta Libertatum» [«Великая Хартия Вольностей»] (1215) и без перерыва вплоть до наших времен; свободы, которая изливается на англичан беспрепятственно (невзирая на две революции и обезглавленного короля, не говоря уже о не столь уж кратком периоде республиканской диктатуры), в то время как остальной континент безумствует, особенно после Французской революции. «Размышления» Бёрка о событиях во Франции, так же как в области художественной литературы злополучная книга Диккенса

«Повесть о двух городах» (1859), способствовали поддержанию этого клише.

Нельзя не заметить, сколь драматическим оказался второй шаг по направлению к «равному» избирательному праву, какое упорное сопротивление пришлось при этом преодолевать. Волнения возобновились и стали набирать силу в годы европейской революции, но второй Reform Bill [Билль о реформе] был принят лишь в 1867 году: понадобилось почти двадцать лет парламентских баталий, чтобы отобрать еще у четырех десятков «гнилых местечек» их представителей в Палате общин и передать эту горсточку мест большим городам, все еще дискриминированным системой. Достойно упоминания, что Лондон в те годы все еще имел лишь четырех представителей. Другое с трудом проходившее нововведение касалось понижения ценза, который был установлен для предоставления избирательного права; к этому прибавилась еще одна «подрывная» мера, а именно включение в избирательные списки новой категории съемщиков, до сих пор оттуда исключенной (inhabitant occupiers* и lodgers**). Только в 1872 году (Ballot Act [Акт о голосовании]) голосование сделалось тайным. И только в 1885 году Англия добралась до почти всеобщего избирательного права: в электорат наконец-то были включены все совершеннолетние граждане, *имевшие определенное место жительства* (съемщики или собственники), и все владельцы недвижимости, дающей ренту в 10 стерлингов. Существовали некоторые ограничения, связанные с *длительностью* проживания в данном месте; исключение граждан, живущих на чьем-либо иждивении, подразумевалось само собой. Такими «революционными» нововведениями Англия была обязана Гладстону; он же настоял на окончательной отмене архаических округов: Лондон наконец получил представительство, соответствующее громадным размерам этого мегаполиса (59 округов, ясное дело,

* Наниматели квартир (англ.).

** Жильцы (англ.).

одномандатных...). Не всем известно, что еще в 1918 году (то есть накануне окончания Первой мировой войны) некоторые избиратели — несмотря на введение «всеобщего» голосования — имели право голосовать дважды¹¹, а женщинам — само собой разумеется, старше тридцати лет! — предоставлялось право голоса при условии, что у них (или у их супругов) имеется собственность.

Результатом такого упорного, громоздкого ограничения политических свобод явился весьма красноречивый феномен: политическое представительство целых социальных слоев проходило через руки либеральной партии, исторического антагониста тори (лейбористская партия возникла лишь в 1899 году под скромным названием Labour Representation Committee [Комитет представительства труда]). Скованные избирательной системой, построенной на отсечении меньшинства (именно благодаря одномандатным округам), лейбористы еще долго будут посылать представителей в Палату общин только по соглашению с либералами. В 1906 году они провели тридцать депутатов, что сочли успехом, но на самом деле эти депутаты представляли весь рабочий класс, численность которого благодаря мощному индустриальному развитию была огромна.

Одномандатно-мажоритарная избирательная система гарантировала тори безоблачное существование на неопределенно долгий срок, в то время как при другой избирательной системе их исчезновение и появление более соответствующих духу времени консервативных формирований стало бы неизбежным, что привело бы к обновлению всего британского общества. Вместо этого на нем тяжким грузом висело непрекращающееся господство консервативной партии, неизменно враждебной по отношению к демократии, которую она в целом воспринимала как синоним коммунизма; так, во всяком случае, утверждает собеседник, выведенный под именем *Аристократикус* в диалоге Джорджа Корнуолла Льюиса «Какая форма правления является наилучшей?» (1863): честная, не подмененная демократия, «то есть равное распределение верховной власти, *есть уже*

коммунизм». В начале своего очерка «Основания демократии» (1997) Раймон Паниккар отмечает, что само слово демократия «на Британских островах сохраняло негативный смысл до конца XIX века»¹². В Англии «капиталистическая экономика *слилась с традиционным укладом*, изменив его содержание, но не формы»¹³. Что и объясняет наилучшим образом такую характерную черту английской политической борьбы, как многократные прямые столкновения между профсоюзным движением (лишь с определенного момента поддерживаемым «партией труда») и самыми упрямыми консервативными силами, нашедшими совершенное воплощение в партии тори. Консерваторам — благодаря также и избирательному закону — не нужна была дополнительная партия, которая представляла бы третью силу: они способны были успешно противостоять — столь неоспорима была их гегемония в обществе — даже длившимся месяцами открытым конфликтам по поводу заработной платы.

Если вспомнить, что, когда в 1914 году Англия — в союзе с царем — вступила в войну против Германии и Австрии, британское избирательное право отнюдь не было всеобщим, в то время как в Германии оно стало таковым в 1871 году (в Австрии в 1907), а война, несмотря на это, представлялась как битва «демократии» с «автократией», якобы укорененной в центральноевропейских империях, нельзя не изумиться убеждающей силе риторики.

На самом деле именно Германия перед первым мировым конфликтом была той страной, где организованное рабочее движение (социал-демократия, профсоюзы) имело наибольший вес в парламенте и пользовалось наибольшим престижем, не говоря уже о наилучшей модели организации, что явилось следствием высокого интеллектуального уровня его вождей. Но то была лишь одна сторона реальности: другую представлял правящий блок — юнкеры, крупные промышленники, военные, — уже решившийся оспорить у Британии мировое господство. Крещение огнем европейского рабочего движения, зажатого в тисках

империалистического конфликта, имело место, как ни крути, в 1914 году.

Итак, приблизившись уже к этому судьбоносному году, попытаемся, оглянувшись назад, уяснить себе первоначальные предпосылки и последующее развитие того кризиса, порождением которого, в конечном итоге, и является наш современный мир.

ОТ ГЕКАТОМБЫ КОММУНАРОВ К «СВЯЩЕННЫМ СОЮЗАМ»

Для рассматриваемой темы еще один год имеет по меньшей мере такое же значение, как 1848-й: это — 1871 год, который видел, как после крушения Второй империи вспыхнуло восстание; как отчаянно боролась за жизнь и как погибла Коммуна; как в результате победы прусского оружия родилась Германская империя; как, наконец, стратегический центр европейского рабочего движения переместился из Франции в Германию. В следующие сорок лет — которые называли «мирным сорокалетием» — зародились и вызрели предпосылки кризисов и трансформаций, до сих пор определяющих нашу жизнь: от русских революций до мировых войн, от доминирующего положения Америки до пробуждения Азии. Все начиналось именно в том 1871 году — и лишь при самом поверхностном взгляде могло показаться, будто он действительно открывает долгий «период мира».

Давая общую характеристику событиям последних десятилетий XIX века в своем имеющем громадное значение заведении — Введении к переизданию (1895) книги Маркса о французском 1848 годе «Классовая борьба во Франции», Энгельс, между прочим, пишет: «Война 1870–1871 гг. и поражение Коммуны, как предсказывал Маркс, временно перенесли центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию».

На самом деле в последних строках своей работы «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс предсказал развитие

событий в совершенно ином направлении: после того как Наполеон одолел парламентскую клику, остается только одолеть власть, сведенную к персоне одного отдельного «Цезаря», и тогда победа будет полной, «старый крот» завершит свою работу. Вместо этого случилось следующее: при Седане Цезарь был разбит; рабочие, воодушевленные различными социалистическими идеями, захватили власть в Париже; но «пролетарское» правительство было разгромлено, а те, кто поддерживал его, истреблены. Поэтому кажется несколько поспешным утверждение, которое Энгельсу показалось «пророческим», — что центр тяжести (Schwerpunkt) сместится из Франции в Германию. И пророчество, и планы, и приложение сил — все разбилось вдребезги. И это, конечно, не могло не причинить боли. Конец Коммуны означал гораздо больше, чем перенос «центра тяжести».

Коммуна возникла в результате поражения; в результате бессилия временного правительства Тьера, обосновавшегося в Версале; в результате двойственной позиции победителей-пруссаков, вставших лагерем под стенами Парижа, наблюдая за грызней двух французских правительств. Спонтанное движение по образцу массовой мобилизации в «народное ополчение», то есть по архетипу II года, Коммуна возглавлялась бланкистским большинством (в меньшинстве оставались последователи Прудона) и была связана с Интернациональным союзом (так называемым «Первым Интернационалом»). Чтобы подавить ее, Тьер добился от пруссаков — победителей и оккупантов — возвращения французских солдат, плененных под Седаном и Мецом. Этими силами, которые ему предоставили сочувствующие пруссаки, Тьер раздавил Коммуну и перебил ее бойцов. Великие надежды померкли за неполных два месяца, с 18 марта до начала мая 1871 года.

Маркс написал Интернационалу длинное послание, посвященное этим событиям, озаглавленное «Гражданская война во Франции» («The Civil War in France»), опубли-

кованное отдельной брошюрой в том же 1871 году. Он не скупится на критические замечания, самое известное из которых следующее: «...рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей» (глава III).

Эта работа имела практическое политическое значение и далеко идущие последствия, которые будет уместно припомнить здесь, дабы впоследствии вернуться к развитию этой идеи. «Гражданская война во Франции», как писал Артур Розенберг во введении к своей «Истории большевизма»,

определила многое: только с нею марксизм обрел настоящую революционную традицию; только после нее марксизм стал делом всех борющихся рабочих мира. Однако ради такого успеха Маркс должен был признать политическую организацию Коммуны, то есть, немедленный роспуск централистского государственного аппарата, «классической» моделью рабочей революции. Вопрос о том, как позднее, на практике, сможет приспособиться к этому великая европейская рабочая революция, Маркс оставлял на будущее¹.

С крушением Первого Интернационала, в 1870-е и 80-е годы, когда германские социалисты выступили в долгий поход с целью добиться избирательного права, а потом были отменены направленные против них законы Бисмарка, наступила совершенно другая эра, эра парламентских систем, поддержанных всей мощью государства, в котором заправляла буржуазия, готовая принять вызов всеобщего голосования; насчет реалий этого нового мира Маркс, умерший в 1883 году, оставил либо весьма смутные директивы, либо, возможно намеренно, никаких.

Готовя через двадцать лет предисловие к «Гражданской войне во Франции», Энгельс углубляет критический взгляд:

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; /.../ дабы не потерять снова

своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время.

Этот взгляд не кажется реалистичным; он, к сожалению, производит раздражающее впечатление урока, который преподается свысока: заранее предполагается, что учитель всегда и на все смотрит с правильной точки зрения и проникает в материал глубже всех. Очевидно, что существовавшее соотношение сил не могло дать коммунарам — а они к тому же занимались решением таких малосущественных вопросов, как запрет на ночную работу пекарей и удаление религиозных символов из учебных аудиторий — ни времени, ни места для того, чтобы выиграть эту невыгодную партию. Не слишком дружелюбным, зато весьма пронизательным явился, наоборот, с сарказмом высказанный в этой же самой работе упрек Энгельса: «Труднее всего /.../ понять то благоговение, с каким Коммуна почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой. Банк в руках Коммуны — ведь это имело бы большее значение, чем десять тысяч заложников». Кажется очевидным, что Ленин держал эти страницы перед глазами и скрупулезно следовал им, когда брал власть в России в ноябре 1917 года.

В первой части работы Энгельс снова возвращается к событиям 1848 года, к июньскому разгрому и победе Луи Бонапарта, за которым все же признает, вслед за «18 брюмера» Маркса, ту заслугу, что он «взорвал» — в результате государственного переворота 2 декабря 1851 года — последнюю твердыню буржуазии, Национальное собрание. Но он лучше характеризует природу бонапартистской власти, когда пишет: «Луи Бонапарт отнял у капиталистов их политическую власть под предлогом защиты буржуазии против рабочих и, с другой стороны, рабочих против бур-

жуазии; но зато его господство способствовало /.../ невиданному до тех пор экономическому подъему и обогащению всей буржуазии в целом». Речь уже не идет о сценарии для «старого крота» и о триумфальном окончании «второй половины» его «предварительной работы», но о диагнозе, применимом и к практике, и к основным характеристикам такого типичного для XX века явления, как фашизм.

К одной теме Энгельс в этой работе 1891 года возвращается многократно — и вспоминая июнь 1848 года, и рассказывая о том, как коммунары были *физически* уничтожены один за другим, — к звериной ярости буржуазно-республиканского правительства, ослепленного ненавистью к восставшему пролетариату. И здесь его взгляд, то ли невольно, то ли пророчески, тоже устремлен в будущее. Это — тоже «урок», который Ленин вскоре извлечет из весьма поучительной статьи Энгельса для своих практических действий.

Тем не менее абсолютно справедливо то, что «центр тяжести» переместился в Германию «благодаря тому умению, с которым немецкие рабочие использовали введенное в 1866 г. всеобщее избирательное право», как пишет Энгельс в 1895 году. Такой вывод тем более заслуживает внимания, что он включен в более обширное *размышление о пригодности данного орудия борьбы*. На той же странице выделяется следующее замечание: «Революционные рабочие романских /sic/ стран привыкли считать избирательное право ловушкой, орудием правительственного обмана. В Германии дело обстояло иначе. Уже «Коммунистический манифест» провозгласил завоевание всеобщего избирательного права, завоевание демократии одной из первых и важнейших задач», и т. д. Странная цитата, вроде бы адресующая борющимся *немцам* важное указание, содержащееся в «Манифесте», но на самом деле имеющая в данном контексте *всеобщее* значение.

Следовательно, с одной стороны, романские страны (Франция, пресытившаяся бонапартистскими плебисцитами,

и Испания, привыкшая к высокому проценту воздержания от участия в выборах), с другой — германская социалистическая партия, выступившая в поход, все быстрее, все неудержимее стремящаяся к значимым, явным успехам на выборах: на этих страницах Энгельс в самом деле приводит впечатляющие результаты, доказывая, в частности, способность немецкой партии завоевывать голоса даже в условиях разгула антисоциалистических законов. Чуть позже и Маркс снова появляется на сцене, правда, без явной цитаты, когда речь заходит о «программе» французской рабочей партии, преамбулу к которой он написал, отметив, в частности, что члены этой партии, основанной в Гавре в 1880 году, сумели превратить всеобщее избирательное право «из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения» («de duperie qu'il a été jusqu'ici, en instrument d'émancipation»).

Перед нами чрезвычайно взвешенное высказывание. Энгельс — перед лицом исторического переворота. Он должен учитывать результаты прорывов исторической «новизны», не отвергая при этом традицию, имеющую стратегическое значение. «Не будем создавать себе на этот счет иллюзий, — пишет он, — действительная победа над войсками в уличной борьбе, то есть такая победа, какая бывает в битве между двумя армиями, составляет величайшую редкость». Он не утверждает, будто это невозможно, однако очень близко подходит к такому раскладу. Он, несомненно, помнит, что *все* восстания за полвека, оставшихся у него за плечами, либо переродились, либо были подавлены. Только человек безответственный не подводит итогов. Итоги неутешительны, но он не хочет все-таки делать вывод, что возможна лишь борьба на выборах, хотя и восхваляет германскую социалистическую партию, в этом плане творящую чудеса. Это само по себе знаменательно. Известно, что некоторые фразы, даже страницы из этой работы, впервые напечатанной в газете «Vorwärts» [«Вперед»], были, с целью опереться на авторитет патриарха Энгельса, позаимствованы партией для ее деклараций. Энгельс выразил

протест. Но его работа безо всякой натяжки поддавалась такому прочтению.

Выход из создавшегося положения заключается в знаменитой формулировке, которая, при кажущейся уклончивости, несет в себе немало политических истин:

И если бы даже всеобщее избирательное право не давало никакой другой выгоды, кроме той, что оно позволило нам через каждые три года производить подсчет наших сил; что благодаря регулярно отмечавшемуся неожиданно быстрому росту числа голосов оно одинаково усиливало как уверенность рабочих в победе, так и страх врагов, став, таким образом, нашим лучшим средством пропаганды; что оно доставляло нам точные сведения о наших собственных силах и о силах всех партий наших противников и тем самым давало ни с чем не сравнимый масштаб для расчета наших действий, предохраняя нас как от несвоевременной нерешительности, так и от несвоевременной безрассудной смелости, — если бы это было единственной выгодой, какую давало нам право голоса, то и этого было бы уже более чем достаточно.

Но, — продолжает он, — право голоса «дало гораздо больше: во время предвыборной агитации это право дало нам наилучшее средство войти в соприкосновение с народными массами там, где они еще были далеки от нас, и вынудить все партии защищать свои взгляды и действия от наших атак перед всем народом». Кроме того, «в рейхстаге оно предоставило нашим представителям трибуну», с которой они обращались не только к парламенту, но и ко всей стране «гораздо более авторитетно и более свободно, чем в печати и на собраниях». И чуть ниже замечает, что баррикады — которые были хороши в 1848 году — сегодня «устарели».

Лучшего описания эффективности реальной парламентской борьбы в Германской империи невозможно желать. И уж конечно автора нельзя заподозрить в симпатиях к Бисмарку или к Вильгельму! К наблюдениям Энгельса можно добавить немаловажную техническую подробность. В то время как в Англии, Франции, Италии избирательный меха-

низм по-прежнему был основан на одномандатном округе, в Германии, Австрии, Швейцарии началась агитация за внедрение системы пропорционального типа, единственной способной обеспечить меньшинству (или меньшинствам) достойное представительство.

С одной существенной оговоркой. Германская империя была возведена гением Бисмарка на основе двуединства, приведенного к согласию путем признания и принятия сложившегося соотношения сил. Двуединство составляли: Королевство Пруссия, с одной стороны, и Империя — с другой. Естественно, нельзя забывать о Бадене, Вюртемберге, Баварии; но двумя ключевыми субъектами все-таки остаются Королевство Пруссия (*создавшее* Империю), и сама Империя. Оба субъекта сливаются в персоне кайзера, который является также и прусским королем. И, наоборот, расходятся в плане парламента, поскольку прусская палата по-прежнему формируется на основе квот, выделяемых для трех «классов» (*Dreiklassensystem*: просто удивительно, когда реакционеры сами рассуждают о классах и без обиняков защищают свои «классовые» привилегии!); в то время как рейхстаг, парламент всей Империи, избирается путем всеобщего голосования (без ограничений, все еще действовавших во Франции, и без смехотворных английских потуг прикрепить избирательное право к статусу главы семьи или домовладельца). Прусское избирательное право гарантирует преобладание правящим классам (юнкерам и военной элите), которые заранее обеспечили себе подавляющее большинство в парламенте. В имперском парламенте, напротив, представительство ничем не ограничено, хотя и корректируется системой одномандатных округов, которая явственно ущемляет интересы единственной партии, создающей проблемы правящим классам, то есть партии социалистической: она почти всегда остается в изоляции, когда дело доходит до второго тура (другие партии вступают в альянсы между собой, но только не с социалистами). Эти последние получают места только в том случае, когда добиваются абсолютного большинства

в своих избирательных округах. Отсюда и требование перейти к более справедливой избирательной системе, которую кое-где, на местах, начинают применять: в Вюртемберге реформа 1906 года позволила шестерым представителям от Штутгарта пройти в региональный парламент после принятия пропорциональной квоты.

Но первостепенное значение имели отношения между императором-королем, канцлером, прусской палатой и имперским парламентом. Двойной статус монарха *de facto* придает прусской палате огромный вес, и, дабы исключить рискованные либо двусмысленные высказывания по двум темам первостепенной (для могучей структуры, борющейся за мировое господство) важности — внешней политике и войне (то есть военной политике), — имперский парламент *не имел права голоса по этим вопросам*. Прусская военная элита, которая вместе с крупными промышленниками рвется к мировому господству, оспаривая его у Британии, гарантирована от каких бы то ни было помех: ее решения через прусскую палату непосредственно предлагаются вниманию короля-императора, и канцлер со своей стороны несет ответственность перед ним, а не перед имперским парламентом.

Этот последний становится огромной пропагандистской трибуной, что явствует из весьма убедительных слов Энгельса («трибуна, с которой наши представители могли говорить гораздо более авторитетно»). Кроме того, именно здесь ведутся баталии по социальной политике (во всех ее аспектах: права рабочих, образование и т. д.). Таким образом, несмотря на четкое размежевание, имперский парламент — не только трибуна для митингов, и присутствие в нем социалистов, поддерживаемых все возрастающим консенсусом избирателей, является решающим. Кроме того, жизненное пространство завоевывается путем конкретной политической борьбы. Следовательно, и табуированные вопросы войны и внешней политики затрагиваются «агитацией», которую с большим или меньшим успехом проводят в парламенте социалисты.

Вот почему было так важно добиться изменения избирательного закона — перехода к пропорциональному представительству: только так можно было достичь эффективности всеобщего голосования и придать сильному меньшинству, представленному социалистической партией, должный вес в парламенте. Борьба в этом направлении велась и в других странах с парламентским строем. В 1885 году в Англии появляется Proportional Representation Society [Общество пропорционального представительства], чуть позже во Франции — Société pour l'étude de la Représentation proportionnelle [Общество изучения пропорционального представительства], в Бельгии — Assosiation réformiste [Ассоциация реформистов]. В Австрии пропорциональная система утверждается с реформой 1906 года. В Швейцарии усилия подобного рода привели к введению пропорциональной системы в Нойенбурге, Женеве, Тичино. То же самое — в Дании, при выборах в фолькетинг. Весьма знаменательно, что пропорциональная система в конце концов была введена в Италии только после войны, в виду выборов 1919 года — первых выборов на основе всеобщего избирательного права для мужчин — без ограничений, установленных по закону Джолитти (эти выборы проходили в атмосфере массовых волнений, что привело к успеху социалистической и народной партий), но была отменена правительством Муссолини (закон Ачербо) перед выборами 1924 года².

Можно взглянуть на реальность Германии Бисмарка и затем Вильгельма и с другой точки зрения: она не противоречит выдающимся страницам Энгельса (которые, собственно, были написаны с целью дать директиву партии, направить ее, предостеречь от непоправимых ошибок), но, скорее, дополняет их. Речь идет об описанном Карлом Либкнехтом всепроникающем эффекте приведения к покорности каждого гражданина посредством мощной машины военной службы, которую использовали для этой цели прусские правящие круги. Здесь тоже необходимо

уточнение насчет Пруссии, поскольку в Баварии, разумеется, дело обстояло по-другому, царила другая атмосфера, хотя, очевидно, что и там Пруссия являлась решающим фактором, представляя собой образец для всей Империи. Не случайно, когда неудачи в Первой мировой войне привели Империю к кризису, на повестку дня во внутривнутриполитической борьбе встал самый главный вопрос: сокрушить прусский правительственный блок, и агитация, в которую оказались вовлечены не только оппозиционные партии, но и такие личности, как Макс Вебер, сосредоточивалась в основном на отмене «прусского избирательного права».

Мы имеем в виду работу Либкнехта «Милитаризм и антимилитаризм в связи с рассмотрением интернационального движения рабочей молодежи», написанную в 1907 году; единственная работа молодого и смелого депутата, не созданная на злобу дня, но обширная и цельная. За распространение этой брошюры он был арестован и полтора года провел в заключении. Это не помешало Либкнехту после освобождения броситься в политическую борьбу с еще большей отвагой, что в конце концов стоило ему жизни. В своей работе он рисует правдивую, реалистическую картину прусского «милитаризма» как орудия классовой гегемонии, хотя и в рамках парламентской системы.

С помощью всех этих средств стремятся обуздать людей, как обуздывают животных. С их помощью наркотизируют, сбивают с толку, обольщают, подкупают, давят, лишают свободы, шлифуют и наказывают рекрутов; с их помощью собирают зернышко за зернышком для цементированья громадного здания армии, кладут камень за камнем в плотину, создаваемую для предотвращения переворота. /.../ Для выработки необходимой податливости и послушания служат муштра, казарменная дисциплина, преклонение перед офицерским и унтер-офицерским мундиром, который во многих областях поистине находится вне закона и является священным и неприкосновенным, короче говоря, этой цели служат дисциплина и контроль, сковывающие железным кольцом солдата во всех его действиях и помыслах как на службе, так и вне ее. Благодаря всему этому каждый отдельный солдат беспощадно подвергается коленопреклонению во

всех отношениях, издегивается и истязается до такой степени, что даже самому крепкому хребту угрожает опасность сломаться или же он в самом деле не выдерживает и ломается*.

Такой была армейская машина; еще подробнее ее описывает Артур Розенберг в первой главе («Социальные силы при Бисмарке») своей, наверное, самой удачной книги — «Происхождение Германской республики» (1928). Отдаленным ее прообразом был Потсдам Фридриха Великого, но главной кузницей нового милитаризма оказался проект мирового господства, который неизбежно должен был привести к империалистической войне с непредсказуемыми последствиями. Основное в строках Либкнехта — обличение этой машины, но источник их совершенно ясен. Речь опять идет об уроке, о директиве, оставленной великим патриархом Энгельсом своей партии, германской партии, которая являлась образцом и примером для всех социалистических партий Европы. Имеется в виду очерк под названием «Социализм в Германии» («Der Sozialismus in Deutschland»), который Энгельс написал для «*Almanach du parti ouvrier*» [«Альманах рабочей партии»] (декабрь 1891) по просьбе Лауры Лафарг, дочери Маркса и жены основателя французской рабочей партии; эта работа получила большое распространение, от «*Neue Zeit*» [«Новое время»] и итальянской «*Critica sociale*» [«Общественная критика»] до польской «*Przedswit*» [«Рассвет»]. В этой работе, несколько сходной с многократно цитированной работой 1895 года, Энгельс, признавая заметный, постоянно растущий успех на выборах немецкой социалистической партии, развивает вот какую мысль: возможности немецкой социал-демократии не ограничены победами в выборной борьбе; им сопутствует факт очевидный, но требующий особого внимания из-за его далеко идущих последствий, а именно — то, что

* К. Либкнехт. Милитаризм и антимилитаризм в связи с рассмотрением интернационального движения рабочей молодежи. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960, с. 49–50.

значительная, все время возрастающая часть армии тоже пропитана идеями социализма. Энгельс пишет:

Избирателем у нас становятся только в 25 лет, а солдатом — уже в 20. А так как наибольшее пополнение дает партии именно молодое поколение, то отсюда следует, что германская армия все более и более заражается социализмом. Сейчас на нашей стороне каждый пятый солдат, через несколько лет будет каждый третий, а к 1900 г. армия, которая прежде в Германии была особенно пропитана прусским духом, станет в большинстве своем социалистической /.../ правительство понимает это не хуже нас, но оно бессильно.

Либкнехт оспаривает именно этот чрезмерный оптимизм старика, хотя и не цитирует прямо его работу. «Несомненно, — пишет он, — что значительная часть германской армии уже стала “красной”», но тут же уточняет мысль, утверждая, что между 20 и 22 годами у молодых солдат еще нет твердых политических убеждений; они формируются позже, когда, достигнув 25-летнего возраста, человек допускается к голосованию; и, главное, предостерегает: неправда, что правительство не знает, что делать, наоборот: в подготовку рекрутов включены часы политического инструктажа, направленного против социал-демократии. И, как уже было сказано, сам Либкнехт, муниципальный советник в Берлине, за книгу, обличающую методы идеологической работы в армии, был подвергнут аресту. Иными словами, то, что ускользнуло от почтенного патриарха европейского социализма и что совсем молодой Либкнехт осветил чрезвычайно трезво, было коренными, структурными изменениями, произошедшими в лагере противника: речь теперь шла о власти «массивной», если использовать эпитет, столь любимый Грамши, *вцепившейся в общество железной хваткой*; власти, основанной на центральном положении военной элиты. Эти новые формы принесут невиданные плоды уже в переломные годы Мировой войны и сразу после нее.

Наивность этого энгельсовского завещания, его оптимизм (партия, по его мнению, растет «так же стихийно, так же непрерывно, так же неудержимо и так же спокойно, как какой-нибудь процесс, происходящий в природе!»), произвольность его прогнозов («если так будет продолжаться, мы завоюем к концу этого столетия большую часть средних слоев общества, мелкую буржуазию и мелкое крестьянство, и вырастем в стране в решающую силу, перед которой волей-неволей должны будут склониться все другие силы») не только в высшей степени необоснованны — он, например, не учитывает такой случай народной партии, как партия Центра (Deutsche Zentrumsparlei), — но и заводят в тупик со стратегической точки зрения. Да, он предвидит, что появятся «партии порядка», чьей задачей станет «самим нарушить роковую законность», но не может указать, каким образомотреагирует на такое возможное явление с каждым днем все более процветающая благодаря выборам социалистическая партия! Конечно, обращаясь к воображаемому противнику, он предупреждает, что социал-демократия ответит как сочтет нужным, но не может объяснить, как; отделяется пустой фразой («Но что именно она сделает, — эту тайну она вряд ли поведаст вам теперь»), а в заключение ударяется в дорогую ему историческую параллель (его работа «К истории первоначального христианства» относится к 1894 году), которая впоследствии привлекала заметную часть представителей левой культуры (от Исаака Дойчера до Арнольда Тойнби): то есть в сопоставление, полное намеков и надежд, с «неодолимой» силой христианства, победившего Римскую империю. Слабый довод: чтобы подорвать стратегическую ценность такой аналогии, достаточно представить себе, что само понятие, лежащее в ее основе, может быть оспорено; кроме того, в действительности победа христианства по большей части заключалась в приспособлении этой религии к социально-экономическому строю, существовавшему в Империи! Сравнение, таким образом, научно несостоятельное, да и политически не слишком-то поучительное.

Старый патриарх принадлежал к другому поколению, пережившему свои иллюзии и свои поражения, и не мог до конца понять мир, с головокружительной быстротой меняющийся вокруг него, стремительно летящий к беззащитной, душераздирающей эре борьбы между империалистическими державами, в которой политическая демократия на глазах превращалась в ненужную побрякушку.

Предвидение того, что вскоре обрушится на Европейский континент, да и на весь мир, содержится в замечательной речи Уинстона Черчилля в Палате общин 12 мая 1901 года:

В иные времена, — говорил он, горячо ратуя за радикальное усиление британского военно-морского флота, — когда войны возникали по личным причинам, из-за политики какого-нибудь министра или пристрастий какого-нибудь короля; когда сражались небольшие регулярные армии, состоящие из профессиональных солдат, и продвижение войск задерживалось из-за плохих коммуникаций и трудностей со снабжением, а зачастую и вовсе прекращалось в зимние холода, было возможно ограничить потери среди сражающихся. Но сейчас, когда великие народы ополчаются друг на друга, воспламененные яростью; когда достижения науки и цивилизации сметают с дороги все, что могло бы эту ярость сдержать, европейская война не может закончиться иначе, как разорением побежденных и не менее фатальными для победителей дезорганизацией торговли и полным истощением сил.

Эту тираду, несколько отдающую пафосом Демосфена³, он закончил так: «Демократия более мстительна, чем кабинеты министров. *Войны народов будут ужаснее, чем войны королей*». Интересное использование термина «демократия» человеком, который ее определенно не любил, для обозначения мобилизации широких масс в поддержку правительственной политики. Такое определение соответствует эпохе — эпохе империалистической борьбы, — когда вовлечение масс в великодержавную политику уже происходит через политические формирования, перед

которыми поставлена задача — вывести массы из-под влияния социализма. Это — одна из основных, и наиболее опасных, черт нового империализма.

В Германии, наконец-то модернизированной — Вильгельмом II не менее, чем Бисмарком, — уже наблюдаются *массовые* реакционные движения, такие как Alldeutscher Verband [Всемецкий союз], знаменательное, внушающее тревогу течение, которое в разгар войны и в первые годы республики преобразится в Deutsche Vaterlandspartei [Немецкая отечественная партия], реакционную партию, насчитывающую миллионы членов, в случае чего всегда готовую к путчу и неразрывно связанную с военной верхушкой (отсюда и неизменная безнаказанность ее вождей). Но наряду с Alldeutscher Verband, основным и наиболее грозным орудием внепарламентского давления, действовали и другие аналогичные силы: Flottenverein [Союз в поддержку германского флота], Ostmarkenverein, [Общество немцев на востоке] (знаменитая Hakatisten, прозванная так по начальным буквам фамилий троих своих основателей), проводившие политику насильственного онемечивания польских земель (Познани, Восточной Пруссии), проникнутые расизмом и антисемитизмом, хотя в этом смысле недалеко ушедшие вперед от своих собратьев во Франции, прославивших себя делом Дрейфуса, или в Англии (не говоря уже о геноциде индейцев сиу, «демократически» осуществленном с благословения Теодора Рузвельта)⁴.

Чтобы привлечь массы к подобной политике во времена, когда существует всеобщее равное избирательное право и организации социалистов стремятся к возможно более широкому представительству в парламенте, а в перспективе и к большинству, основным инструментом как раз и является создание *других массовых партий*, не менее притягательных, могущих стать противовесом, а главное, способных неизменно ставить социалистическим партиям препоны на пути к той победе, завоеванной выборным, парламентским путем, которую Энгельс считал всего лишь вопросом времени и полагал, что остановить продвижение

к ней можно только силой. Застрельщицей в этой области стала Вторая империя во Франции. После Коммуны, когда рабочие партии были разогнаны, радикальная партия утвердилась как типичная партия светской буржуазии и мелких земельных собственников. В Германии социал-демократов оттесняла от народного электората католическая партия Центра, которая перед войной добилась 20–25% представительства в парламенте. В Италии проблема не стояла так остро: даже после реформы 1912 года большинство населения уклонялось от выборов, а избирательный закон не мешал либералам пользоваться их неизменным парламентским преобладанием. В целом одномандатная избирательная система до войны 1914 года позволяла изолировать социалистические партии и ограничить им доступ в парламент. После войны, при всеобщем избирательном праве и пропорциональном механизме выборов, образование крупных, массовых антисоциалистических партий приобретет, как мы увидим ниже, особый размах, что в конечном итоге окажется губительным. Нельзя также не упомянуть, хотя бы вскользь, такую определяющую черту, как *экономическое господство* крупного капитала над обществом в целом. «После войны, — пишет Отто Бауэр («Кризис демократии»), — мы наблюдали, как левые правительства, опирающиеся на подавляющее парламентское большинство, бывали вынуждены капитулировать перед биржевыми махинациями, уходить в отставку, несмотря на преимущество в парламенте, и передавать власть партиям и лицам, которые пользовались доверием Биржи»⁵.

Целое направление критики «парламентской демократии» в смысле эффективности ее механизма развивало этот аргумент, указывая на неизменное присутствие и преобладание элиты внутри политических систем, обычно определяемых не только как «парламентарные», но и как «демократические». Этот аргумент, во имя «германской демократии», коренным образом отличной от демократии «западной», имперские верхи обрушили в годы войны на Антанту, разоблачая ее пропагандистские лозунги. Тогда

заговорили об «идеях 1914 года», противопоставляя их идеям 1789-го. Сама по себе «германская демократия» была материей расплывчатой, она опиралась, в сущности, на банальный концепт, имевший отдаленную связь с описанной у Тацита *comitatus** германцев, — на «стихийное подчинение вождю» (в современную эпоху, разумеется, кайзеру); но критика ее идеологов, коснувшаяся самих основ «западной» демократической практики, оказалась проницательной: она вскрыла и всемогущество крупных промышленников, и порабощение главных органов печати, и партийную систему, в которой господствует самодовлеющий слой профессиональных политиков, и вовлечение рабочих через неприкрытый синдикализм, ставший неотъемлемой частью общей системы, бесстыдно пропагандирующий националистические и империалистические идеи (джингоизм). Напротив того, образ (идеализированный) германской демократии зиждется на трех основаниях: армия (отождествляемая с народом), бюрократия, монарх.

Наша армия, — пишет в январе 1918 года Виламовиц, — отождествляет себя с народом, способным носить оружие, и из безусловного подчинения солдата рождается в свободном немце преданность, присущая древнему германскому духу субординации /.../. Преданность пруссаков своему монарху — краеугольный камень немецкой мощи. Наша монархия — палладиум нашей свободы. Монархия защищает нас от тирании: кто предпочитает последнюю, пусть едет в Америку! Под управлением Вильсона он сможет ее обрести. Существует также тирания денег, парламентской клики, партократии, гнет которой ослабевает лишь при смене тех, кто получает от нее выгоду⁶.

Очевидно, «классическим» является обвинение «западных» стран в парламентской коррупции: там ведь и в самом деле парламентаризм безнадежно запутался в своих отношениях и связях с магнатами экономики при отсутствии какой-либо «внешней», более влиятельной силы (каковой,

* Община (лат.).

в глазах «германской демократии», является кайзер). «Западная» (*westliche*) демократия, — пишет крупный берлинский историк Эдуард Мейер в 1916 году, — вступает в противоречие с собственными принципами, и не потому, что парламент осуществляет свое посредничество согласно мандатам, а потому, что за ним стоят ведущие экономические силы и мощные корпорации вкупе с профсоюзной верхушкой: они-то в действительности и правят государством. Выдвижение политических кадров происходит на основе противоестественного отбора. Мейер привлекает свои обширные знания американского общества, которое он имел возможность непосредственно изучать за несколько лет до этого, и приводит яркое описание того, как в США вербуются политические кадры: от *politicians* до *bosses* и партийных заправил. Демократия зашла в тупик: тот, кто захочет последовательно проводить в жизнь ее принципы, «закончит тем, что пойдет дорогой Робеспьера»⁷. Столь же яркую картину политической коррупции, неотъемлемой от американской «демократии», нарисовал Энгельс в работе 1891 года, которую предпослал двадцатилетней давности выступлению Маркса о Коммуне («Гражданская война во Франции»):

Нигде «политики» не составляют такой обособленной и влиятельной части нации, как именно в Северной Америке. Там каждая из двух больших партий, сменяющих одна другую у власти, в свою очередь, управляется людьми, которые превращают политику в выгодное дело, спекулируют на депутатских местах /.../ живут за счет агитации в пользу своей партии и после победы в качестве вознаграждения получают должности. /.../ Там нет ни династии, ни дворянства, ни постоянной армии, за исключением горстки солдат для наблюдения за индейцами, нет бюрократии с постоянными штатами и правами на пенсии. И все же мы видим там две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств и для самых грязных целей, а нация бессильна против этих двух больших картелей политиков, которые якобы находятся у нее на службе, а в действительности господствуют над ней и грабят ее.

Другим режимом, подвергавшимся нападкам за коррупцию в политике, была, как известно, Третья французская республика (основные скандалы: «affaire des décorations» [«Дело о наградах»], приведшее к отставке президента Гриви; «affaire des fiches» [«Дело о карточках»]; позже, в тридцатые годы, — финансовые аферы, самая известная из которых — «дело Ставиского», многим стоившее политической карьеры). Однако и Италия, со скандалом Римского банка, опрокинувшим Криспи, тоже внесла свой вклад. Презрение ко всему этому замечательно выразил Томас Манн в «Размышлениях аполитичного» (1918), где, в частности, есть очень удачное определение так называемой западной «демократии»: «ретро-буржуазная».

Убедительный, широкий взгляд на процесс приручения «демократической» политики господствующими экономическими силами, охватывающий историю Европы от 1848 года до периода после Первой мировой войны, отражен в «Кризисе демократии» Отто Бауэра:

Демократия явилась результатом классовой борьбы в капиталистическом обществе. Она выросла на почве капиталистического общественного строя. В этом обществе по-прежнему существует капитализм; по-прежнему в руках капиталистов сосредоточена частная собственность на средства производства, а следовательно, и господство капиталистов над рабочими. Но в государстве отменено избирательное право на основе имущественного ценза, гарантировавшее капиталистам политическую гегемонию; рабочие, крестьяне и мелкая буржуазия приобретают все гражданские права и числом своих голосов отвоевывают себе государство. «Но главное противоречие этой конституции — пишет Маркс, — заключается в следующем: посредством всеобщего избирательного права она дает политическую власть тем самым классам, социальное рабство которых она должна увековечить, — пролетариату, крестьянству и мелкой буржуазии. А тот класс, чью старую социальную власть она санкционирует, — буржуазию — она лишает политических гарантий этой власти. Политическое господство буржуазии втиснуто ею в демократические рамки, которые на каждом шагу содействуют победе противников буржуазии и

ставят на карту самые основы буржуазного общества». Но это противоречие, обостряющееся в периоды серьезных общественных смут, в повседневной практике поступательного капиталистического развития преодолевается быстро и безболезненно. *Класс капиталистов сумел и демократические институты превратить в орудия своего классового господства*⁸.

Подтверждением гегемонии, достигнутой не только над всей политической структурой, но и, что знаменательно, над социалистическими партиями (за исключением несогласного меньшинства) явилось летом 1914 года присоединение каждой из этих партий к соответствующему «патриотическому» фронту: во Франции такой фронт носил помпезное, несколько комическое наименование *Union sacrée* [Священный союз]. «Очень немногие писатели и художники, — писал о *Германии* Эдмон Вермейль, — сумели устоять перед безумием всеобщего энтузиазма и священного союза»⁹. То же самое можно сказать и о других странах, вступивших в войну. Как правило, в работах, посвященных этим вопросам, справедливо подчеркивается «духовная мобилизация», способность милитаристской пропаганды опутать всех своей сетью, привлекая к себе на службу интеллектуалов; совершенно верно освещается соскальзывание различных социалистических партий к империалистической или субимпериалистической политике тех или иных стран: к этой теме мы вскоре вернемся. Но зачастую остается в тени основной феномен, определяющий после войны 1914 года развитие парламентских европейских «демократий». Это — кризис самого института, самый серьезный до массовой победы фашистских режимов; кризис, открывший дорогу авторитарным решениям, прежде всего итальянскому фашизму. В Италии, в частности, таковым кризисом было само вступление в войну, навязанное стране в мае 1915 года своего рода королевским «государственным переворотом». После чего, само собой разумеется, парламентская жизнь замирает, «замораживаются» парламенты, избранные до конфликта, но их влияние на общественные дела, *in primis* на самые важные из них — а именно на

войну — все время ослабевает во *всех* воюющих странах, будь то «демократии» в союзе с царем либо свирепые (согласно пропаганде Антанты) центральноевропейские «автократии». Власть военных безмерно возрастает; в Германии в последний год войны, в сущности, устанавливается диктатура генерала Людендорфа (будущего покровителя первых гитлеровских авантюр). Везде пытаются *tout court* «обходиться» без парламентского контроля. Целым этапом и немаловажной частью такого поворота к авторитаризму, обусловленного войной и богатого на последствия, является вовлечение социалистов в военную истерию.

Позже, когда в головах прояснилось, их стали с насмешкой именовать «социал-патриотами». Но вначале лишь небольшие, остававшиеся в меньшинстве фракции не соглашались с такой политикой. Военно-патриотический поток не захлестнул лишь итальянцев и русских из «большевистской» фракции, возглавляемой Лениным. До последнего боролся за мир высоконравственный человек, мудрый политик и знающий историк Жорес, убитый 31 июля 1914 года фанатиком из правых. Ко времени его похорон, 4 августа, несмотря на попытки *in extremis* профсоюзных лидеров, и несмотря на встречу (1 августа) французских и немецких социалистов, на которой было принято общее решение не голосовать за военные кредиты, уже повсюду возникли «священные союзы», и каждая партия равнялась на свое правительство, склоняя голову перед всеобщей мобилизацией. Тех, кто по-прежнему был не согласен, стали считать вражескими агентами.

Это была нижняя точка. Настоящее падение в пропасть после апогея, достигнутого всего два года тому назад, когда в Германии на выборах 1912 года социал-демократическая партия получила около 4,25 млн голосов из 12 млн избирателей, и Европа, как писал Бродель, стояла «у края социализма». Но трезвость, с какой мы сегодня оцениваем ту или иную ситуацию, легко нам доставшаяся, не должна помешать нам разобраться в *механизме*, определившем столь плачевный исход. То был механизм неизбежной, про-

грессирующей *интеграции*, которая является оборотной стороной вхождения в систему. Русским социал-демократам («большевистской» фракции) было легче противостоять неодолимой силе, которая захватила всех остальных: само положение вне закона и открытое противостояние самодержавию оберегало эту партию от патриотических тенденций. В Италии тоже сложилась особая ситуация: не зря Энгельс указывал в своем «завещании» 1895 года, что «романские» партии все еще являются по сути экстремистскими и мало привержены выборной парламентской борьбе. В самом деле, итальянские социалисты, разобщенные, подвергаемые после Капоретто давлению и прямому шантажу, лучше умели противиться все более разнузданной оргии патриотизма.

Такое положение вещей не сложилось в одночасье. Опасность войны в Европе существовала и в предшествующие годы. Со дня на день все ожидали столкновения между империалистическими державами. Вильгельм II не делал тайны из своих намерений; Франция всегда была готова к реваншистским выпадам из-за Эльзаса; Англия не могла потерпеть, чтобы Германия, чей флот увеличивался с каждым днем, оспаривала у нее мировое господство, и всеми средствами пыталась добиться союза с Россией, натравить этого гиганта на восточные границы Рейха. Таков был расклад сил. Поражает тон одного письма Энгельса, написанного в октябре 1891 года, когда в воздухе носилась опасность войны против союза России и Франции. Старый патриарх, напуганный такой перспективой, пишет: «В случае победы России мы будем раздавлены. А потому, если Россия начнет войну, — вперед, на русских и их союзников, *кто бы они ни были.* /.../ Мы еще не забыли славного примера французов 1793 г., и если нас к тому вынудят, то может случиться, что мы отпразднуем столетний юбилей 1793 г., показав при этом, что немецкие рабочие 1893 г. достойны санкюлотов того времени»¹⁰ (!). А в письме, относящемся к следующему году, договаривается до того, что в Германии «революция может произойти только

из армии». В общем, смычка различных Шейдеманнов с правительством во имя родины идет издалека.

И находит — в этом, следует отметить, и состоит специфика немецкой ситуации — подготовленную почву в межклассовой солидарности, которую во имя «германской», «органичной» демократии прилежно взрыхляли как власти, так и интеллигенция в те месяцы массового безумия летом 1914 года. «Не должно быть никаких разногласий между классами и конфессиями, между вышестоящим и нижестоящим, между культурным и некультурным, — твердил Виламовиц, светило Берлинского университета, в своих «Речах военного времени». — Единство — залог здоровья нашего народа. Сын князя и благородный вождь социалистов скрепили его своей кровью. Да будет проклят тот, кто пытается подорвать его!» (например, еврейка Роза Люксембург, которая разъясняет, рискуя жизнью, что «главный враг» находится в собственной стране...)». Вот что еще говорил в эти месяцы Виламовиц:

Больше никто в Германии не должен чувствовать себя одиноким, *разве что по собственной вине* /это похоже на угрозу/. Никогда отдельная личность столько не значила для государства; никогда власти не вторгались так глубоко в жизнь отдельной личности, налагая предписания и запреты. Никогда они не встречали столь единодушной покорности. В этом благословение нашего военного воспитания: тому, кто командует, оно внушает чувство ответственности; тому, кто подчиняется, — мысль о необходимости подчинения¹².

Молодой Либкнехт не ошибался, когда называл армию кузницей консенсуса.

ТРЕТЬЯ РЕСПУБЛИКА

Есть некие исходные декорации, среди которых появляется на свет Третья республика. Это — массовый расстрел *нескольких десятков тысяч* коммунаров. Маршал Мак-Магон, руководивший операцией и устроивший «кровавую неделю», и генерал Галлифе, который после расправы над коммунарами «благородно» отказался от продвижения по службе, ибо «одержал победу над французами», в равной мере ответственны за это славное деяние. Мак-Магон даже стал президентом республики (1873—1879), сразу после Тьера (1871—1873). Мак-Магон насчитал около пятнадцати тысяч «расстрелянных на месте»; по подсчетам генерала Аппера их было семнадцать тысяч, а Жорж Буржен, хоть и намеренно занижая оценку, считал, что убито было никак не меньше двадцати тысяч¹. Однако же более выверенные данные, от Альбертини до Бонфуа, гласят, что расстреляно было не менее тридцати тысяч человек². Это число охватывает лишь казни, производившиеся «на месте». Следует добавить к этой «первой», отмеченной дикой яростью, волне репрессий бесконечные судебные процессы над сорока тысячами арестованных; 10 137 из них были приговорены к разным мерам наказания, включая высшую. К этим цифрам надо добавить сотни расстрелов, произведенных в самый момент «прорыва» и захвата повстанцев, которые шли сдаваться, все еще с оружием в руках. «Население, — писал Максим Дю Камп в своем монументальном труде «Конвульсии Парижа» (1878/79), — проявило изменную

жестокость. После двух месяцев навязанной им Коммуны обыватели и не пытались обуздать свою ярость; с каждым днем она возрастала стократно, производя омерзительное впечатление». Исходные декорации включают и это тоже: яростную враждебность *большинства*, доносы по малейшему подозрению.

Даже в наш жестокий XX век редко случалось, чтобы столько людей было расстреляно за один раз. А в те времена это было неслыханно. Победители избрали путь массового уничтожения противоборствующего класса, решившись *истребить всех активных участников социально-политического переворота*, потерпевшего поражение. Прекрасный пример расправы над целым классом в самом сердце «цивилизованной» Европы, более того — в ее признанной столице. Буржуазия решила продемонстрировать, что вполне способна применить «методы 93-го года» и против «четвертого сословия» тоже. Когда пытаются, а такие попытки предпринимаются не один год, установить, «кто начал» затяжную «гражданскую войну», прошедшую через весь XX век, следовало бы иметь в виду этот важный прецедент.

Последующие конвульсии, натужное воздвижение «республики», в которой «республиканцы» явно не составляли большинства, опасность реставрации монархии (она не удалась из-за смехотворного упрямства графа Шамбора, «законного» наследника и потенциального Генриха V: тот отказывался принять трехцветное знамя и требовал восстановить лилии на белом фоне); партийный альянс между орлеанистами и бонапартистами, которые стремились установить новую монархию выборным путем; неудавшиеся государственные перевороты — все это в конце концов отодвинуло на второй план сам чудовищный акт рождения республики, заставило забыть о нем. Ослабление, на долгие годы, социализма во Франции после такого «классового геноцида» было, наверное, определяющей чертой Третьей республики — по крайней мере до Первой мировой войны. Амнистия осужденным коммунарам была первым требо-

ванием, с которым левые силы вышли на парламентскую арену. В рядах «республиканцев» (в сущности, под этим термином подразумевался немонархический «центр») враждебность по отношению к Коммуне не ослабевала: репрессии, которые проводил Тьер, «способствовали тому, что республика получила поддержку в провинциях»³. Жаль, что казненные коммунары не смогли по достоинству оценить того, что они были принесены в жертву во имя Республики, им и в голову не могло прийти, что победившему «большинству», будто какому-нибудь первобытному идолу, понадобятся человеческие жертвы.

Другой аспект поражения демократии, из которого выросла Третья республика, — это, как и следовало ожидать, как оно и случается при всяком отступлении демократии, неявка на выборы. С изящным цинизмом анонимный автор статьи «Suffrage» [«Избирательное право»] в энциклопедическом труде, весьма характерном для «духа» Третьей республики, «La Grande Encyclopédie» [«Большая Энциклопедия»] в последние годы XIX века пишет:

Всеобщее избирательное право, со всеми его преимуществами и значительными недостатками, представляется все же настолько необходимым институтом, что даже граф Парижский вынужден был включить его в свою программу восстановления старинной монархии⁴. Подлинная проблема, — добавляет автор, — в другом: надобно видеть, как оно работает на деле. В теории оно должно представлять собой *господство чисел*, но в действительности, из-за огромного количества неявок на выборы (от 20 до 30%) и благодаря тому, что формируются меньшинства, иногда чрезвычайно сильные, получается так, что более половины избирателей не имеет представительства в парламентских ассамблеях.

Одна фраза заслуживает комментария. Автор статьи имеет в виду, что одномандатная избирательная система *исключает* из парламентского представительства все меньшинства; это — хорошо известный факт: миноритарные политические формирования или передают, когда это

возможно, своих избирателей другим кандидатам, представляющим другие политические силы, или «транжируют» голоса (как об этом принято говорить в элегантно-модном тоне), поскольку волеизъявление их избирателей не приводит к избранию какого-либо депутата. Когда меньшинства имеют солидную базу (и все-таки остаются «изолированными» в политических играх), весьма солидная часть *проголосовавших* остается без представительства. Если к этому прибавить немалое число не явившихся, получим результат, который изобличает анонимный автор словарной статьи: большинство имеющих право голоса исключается из представительства.

Дальше в статье приводится интересное сопоставление статистических данных — количества проголосовавших и не явившихся на выборы 1881, 1885 и 1893 годов:

	<i>Проголосовавшие (чел.)</i>	<i>Не явившиеся (чел.)</i>
<i>1881</i>	6 944 531	3 180 000
<i>1885</i>	7 896 062	2 433 948
<i>1893</i>	7 427 354	3 018 894

В среднем получается два проголосовавших на одного не явившегося. А в 1848, 1851 и 1857 годах (Вторая республика и Вторая империя) неявка на выборы была представлена следующим образом:

	<i>Проголосовавшие (чел.)</i>	<i>Не явившиеся (чел.)</i>
<i>1848</i>	6 867 072	1 453 592
<i>1851 (Плебисцит)</i>	8 140 660	1 698 416
<i>1857 (Парламентские выборы)</i>	6 222 083	3 268 123

Очевидно, что процент неявок резко подскочил, когда бонапартистская система, победившая и сделавшая первые

триумфальные шаги, установилась как строй в покойной и расслабляющей атмосфере Второй империи. Неявки в Третьей республике держатся на том же уровне, что и в наименее «политизированный» период Империи.

Автор словарной статьи (он не фокусирует внимание на данных за 1848–1850 годы, поскольку хочет представить данное явление неизменным, «физиологическим»⁵) делает следующий вывод: «*Почти* во всех случаях число голосовавших и добившихся представительства в парламенте не составляет и половины от всех избирателей». Немаловажная деталь французской избирательной практики, относящаяся к «контролю над голосованием» (обязательному на всех избирательных участках), состоит в том, что лишь в 1913 году, после долгого сопротивления Сената, появились в обиходе кабин для голосования и конверт, куда после голосования вкладывался бюллетень, «официально» врученный председателем избирательной комиссии избирателю: то и другое было призвано гарантировать тайну голосования. Легко представить себе, какой контроль над голосованием, особенно во французской провинциальной глубинке, допускал механизм, столь открытый для внешнего влияния, как тот, что существовал до 1913 года, особенно если учесть ведущую роль мэра в процедуре выборов. Не зря Кнупфер в «*Staatslexicon*» [Государственный лексикон] католического «*Görres-Gesellschaft*» [Общество им. Гёрреса] (II, 1926, р. 138) педантично изобличает сей невероятный феномен: происходя из сердца лучшей немецкой католической историографии, эта нотация выглядит особенно смачно, если учесть, что Франция Третьей республики после *Séparation** (9 декабря 1905), то есть после одностороннего отказа от еще наполеоновского Конкордата, стала знаменем буржуазного антиклерикализма⁶.

В конце 1920 года Джеймс Брайс, бывший посол Британской империи в США, к тому же автор двух работ по динамике развития империй — «*Holy Roman Empire*»

* Отделения (*фр.*); здесь: церкви от государства.

[«Священная Римская империя»] и «The American Commonwealth» [«Американское содружество»] — посвятил очередной труд современным демократиям (с краткой преамбулой касательно Греции), и именно в связи с Третьей французской республикой заговорил о «профессии» парламентария. «Депутаты, — пишет он с немалой долей иронии, — оскорбляют друг друга в Палате, затем братаются в кулуарах и изощряются во взаимных комплиментах, расхваливая красноречие друг друга. Всюду царит дружелюбная атмосфера camaraderie*». Затем он переходит к деликатной теме, которой часто избегают: к теме «самоназначения» жалования, процедуре, которая ведет к тому, что избранные депутаты превращаются в особую прослойку. «Депутат получает жалование 27 000 франков в год. Долгое время эта сумма составляла 9 000 франков, но в 1906 году депутаты проголосовали за увеличение своего годового содержания, к явному неудовольствию нации». Тут он задается вопросом: «Можно ли их считать профессиональными политиками?» И отвечает: «Относительно немногие прошли в Палату единственно с целью заработать себе на жизнь. Но очень многие стремятся остаться там именно потому, что навсегда распрощались со своей прежней жизнью».

От него не укрылось, что основным пунктом здесь — не жадность парламентской прослойки, хотя и она имеет место, а отношения парламентариев со средоточием экономической власти:

Депутаты имеют обыкновение, — пишет он, — появляться перед избирателями по меньшей мере раз в год, как в Англии, и докладывать им о политическом положении; это предоставляет избирателям возможность задать депутатам вопросы касательно их работы в парламенте. Но, — замечает Брайс, — вовсе не из-за своей позиции по важным политическим вопросам, которые обсуждаются в Палате, депутат (если только он не социалист) сохраняет свое место или теряет его.

* Товарищества (фр.).

Это означает, что отношения между избранниками и избирателями только на первый взгляд основываются на *партийной оптации*: на самом деле во главу угла положены специфические «частные» интересы, защиту которых избранный депутат обязуется (или его обязуют) гарантировать; такие обязательства он принимает перед избирателем, отдавшим ему свой голос. Отсюда магматический и колеблющийся характер политических сил (кроме социалистов), представленных в Палате, еще более усиленный одномандатным механизмом. Правда, сам Брайс в другом месте отмечает, что после выборов 1919 года обнаружилось человек двадцать депутатов, не имевших никакой партийной принадлежности. Но пока что речь идет об обычной парламентской рутине: интересы, защищаемые *ad personam**, в обмен на голоса. Больше удручает другое: то, что «те немногие, кому доверено представлять интересы крупных финансистов или коммерсантов, не слишком боятся нападков своих самых яростных противников в избирательных округах: ведь им легко добыть средства (которыми их щедро снабжают), чтобы обеспечить себе, наперекор каким бы то ни было влияниям, преданность большинства своих избирателей». Иными словами: коль скоро они состоят на службе у экономических магнатов, то могут купить себе столько голосов, сколько пожелают.

Поэтому Брайс отмечает: «Основная разница между французским и американским профессиональным политиканом состоит в том, что последний всегда зависит от своей партийной организации в гораздо большей степени», а значит — уточняет он — «американский politician может легче найти способ делать дела, даже вернувшись к положению частного лица». В том и в другом случае «делать дела» становится не только первостепенной задачей, но и главной целью вхождения в политическую прослойку⁷.

* Лично (лат.).

Другая деталь, дополняющая картину, касается специфической природы французской «верхней» палаты, Сената: института, которому приписывается представительская роль ввиду присутствия там крупных политических фигур, и роль уравнивающая в практической деятельности.

Он состоит из 314 членов (первоначально их было 300), избираемых на девять лет; каждые три года состав обновляется на одну треть. Пополнение его — результат сложной, двухступенчатой выборной процедуры. Сенаторов выбирают так называемые «выборщики по праву» (депутаты, генеральные советники и окружные советники от каждого департамента), а также «сенаторские депутаты» (которых выбирают коммунальные советы каждого департамента за месяц до выборов в Сенат). Таким образом, создается абсолютно консервативный законодательный орган, дисциплит и квинтэссенция нобилитета: более чем понятно, почему именно отсюда исходило столь яростное сопротивление отмене избирательного механизма, который позволял местным нотаблям осуществлять фактический контроль над собственными избирателями.

Определяющая черта французских выборов вплоть до конца Третьей республики (несмотря на исключение, которое представляет собой успех «Народного фронта» на выборах 1936 года) состоит в приливе и отливе того или иного большинства, состоящего из сил, определяемых как республиканские или радикальные. Беглый взгляд на политические группировки поможет нам лучше разобраться в этом вопросе.

Пробыв какое-то время в большинстве, правые партии, монархисты различных тенденций уже в первый год президентства Мак-Магона (1876) это большинство утратили, в частности, из-за постоянных разногласий между легитимистами, орлеанистами и бонапартистами. Очень скоро превратившись в парламенте в маргинальную фракцию, монархисты сосредоточили свою деятельность на религиозных вопросах и на противодействии антиклерикальной политике правительств, сформированных на «радикальной» основе:

во время министерства Комба такая политика привела к *Séparation*. Против такого рода *Kulturkampf** по-французски была образована группировка, особенно влиятельная в Вандее и в Бретани, под названием *Action libérale populaire* [Либеральное народное действие].

Когда исчезла угроза восстановления монархии, республиканцы разделились на умеренных («оппортунисты» Гамбетта) и «радикальных». Дальнейшее дробление этих основных групп привело к появлению формирований, именуемых по-разному («прогрессисты» под предводительством Мелина, «левые республиканцы», «республиканские демократы» и т. д.), но на самом деле эти группировки принадлежали к центру или даже клонились вправо, поддерживая жесткую консервативную экономическую и социальную политику.

Преобладающей группой, которую можно было бы определить как левоцентристскую, являлись радикалы. Состав этой группы тоже был комплексным, она образовалась из слияния *Gauche radicale* [Радикальных левых] и *Groupe républicain radical-socialiste* [Республиканская группа радикальных социалистов] Жоржа Клемансо (который в начале своей карьеры тщетно пытался посредничать между Коммуной и Тьером). Его идеология была чисто «ретроспективной», он призывал вернуться к ценностям Французской революции (конгресс в Нанси, 1907), но при этом категорически отрицал классовую борьбу и «какую бы то ни было форму насилия в политике» (несколько подзабыв, какой яростью и злобой сопровождалось рождение Республики). Но подобная расстановка сил в социально-политической борьбе не оставалась неизменной. Как их далекие предки в 1793 году, радикалы должны были делать выбор, склоняться в ту или другую сторону. Их антиклерикализм не

* «Война культур» (нем.) — первоначально термин применялся к предпринятым Бисмарком в 1871 г. мерам по выводу образовательных и культурных учреждений из-под влияния церкви и передаче их под управление государства. (Прим. ред.).

мог подсказать им пути решения конкретных проблем, которые становились все острее; их демократизм вылился в умеренную форму антимонополизма: они провозгласили себя защитниками средних и мелких собственников перед лицом индустриальных колоссов. Позже, в 1935 году, в их программу вошли следующие утверждения: «Придет время, когда закон, обязательный для всех, установит распределение заработной платы и совместное управление производством». «Эта мирная революция, — значитсся далее в программе, — приведет к слиянию классов и к социальной справедливости». Под руководством Эдуара Эррио радикальная партия вскоре стала самой сильной во Франции: 25% голосов на выборах 1919 года, 35% на выборах 1924 года; потом их популярность упала до 19–20% (1932), а в 1936 году радикалы вошли в Народный фронт, что не помешало им в самый момент катастрофы взирать на Петэна с некоторой симпатией.

Другая политическая сила, мало-помалу выходящая на сцену, — это маленькая социалистическая галактика, долгое время расколотая на ортодоксов и «поссибилистов». Однако до 1914 года, несмотря на умелое руководство Жана Жореса, социалисты никак не влияли на политику страны. В 1920 году на конгрессе в Туре от них откололись коммунисты; еще раньше, после убийства Жореса в 1914 году, социалисты примкнули к Священному союзу; все это еще более ослабило партию и обострило ее внутренние противоречия.

Чтобы понять, как функционировала Третья республика, следует снова обратиться к Брайсу. Кроме парламентариев-социалистов,

кандидаты выдвигают себя сами — не афишируя свою принадлежность к какой-либо партии — точно так, как поступали кандидаты в Англии в середине прошлого века, до того, как партии начали организовываться на местах. Когда кандидат избирает свою линию, вокруг него формируется группа, состоящая из местной верхушки, которая его поддерживает: она образует нечто вроде комитета. /.../ Но могут появиться и

другие кандидаты, принадлежащие к той же самой фракции республиканской партии, или к фракциям близким; и каждый заявляет о себе, стараясь подчеркнуть не столько своеобразие своих мнений, сколько свои личные достоинства и тот пыл, с которым он обещает наилучшим образом защищать интересы округа /.../. Нет никакого установленного порядка /в политике снятия кандидатур/; и крайний радикал может оказаться ближе к социалисту, чем к республиканцу несколько более умеренной окраски, в то время как есть умеренные республиканцы, очень мало отличающиеся от консерваторов /.../. Выборы бывают двух типов. На первых складывается более или менее явная коалиция на основе антиклерикализма, в которой центральные и левые группы выступают против правых. Выборы другого типа представляют некую комбинацию, или коалицию, между центром, то есть умеренными республиканцами, и правыми на платформе антисоциализма и общественного порядка против социалистов и более передовых республиканцев. Выборы 1906 года принадлежали к первому типу, выборы 1919 года — ко второму.

Что изумляет наблюдателя, хотя и привыкшего к отнюдь не жесткой англосаксонской практике, так это то, что практически отсутствует как связь местных избирательных комитетов с руководством «партии» в Париже, так и политическая координация.

Причина в том, что большинство граждан имеют менее определенные и не такие тесные отношения с какой бы то ни было партией, чем это наблюдается в странах английского языка. Парламентские группы вообще не представляют соответствующие группы в различных регионах страны. /И заключает:/ избирательные комитеты подобны тому, что мы в Шотландии обычно называем «кликами». Иногда в составе «клики» встречается какой-то сильный человек, аналогичный американскому *боссу*, но чаще всего каждый из депутатов — сам себе *босс*⁸.

Этот анализ, проникающий в самую суть парламентского механизма, является полезным дополнением к книге, в которой лучше, чем где бы то ни было, описаны невероятная устойчивость и непреходящее влияние буржуазных

«великих династий» в период Второй империи и Третьей республики: «Les responsabilités des dynasties bourgeoises» [«Ответственность буржуазных династий»] Эмманюэля Бо де Ломени — эту книгу ее автор, едва достигший сорокалетнего возраста, начал писать, когда Третья республика погибала под ударами немецкого вторжения. «Великие французские династии не утратили своего могущества, наоборот, после крушения всех учреждений они влиятельны, как никогда», — писал он во вступлении. И, разумеется, самой жизненной частью этой замечательной книги является описание «осмоса» (вплоть до взаимозаменяемости) политических группировок.

Историки обычно утверждают, что в Сенате консерваторы, как правило, имели преимущество всего в несколько голосов, в то время как в Палате республиканцы пользовались значительным преимуществом. Это теоретически верно, *если обращать внимание на ярлыки*. В Сенате среди так называемого республиканского меньшинства мы обнаружим не только новобранцев орлеанистского происхождения, прошедших по списку несменяемых, но и, после январских выборов, /.../ Кунен-Гридэна, сына министра в правительстве Луи-Филиппа, или Ваддингтона, бывшего министра в правительстве Тьера /который заправлял страной до 1848 года/.

Именно неперенное присутствие буржуазной элиты, то есть власти денег, и ее длительное господство над французским обществом и являются причиной того, что политические группировки становятся, в сущности, неразличимы. Показательна в этом смысле карьера организатора попытки государственного переворота (1886) бонапартистского толка генерала Буланже, которого обхаживали обе группировки, хотя изначально он являлся ставленником Клемансо⁹.

Но фигурой, символизирующей Третью республику, является не Буланже, а Пьер Лаваль (1883 — казнен 15 октября 1945), в основном благодаря общему ходу и отдельным этапам его карьеры. Вначале он — мэр Обервилье, затем,

в 1914 году, депутат-социалист, избранный от департамента Сены. Когда вспыхивает война, он уже фигурирует в «тетради В» — списке экстремистов, подлежащих аресту в случае всеобщей мобилизации¹⁰. После войны он порвал с социалистической партией и в 1919 году остался без мандата. Через пять лет, в 1924 году, был снова избран, но как «независимый». Вскоре предпочел перейти в Сенат: выборы в этот орган, еще более чем выборы в одномандатных округах, были подвержены влиянию именитых граждан и их клиентуры. Так в 1927 году он стал сенатором. Министр общественных работ в правительстве Пенлеве, яркий представитель радикал-социализма, помощник секретаря президента и министра иностранных дел у Аристиды Бриана (1925–1926), Лаваль вернулся к власти в 1930 году, в составе кабинета Тардье, лидера «Республиканского центра», заняв пост министра труда. Он почти непрерывно фигурировал в правительстве, с тех пор и до победы Народного фронта в 1936 году, большей частью как премьер-министр, но иногда как министр иностранных дел, участвуя во всех коалициях центра с правыми, чередуясь с Фланденом, тоже замешанным в деле Виши. Хитрый, наглый экземпляр самодовлеющей, непотопляемой политической касты, он прекрасно чувствовал себя внутри той «демократии», каковой являлась, вплоть до своего бесславного конца, Третья республика. «Вишистский» исход был в каком-то смысле предсказуемым, хотя и самоубийственным.

Две жизни можно сопоставить, чтобы понять и противоречия, и идеальные предпосылки, и ошибки целой эпохи, которая скрывается за формулировкой «Третья республика»: Жана Жореса и Жоржа Клемансо; первый — лидер социалистов, способствовавший на конгрессе в «Salle du Globe» (Париж, 1905) их воссоединению; второй — лидер радикал-социалистов, начинавший как мэр Монмартра в бурные дни Коммуны. Их дружба и политическое сотрудничество прервались, когда шестидесятипятилетний Кле-

мансо, впервые в жизни ставший министром, железной рукой подавил забастовки в Лансе и Денене. Умом первого владел призрак нации, призванной к оружию и ведомой к победе группой лидеров, поклявшихся в верности Республике; второй, умеренный реформатор, никогда не терял из виду классовый характер конфликтов. Жорес, противник войны (поскольку предвидел следующий за ней распад социалистического движения), был убит как раз накануне рокового августа 1914 года. Клемансо прожил лучшую свою пору как глава военного правительства, с 1917 года, когда казалось, что Антанта терпит поражение; он считал, будто вновь вызывает к жизни республиканско-патриотическую эпопею, призванную повторить неожиданные, стремительные победы 1793–1794 годов, без стеснения предоставляя французским генералам, применявшим репрессивные, карательные меры, политическое прикрытие. Слова о том, что при повторении эпопея сменяется фарсом, ему так и не припомнились. Более того: когда после войны Клемансо претендовал на пост президента республики (1920) и его постигло жестокое разочарование, после которого он со всей надменностью подал в отставку и удалился писать мемуары, он посвятил пламенный труд *Демосфену* (Плон, Париж, 1926): в истории древнегреческого оратора легко узнавался жизненный путь, огромное самомнение и финальное крушение иллюзий самого автора. Греческая «демократия», прочитанная, как всегда, *ad usum delphini**, снова исполняла роль зеркала, в которое смотрелась современность.

В 1901–1904 годах Жорес выпустил монументальный труд *Histoire socialiste de la Révolution française* [«Социалистическая история Французской революции»], самая выстраданная глава которого посвящена Террору и его горестной «неизбежности», поскольку он был единственным средством обеспечить «единство Революции»¹¹. Со своей

* Для пользования дофина (*лат.*), т. е. в сокращенном, приглаженном варианте.

стороны, Клемансо, который тоже пришел к пониманию Революции как «глыбы», от которой нельзя отколоть ни куска, а следовательно, должно принимать ее *in toto**, включая Террор, сделал в этой связи красивый жест на публику: присутствовал на вступительной лекции Олара (12 марта 1886) во время торжественного открытия первой в Сорбонне кафедры истории Французской революции, за которую боролся Мильеран и которую занял Альфонс Олар.

В таком совпадении таилась двусмысленность. Для Клемансо Террор представлял собой оружие, в чрезвычайных обстоятельствах послужившее делу победы патриотов над захватчиками. В этом с ним мог согласиться и Шарль Морра, которого восхищала роль Комитета общественного спасения в действенном «сопротивлении чужестранцам»: «Общественное спасение: в этих словах заключается все, что ни есть смелого, честного, патриотического во Французской революции», — писал основатель *Action française* [Французское действие] в «*Le soleil*» [«Солнце»] за 17 марта 1900 года. Через год Леон де Монтестье опубликовал «*Le Salut Public*» [«Общественное благо»]. Для Жореса Террор также — а может, и главным образом — был жестоким, но кратчайшим путем свершения необходимого правосудия. В самом деле, вовсе не Дантона — организатора восстания в армии так ненавидела «другая Франция», которая, не так уж и неожиданно, проявила себя в Виши, но Дантона — радикала, аболициониста, утвердившего декрет от 16 плювиала; а более всего — Робеспьера, в котором видели, по праву или нет, зачинщика классовой борьбы внутри одной нации. Жорес опубликовал одну его неизданную заметку, возможно, относящуюся к сентябрю 1793 года: «Когда интересы богачей сольются с интересами народа? Никогда».

Когда Третья республика была похоронена в Виши, довольно долго казалось, будто «другая Франция» выиграла партию, длившуюся более сотни лет.

* В целом, целиком (*лат.*).

ВТОРОЙ ПРОВАЛ ВСЕОБЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Подавлением Коммуны, а также провалом «антисоциалистических законов» Бисмарка обусловлено предпочтительное внимание к иным формам борьбы: профсоюзной, выборной, постепенной. Подкрепленные авторитетом позднего Энгельса и его ученика Каутского, эти формы лежат в основе деятельности немецкой социал-демократии на рубеже XIX—XX веков, становятся определяющими для нового Интернационала («Второго»), начало которому было положено на съезде в Брюсселе (1891), а в 1900 году было учреждено Bureau socialiste international [Интернациональное социалистическое бюро]; и, несмотря на дискуссии и многочисленные расхождения (до 1905 года во Франции продолжали существовать две соперничающие социалистические партии), являются тактической основой всего движения. Центральное положение Германии, ее растущая мощь способствовали, разумеется, тому, что престиж ее «социализма» возрастал не только на континенте, но и во всем мире.

Но была в Европе другая, гигантская, страна, для которой тактика, уже ставшая доминирующей, представлялась неактуальной, а «революционный» путь к демократии по-прежнему казался единственным реально осуществимым — царская Россия, где совсем недавно (1861) были «освобождены» крепостные крестьяне, и вся огромная страна до сих пор управлялась самодержавно, особенно после покушения на Александра II, поборника конституционных

нововведений, которые так и не были внедрены в жизнь из-за упорного сопротивления косных господствующих классов. Так или иначе, уже в 1863 году восстание в польских губерниях, подавленное с помощью Пруссии, развеяло атмосферу реформ, какой дышало русское общество два года тому назад, в момент освобождения крепостных (которым, впрочем, не предоставили обещанных земельных наделов). При Александре III реакция ужесточалась по мере того, как нарастал террор нигилистов (среди казенных в 1887 году был брат Ленина). Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода православной церкви и наставник царя, был самым убежденным и влиятельным сторонником усиления репрессий — их орудием служила мощная тайная полиция («Охранка»), — а непосредственной его целью была насильственная русификация польских, прибалтийских, финских губерний и внедрение православия как средства приведения к покорности царю, лидеру не только политическому, но и «религиозному».

Эрик Бранденбург, историк-пангерманист из Берлинского университета, который к концу первого мирового конфликта был близок к кругам, стремившимся установить военную диктатуру¹, открывает главу «Русская мировая империя» в последнем томе «Всемирной истории» Пфлюгк-Гартунга следующим сопоставлением расистского толка: «Наверное, не существует среди европейских народов столь различных между собою государств, как Англия и Россия. В первой получают наиболее широкое выражение свобода и личностное сознание; во второй ведет апатичное, растительное существование толпа, управляемая сверху, для которой царь — и монарх, и священнослужитель, и отец». Там, продолжает он, «богатая и бессовестная знать пользуется исключительным политическим влиянием» на «нищих, неграмотных крестьян»; противоречие, усугубленное отсутствием «сознающего свою силу, процветающего среднего класса» (VI, р. 439). Такая картина, вызывающая то ли сочувствие, то ли презрение, предполагает *чужеродность* России по отношению к европейскому миру. Чуть

ниже Бранденбург пишет: «Если не считать пограничных территорий, там /в России/ европейскую цивилизацию можно встретить лишь в непосредственной близости от немецкой расы».

На самом деле такой взгляд на Россию как на особый, отдельный от Европы мир является зеркальным отражением и мировоззрения панславистов, и той идеи, которая начинает распространяться среди русских социал-демократов: идеи о специфике русской ситуации, а значит, о необходимости идти другим путем, не сходным с тем, какой избрал европейский социализм. Разумеется, аналогия дальше не идет, но она не лишена значения.

Картина, конечно же, вовсе не так проста, как может показаться на первый взгляд. Прежде всего, и экономика, и политика России становятся разнообразнее и сложнее в начале нового века, в годы, предшествующие русско-японской войне (1904) и революции 1905 года. Но гораздо более сложным, чем то казалось Бранденбургу и таким западным обозревателям, как Энгельс, был сам социальный состав «отсталой» империи: крестьянская община — важность которой подчеркивали народники, убежденные, что Россия не должна догонять Запад, следуя тем же путем развития, — была особой формой «демократии», или по меньшей мере ее значимой предпосылкой; возможно, предпосылкой ее альтернативного развития. С таким прогнозом не были согласны ортодоксальные марксисты, мало расположенные воспринимать прогнозы, отличные от тех, что были намечены, хотя бы в общих чертах, в футурологических прозрениях, рассыпанных по произведениям Маркса.

Тем не менее в последнее десятилетие XIX века в России действительно начинается капиталистическое развитие по западному образцу, ознаменованное, так же как и в Европе, строительством железных дорог. Следовательно, попытки русских социал-демократов обоих направлений («экономистов» и последователей Ленина) наметить возможный путь преодоления царизма, постепенный ли, или

революционный, но подобный «западному», были так или иначе связаны с назревающими переменами.

Но до того как ход событий ускорился и всю империю потрясла революция 1905 года, представлявшая собой нечто гораздо большее, чем «первый этап» 1917 года, в среде русской и немецкой социал-демократии разгорелась дискуссия вокруг вопросов «партийной тактики». Две противоположные концепции отражены в знаменитых работах: «Что делать?» Ленина (1902) и, как резкий ответ на нее, — «Наши политические задачи» Троцкого (1904), к мнению которого в том же году присоединяется Роза Люксембург в своей статье «Организационные вопросы российской социал-демократии». Тем временем прошел второй съезд Российской социал-демократической рабочей партии (июль—август 1903); он работал подпольно, сначала в Брюсселе, затем, когда бельгийская полиция выдворила делегатов, в Лондоне. На этом съезде Ленину удалось провести свои тезисы; успех не был прочным, но на время обеспечил его соратникам большинство, откуда и пошло название «большевики», стойко прикрепившееся к ним, употреблявшееся, даже когда они это большинство утрачивали. Программа, которая временно победила, — победила *внутри* этой группы подпольщиков — наметила «конечные цели» (социалистическую революцию) и «непосредственные» задачи ввиду близящейся «буржуазно-демократической» революции (двухэтапное развитие, которое Маркс ошибочно предсказал для Германии в последней главе «Манифеста», снова ставится на повестку дня): свержение самодержавия и замена его демократической республикой, восьмичасовой рабочий день, уничтожение пережитков крепостного права, самоопределение наций. Но самая жестокая борьба на этом съезде разгорелась вокруг вопроса об организации партии.

То была вовсе не академическая дискуссия, а ключевой вопрос. Представление о партии монолитной, компактной,

спаянной принципом «демократического централизма» (тогда он еще назывался «бюрократическим»: определение «централизма» как «демократического» было принято русскими социал-демократами в 1906 году) имело явную связь с якобинской моделью, переосмысленной с целью создания более четкой и боевой организации. В другой работе того же самого периода («Шаг вперед, два шага назад», май 1904) Ленин предлагает формулировку, на которую обрушатся с яростной критикой его противники, Троцкий и Роза Люксембург: «Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*»². Это — метафора, но ее использование в таком контексте говорит о том, что Ленин принимает в позитивном смысле то явление и соответствующее слово, которое его противники (Аксельрод, Плеханов, Троцкий и т. д.) употребляли в полемике лишь в *отрицательном* ключе. Вот почему на той же странице Ленин упоминает об «избитой бернштейнианской мелодии о якобинстве, бланкизме и проч.!»; Аксельрод, по его словам, «кричит об опасности»; Ленин же *защищает* образ действий, подобный якобинскому, и клеймит *жирондистами* своих противников; то есть рассматривает совсем в ином свете термин, который в среде социал-демократии уже приобрел стойкие негативные коннотации. Для Ленина современный *жирондист* — «боящийся диктатуры пролетариата» и «вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований», и он-то «и есть оппортунист». Как и в других случаях, «ортодоксально» мыслят как раз его противники — достаточно вспомнить, как сурово судит Маркс политическую группировку якобинцев в своих работах о Революции³, — Ленин своеобразен и не ортодоксален, но он-то и стремится подтвердить свою сущностную верность Марксу. Он непосредственно обращается к его идее о «диктатуре (временной) пролетариата», переносясь, если можно так выразиться, к исходной точке того пути, какой прошел с тех пор европейский и *in primis* немецкий социализм; вот для чего ему нужна *метафора*

якобинства. Не исключено, что как раз это и повлияло на французских историков «робеспьеровского» толка, которые после 1917 года усматривали нечто вроде «короткого замыкания» между двумя революциями. Предпосылкой к тому, впрочем, была интерпретация, данная Жоресом как Террору, так и Робеспьеру.

Предметом спора или предложением для разрыва стала формулировка первой статьи партийного устава: «членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и *личным участием в одной из партийных организаций*» (текст написан Лениным), либо же «*всякий, кто действует под контролем партии*». Различие кажется незначительным и абстрактным, на самом деле это — жизненно важный вопрос: боевые члены партии находились вне закона и осуществляли свою деятельность подпольно, в то время как люди, принадлежавшие к более широкому кругу симпатизирующих, занимались своей профессиональной деятельностью и не должны были скрываться, переходить на положение «профессиональных революционеров». В России, где царская тайная полиция проникала во все поры общества, Ленин признавал единственно возможной партию «профессиональных революционеров», избранных и проверенных, а главное, «на полный рабочий день». Ответ Троцкого схоластический. Он преподает урок: «Якобинство не является некоей надсоциальной революционной категорией: это исторический продукт. Якобинство — высшая точка напряжения революционной энергии в эпоху самовысвобождения буржуазного общества /.../. Якобинцы были утопистами /.../. Якобинцы были чистыми идеалистами, и т. д.»⁴.

Ленин возражает язвительно и четко:

Тов. Троцкий очень неправильно понял основную мысль моей книги «Что делать?», когда говорил, что партия не есть заговорщическая организация (это возражение делали мне и многие другие). /.../ Он забыл, что партия должна быть лишь передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего

класса /.../. /.../ Он говорил нам здесь, что если бы ряды и ряды рабочих арестовывались и все рабочие заявляли о своей непринадлежности к партии, то странной была бы наша партия! Не наоборот ли? Не странно ли рассуждение тов. Троцкого? Он считает печальным то, что всякого сколько-нибудь опытного революционера могло бы лишь радовать. Если бы сотни и тысячи арестуемых за стачки и демонстрации рабочих оказывались не членами партийных организаций, это доказало бы только, что наши организации хороши /.../.

«Наши задачи» описаны ниже следующим образом: «организовать *в подполье* более или менее узкую группу руководителей», «привлечь к движению более или менее широкие массы». Эдвард Халлетт Карр так обобщил эти разногласия: «Одни себя считали *организацией трудящихся*, другие — *организацией революционеров*»⁵. Испытанием оказалась революция 1905 года, вспыхнувшая буквально через несколько месяцев. И для Ленина, и для многих других ее события явились доказательством того, что «стихийная» революция обречена на поражение.

Революция началась с «Кровавого воскресенья». Под предводительством попа Гапона, человека скользкого, сотрудника Охранки, который через год был разоблачен как провокатор и убит группой социалистов-революционеров, колонны манифестантов двинулись 22 января 1905 года к Зимнему дворцу, резиденции царя. Гапона направляли высшие полицейские чины. Петиция представляла собой смесь патриархальных иллюзий и революционных порывов; униженных просьб, обращенных к царю, и демократических требований, которые, будучи выполнены, означали бы конец самодержавия как такового. В частности, манифестанты требовали Учредительного собрания, политических свобод, восьмичасового рабочего дня и амнистии. Большевики везде, где это было возможно, внедрялись в среду фабричных рабочих (особенно в петербургские Путиловские заводы, основной центр движения), чтобы объяснить, сколь безумна тактика, навязываемая Гапо-

ном. Из подполья они бросили лозунг: «Свободу не купить такой дешевой ценой, как петиция, хотя бы ее и вручил поп». На пути манифестантов были выставлены войска; более тысячи человек погибли под пулеметным огнем. Царь, которого в последнее время представляют *кротким* Николаем II (кажется, нынешняя православная церковь собирается провести его канонизацию)⁶, вовсе не желал, чтобы повторилось 10 августа 1792 года (этот кошмар для всех монархий), и устроил манифестантам убийственный прием. У многих в руках были иконы и портреты царя. «Рабочий класс, — писал Ленин (в работе «Начало революции в России»), — получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни».

Но волнения не прекратились: уже на следующий день группы рабочих громили магазины, оружейные склады и разоружали полицию. На Васильевском острове выросли баррикады. Повсюду в огромной стране начались забастовки, их сопровождали кровавые стычки с полицией и войсками. Забастовки продолжались весь год — революция 1905 года, несмотря на жестокие репрессии, была одной из самых длительных в истории Европы — одновременно продолжалась все более чреватая поражениями война с Японией. При посредничестве президента Соединенных Штатов Теодора Рузвельта был подписан Портсмутский мир, что позволило царю выступить с предложением реформ, основным пунктом которых стало наконец создание парламента, *Думы* (6 августа 1905). Закон о выборах, подготовленный министром внутренних дел, обеспечивал большинство мест землевладельцам и тем классам, чей ценз был наиболее высок; мелкая буржуазия и рабочие, согласно тому же цензу, остались вне избирательного права; наемные сельскохозяйственные рабочие тоже не голосовали, поскольку не владели землей.

Фарс с выборами вызвал новую волну забастовок; чтобы усмирить их, царское правительство 17 октября

(30-го по григорианскому календарю) выпустило манифест, предоставлявший законодательную Думу, ряд политических свобод, но не восьмичасовой рабочий день. И все же это был успех основного органа борьбы, созданного в те месяцы, *Петербургского совета рабочих депутатов* (активным членом которого был Троцкий). Цель манифеста 17 октября была очевидна: отделить либеральную буржуазию — она и в самом деле вскоре сформировала «конституционно-демократическую» партию, КД, членов которой обычно называли «кадетами», — от рабочих, в среде которых продолжалось брожение. Результатом непрекращающегося социального давления явился закон о выборах, утвержденный в декабре 1905 года и предоставивший россиянам всеобщее избирательное право. Тем временем, чтобы ублаготворить международную финансовую верхушку, возглавить правительство пригласили графа Витте, бывшего министра финансов, теперь получившего пост председателя Совета министров (до сей поры не существовавший...).

Такой прорыв в области избирательного права был по существу сведен на нет реакцией, которую осуществляли системы скрытого насилия и полувоенные террористические формирования правых: наиболее известные из них, «Черная сотня» и «Союз русского народа», не только совершали убийства отдельных революционеров (Баумана, Афанасьева и др.), но и беспрепятственно устраивали *погромы*. Троцкий, возглавлявший Петербургский Совет, в начале 1906 года был арестован, но ему удалось бежать в Австрию. Уже после второй Думы (март—июнь 1907) избирательный закон был изменен в сторону ограничения права голоса; в то же время набирали силу преследования социал-демократов.

Революция 1905 года занимает особое место в истории демократии: в ее ходе можно наблюдать, как противостоят друг другу, пусть при очевидно неравных силах и с известным нам результатом, парламент, *Дума*, с одной стороны, и *Совет*, с другой. *Рождался новый субъект демократии*: совет бастующих рабочих, способных в момент конфликта

взять в свои руки власть на местах. Ему предшествовали такие типично русские формы базовой организации, как *община, мир, земство*.

Другой поучительный факт, в который раз наблюдаемый, заключался в том, что «самый опасный момент для плохого правительства — это когда оно приступает к реформам»⁷. Заявив и частично осуществив на практике свои «реформаторские» намерения, правительство параллельно развивает политико-репрессивные меры. «Оно устраивало собственные политические манифестации и одновременно силой разгоняло манифестации противника; расстреливались мирные демонстранты, но другим позволялось поджигать земство; никто не трогал тех, кто организовывал погромы, но стреляли в тех, кто осмеливался защищаться». Такую яркую картину «перехода к реформам» рисует Троцкий.

Третья черта, которая не может укрыться от историка, — то, что революцию привела в движение «всеобщая стачка». Отсюда и диагноз, поставленный Лениным в его «Докладе о революции 1905 года»: «/революция пятого года/ была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы — пролетарской». Аномалия, богатая возможностями. В 1906 году Ленин извлек последний урок из «сумасшедшего» года, как его определили реакционеры: «/.../ декабрьское выступление в Москве показало воочию, что всеобщая стачка, как *самостоятельная и главная* форма борьбы, *изжила себя*, что движение с стихийной, неудержимой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы, восстание». Из этого напрашивался вывод: «в следующий раз» необходимо вооружиться.

Тем временем Витте сошел со сцены, и появился Столыпин (1906–1911). Войска вернулись с Дальнего Востока, и он, объявив чрезвычайное положение, мог проводить судебные процессы и выносить смертные приговоры (было казнено более тысячи человек). Он приостановил деятельность второй Думы с ее реформаторскими поползновения-

ми, объявил выборы в третью (которая продержалась с ноября 1907 по 1912 год) на основе ограниченного права голоса, провел аграрный закон, выделявший богатых крестьян (*кулаков*) из сельской общины (*мира*) и укреплявший их связи с правительством, поддерживая, наперекор «общинной» традиции, крепкую частную собственность.

В 1911 году на Столыпина было совершено покушение, и он был убит, но его *социальное* наследие оказалось гораздо более важным, чем парламентские реформы и контрреформы: он способствовал созданию весьма многочисленного класса богатых крестьян (около 2 480 тыс. человек в 1916 году). В результате чего — как заметил Фриц Эпштейн — классовый антагонизм в деревне продолжал обостряться, придя к своему кровавому итогу после очередной гражданской войны уже в советскую эпоху⁸.

Тем временем, пока будущее оставалось туманным (сам Ленин в 1906 году и в мыслях не имел иного сценария, кроме «демократической» революции в России, которая ускорила бы победу социализма на Западе)⁹, такой новый, неожиданный фактор, как европейская война (1914), нарушил все прогнозы и все «программы». Очень скоро она привела к распаду самого Интернационала. Наконец-то маргинальным русским социал-демократам представился случай оказаться в центре событий, чего никогда не бывало прежде, а вскоре возникла и реальная платформа для объединения: крах царизма в феврале 1917 года.

Какое-то время казалось, что предвидение Энгельса («необходимо свержение царизма в России /.../ это придаст рабочему движению на Западе новый импульс и создаст лучшие условия для борьбы») сбывается на глазах. Разумеется, Энгельс и представить себе не мог, что вспыхнет мировая война; но динамика, описанная им, в самом деле совпадала с событиями тех месяцев, которые последовали за отречением царя и образованием в России республики, где гегемонии добилась партия, несомненно, наиболее многочисленная в стране: социалисты-революционеры (старой

народнической закваски) Керенского. В России рождалась «демократическая» республика, а в Германии социальная напряженность и раздоры внутри социал-демократии вылились в открытый раскол крупной основной партии и появление нового, более радикального формирования, Независимой социал-демократической партии (НСДПГ). Следовательно, импульс был задан, движение к революции на Западе началось? Многие думали так, помня или нет о прогнозе великого патриарха. Роза Люксембург, которая целый год (с февраля 1915 по февраль 1916) находилась в заключении за активное противодействие войне, а 16 июля была арестована снова, пишет своей подруге Луизе Каутской о России, вернее — как она выражается — об «искрах, которые, вырываясь на свободу, летят из России»: «Это наше собственное дело там одерживает триумфальную победу, это сама мировая история вступила в битву и в радостном упоении пляшет карманью!»¹⁰. И Спартаковская лига, которую Роза создала, будучи в тюрьме, тут же присоединяется к НСДПГ, правда, оставляя за собой свободу действий.

Многим в беспокойных социалистических рядах казалась все более неприемлемой поддержка социалистами войны, хотя ранее, когда пропагандировался искаженный образ этой самой войны, такая поддержка и представлялась возможной. Но не теперь, когда под давлением правых «аннексионистов» был удален с поста «умеренный» канцлер Бетманн-Гольвег (13 июля 1917) и набирала силу «диктатура» верховного командования. 6–8 апреля 1917 года была основана НСДПГ, под руководством таких людей, как Гаазе, которые 4 августа 1914 года в числе первых голосовали от имени социалистов за военные кредиты. Февральская революция в России, ослабив Восточный фронт (что лишь добавило «аннексионистам» уверенности в себе), создала для европейских социалистических партий именно прецедент борьбы *против* войны; борьбы, которая была отложена в августе 1914 года под воздействием более или менее убедительных софизмов. Теперь социалисты начинали заново.

Равновесие нарушилось. Канцлер пал в результате чуть ли не государственного переворота¹¹, и правые получили полную свободу действий; верховное командование, опьяненное продвижением на Восток, открыто добивалось преобладания на политической арене, рассчитывая на поддержку кайзера. В центре оставались мажоритарные социалисты и партия Центра: таким образом, уже начинала складываться веймарская коалиция.

Но такое развитие событий в данный момент оказалось невозможным. С новой русской революцией, Октябрьской, начался процесс, вышедший за пределы России, нашедший отклик у рабочих масс Европы, *in primis* — Германии. Призыв был громким, его не могли не услышать. Военная экономия и голод заставляли народные массы задаваться вопросом, ради чего они должны испытывать лишения и участвовать в затянувшейся бойне и не пора ли «сделать так, как в России»; такой лозунг был выдвинут, например, в Италии, в Турине (в контексте — чисто итальянском — когда поражение при Капоретто задвинуло в угол социалистическую партию, на которую изначально смотрели косо за «отказ от сотрудничества»). В Германии стачка на военных заводах — факт неслыханный в этой стране в разгар военного конфликта, — а за ней уличные беспорядки явились прямым предупреждением.

Предупреждением, если не преддверием революции явился через несколько месяцев и мятеж моряков Киля, казавшийся точной копией восстания на «Потемкине» в России в 1905 году. Но в рядах противника это предупреждение было воспринято совсем по-другому. С этого времени начинает приобретать четкие очертания «легенда об ударе в спину» (*Dolchstosslegende*); правые начинают уголовные преследования за антивоенную агитацию; формируется «*Партия отчизны*», первый «образец» правых массовых партий веймарского толка, которые вырвут могилу республике.

Таким образом, картина усложняется. И все более отдаляется от хода событий, как его представлял себе Энгельс

в 1894-м, а потом Ленин — сразу после революции Пятого года. И в такой ключевой стране, как Германия, впервые появляются, непосредственно во время войны, крупные массовые «префашистские» формирования: знак того, что общество оказалось гораздо сложнее и реактивнее, чем мог себе представить «научный социализм». Положение осложнил «внешний» фактор: американское вмешательство в европейские дела, не только обусловившее победу Антанты, но и послужившее основным фактором новой стабилизации, направленной на предотвращение революций. Америка вступает в войну и со свежими силами, и к тому же вооруженная «четырнадцатью пунктами» Вильсона, содержащими проект мирового переустройства (*in primis* европейского), в том числе основу будущего Объединения Наций; но прежде всего прямой, лобовой ответ на призыв Ленина и Троцкого к народам о немедленном заключении мира. Америка самым непосредственным образом направляла выход Германии из войны, повлияв даже на состав последнего «военного кабинета», который возглавил принц Макс; это она поставила условием отречение кайзера. Пустоту не могли не заполнить «мажоритарные» социалисты, проводившие антибольшевистскую линию. Их «безболезненный» приход к власти отнял у революции, уже вспыхнувшей в Берлине, какую бы то ни было возможность создать *правительство*. Правительство уже имелось в наличии: то были «люди Шейдеманна» в союзе с католическим Центром. Ни Энгельс, ни Ленин такого не предвидели, и Ленин, наверное, даже не осознал в тот момент эпохального значения свершившегося.

В его работе об империализме, написанной, когда война только начиналась (весна 1915), Соединенные Штаты предстают еще одной империалистической державой среди прочих. Ленин и вообразить не мог, что США «вторгнутся» в Европу одновременно с русской революцией, дабы нейтрализовать ее влияние и возможное распространение. Он не мог вообразить, что на фоне *полного упадка* европейских империалистических держав, терзавших друг друга целых

четыре года, явится такой мощный противовес: Америка, взявшая на себя задачу «спасения», располагающая не растраченными силами, опирающаяся на экономическое могущество, также ничем не подорванное. Это обнаружилось уже в начале 1920-х годов, когда план Доуса спас Германию и покончил с «эрой Штреземанна».

Рождался новый мир, совершенно отличный от того, который сам себя пустил ко дну в этой войне. А «научное предвидение» развеивалось на глазах.

В политическом плане американское вмешательство тоже наводит на размышления. В Германию Соединенные Штаты — еще до конца войны — «принесли демократию» (как сейчас говорят), или, точнее, способствовали тому, что парламентский режим устоял даже при крушении Рейха. Так Европа перестала быть исключительно Европой: она превращалась, *также и политически*, в часть более широкого понятия «Запад».

Десятилетия постепенной борьбы (то есть, прития существующей картины политических институтов) нельзя было стереть в единый миг. И они принесли плоды. В заключительной главе «Entstehung der Deutschen Republik» [«Происхождение Германской республики»] Розенберг приводит и комментирует «тринадцать пунктов» требований восставших матросов немецкого военного флота, базировавшегося в Киле (восстание вспыхнуло в начале ноября 1918 года). Самым «экстремистским» оказалось требование освободить моряков, служивших на линкорах «Тюрингия» и «Гельголанд» (около 600 человек были арестованы 30 октября за то, что не подчинились приказу выходить в поход). Восставшие требовали также освобождения арестованных в предыдущем году. Требование гласило: «Им не должно быть сделано никакой записи в военную книжку». Розенберг иронически комментирует: «Значит, революционеры не желают, чтобы в их документах отразилось, что они участвовали в революции». Первый из тринадцати пунктов касался разницы в довольствии для команды и для офице-

ров, выборов новых комиссий, которые следили бы за рационом и разбирали возможные «жалобы» со стороны экипажа; было также требование, чтобы подобные комиссии присутствовали на судебных процессах против моряков, обладая правом опротестовывать приговоры. А еще матросы требовали отменить норму, обязывающую отдавать офицерам честь, даже находясь вне службы. «Неподражаем пункт 9: *Обращение «господин капитан» должно употребляться только в начале фразы; в дальнейшей речи оно опускается: достаточно того, что к старшему по званию следует обращаться на “Вы”*».

Ситуация на грани парадокса:

Сто тысяч матросов восстали; в их руках все пушки; жизнь офицеров зависит от их милости. Империя трещит под их ударами, а сами революционеры настаивают на том, чтобы в дальнейшем обращаться к старшим по званию, используя обычное «вы» /.../. Моряки не думали в начале ноября 1918 года ни о республике, ни о свержении правительства / которое уже было правительством Макса, с социалистами и партией Центра /, ни тем более об установлении социализма. Они хотели только прочного мира вопреки подстрекательским поползновениям *всенемецкого* типа и ослабления жесткой дисциплины прусского образца¹².

НСДПГ и Спартаковская лига оказывали на них слабое влияние. Правительство отправило в Киль депутата-социалиста Носке (которому в дальнейшем были суждены достопамятные деяния), и он без труда справился с ситуацией, в то время как Гаазе, глава НСДПГ, особого успеха не имел.

Несмотря на все это, ситуация *оставалась революционной*. Стачка на военных заводах перекинулась на Гамбург, за несколько дней достигла Баварии. 7 ноября баварские крестьяне-солдаты провозгласили Баварскую республику — там ощущалось сильное влияние Курта Эйснера, главы баварской НСДПГ, — оставив позади Берлин, где Шейдеманн, авторитетная фигура в правительстве, все никак не желал выйти из рамок монархических институтов.

Только когда революция достигла Берлина, Шейдеманн стал лидером правительства, а кайзер бежал в Голландию, была провозглашена республика.

«Ноябрьская революция», таким образом, привела к республике лишь тогда, когда монарха уже не стало, а ее правительство (названное правительством народных комиссаров, по советскому образцу) возглавил Шейдеманн, охотно сотрудничавший ранее с правительством Макса фон Бадена, угодным уже почти победившим союзникам. Революция не состоялась. Все вылилось в созыв Учредительного собрания, которое следовало избрать тотчас же, в январе 1919 года.

Разумеется, с переходом власти от Макса фон Бадена к Эберту стрелка политических весов качнулась влево. Принц Макс в своих «Мемуарах» оставил запись последней беседы с Эбертом непосредственно перед передачей регалий:

Эберт сказал мне: «Я настоятельно прошу Вас остаться».

Я спросил: «Для чего?»

Эберт: «Я бы хотел, чтобы Вы остались регентом Рейха».

В последние несколько часов с этой просьбой ко мне не раз обращались мои бывшие сотрудники.

Я ответил: «Мне известно, что Вы собираетесь вступить в соглашение с независимыми /НСДПГ/, а я с независимыми сотрудничать не могу»¹³.

Согласно фон Бадену, эта беседа происходила между 17 и 18 часами 9 ноября. Просьба Эберта к Макс фон Бадену, чтобы тот «остался регентом», сама по себе потрясает. Лидер социалистов фактически просит о сохранении монархического режима, понятное дело, уже в полной мере «конституционного» (и, вероятно, без «прусского избирательного права»...). Пост регента в самом деле предусматривался законодательством Империи в случаях, если что-то препятствует монарху осуществлять его власть. Кайзер Вильгельм только что отрекся от власти, но регент назначен не был! И вот, с одной стороны, Эберт просил,

чтобы был задействован пост регента, а Макс фон Баден, не принимая его, вел себя как таковой, официально вводя Эберта в должность «канцлера».

Этот спектакль длился два дня. Уже 10 ноября «Советы рабочих и солдатских депутатов» (названные по советскому образцу) провозгласили республику и новое правительство «народных комиссаров». И в этом случае преемственность была сохранена с помощью юридического трюка. «Советы», собравшиеся в Берлине в цирке Буша, были признаны «представителями всего немецкого народа», вследствие чего за ними закреплялось законное право изменить конституцию. «Советы солдатских депутатов» предоставили в распоряжение социал-демократической партии свою силу, то есть силу армии; к тому моменту НСДПГ и Спартаковская лига уже вышли из игры, да и вряд ли они могли полагать, что в момент такого непростого перехода власти, точнее «вакуума власти», им удалось бы выступить вперед, отодвинув старую социал-демократическую партию. (Выборы не проводились с 1912 года, и никто не мог ничего знать о состоянии электората, о том, какой поддержкой реально пользуются в стране присутствующие на политической арене силы.) Таким образом, благоприятный (потенциально) момент не был использован. В «Совете народных комиссаров» (эта уступка ленинской терминологии никому, в сущности, не вредила) председательствовал Эберт и рядом с ним Шейдеманн, человек 1914 года. Один представитель от НСДПГ вошел в новое правительство. Также туда вошли партия Центра и либералы: по существу, то же старое большинство, которым чуть более месяца правил Макс фон Баден. Рейхстаг, избранный в 1912 году, продолжал исполнять свои функции. Единственным нарушением преемственности было объявление выборов в Учредительное собрание. Впрочем, после провозглашения республики по меньшей мере такой «скачок» казался неизбежным. Но одна деталь должна была просветить любого наблюдателя относительно истинной природы свершающихся перемен, а именно, шаг, предпринятый верховным

военным командованием: Гинденбург немедленно объявил о признании нового порядка. Ни Либкнехт, ни Роза Люксембург не получили мандатов на съезд этих «советов».

Опорой республики стали миллионы солдат, которые, организовавшись в «советы», выразили доверие Эберту, а не Либкнехту. Таким образом, пророчество Энгельса (о переходе к социализму посредством последовательного завоевания армии) сбылось лишь наполовину.

19 января 1919 года выборы в Национальное Учредительное собрание (оно должно было также исполнять функций парламента) показали следующие результаты: социалисты (даже взятые вместе, СДПГ и НСДПГ) проиграли, точнее, не завоевали абсолютного большинства. За них проголосовало 37,9% (СДПГ) и 7,6% (НСДПГ); всего 163 + 22 (= 185) депутатов из общего числа 421. Хотя для парламентарных политических систем, действующих в «передовых» странах со сложным социальным составом населения, как раз характерно то, что ни одна (практически) из взятых по отдельности политических сил не завоевывает абсолютного большинства на *всеобщих выборах* (какой бы ни была избирательная система), в данном случае имело место горькое разочарование, исходя из чрезвычайной обстановки, в которой проходили выборы, изначально весьма благоприятной для социалистов.

Партия Центра получила 20% голосов и провела 91 депутата; две правые партии (народная и национальная народная) вместе завоевали 15% голосов (63 депутата). Далее шла (обреченная на стремительный упадок) по духу левая, но во многом расходящаяся с социалистами демократическая партия — ее самыми яркими представителями были Макс Вебер, Вальтер Ратенау, Гуго Преисс, — она провела 75 депутатов, собрав почти 18% голосов (невероятным образом сравнявшись с традиционной, укорененной в народе партией Центра).

Соглашение между СДПГ и НСДПГ было немыслимо после того, как за несколько дней до выборов Носке, народ-

ный комиссар (и выдающийся представитель социалистов), посланный в армию, подавил тапу *militari** спартаковское восстание в одном из кварталов Берлина, взяв приступом редакцию «Vorwärts», а главное, после того, как свободно чувствовавшие себя *Freikorps* расправились с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург за четыре дня до выборов (15 января). Парламентское решение напрашивалось само собой: создание левоцентристского блока. В состав первого правительства республики, рожденной в ходе «ноябрьской революции», вошли СДПГ, партия Центра и демократическая партия; правительство возглавил Шейдеманн, а Эберта едва учрежденное Собрание избрало президентом республики.

О влиянии преждевременного и бессильного восстания спартаковцев на политическую обстановку того переломного января 1919 года говорилось много. Социал-демократы с лицемерным пылом бросились на защиту Носке, пытаясь вывести его из-под удара, снять с него ответственность за убийство Либкнехта и Люксембург. Напрасный труд, ибо вопрос не в том, кто вложил оружие в руки убийц, принадлежавших к фрайкору, но в том, что новорожденная немецкая «демократия» терпела легальное существование фрайкора — полувоенных реваншистских группировок, чей реваншизм на тот момент проявлялся в насилии по отношению к активным борцам за левые идеи. Их вклад в рождение нацистского движения хорошо известен. Впрочем, немного благодарности за свои действия от крайних правых Носке все же заслужил (он был министром вооруженных сил, а значит, был обязан распустить фрайкор и уничтожить его, в это русло направив ярость, с какой он штурмовал редакцию «Vorwärts»). Оскорбительной благодарности: когда нацистская партия победила на выборах в марте 1933 года, Носке был обер-президентом провинции Ганновер, и Герман Геринг, второе лицо после Гитлера, просил его (тщетно) остаться на этом посту¹⁴.

* Военной силой (лат.).

Во всяком случае, тезис о том, что в результате восстановления спартаковцев общественное мнение в последние дни предвыборной кампании сдвинулось вправо, представляется шатким. Правительство Эберта—Шейдеманна—Носке сделало все, чтобы доказать испуганной буржуазии, что социал-демократия способна подавить «антидемократические» левые движения. Щедро пролитая кровь являлась гарантией «демократизма» социал-демократического руководства. Удар был нанесен как раз по НСДПГ, которая, вследствие полемического упрощения, весьма удобного в предвыборной борьбе, стала tout court отождествляться — такую пропаганду вели почти все партии (кроме демократической) — с Союзом Спартака.

Короче говоря, поражение на выборах явилось для социал-демократов горьким разочарованием, но этот плачевный результат навсегда остался *историческим максимумом* в истории выборов периода Веймарской республики. Уже на выборах в первый республиканский рейхстаг, которые состоялись через год (6 июня 1920), СДПГ сползла к 21% голосов, а НСДПГ поднялась до уровня 18%, в то время как едва появившаяся Коммунистическая партия собрала 2%. СДПГ почти достигла 30% на выборах в мае 1928 года (коммунисты получили 10%), но и блок правых в целом набрал 30%, а Центр — 12%.

Эта выборная арифметика может показаться абстрактной и формальной игрой. Тем временем назревали кризисы, способные разрушить и менее шаткое равновесие, чем то, какое было достигнуто в Веймарской республике: от шовинистского безумия во Франции, кульминацией которого стала карательная оккупация Рура (настоящий подарок правым; впрочем, и коммунисты с их отчаянной тактикой пытались обратить это событие себе на пользу), до упадка экономики, усугубленного разорительными репарациями (чтобы справиться с ним, были разработаны планы Доуса и Янга; США, не признавшие Версальского договора, не могли потерпеть сползания влево республики, охваченной самым тяжелым экономическим кризисом века, а нацисты

еще не были готовы воспользоваться им); прибавим к этому экстремистские выступления (гитлеровский «путч» в мюнхенской пивной) и пр. И все же выборная арифметика при такой лихорадочной парламентской жизни (восемь довыборов в рейхстаг за тринадцать лет!) свидетельствует о многом. Она показывает разочарование левых в таком орудии, как всеобщее избирательное право, и «упорный подъем» национал-социалистической партии от 2% в мае 1928 года до 44% в марте 1933-го. Очевидно, что и нацисты не добились абсолютного большинства, хотя они не только сами прибегали к незаконному насилию, но и силовые структуры государства были на их стороне. Но Гитлер стал канцлером в результате заговора фон Папена и попустительства Гинденбурга (президента Рейха с 1925 года) до «триумфальной» победы. Хотя эта победа так или иначе осталась ярким примером несомненного успеха на выборах.

Немецкий и итальянский случаи представляют собой два классических примера «сфабрикованной» победы на выборах.

В недавнем исследовании историка из Йельского университета Генри Эшби Тернера-мл., «Hitler's Thirty Days to Power» [«Гитлер: тридцать дней борьбы за власть»], (Лондон 1996)¹⁵, приведены убедительно документированные доказательства в пользу лишенного детерминизма историографического взгляда на проблему прихода Гитлера к власти. На выборах в ноябре 1932 года популярность нацистской партии явно пошла на спад, она потеряла 35 мест и 5% электората. Разумеется, со своими 33% эта партия завоевала относительное большинство, но изоляция в парламенте могла оказаться для нее губительной, особенно в условиях острого кризиса внутри страны. И только благодаря сильнейшему давлению Франца фон Папена, представителя Центра, но самым тесным образом связанного с Гитлером, на почти девятидесятилетнего президента Республики Гинденбурга Гитлеру вопреки всяческим ожиданиям и вразрез с парламентской арифметикой 30 января 1933 года, после

продолжительного политического кризиса неясной природы, был доверен пост канцлера. Вопреки тому, что нередко утверждают, полномочия президента Республики были — согласно Веймарской конституции — достаточно широкими, они значительно превосходили властные prerogatives тех монархов, какие еще оставались на своих тронах после гекатомбы, которая постигла коронованные семейства в результате мировой войны. Он был действительным главою вооруженных сил; он мог ограничивать гражданские права по своему усмотрению (если бы счел это необходимым); имел prerogative своими декретами устанавливать законы; и правительство, ответственное, конечно, перед парламентом, могло при необходимости быть отправлено в отставку президентом, что сопровождалось немедленным роспуском парламента. Короче говоря, неожиданное назначение на пост канцлера в конце января 1933 года (и немедленное назначение срока новых выборов) позволило Гитлеру при пособничестве крупных промышленников (вспомним хотя бы семейные связи Геббельса с самой мощной династией промышленников, Квандтов, или поддержку Гугенберга¹⁶) и легального и полулегального военного аппарата, а также благодаря систематическим акциям насилия со стороны «коричневых рубашек», находящихся под защитой государства, устроить себе великую победу на выборах 5 марта 1933 года: 44% голосов, что дало ему возможность править в окружении представителей центра и либералов, имея фон Папена в качестве вице-канцлера¹⁷, вплоть до полной трансформации республики в «Führerstaat». Этот триумфальный путь к власти начался жалким Мюнхенским путчем каких-нибудь десять лет назад. 6 марта 1933 года, в канун «победы» на выборах, Гитлеру поступили из Дорна в Голландии поздравления от Вильгельма II, бывшего императора¹⁸, жившего там в «изгнании». Символический жест, великолепно демонстрирующий преемственность между «все немецким» империализмом и нацизмом.

В Италии аналогичная операция была проведена в гораздо более сжатые сроки. Республикански-анархoidalное

движение Муссолини, основанное в 1919 году, прозябает вплоть до выборов 1921 года (около 30 депутатов, вместе с «национальными блоками»), но уже в конце октября 1922 года король Виктор Эммануил III поручает ему сформировать правительство: оно стало коалиционным, вместе с народной партией и либералами. Савойский король, конечно, был немудрящим злодеем по сравнению со старым юнкером, ему не потребовалось тридцати дней интриг, давления, шантажа. Он, савойский король, до истерики перепуганный расправами над царствующими фамилиями, с абсолютным скепсисом оценивавший способность парламентаризма устоять в революционной буре, поднявшейся в 1917 году и все никак не затухающей (ярый реакционер, он приписывал ей гигантские масштабы), дошел до того, что сам, опережая правительство, осуществил «молчаливый государственный переворот». Большинство в тогдашнем правительстве (которое возглавлял Луиджи Факта) в момент демонстрации, пышно поименованной «походом на Рим», было за объявление осадного положения, но король отказался, призвал Муссолини в Квиринальский дворец и доверил ему сформировать новое правительство. Тот, разумеется, явился на зов и ровно через два года выиграл с большим перевесом — благодаря ультра-мажоритарному избирательному закону; благодаря насилию сквадристов, которых поддерживали и защищали «силы порядка»; благодаря финансовой поддержке, какую оказывала буржуазная верхушка в лице представителей важнейших ее отраслей (аграрной, промышленной и банковской) — выборы 1924 года.

В случае Италии тоже интересно проследить траекторию выборов и чередование прогресса и регресса в различных партиях и избирательных законах. Закон от 16 декабря 1918 года наконец-то устанавливал всеобщее избирательное право (для мужчин) без каких-либо ограничений и заменял скомпрометировавшую себя мажоритарно-одномандатную систему пропорциональной системой выборов по кандидатским спискам. Социалисты утроили число избранных

депутатов (156), народная партия поднялась до того, что получила 100 мест. То было арифметическое большинство из 508 мест Палаты. Либералы, при старой системе вездесущие и всепобеждающие, сползли от 300 до 200 мест. Перед нами — победа демократических движений, *но не предполагаемый триумф*. В результате выборов мая 1921 года появляется, после раскола в Ливорно (январь), куций дозор из 15 депутатов-коммунистов; социалисты немного теряют, народники приобретают с десятков мест; «национальные блоки» (в состав которых входят также и фашисты) держатся на плаву; черпая из старых запасов электората, продолжают избираться либералы. Палата без ясно выраженного большинства, избранная в 1921 году, после осуществленного королем государственного переворота, предоставившего Муссолини пост председателя Совета министров, приняла новый, ультра-мажоритарный избирательный закон (знаменитый закон Ачербо, который проталкивали фашисты, развернув сразу после «похода на Рим» мощнейшую кампанию в пользу мажоритарной избирательной системы)¹⁹ и создала тем самым условия для триумфального прохождения фашистского *расширенного списка* (где было полно имен либеральных аристократов)²⁰ на выборах 1924 года. Короче говоря, в обоих случаях расстановка сил была аналогичной и однозначной. Социалистические силы, в особенности благодаря «пропорциональной» системе, пожинают плоды своего усиленного внедрения в общество, но не составляют большинства даже в самые «благоприятные» моменты и при самой удачной конъюнктуре, поскольку за ними не стоит государственная власть (и тем более столпы экономики). Фашистские же формирования, даже будучи в меньшинстве, благодаря поддержке государственной власти ставятся в такие условия, что выигрывают выборы, которые сами же и направляют.

И все же они питают некое *принципиальное* предубеждение против всеобщего избирательного права. Еще в 1940 году «Политический словарь», изданный под надзором национальной фашистской партии издательством

«Итальянская энциклопедия», которым руководил секретарь партии, объясняя термин «избирательное право», предупреждает: «система всеобщего избирательного права, согласуясь, некоторым образом, с принципом справедливости, /.../ с другой стороны, должна быть подчинена более насущным требованиям, а именно: предоставлению права голоса гражданам должна предшествовать подготовка масс, их политическое воспитание»; иначе может возникнуть «опасность доверить неадекватному электорату задачу образовать государственные органы, что естественно приведет к результатам, пагубным для тех самых организаций, о благе которых вроде бы пекутся». «Опасность, — продолжает автор статьи, юрист Джузеппе Менотти де Франческо, после войны депутат итальянского парламента, монархист, — содержится в самой системе всеобщего избирательного права /.../ доктрина и практическое законодательство вынуждены изыскивать способы как-то обуздать этот принцип, чтобы при его применении уменьшить опасности, неразрывно связанные с данной системой». Существуют разнообразные методы, отмечает юрист, чтобы уменьшить опасности всеобщего избирательного права; один из самых распространенных — принять систему выборов «косвенную или двухступенчатую», как это можно видеть на примере «выборов президента Соединенных Штатов Америки» или во Франции /Третья республика/ при выборах в Сенат. Однако наилучшим способом устранить недостатки, — подсказывает Де Франческо, — было бы ограничить право голоса: «но оно, на нынешнем этапе конституционного развития, не может осуществляться иначе как согласно критерию широкого доступа к голосованию». И в итоге наш юрист предлагает решение, принятое фашизмом с его «корпоративным голосованием»: это — «особая, своеобразная форма ограниченного избирательного права», предоставляющая «право голоса гражданину, который платит профсоюзные взносы». По такому критерию, заключает он, и складывается, в рамках законодательства, созданного фашизмом, то, что называется «электорат»; само собой

разумеется, что этот электорат «весьма узок по сравнению с прошлыми временами»²¹.

1934

Несколько соображений на полях. Гитлер, став канцлером в конце января 1933 года, не меняет избирательного закона. Он фабрикует себе победу на выборах, но не добивается большинства. Чтобы «забрать все», ему приходится выстроить мизансцену поджога Рейхстага, удалить депутатов-коммунистов и дожидаться смерти Гинденбурга (август 1934), которая позволила ему объединить посты президента и канцлера. Муссолини же стоит во главе «почетного караула» из каких-то 30 депутатов, но при этом является президентом Совета, которого назначил сам король, и вот с помощью закона Ачербо он одерживает убедительнейшую победу на выборах, получая самое что ни на есть абсолютное большинство голосов, еще и умноженное мажоритарным надувательством. «Электорат» у Гитлера есть (каждый третий избиратель в 1932 году) — его идеи укореняются и прорастают, как сорняки, на почве веймарского кризиса. У Муссолини нет никакого электората до того момента, как королевский государственный переворот возводит его на пост главы правительства. Его электорат сложился *после*; разумеется, поддержка короля и католической церкви (задолго до Конкордата²²) в немалой степени способствовала этому процессу. В последующие два года (1924–1926) был сделан очередной шаг: создание «режима» (чрезвычайные законы ноября 1926 года; арест депутатов-коммунистов; фабрикация дела о коммунистическом «заговоре», на основании которого устраивается «большой процесс» над томящимися в тюрьме коммунистическими лидерами; роспуск всех прочих партий). Но чтобы достигнуть цели, то есть принятия ноябрьских законов 1926 года и их немедленного применения, тоже требовалось время, и снова пришлось прибегнуть к насилию под прикрытием государства (убийство Маттеотти, очередной случай, когда корона спасла фашизм от шага, который мог стать для него роковым); к провокациям и покушениям сомни-

тельного свойства. Но итальянские правящие классы уже перешли на сторону фашизма. Даже такой человек, как Кроче, который с тридцатых годов и до первого падения Муссолини станет воплощенным символом интеллектуала-антифашиста, на следующий день после убийства Маттеотти отправился в Сенат голосовать за доверие правительству Муссолини, а в интервью, которое он дал газете «Giornale d'Italia», определил этот свой поступок как «благоразумный и патристический»²³.

Многие, и тогда, и после, задавались вопросом: куда подевался, что делал в то время, почему никак не реагировал «народ»? Больше всех были разочарованы — видя, как «народ» примыкает к фашизму, — проповедники врожденных «здоровых инстинктов» «массы»: предрассудок, укоренившийся в сентиментальном демократизме. Осмысление того, как создавался электорат вокруг фашистских режимов, которое проделали в разгар событий критически настроенные умы (Розенберг в Германии, Тольятти, изгнанный из Италии), разрушило эту романтическую иллюзию, а вместе с тем и парализующий предрассудок, согласно которому наличие широкого электората и достижение консенсуса *само по себе* является главным доказательством действительности той или иной политики.

В России первые послевоенные выборы, выборы в Учредительное собрание, проводились 25 ноября 1917 года: дней через двадцать *после* революции или, если точнее определить это событие, после захвата в Петербурге всех властных структур солдатами, которых сподвигли на это большевики; короче, после бегства Керенского. 7 ноября, или 25 октября по старому стилю, переворот увенчался успехом; в тот же самый день в Петрограде бурно проходил *Всероссийский съезд Советов*. Съезд, поставленный перед свершившимся фактом, должен был принять изгнание Керенского, вследствие чего социал-демократическая партия разделилась: те, кто остался верен Керенскому, покинули зал; те, кто поддерживал большевиков, остались. Съезд

узаконил произошедшее и принял решение немедленно сформировать первое правительство Народных комиссаров, в состав которого вошли собственно большевики и левые социалисты-революционеры. Делегатами от тех и других были в основном крестьяне из отдаленных губерний. Не случайно оставшиеся депутаты приняли два декрета: а) о немедленном заключении мира; б) об экспроприации земли.

Начался короткий период «коалиционного» правления. Он продлился до марта 1918 года, когда Россия приняла жесточайшие условия Брест-Литовского мира и, будучи в корне не согласна с таким шагом, левые социалисты-революционеры покинули коалицию. Но до означенного кризиса, с ноября 1917 по март 1918 года, правительство Ленина и комиссаров работало *вместе с социалистами-революционерами* (левыми). И обе партии вступили в такую фазу коалиции, что совместно провели две «выборные» акции: выборы в Учредительное собрание 25 ноября и его эфемерную инаугурацию (18 января 1918 года).

Число проголосовавших 25 ноября 1917 года, без сомнения, знаменательно: почти 42 миллиона голосов при населении, которое в 1920 году составляло 108 миллионов жителей. Это — около 40% населения; не слишком много, если учесть, что женщинам было предоставлено право голоса; и все-таки весьма неплохой показатель явки, если иметь в виду, что страна все еще находилась в состоянии войны (только 8 ноября прозвучал призыв к немедленному заключению перемирия), и в ней царил хаос, неразлучный с любым коренным изменением строя, когда новая власть еще должна была утвердиться на обширной (в случае России — безмерной) территории.

Обе партии старательно проводили предвыборную кампанию и созывали своих избирателей к урнам. Это несомненно, иначе не был бы достигнут такой значительный процент участия. Большевики собрали чуть меньше 10 миллионов голосов (четверть электората); социалисты-революционеры — 22 миллиона. Они *в одиночку* пред-

ставляли большинство. Меньшевики (то есть социал-демократическое «меньшинство») получили едва 700 тыс. голосов, а все прочие партии, вместе взятые, — около 5 миллионов.

Артур Розенберг предложил интересное прочтение этих результатов, явно неутешительных для большевиков, но двусмысленных и для социалистов-революционеров. «Огромные массы крестьян, отметивших в своих бюллетенях социалистов-революционеров, предполагали тем самым, что они голосуют за экспроприацию земли, а не за Керенского; но списки социалистов-революционеров почти повсеместно возглавляли сторонники Керенского, которые и прошли в Собрание». Таким образом, решение *не* признавать новоизбранное Собрание — поскольку оно отказалось признать новое правительство — было принято совместно большевиками и социалистами-революционерами (те в числе первых оспорили результат, дававший преимущество другой фракции их же собственной партии, разрыв с которой оказался непреодолимым). Так что Учредительному собранию была уготована очень короткая жизнь; наверное, мы не ошибемся, если скажем, что при самом своем рождении оно не соответствовало расстановке политических сил в стране. «Если бы Ленин тогда назначил новые выборы, — отмечает, или, вернее, предполагает Розенберг, — он получил бы по всей стране подавляющее большинство»²⁴. Проверить такое предположение, разумеется, невозможно.

Революционный процесс, который протекал в лихорадочном темпе после Октябрьской революции, — утверждает Отто Бауэр, — позволил большевикам разогнать Учредительное собрание, избранное несколько недель назад в совершенно иных условиях и уже не отвечающее требованиям новой революционной ситуации, и передать всю власть в руки советов. Даже в тот момент Бухарин предлагал силой выдворить правых из Учредительного собрания, как в свое время Кромвель удалил пресвитериан из Парламента, или как якобинцы исключили жирондистов из Конвента и отправили их на гильотину; а власть

передать оставшейся части Собрания, расценивая его как Конвент. Ленин, однако, предпочел вовсе разогнать его²⁵.

В самом деле, правительство комиссаров и Ленин *in primis* высказались в тот момент за структуру, которая стала с 1905 года новой формой демократии, не парламентской, а «советской» (отсюда *советские* республики): она представлялась — насколько можно было тогда судить — новой и современной формой «прямой» демократии. О такой форме правления речь не заходила с самого падения Коммуны. В заключительной части своей «Истории русской революции» Троцкий определяет Съезд советов, собравшийся в Смольном институте в Петрограде в тот же самый день (25 октября по старому стилю), когда большевики силой взяли власть, «самым демократическим из всех парламентов в мировой истории». Роза Люксембург (полемизируя с Троцким) выступила с резкой критикой роспуска Собрания²⁶. Тот факт, что в момент, когда решалась судьба Учредительного собрания, социалисты-революционеры, все еще находившиеся в правительстве, разделили ответственность с большевиками и вместе с ними сделали выбор, чреватый последствиями, нельзя игнорировать. В полном несогласии, навсегда порвав с большевиками, они вышли из коалиционного правительства только после того, как был ратифицирован кабальный мирный договор с Германией, то есть через два месяца.

Но тогда события гораздо более тревожные, нежели выборные страсти, сотрясали огромную страну. После сепаратного мира, заключенного русскими, державы Антанты сочли себя вправе воспринимать новое русское правительство как *врага* и открыто вторглись на территорию едва родившейся республики, поддерживая монархистов и «белых», развязавших яростную гражданскую войну. Во внутреннюю гражданскую войну в России вмешались внешние силы. Надвигалась «европейская гражданская война».

«ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА»

Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если на Западе люди слишком глупы и слишком слепы, чтобы это понять, я буду вынужден достичь соглашения с русскими, чтобы разбить Запад, а потом бросить все мои силы на Советский Союз.

*Гитлер — Карлу Буркхардту,
Комиссариат Лиги Наций*

Не всем известно, что и Черчилль, и де Голль, два великих деятеля европейской истории XX века, родившиеся соответственно в 1874 и 1890 годах, сыграли заметную роль в нападении союзников на русскую республику, которое последовало за денонсированием (на Лондонской конференции 18 марта 1918 года) Брест-Литовского мирного договора между Россией и центральноевропейскими империями. Участие обоих в подготовке этого нападения символично. Собственно, решение об интервенции приняла пресловутая конференция в Лондоне. В России вследствие революционного переворота сменился режим; новое правительство держалось, не без серьезных трудностей, в условиях неожиданно долгой гражданской войны, отбивая атаки «белых» мятежников, которые наступали со всех четырех сторон, от Крайнего Севера до Дальнего Востока, от польских границ до Балтики. Отвергнуть перемирие, заключенное новым правительством, расценив его как «предательское» нарушение военных договоров, подписанных предыдущим правительством, это с точки зрения международного права вещь гораздо более серьезная, чем решение нацистов оккупировать Италию после того, как правительство Бадольо подписало сепаратный мир 8 сентября 1943 года. Прямая интервенция в страну, объятую гражданской войной, — вот что имело место в России. В свое время, в 1871 году, прусские войска, встав лагерем вблизи Парижа, «спокойно наблюдали» за тем, как разво-

рачивалась с марта по май гражданская война между правительством Тьера и Парижской коммуной. Но к 1918 году времена изменились к худшему, если говорить о «хорошем воспитании»: длившаяся уже несколько лет война («бессмысленная бойня», по удивительно точному, но бессильному что-либо изменить определению папы римского) привела к тому, что правительства перестали гнушаться преступных методов. Эта война явилась прообразом всего, что принес с собой XX век: от временного отказа от принципов «демократии» до геноцида.

Черчилль, военный министр в кабинете Ллойд-Джорджа (он вошел туда как либерал, не как консерватор), снарядил английский экспедиционный корпус, который летом 1918 года захватил Архангельск и Мурманск с целью оказать поддержку войскам «белого» генерала Колчака. Предлогом послужило то, что таким образом якобы вновь открывался восточный фронт против Германии. Разумеется, в сторону немцев не было сделано ни единого выстрела, все военные действия были направлены против «красной» армии. Истинные цели английского экспедиционного корпуса демонстрирует тот факт, что летом 1919 года эти войска все еще находились на захваченных территориях, несмотря на то что уже было принято решение о выводе войск: т. н. «эвакуации» (спустя девять месяцев после окончания конфликта!). Мало того: Черчилль, обладая пылким учредительским воображением, разработал план, который предложил союзникам, — превратить Россию в федеративное государство и поставить во главе ее правительство, пользующееся доверием западных держав; именно это и осуществилось в 1991–1992 годах, и таковым было правительство Ельцина.

Де Голль был помоложе. Тридцатилетний офицер, недавно вернувшийся из немецкого плена (1916–1918), он завербовался (в августе 1920) во французский экспедиционный корпус под командованием генерала Вейгана, направленный на помощь полякам, которые под предводительством Пилсудского отправились отвоевывать выход к Балтийскому морю. Там же присутствовала и британ-

ская миссия. Книга, восхваляющая Третью республику (Larousse, Париж, 1939, с. 255) с пафосом описывала эти деяния: «Les officiers français / между которыми был и наш герой / у prirent une part glorieuse»*.

Третий «союзнический» контингент прославил себя, внедрившись в глубь русской территории до самого Екатеринбурга (июнь 1918) — то были чехи, в составе царской армии воевавшие с австрийцами, а теперь перешедшие на сторону «белых» и получавшие англо-французскую поддержку и всевозможную помощь. Более уравновешенный и менее лиричный, нежели певец Третьей республики, анонимный автор словарной статьи «Россия (история)» в «Итальянской энциклопедии» замечает, что «иностранный интервенция снабжала всем необходимым так называемые белые армии, но, возможно, она же и способствовала их дискредитации» (с. 308).

Зачем такая массированная интервенция, такое все-европейское расширение внутренней гражданской войны в России? Очевидно, что основным побудительным мотивом был «великий страх». Боялись, что пропаганда революции будет иметь успех далеко за пределами России; боялись, что этому широкому движению станут подражать; боялись пока длилась военная бойня, поскольку одна лишь Россия оказалась способна удовлетворить требование «немедленного мира»; боялись и потом, по окончании войны, в обстановке все возрастающего социального напряжения, когда Россия указывала народам кратчайший путь к достижению социальной справедливости. Примером того, как восхищал этот кратчайший путь даже тех, кто выступал против большевиков в борьбе, расколовшей тогда все социалистические партии, может послужить речь Филиппо Турати на съезде социалистов в Ливорно (январь 1921), где произошло отделение коммунистов. Очевидно, что Турати отвергает форму-

* Французские офицеры /.../ прославили себя участием в них (фр.).

лу «диктатуры пролетариата» как диктатуры меньшинства. И все же подчеркивает, что у него с коммунистами *одни и те же цели*. Стоит привести его слова, чтобы окупиться, хотя бы на миг, в атмосферу эпохи:

Товарищи! Этот Коммунизм, который потом стал называться Социализмом, может изгнать меня из рядов партии, но не в силах изгнать из меня свой дух; ибо, откровенно говоря, товарищи (можете приписать это печальной привилегии старости, а не нашим личным заслугам), этому Социализму, этому Коммунизму мы не только научились в молодости, но и долгие годы в Италии обучали ему и народ, и передовые партии, когда его не знали, боялись его, относились к нему с подозрением. Нас было очень мало, но во времена, которые молодежь не может помнить, мы задали борьбе итальянского пролетариата именно эту высшую цель: завоевание власти пролетарским классом, организованным в независимую партию. Это завоевание власти, которое Террачини провозгласил вчера как различие между его и нашей фракцией, между старой программой и так называемой новой, которая, как он сам признался, находится в стадии кропотливой разработки, — не что иное, как вот уже тридцать лет и именно благодаря нашим усилиям, славная программа социалистической партии¹.

Такие речи кроткого Турати пугают короля Италии куда больше, чем правительство в далеком Петрограде. И реакция, где более, где менее суровая, распространяется по всей Европе. Газеты полны сообщений о «гражданской войне», поступающих со всех концов континента. 15 января 1921 года «Avanti!» обличает «ужасающие деяния белого террора в Испании, особенно в злосчастной Каталонии». «Жесткая цензура препятствует тому, — пишется далее в газете, — чтобы вся Европа узнала об ужасах, которые творятся на Пиренейском полуострове; ужасах, которые уже ни в чем не уступают тем, что прославили Венгрию Хорти». Хронологически режим Хорти появляется намного раньше, чем режим Муссолини. Уже в начале марта 1920 года венгерское Национальное собрание утвердило его как «регента» Королевства Венгрии после подавления «советской» республики Белы Куна. Эта власть профа-

шистского типа была признана и поддержана французским президентом-«социалистом» Мильераном на волне Трианонского договора (июнь 1920): правда, диктатура такого рода и не создавала проблем.

Антикоммунистические репрессии в недавно созданной Югославии были не менее жестокими. Расстрелы на площади в Вуковаре описываются в том же номере «Avanti!» от 15 января 1921 года. Это всего лишь примеры, взятые наугад.

Симптоматично расширение понятия «коммунизм» до масштабов «вселенского» врага. В «Энциклике о безбожном коммунизме», выпущенной Пием XI (19 марта 1937) поражает сообщение, преподнесенное как очевидное (в параграфе «Прискорбные последствия»), будто бы в данный момент в мире существуют два «коммунистических» государства — Россия и Мексика. Такие утверждения, при всей их неточности, наводят на мысль, что сценарий «гражданской войны» затрагивал не только Европу.

Формулировку «европейская гражданская война» обычно приписывают историографической интуиции проницательного ученого-нонконформиста Эрнста Нольте: собственно, его известнейшая работа называется «Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolchewismus» [«Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм»] (Ullstein, Франкфурт-на-Майне, 1987). Но за двадцать лет до него эту любопытную формулировку выдвинул и развил крупный исследователь XX века Исаак Дойчер в цикле своих выступлений «Trevelyan Lectures» [«Тревелияновские лекции»] в Кембриджском университете (январь–март 1967)², посвященных 50-летию русской революции.

В четвертой лекции, которая называлась «Застой классово-вой борьбы», Дойчер подходит к прочтению Второй мировой войны, ее предпосылок и следствий, как этапа великой «европейской гражданской войны»³. Он приписывает осмот- рительности Сталина и его неразвитому интернационализ-

му то, что он упустил возможность развития конфликта, замедлил его ход («он вел войну как *отечественную*, как новый 1812 год, а не как *европейскую гражданскую войну*»), и в том же самом контексте замечает: «*Интернациональная гражданская война*, обладавшая огромным революционным потенциалом, шла внутри мировой войны».

Нольте (он не обязательно знал об этих выступлениях своего славного предшественника) задумал определить, уходя все дальше в глубь времен, хронологические рамки этой «гражданской войны» (возможно, называть ее только «европейской» покажется некоторой узостью взгляда). Точку отсчета он усматривал в русской революции 1917 года и делал вывод, что, таким образом, нацизм со всеми его непревзойденными ужасами явился всего лишь «реакцией» на «первый удар», который нанесли большевики своей «ликвидацией класса»; нацисты же ответили на него «геноцидом расы». В построениях Нольте почти все шатко. Можно было бы привести множество возражений: например, вспомнить, что Великий террор Робеспьера тоже был «ликвидацией» класса французской аристократии, но он не вызвал никаких реакций в смысле «расы»; за ним последовали аналогичные расправы со стороны Белого террора, только с противоположным знаком. Связующее звено в рассуждениях Нольте вырисовывается постепенно: руководство большевиков состояло большей частью из евреев; евреями были и руководители коммунистов в других странах (Германии, Польше), и это должно (полагает Нольте) объяснить *ratio* столь чудовищного «ответа» нацизма на коммунистическую революцию, начавшуюся в 1917 году. Но и этот постулат не выдерживает критики. Прежде всего, нацизм представил свою программу истребления евреев (которая осуществлялась в основном в последний период мировой войны) как программу борьбы против «богачей, морящих народ голодом», зажавшихся эгоистов, чужеродного нароста на здоровом теле немецкого народа (а позже — всей Европы, мало-помалу включаемой в Рейх). Одним словом, достаточно изучить историю тех событий, как то

не раз проделывали после выводов Нольте, чтобы понять: обобщение немецкого политолога, «луч света», которым он пытается прорезать тьму истории, не попадает в цель.

Остается, однако, хотя и не является его особой заслугой, попытка осмыслить конфликты, происходившие в Европе в XX веке, в их совокупности. Один из аспектов такого единого взгляда — возможность уловить связи, благодаря которым две мировые войны, во всяком случае в пределах Европы, составляют один конфликт. Тот же ход мысли позволил Фукидиду рассматривать как один конфликт все войны между греческими городами-государствами в тридцатилетие с 431 по 404 г. до н. э., а Фридриху Мейнке — прийти к своеобразному, обобщающему прочтению первой половины XX века в «Die deutsche Katastrophe» [«Германская катастрофа»]⁴.

Действительно, именно война 1914 года является *первым актом* «европейской гражданской войны», если принять за истину то, что революция, вспыхнувшая в России, заканчивается неожиданным, умопомрачительным успехом именно в качестве *войны войне*, которую объявили классы, оказавшиеся жертвами бесчеловечной империалистической бойни, ведущейся за господство над мировыми рынками. Обе революции, русская и немецкая (1917 и 1918), явились *следствием* войны, развязанной империалистической буржуазией (эта обличающая мысль не была «находкой» Ленина, его работы «Социализм и война», написанной по случаю конференции в Циммервальде летом 1915 года; она уже присутствовала в решениях базельского съезда Социалистического интернационала в 1912 году). Если большевистское движение, разбросанное по разным странам, действующее разрозненными группами, в подполье, в условиях постоянного риска, за несколько лет, за несколько месяцев оказывается способным уловить эпохальный шанс захватить власть в России и удерживает эту власть на протяжении жесточайшего из всех известных гражданских конфликтов, это *результат* войны, результат отчаяния народов, вовлеченных в войну теми, кого Роза

Люксембург называла «главным врагом» (правящая буржуазия собственной страны); если немецкое мажоритарное социалистическое движение переходит от патриотической поддержки военных кредитов к расколу весной 1917 года на СДП и НСДП (а последняя уже выступает против войны) и после забастовок января 1918 года идет по пути, который приведет к захвату власти на волне восстания моряков Киля, это *результат* войны на истребление, в которую «просвещенные» правящие классы цивилизованной Европы с легким сердцем ввергли весь мир. Фернан Бродель однажды написал:

Не преувеличивая силы Второго Интернационала, можно с уверенностью утверждать, что если Запад в 1914 году находился на грани войны, он находился также и на грани социализма. Он был близок к тому, чтобы захватить власть и построить Европу столь же, если не более современную, чем та, которую мы видим сейчас. За несколько дней, за несколько часов война разрушила все надежды⁵.

Картина впечатляющая, но едва ли не наивная: Европу ввергли в кровавую бойню именно те классы, которые сделали из нее цветущий сад мира; они же и развязали «гражданскую войну». И народы долго смотрели на Ленина с симпатией, ибо от других, от своих всегдашних хозяев они видели только войну и голод.

Однако Нольте выходит из этой ситуации с помощью нехитрого трюка: он меняет местами ход событий, описывает (во II главе) захват власти большевиками, а уже *потом* кризис 1914 года и возникновение в Германии спартаковского движения. Отсюда удивительно наивные суждения: историк, например, считает «непостижимой» симпатию, которой вскоре начинают пользоваться большевики во французских и немецких войсках, стоящих на линии фронта⁶.

Но вопрос следует поставить по-другому: перед лицом неоспоримого факта, каковым является чудовищный поли-

тический, социальный и военный конфликт (иногда во всех трех ипостасях), сотрясавший Европу с 1914 по 1945 год, чем выпутываться из непродуманных связей, установленных Нольте, лучше попытаться понять, сколько субъектов имел означенный конфликт. Их было не два (коммунизм и фашизм в их различных формах и изоморфах), а три, и третий оказался наиболее значимым, хотя о нем речь и зашла напоследок; он, повторяем, вышел в конце концов победителем, если считать, что гражданская война длилась и после 1945 года, вплоть до развала СССР в начале 90-х годов XX века. Этим третьим субъектом, в конечном итоге добившимся победы, были как раз так называемые «либеральные демократии».

Этот субъект в самом деле является основным, и, если не учитывать его, ничего нельзя понять. Он определенно выступил зачинщиком сведения счетов с Германией, устремленной к «мировому господству» (согласно знаменитой формулировке, выдвинутой в замечательной книге Фрица Фишера⁷). И во всяком случае, даже если Антанта и империи несли равную ответственность за «первый удар» в 1914 году, поскольку все державы, сцепившиеся друг с другом в тот памятный август, представляли собой системы с парламентарным режимом, можно смело утверждать, что превращение XX века в крошечный ад в немалой степени является «заслугой» именно «третьего субъекта».

Как только разразились революции, «третий субъект» попытался их задуть. С Россией он старался изо всех сил, но потерпел поражение, и перед ним встала нелегкая задача — справляться с ее растущей силой на расстоянии: в собственном «тылу», у себя дома, когда не удалось удуть революцию в колыбели и провалилась политика санитарного кордона. Король Италии завоевал на этом поле пальму первенства: он понял, что один из путей к спасению — покорить народ националистическим популизмом, и сделал главой правительства Бенито Муссолини, при полной, решающей и активной поддержке либерального *истэблишмента*. «*Corriere della sera*» либерала Альбертини 31 октября 1922 года посвятила первому правительству

Муссолини целый разворот, и вся передовица буквально пропитана льстивыми восхвалениями нового вождя. Гинденбург оказался более осмотрительным, но те же самые силы толкнули его к аналогичным действиям. Когда в июне 1940 года маршал Петэн, лидер «révolution national»*, изоморфной фашизму, подписал капитуляцию Франции перед нацистской Германией и установил антисемитскую республику Виши, вся континентальная Европа, кроме Советского Союза, уже была фашистской. Парламентарные режимы падали один за другим, потому что буржуазные круги, слившиеся с разного рода фашистскими режимами, множившимися по всей Европе, уже не доверяли системе, которая даже наиболее благожелательно настроенным людям казалась каким-то обломком, пережитком XIX века: именно *многопартийной парламентской системе*.

Как-то некрасиво звучит утверждение, что — сразу после войны — либеральные демократии мало-помалу «уступили место» фашистским режимам, дабы перекрыть дорогу левым. Но то же самое можно выразить изящнее и, очевидно, точнее. Круги, поддерживавшие партии, правившие до сих пор (либералов, радикалов и т. д.), постепенно переставали полагаться на них, теряли доверие к «парламентской демократии» и делали выбор в пользу фашизма. Социальная напряженность, «страх», недоверие к парламентским системам обратили умеренно-центристское общественное мнение к такому выходу. Поддержка, оказанная крупным капиталом фашистским движениям, была, разумеется, жизненно необходимой для них, а структуры «общественного порядка», ориентируемые теми решающими «теневыми» силами, каковыми являются высшие эшелоны бюрократии в государственных аппаратах, предоставили необходимое материально-техническое и «военное» прикрытие. Когда общественное мнение в своем большинстве не поддерживает

* Национальной революции (фр.).

этого сползания в сторону фашизма, происходит *golpe**, руководимый извне. Так, в Австрии, где на всеобщих выборах 9 ноября 1930 года социалистическая партия набрала 42% голосов, 4 марта 1933 года Дольфус распускает парламент, а уже 12 февраля 1934 года социалистическая партия и профсоюзы объявлены вне закона: Шушниг устанавливает фашистский режим с оглядкой на Муссолини, по чьей инициативе были подписаны Римские протоколы; «Аншлюс» произойдет четыре года спустя. Хорти в Венгрии и Примо де Рибера в Испании сыграли аналогичную роль.

Социалисты, глубоко привязанные к демократическим ценностям, такие как Отто Бауэр, принимали близко к сердцу, глубоко переживали это великое разочарование: стремительный распад либеральной демократии в странах, где она только-только начала утверждаться после встряски 1918 года. Люди, подобные Бауэру, в пылу политической борьбы тех лет то и дело вступали в полемику с коммунистами, вменяя им в вину их сектантство, особенно в виду непреодолимого раскола в левом движении Веймарской республики. Но то, что им казалось преобладающим в смысле исторической ответственности, а значит, помогало поставить *диагноз* всему историческому процессу, свидетелями которого они являлись, был неопровержимый факт, что класс буржуазии сделал свой выбор в пользу фашизма.

Этот выбор имел дополнительный аспект: «нормальность» фашизма была признана, ему давали оценку «великие» нации, сохранившие парламентский режим: Франция (до определенного времени; уже с февраля 1934 года эта страна превратилась в арену внушающей тревогу активности подрывных правых сил, которые в конце концов «вылились» в Виши)⁸; и Англия.

Часто цитируют известный пассаж из выступления Уинстона Черчилля перед британской антисоциалистической лигой (18 февраля 1933):

* Военный переворот (*исп.*).

Римский гений, воплощенный в Муссолини, самом великом из всех живущих законодателей, показал многим нациям, как можно противостоять наступлению социализма, и указал путь, которым может идти народ под руководством отважного вождя. Установив фашистский режим, Муссолини показал ориентир всем странам, дающим яростный отпор социализму, и они должны без колебаний следовать этим курсом⁹.

Перед нами не случайный всплеск эмоций. Старый Ллойд-Джордж в интервью «Manchester Guardian» от 17 января 1933 года утверждал, что корпоративное государство, созданное фашизмом, является «величайшей социальной реформой современности», а глава лейбористской оппозиции Лэндсбери заявил через месяц в «News Chronicle»: «Я вижу только два способа /уничтожить безработицу/, и оба уже указаны Муссолини: общественные работы или субсидии /.../. Если бы я был диктатором, я бы действовал, как Муссолини».

Даже в «приличных» странах фашизм воспринимается как норма (не у себя дома, возможно); а антифашизм, напротив, предстает докучливой смесью крамолы (когда речь идет о коммунистах) и жалкой политэмиграции (буржуа, не способные идти в ногу со временем...). Представив это себе, мы лучше поймем суровый критический тон, в котором блестящий политэмигрант, представитель «Справедливости и свободы» Сильвио Трентин описывает политико-экономическую реальность Соединенных Штатов, эмблемы Запада: «правительство административных советов». Пришлось еще долго ждать, пока антифашизм стал позитивной ценностью в глазах «демократических» поклонников Дуче.

И внутри самих этих стран возникает чувство неудовлетворенности системой, которую даже профессор общественно-политических наук Лондонского университета Гарольд Ласки уже называет «капиталистической демократией», неотделимой — как явствует из его анализа («Democracy in Crisis» [«Демократия в кризисе»], 1933)¹⁰ — от классового эгоизма, который угрожает уничтожить ее

в самом ее основании. Тем же годом датируется принадлежащая авторитетному воинствующему представителю французского радикал-социализма Пьеру Коту¹¹ суровая обличительная речь о необратимом кризисе парламентаризма. «*Coggiere della sera*», уже проникнутая идеями фашизма, подхватывает ее и публикует на первой странице, и в тот же самый день с восторгом сообщает о победе Гитлера на выборах (7 марта 1933); обе публикации идут под заглавием «Путь Муссолини». В газете делается следующий вывод: парламентаризм умер даже в глазах крупнейших либеральных лидеров Европы. «Демократия, — отмечал Ласки в главе «Упадок институтов», — требует руководства, а при капиталистической демократии основные средства руководства находятся в руках капиталистов. Оппозиция всегда пребывает в глубокой обороне, если не ограничивается мелочной критикой». Ласки бросает трезвый взгляд на многочисленные факторы, способствующие сохранению и самосохранению «капиталистических демократий», не в последнюю очередь и на выборы. «Капиталистическая демократия никогда не допустит, чтобы ее электорат ударился в социализм из-за такой случайности, как вердикт избирательных урн». «Общественное мнение», очевидно, привержено к общественному порядку и, шире, к порядку существующему: «Новый порядок вещей становится приемлемым для толпы только тогда, когда совершенно ясно, что воля старого порядка окончательно сломлена». Очевидно, что Ласки продолжает анализ того, какой силой обладает *выстраивание* общественного мнения: мы уже видели, как использовала его немецкая контрпропаганда во время войны 1914 года. И цитирует беззастенчивые откровения по этому поводу крупного владельца газет; самого крупного, как считает Ласки, — лорда Нортклифа, в его книге «*Newspapers and the Public*» [«Газеты и публика»] (1920). Затем добавляет, переходя к другой «демократии», французской: газеты «*Temps*» [«Время»] и «*Journal des Débats*» были недавно куплены *Comité des Forges* /Синдикатом металлургической промышленности/ и его дочерними

компаниями, так что вряд ли кому-то придет в голову, что, поступив в собственность таких предприятий, они станут беспристрастно рассуждать, например, о социализме или разоружении».

Любопытная деталь (по ходу обширной и завораживающей темы *создания общественного мнения*): во время войны, в 1914 году, лорд Нортклиф был великим мастером английской пропаганды (он «работал» лучше, чем немецкие профессора, напрасно проповедовавшие разные неудобоваримые «истины»). То есть тот же человек, который в 1920 году без стеснения раскрывал механизм выстраивания общественного мнения, незадолго до этого выиграл битву с немецкой пропагандой, которая стремилась разоблачить англосаксонскую «демократию», указывая пальцем именно на коварный механизм выстраивания общественного мнения... (Как показал в своем прекрасном очерке Эрнст Брамстедт, Нортклиф послужил «технической моделью» для Геббельса)¹².

Эти и другие критические умы продолжали размышлять над природой демократии и механизмами, приводящими ее в действие; осмысление того и другого началось гораздо раньше, но обрело новую силу, питаясь наблюдениями над повседневной жизнью политико-парламентарных обществ во время долгого мирного сорокалетия. Сначала явилась критика «элитарности» этой кажущейся «демократии», построенной на парламентских системах, которой предавались, в разной степени, все ведущие фигуры послевоенного кризиса: и сторонники либо фашизма, либо «советского» решения (тут немалую трудность создавала «диктатура пролетариата», на деле превратившаяся в «партийную диктатуру»), и новые демократы (такие как Ласки и Трентин, если называть самые известные имена). Последним кажется неприемлемым старый, наскоро подкрашенный послевоенный парламентаризм, который к тому же не в силах устоять перед искушением фашизма и повсеместно сползает к этому выбору; поэтому они предлагают коренное обновление демократии в направлении, недалеко отстоящем (*по со-*

держанию) от социальных достижений советского строя. «Справедливость» как составная часть «свободы» и, если необходимо, поправка к ней. Их программы найдут отнюдь не эфемерный отклик в попытках (мы еще вернемся к ним) после падения фашистских режимов установить в Европе демократический строй, свободный от изъянов, которые так ярко проявились в двадцатилетие между двумя мировыми войнами.

Эти критические выступления, совершенно обоснованные (и не новые)¹³, были на руку тем, кто поддерживал два других «решения», фашистское и советское; оба претендовали на то — в плане самопрезентации, конечно, — что преодолели структурные ограничения «капиталистической демократии». Но следует добавить, что представители «третьего решения», бросая трезвый взгляд на основную проблему XX века (массовую демократию), с симпатией, неотделимой от суровой критики, взирали на советский опыт, зато отвергали целиком и полностью фашистские режимы, ясно понимая их глубинную связь с теми же самыми классами, которые ранее владели «либеральными демократиями», а теперь превратились в ведущую силу, скрытую за корпоративным и намеренно популистским фасадом фашистских государств.

И с других точек зрения у этих двух демократий — английской и французской — не все концы сходились. Как могла противостоять возрождающемуся немецкому империализму английская «демократия», которая с 1919 по 1923 год вела колониальную войну в Ирландии, восстановив в конце концов (в апреле 1923 года) контроль над изрядной частью ирландской территории (этот конфликт длится и по сей день)? Как могла гипернационалистская послевоенная Франция, способная из шовинистического эгоизма раздуть тлеющее пламя европейского конфликта своей оккупацией Рура (1923), стать моделью или блюстительницей нового международного порядка? Как можно было положиться на две «демократические» державы в их противостоянии гитлеровскому стремлению к полной

власти над континентом — ее неизбежность все уже предвидели, — если они единодушно оставили на произвол судьбы испанскую республику, охваченную франкистским мятежом, подвергнувшуюся германской и итальянской агрессии, раздираемую гражданской войной (1936–1939), благословленной Ватиканом? Как могли они предложить себя в качестве оплота антифашизма, когда, подписав Мюнхенское соглашение (сентябрь 1938), стали соучастниками аннексии Гитлером Чехословакии?

Все это не устали повторять «демократы» некоммунистических убеждений, все еще остававшиеся, все еще действовавшие в Европе, стоявшей на пути полного поглощения фашизмом; они были убеждены в том, что только совершенно преобразованная демократия может стать делом, за которое стоит сражаться, а не эта, «либеральная», ранее вызвавшая трагедию 1914 года, а теперь соскальзывающая к компромиссу с фашизмом.

Государство, попытавшееся заложить основы уже не только «либеральной», но и «социальной» демократии, то есть Веймарская республика, было стерто в порошок, попав в эпицентр конфликта между нацистами и коммунистами (который имел все признаки гражданской войны). После ее поражения пересмотр стратегии международного коммунистического движения и внешней политики самого СССР (эти субъекты нераздельны) не заставил себя ждать. Хоть и утверждая, как известно, возможность — даже необходимость — построения «социализма в одной отдельно взятой стране», Сталин продолжал считать достижимой — говоря на языке той эпохи — «революцию» в Германии и полагал, что игра еще не окончена, несмотря на разгром 1918–1919 года. Этим объясняются крупные вложения человеческих и материальных ресурсов в немецкую коммунистическую партию, единственную по-настоящему массовую в Западной Европе, способную направить в рейхстаг сильное представительство (благодаря избирательному закону, не столь драконовскому, как французский). Вся тактика КПГ,

основанная на резкой оппозиции по отношению к социал-демократии, объясняется этой колоссальной ошибкой в оценке своих возможностей, теоретической базой для которой явился тезис о «социал-фашизме», утвержденный на VI съезде Коммунистического интернационала.

Итог оказался не в пользу компартии, она проигрывала по всем направлениям. И последствия длительного и тяжелого кризиса (1929–1933) — New Deal* в Соединенных Штатах, национал-социализм в Германии — требовали коренного пересмотра позиций. Можно сказать, что утрата иллюзии, будто ситуация продолжает оставаться «революционной» (а также и крах троцкистского лозунга «перманентной революции») привели к двум последствиям: СССР сделал окончательный выбор в пользу восстановления страны и усиления ее мощи и сосредоточился на этом (Дойчер определил такую политику как «сталинский эгоизм»); с другой стороны, в виду новой стратегии, основанной на *антифашизме* как главном рычаге борьбы, стали вновь пользоваться доверием социалистические и демократические силы, все еще действовавшие в Европе. То была линия «народных фронтов», заявленная на VII съезде Интернационала (Москва, август 1935). Автором этой стратегии явился Димитров, руководитель болгарских коммунистов; второй протагонист перелома (в котором Сталин не участвовал собственной персоной) был Тольятти, лидер итальянских коммунистов. Основная «теоретическая» новизна заключалась в том, что Димитров в своем докладе проводил четкое различие между «буржуазной демократией» и фашистской диктатурой, временно отказываясь ставить знак равенства между этими двумя формами, что было шагом вперед по сравнению с предыдущим съездом. Этой линии не противоречила провалившаяся попытка итальянской компартии (август 1936) вбить клин между народной базой фашизма и его верхушкой (призыв к «братьям-чернорубашечникам»,

* Новый курс (англ.) — масштабный экономический план по борьбе с Великой депрессией.

предпосылка которого, оказавшаяся ложной, заключалась в том, что африканская кампания могла принести разочарование и неуверенность в массы рядовых фашистов).

Такая смена ориентиров на первый взгляд привела коммунистов к успеху именно в плане парламентской борьбы. На французских выборах в парламент в мае 1936 года (избирательное право только для мужчин, мажоритарный избирательный закон и массовые неявки на выборы — постоянные факторы, которыми нельзя пренебрегать, оценивая результаты) Народный фронт (социалисты, коммунисты и радикал-социалисты) получил большинство голосов¹⁴ в основном благодаря успеху ФКП. Леон Блюм стал премьер-министром, но коммунисты ограничились только поддержкой извне.

Ни одна победа не была до такой степени отравлена с самого начала. За несколько месяцев до нее, 16 февраля 1936 года, в Испании (республике с 1930 года) *Fronte popular* [Народный фронт] (в котором коммунисты, при их скромной численности, играли активную роль) победил на всеобщих выборах. Но в том же месяце генерал Франсиско Франко возобновил — из Марокко, куда его направило правительство Асаньи — контакты с сыном низложенного диктатора Примо де Риберы и с начальниками военных гарнизонов Кадиса, Севильи, Кордовы, Барселоны, Сарагосы и даже самого Мадрида для подготовки военного мятежа против республики. 17 июля — Леон Блюм стоял во главе французского правительства всего несколько недель — франкистский мятеж распространился по всей стране, положив начало трехлетней гражданской войне, которая похоронила *Front populaire* [Народный фронт] и в Париже. Поскольку повстанцы Франко получали помощь от Италии и Германии, а республиканцы — от Советского Союза, эта гражданская война со всей неизбежностью превратилась из испанской в европейскую. Однако «социалистическая», радикальная Франция Леона Блюма предпочла присоединиться к политике невмешательства, которую горячо поддерживали англичане. Европейские «демократии» оста-

вили на произвол судьбы демократию испанскую; в этой гражданской войне противостояли друг другу фашисты и Коминтерн. Последствия хорошо известны всем. В Париже Леон Блюм пал, и 10 апреля 1938 года его место занял Даладье, человек Мюнхена, и большинство в парламенте было уже совсем другим.

Но, несмотря ни на что, решение VII съезда Коминтерна не утратило силы, во всяком случае, для руководителей в ранге Тольятти: «Сегодня коммунисты возглавляют борьбу, направленную на защиту и завоевание демократии, ибо сегодня во всем мире идет борьба между фашизмом и демократией. Приняв позицию защиты демократии, мы должны проявлять максимум отваги, забыв о политических трениях, которые повредили бы этой борьбе»¹⁵.

Война в Испании была со всех точек зрения «генеральной репетицией» той катастрофы, того решающего рубежа в истории демократии, каким явилась Вторая мировая война. Кто и сейчас оставался в стороне от выбора, не имел политического будущего. Недостаточно было формально соблюсти приличия; собственно, никто и не прикидывался безгрешным, если вспомнить последовательную деградацию правительств Даладье и Рейно, не говоря уже об изначальном попустительстве радикалов по отношению к Петэну.

Сейчас об этом мало кто вспоминает (разве что те, кто оценивают франкизм как прискорбную необходимость), да и современный кинематограф неожиданно ударился в возвеличение троцкистских позиций, но факт остается фактом: из европейских государств только СССР реально поддерживал испанскую республику. Линия Коминтерна, оспариваемая теми, кто считал, будто пробил час испанской социалистической революции (ПОУМ, анархисты), состояла в том, чтобы сдерживать «подрывную» деятельность Ларго Кабальеро и проводить — со всей жесткостью, на какую был способен сталинизм — такую политику, которая не отпугнула бы умеренную, но верную республике буржуа-

зию. Ситуацию реалистично описал Вилли Брандт в своих воспоминаниях: «Три тысячи советских экспертов захватили ключевые позиции и создали секретную службу, которая воздвиглась как некое государство над государством и сомкнула ряды, яростно противостоя социальной революции. Приводился довод, сам по себе справедливый, что предпочтение следует отдавать военным нуждам»¹⁶. Вилли Брандт прекрасно передал ситуацию, которую наблюдал непосредственно. Как всякий свидетель, он наблюдал «видимое», и, разумеется, в поле его зрения попадало очень немного из «тайной» истории, той самой, которую такой крупный историк, как Рональд Сайм с помощью милого парадокса определил как единственно «истинную». Такую версию подкрепляют сохранившиеся документы. Стоит припомнить, что после гибели Рейха, когда немецкие архивы попали к победителям, всплыли подробности, которые в пылу сиюминутной полемики могли показаться типичными, как говорится, клеветническими измышлениями сталинизма. Особенно поражают откровения Франко в присутствии германского посла фон Фаупеля: как франкисты успешно внедрялись в ряды анархистов и троцкистов именно с целью усугубить до крайности трения со «сталинистами»¹⁷. Подобные трения описывает Оруэлл в книге под названием «Памяти Каталонии», которая — невозмутимо отмечает Хью Томас, лейборист, историк гражданской войны в Испании, — «написана великолепно, однако читать ее нужно с некоторой осторожностью»¹⁸. Испанские события 1936–1939 годов во многом сходны с историей Альенде в Чили в 1970–1973 годах. В Чили коммунистов тоже обвиняли в «позорном» предательстве и экстремисты MIR, и левые социалисты. И Альенде тоже пал потому, что правые получили широкую поддержку, вокруг них сгруппировались классы, напуганные экстремизмом MIR; утверждалось (недобросовестно), будто правительство Альенде находилось целиком под влиянием этого левого движения.

Красноречивым документом является письмо Сталина к Ларго Кабальеро (21 декабря 1936):

Испанская революция прокладывает себе пути, отличные во многих отношениях от пути, пройденного Россией. Это определяется разницей предпосылок социального, исторического и географического порядка, иными требованиями международной обстановки, чем те, с которыми имела дело русская революция. Вполне возможно, что парламентский путь окажется более действенным средством революционного развития в Испании, чем в России.

Далее он советует Ларго Кабальеро издать земельные и налоговые декреты в пользу крестьян; избегать конфискаций, которые могут восстановить против правительства мелкую и среднюю буржуазию; обеспечить свободу торговли; заручиться активной поддержкой президента Асаны и его республиканской группировки. Потом выражает обеспокоенность по поводу международной обстановки: «Это необходимо для того, чтобы помешать врагам Испании рассматривать ее как коммунистическую республику и тем предотвратить открытую их интервенцию, являющуюся самой большой опасностью для республиканской Испании»¹⁹.

Но у себя в Центральном комитете секретарь Испанской коммунистической партии Хосе Диас идет гораздо дальше: «Республика, за которую мы боремся, — другая республика, не такая, какая могла бы быть во Франции или в любой другой капиталистической стране. Мы боремся за то, чтобы разрушить *материальную базу*, на которой основывается реакция и фашизм, поскольку без разрушения этой базы не может существовать подлинная политическая демократия»²⁰.

Неустойчивое равновесие, в котором находится республика, зависит как раз от различных толкований такого рода призывов. Для Тольятти, руководителя Коминтерна, приоритет один — «выиграть войну». Он пишет по поводу этих событий:

Несмотря на правильную и стойкую позицию нашей партии, характер этой войны как войны за независимость был признан другими антифашистскими организациями не с самого начала,

а довольно поздно. Долгое время мы работали и боролись не так, как нужно было это делать в войне за независимость против великих империалистических держав, а так, как могли бы участвовать в испанской гражданской войне прошлого века!

Его критика весьма проницательна: он изобличает отсутствие «демократических форм, которые позволили бы широким массам участвовать в политической жизни страны»; обвиняет «комитеты Народного фронта» в фактическом уклонении от их обязанностей, а фабричные комитеты — в опоре на правящую верхушку; обнаруживает отсутствие демократии внутри профсоюзов и слабую жизнеспособность партий; позже, в ретроспективном обзоре, он отмечает, что на самом деле во время гражданской войны так и не был утвержден «подлинный и настоящий демократический режим». И все-таки добавляет, что, по его мнению, «политический опыт Народного фронта весьма обогатился» в ходе этих событий²¹.

Когда правительство Блюма распалось и демократии оставили испанскую республику сражаться в одиночку; когда на усилия Советского Союза добиться коллективных гарантий против возможной агрессии со стороны Германии «демократии» ответили Мюнхенским соглашением (30 сентября 1938), продолжать поддерживать политику «фронтов» оказалось нелегко.

Долго будут спорить о том, какие косвенные и непосредственные причины привели к ошеломляющему дипломатическому повороту, известному как «русско-германский пакт» (23 августа 1939). Ясно по крайней мере, особенно в свете «Дневников» Димитрова, что со стороны Сталина это было стратегическое решение, а не тактический ход. Воздействие этого пакта на политику, намеченную VII съездом Коминтерна, было, как и следовало ожидать, сокрушительным. Тот факт, что англичане и французы всячески потворствовали Гитлеру — от Испании до Чехословакии, — отошел на второй план в глазах тех сил, уже разрозненных,

для которых и была выработана политика «фронтов». Им русско-германское соглашение представлялось чем-то немыслимым. «Государственной» политике можно было многое простить, но такое не должно было оставаться безнаказанным. Самое страшное заключалось в том, что рухнула уверенность в изначальной непримиримости позиций СССР и нацистской Германии: Советскому Союзу не прощали того, что он повел себя как всякое другое государство. Письма (1935–1939) Сарагата к Ненни, опубликованные Фондом Ненни в январе 1998 года, дают непосредственное представление о силе удара и о резком, радикальном переломе в отношениях. Достаточно сопоставить комментарии Сарагата после Мюнхена: «Россия просто великолепна. Литвинов преподавал урок достоинства и демократии с искусством великого государственного деятеля. Действия Франции унижают ее, а русские воспаряют к звездам» (далее он высмеивает «юродивых от антикоммунизма»; 24 сентября 1938). Но вот 22 августа 1939 года: «Дорогой Ненни, предательство русских свершилось. Мы не можем больше закрывать на него глаза. Это — конец Третьего Интернационала, и, может быть, начало нового социалистического движения, в которое должны влиться коммунистические бойцы, разочарованные, содрогающиеся от отвращения». Троцкий уже 2 сентября 1939 года вещает из Мексики о «страхе перед массами», который подвигнул Сталина на подписание пакта в тот момент, когда — считает изгнанник — нужно было делать ставку на европейскую (а может быть, и мировую) революцию²².

Более реалистический взгляд на это решение высказал Черчилль в первой части («От войны к войне») своего исторического труда «Вторая мировая война»²³: «Франция и Англия должны были принять советское предложение и составить тройственный союз /СССР, Англия, Франция/»; только это могло бы предотвратить пакт. Известно, что Советский Союз почувствовал себя обманутым той намеренно непоследовательной манерой, в какой англичане и французы вели переговоры, и повторил Брест-Литовск в

совершенно обратной ситуации, решив заранее обезопасить себя от неизбежно надвигающейся войны, как ранее Россия вышла из войны между империалистическими державами. По прошествии лет было нетрудно создать миф о Польше, «разделенной» между Гитлером и Сталиным; написать очередную главу истории разделов. Правда состоит в том, что в 1938–1939 годах Польша была охвачена антисоветской истерией и весьма благожелательно настроена к гитлеровской Германии, политике которой верно следовал польский министр иностранных дел Бек (включая разрыв с Лигой Наций 11 августа 1938)²⁴. После Мюнхенского соглашения 1938 года Польша приняла участие в разделе Чехословакии, поглощенной Рейхом, и получила свою часть добычи — Цешинский горнопромышленный район²⁵. Польскую политику в месяцы, предшествующие русско-германскому пакту, так описывает крупнейший западный исследователь истории Восточной Европы Хью Сетон-Уотсон в своей замечательной работе 1945 года «*Eastern Europe between the Wars, 1918–1941*» [«Восточная Европа между двумя войнами, 1918–1941»]²⁶: «Уверенные в том, что они контролируют армию и полицию, коварно стравливая друг с другом различные группы оппозиции, руководители страны надеялись, что кризис продлится как можно дольше, покамест ограничиваясь незначительными приготовлениями как на внутреннем фронте, так и на границах». Со своей стороны, СССР по этому пакту получал обратно территории, которые советская Россия утратила в результате мира, навязанного Германией в 1918 году (надо заметить, что Версаль в этом плане никак не исправил ситуацию).

Но это решение не могло восприниматься только на военно-дипломатическом уровне. Все, за что ни возьмись, неизбежно подвергалось сомнению и вызывало дискуссии. Исключения, разумеется, не составил и поворот в политике Коминтерна, обозначившийся на VII съезде. Естественно, это привело к долговременным последствиям, в частности, к переосмыслению роли руководителей.

Два года русско-германского союза (август 1939 — июнь 1941; контакты, однако, начали складываться уже в марте, когда Молотов занял место Литвинова) в немалой степени противоречат жесткой биполярной схеме «европейской гражданской войны». К тому же, поскольку его обычно оценивают исходя из последующих событий, внимание ученых к этому двухлетию не соответствует его значимости; исключение составляют замечательное исследование Анджело Таски («*Deux ans d'alliance germano-soviétique*», [«Два года германо-советского альянса»] Fayard, Paris, 1949); собрание документов, подготовленное И. В. Брюгелем («*Stalin und Hitler*», Europa-Verlag, Wien, 1973); работа Э. Рида и Д. Фишера («*The Deadly Embrace*», [«Смертельное объятие»] Joseph, London, 1988) и еще несколько публикаций²⁷. Есть и такие крайности, как монументальная «Всемирная история» Академии наук СССР, где данный факт даже не упомянут, разве что включен в краткую хронологическую таблицу!

Этот болезненный отрезок истории второго мирового конфликта интересует нас не сам по себе: для нас важны его последствия, отразившиеся на политической линии «народных фронтов». Их поддержка прекратилась, прервалась и антифашистская кампания. Выступая в Верховном Совете 31 августа 1939 года, Молотов с присущей ему (как может показаться) грубостью говорит об «идиотическом антифашизме»²⁸. 7 сентября, на встрече с Молотовым, Ждановым, Димитровым и Мануильским, Сталин сам обрисовал свою позицию. В «Дневниках» Димитрова можно прочесть об этой встрече:

До начала войны /то есть до 1 сентября/ противопоставление фашизма демократическому режиму было абсолютно справедливым. Во время войны между империалистическими державами это уже неправильно. Разделение капиталистических государств на фашистские и демократические утратило то значение, какое имело прежде. Война вызвала коренной перелом. Единный народный фронт вчерашнего дня был призван облегчить положение рабов капиталистического строя. В условиях империалистической войны ставится вопрос об уничтожении рабства!

Оставаться сегодня на вчерашних позициях (единый народный фронт, единство нации) означает соскальзывать на позиции буржуазии. *Этот пароль выходит из употребления*²⁹.

Кроме схематизма и необоснованности анализа, поражает безапелляционность, с какой этот «пароль» объявляется недействительным. В первые месяцы войны и позже, в 1940 году, в своих выступлениях по поводу начавшегося конфликта Троцкий с сарказмом повторял, что с 1935 года Сталин «целых пять лет обхаживал демократию».

Уже на следующий день Димитров получил прямые директивы (на немецком языке), адресованные всем партиям, входящим в Интернационал: «Разделение капиталистических государств на фашистские и демократические сегодня утратило то значение, какое имело прежде. В связи с этим следует изменить тактику». Делается поразительный вывод: «Коммунистические партии повсеместно должны противостоять продажной политике социал-демократов»³⁰. Очевидно, авторы этого немудрящего текста, не зная, какой из партийных документов взять за образец, полагают, будто на дворе август 1914 года и они должны бороться против социал-демократов, которые голосуют за военные кредиты. Следует разъяснение, что директива касается в особенности Франции, Англии и Бельгии, а также Соединенных Штатов /sic/. Ту же самую «линию» заявит в мае 1940 года, в обстановке обострившегося конфликта (вторжение в Бельгию и прорыв линии Мажино), Четвертый интернационал (об этом обычно забывают, концентрируясь на внешней политике СССР). Сходство *диагноза* со всей очевидностью отсылает нас к той же самой политической культуре. На этот раз слова Троцкого совпадают с мнением подпольной французской газеты «L'Humanité». Разница заключается в реализме, граничащем с цинизмом, действий советской стороны, которые предпринимаются исходя из этого диагноза, и нереальных перспективах мировой революции, какие Троцкий извлекает из того же самого диагноза. Чтобы проникнуться «духом времени», стоит привести несколько цитат из длиннейшего документа от 26 мая 1940 года,

написанного самим Троцким и озаглавленного «Империалистическая война и мировая пролетарская революция»³¹:

Четвертый Интернационал не обращается к правительствам, бросившим народы на бойню, ни к буржуазным политикам, отвечающим за действия этих правительств, ни даже к рабочим бюрократам /имеются в виду социалистические партии/, поддерживающим буржуазию в войне /с. 149/;

Непосредственная причина настоящей войны — соперничество между старинными, богатыми колониальными империями Великобританией и Францией и запоздавшими империалистическими грабителями Германией и Италией /с. 152/³²;

Около века тому назад, когда национальное государство еще представляло собой относительно прогрессивное явление, *Коммунистический манифест* провозгласил, что у рабочих нет родины /.../. Мелкие сателлиты /Бельгия, Норвегия и т. д./ вот-вот будут стерты в пыль стальными челюстями великих капиталистических держав /.../. Реакционному лозунгу *национальной обороны* необходимо противопоставить лозунг революционного уничтожения национального государства. Сумасшедшему дому капиталистической Европы необходимо противопоставить программу Социалистических соединенных штатов Европы /сс. 158–159: очевидно, что Троцкий в изгнании окончательно утратил чувство реальности и вообразил себя Лениным в 1914 году/;

Столь же лживым является лозунг борьбы демократии против фашизма³³. Как будто рабочие забыли, что британское правительство помогло Гитлеру и его банде прийти к власти! Империалистические демократии на самом деле великие аристократии истории, они живут за счет эксплуатации народов колоний /сс. 159–160/;

С приходом Гитлера мировой капитализм, доведенный до отчаяния, начинает вонзать отточенное острие в собственное тело. Мясникам второй империалистической войны не удастся сделать из Гитлера козла отпущения за их собственные грехи /*sic*/. Перед судом пролетариата ответят все правители нашего времени. На скамье подсудимых Гитлер займет всего лишь первое место среди преступников /сс. 162–163/.

И так далее. Но чтобы составить представление о том, насколько Троцкий в эти месяцы оторвался от реальности, симптоматичными являются заключительные слова его

записи от 20 августа 1940 года (последней **перед** роковым покушением); заметим, что Франция пала **несколько** месяцев назад:

Немецкие солдаты, то есть, в большинстве случаев, рабочие и крестьяне, станут больше сочувствовать побежденным народам, чем своему правящему классу. Необходимость в каждый момент действовать в качестве «миротворцев» /?/ и угнетателей приведет к *быстрому разложению* /sic/ оккупационных войск, заразит их революционным духом /р. 231/.

Так может писать лишь человек, который ничего не понял в том, что представляет собой на самом деле нацистский режим и его проверенная на опыте способность воздействовать на массы и завоевывать их.

Сталин, будучи реалистом, скоро разуверился в революционном характере ситуации и на новой встрече (25 октября 1939) с Димитровым и Ждановым объяснял им, что «ставить сейчас вопрос о мире на основе разрушения капитала — это значит помогать Чемберлену и поджигателям войны. Это значит отрываться от масс»³⁴.

В Париже, за несколько дней до того, как его как итальянца (то есть, гражданина недружественной страны) арестует полиция, Тольятти успевает написать длинный текст-воззвание, который появляется в «La voce degli Italiani» [«Голос итальянцев»] 25 августа 1939 года под заглавием «Декларация коммунистической партии Италии» и посвящен только что «грянувшему» русско-германскому пакту. Это — трудный текст с точки зрения логики, но эпицентром полемики является неустанное обличение фашизма, хотя автор, разумеется, заявляет о поддержке «пакта», своеобразно интерпретируя его как убийственный «удар по фашизму», «разоблачение» фашизма и его «антикоммунистической демагогии»! Пафос заключения симптоматичен: он звучит до некоторой степени диссонансом по отношению к московской арии и близок к позициям, которые в те дни высказала (а потом отреклась от них!) компартия французская: «Если война, несмотря

ни на что, разразится, мы будем сражаться без колебаний, ибо она приведет к военному и политическому распаду, крушению фашизма». Та же задача ставится и в следующем выступлении, написанном сразу после первого, «Открытом письме итальянской социалистической партии»: «Мы будем использовать все возможности, какие только представятся; вступим, если потребуется, во французскую армию, чтобы сразиться с фашистами и способствовать их разгрому, как мы это делали в Испании, в Гвадалахаре»³⁵. Здесь наблюдается полный диссонанс с уже готовящейся директивой Коминтерна, особенно если вспомнить, что, руководствуясь ею, 4 октября 1939 года Морис Торез, секретарь ФКП, дезертировал из французской армии.

Тольятти побывал в Москве в мае 1939 года, там закончил последний из своих отчетов по Испании, в котором подчеркнул существенное значение линии «фронтов» (в июле он уже вернулся в Париж), а тайные советско-германские переговоры тем временем уже вовсю велись³⁶.

После длительного, чреватого опасностью заключения во Франции, освобожденный, по всей вероятности, благодаря закулисному вмешательству Коминтерна и чиновников-антифашистов, служивших в системе французского судопроизводства³⁷, Тольятти в тот месяц полусвободы, который он проводит в Париже перед возвращением в СССР (май 1940), придумывает подпольный журнал для итальянцев, «Письма Спартака»: намек на полное неприятие войны немецкими спартаковцами в 1917–1918 годах не мог быть более явным³⁸. Он ищет благородные прецеденты для той чудовищной ситуации, в какой оказались коммунисты после вступления в силу «пакта». Но выбор названия не кажется слишком удачным (разве только он был намеренным), имея в виду резкую враждебность, какую в свое время Ленин проявлял к стратегии последователей Розы Люксембург; с удвоенным пылом этот тон подхватил и Сталин. В «Письмах» Тольятти, пусть с некоторым замешательством, принимает линию Коминтерна и иронизирует над «сентиментальными различиями», которые иные бойцы

упорно находят между двумя воюющими группировками. В «Письмах Спартака» от марта-апреля 1940 года Тольятти, как может, выдерживает линию: награждает социалистов такими определениями, как «сторожевые псы империалистической буржуазии» и «предатели» (№ 9, 1–10 марта); ФКП обвиняется в том, что она «голосовала за военные кредиты» в момент, когда вспыхнул конфликт; и все-таки в программной статье «Кто такой Спартак» Тольятти настаивает на том, что «Спартак — *смертельный враг фашизма* и империалистической буржуазии». В длинной статье для «Рабочего государства», издания, которое выходило в Америке, Тольятти наконец-то «пристреливается» и вспоминает с несвойственной ему жесткостью *борьбу Ленина против социал-шовинизма*: очевидно, чтобы перейти к новой войне и к изначально «социал-шовинистской» позиции социалистических партий (май 1941; но эта работа вышла уже в январе, на русском языке). Но этого, надо думать, оказалось недостаточно. По возвращении в Москву Тольятти был подвергнут следствию (сентябрь 1940), и в июле 1941 года — когда пакт был нарушен нападением Германии на СССР 21 июня 1941 года, и линия резко изменилась, — его лишили допуска к «строгим секретным материалам», а в октябре 1941 года даже арестовали, хотя через несколько дней выпустили⁴⁰.

Димитров передает свой разговор с двумя испанскими руководителями, нашедшими пристанище в Москве после падения Мадрида, — Хосе Диасом и Долорес Ибаррури: оба нимало не отклонялись от линии партии. «Долорес, — рассказывает Димитров, — заявляет, что не вполне доверяет Эрколи / = Тольятти /. Есть в нем, чувствует она, что-то чуждое, *не наше*»⁴¹. До возвращения в Италию после первого падения Муссолини Тольятти был оттеснен в сторону и занимался пропагандистскими выступлениями по радио.

Поставленный перед выбором между немедленной войной с Германией ради защиты такой враждебной страны, как Польша (которая ко всему прочему отказывала советским войскам в проходе по своей территории в случае

войны) и превентивным мирным договором с Германией в обмен на значительные территориальные приобретения в Польше и Прибалтике (возмещение потерь, понесенных Россией в Брест-Литовске, которые Версальский договор никак не компенсировал), Сталин не колебался. И расценивал мир, за который была заплачена столь дорогая цена, как стартовую площадку для дальнейшего расширения сферы влияния СССР.

Сфера экспансии, согласованная с немецкой стороной, была расширена Советским Союзом в одностороннем порядке нападением на Финляндию и попыткой, блокированной немцами, втянуть в конфликт Болгарию, заключив с ней двусторонний договор. Гитлер — как мы это знаем из прямого свидетельства Молотова — стремился подтолкнуть СССР к Ирану и к Индии, что привело бы к конфликту с Англией⁴². Непредвиденная советская активность в направлении, противоположном желаемому, и привела к самоубийственному нападению Гитлера на Россию: он лелеял несбыточную мечту о молниеносной войне, которая завершится до немецкой высадки в Англии и станет ее предпосылкой. 21 июня 1941 года, на месяц позже назначенного срока, началась «операция Барбаросса». Вечером 22-го Черчилль заявил англичанам:

Никто не был столь ожесточенным, как я, противником коммунизма в эти последние двадцать пять лет. Сегодня я не беру назад ни единого слова из того, что я говорил о коммунизме. Но всё сегодня бледнеет перед зрелищем, которое открывается нашим глазам. Я вижу, как русские солдаты защищают землю, которую их предки возделывали с незапамятных времен /.../. Бесповоротное решение британского правительства имеет одну единственную цель: разгромить Гитлера, уничтожив все следы национал-социализма. Ничто не заставит нас отклониться от этой линии. Мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-то еще, причастным к его режиму. Мы станем сражаться с ним на суше, на море и в воздухе, пока, с Божьей помощью, не вернем свободу Европе. Всякий, кто сражается с национал-социализмом, получит от нас помощь; всякий, кто марширует в рядах национал-социалистов, является нашим врагом⁴³.

Черчиллю также приписывают шутку: «Если Гитлер вторгнется в ад, я без колебаний скажу в Палате общин несколько добрых слов о дьяволе».

Такая стремительная реакция — яркий исторический факт, заслуживающий пристального изучения. Ее молниеносный характер не только подтверждает быстроту ума и незаурядные способности британского премьера (который вскоре встанет во главе правительства национального единства, куда войдут также и лейбористы), но и указывает на сомнения, которые мало-помалу начинали возникать у британской дипломатии по поводу надежности русско-германского пакта. Не надо забывать, что СССР и Великобритания поддерживали регулярные дипломатические отношения на протяжении почти двух лет, прошедших от пакта о «ненападении» до «операции Барбаросса», несмотря на то, что августовский пакт через несколько недель превратился в договор о дружбе между СССР и Германией. В эти долгие месяцы в задачу советского посла в Лондоне, Майского, входило, помимо всего прочего, представить перед англичанами позицию СССР, нейтральную по отношению к развивающемуся европейскому конфликту, как аналогичную позиции Соединенных Штатов, тоже нейтральных, тоже после поражения Франции отправивших посла в Виши. Даже война СССР с Финляндией, пагубная в дипломатическом плане, завершившаяся 12 марта 1940 года мирным договором, не привела к разрыву англо-русских отношений, хотя в апреле Чемберлен (тогда еще премьер-министр) и Рейно (сменивший Даладье) серьезно обсуждали вопрос о возможности превентивных бомбардировок советских нефтяных скважин на Кавказе. Документация по означенному «Кавказскому плану» попала в руки немцев, когда была оккупирована французская столица, и была своевременно отправлена в Москву, чтобы нейтрализовать источники информации, через которые в столицу СССР начали просачиваться сведения о возможном, даже неминуемом германском нападении. В мире, далеком от канцелярий, в среде немецких антифашистов, действовавших

в Норвегии, — вспоминает Вилли Брандт в своих «Мемуарах», — с самого начала все были в этом убеждены: «Мы не верили, что союз между этими двумя странами продержится долго» (с. 133). Мрачный и по сути несправедливый образ такой смены союзников создал Оруэлл в одном из эпизодов романа «1984», явно намекая на данную историческую коллизию: оратор, лидер одной из воюющих держав, проводит митинг; пока он говорит, ему сообщают, что его страна сменила союзника, и он продолжает свою речь, не моргнув глазом, не прерывая фразы, но в свете нового союза, новой международной обстановки⁴⁴.

В реальности этого не произошло. Июнь 1941 года не только решил судьбу войны, но и открыл новую главу в истории демократии в Европе, и это явилось заслугой людей, которые были раздавлены «пактом», «лишены голоса», как пишет Вилли Брандт, но не изменили себе⁴⁵.

ПРОСТО ДЕМОКРАТИИ, ПРОГРЕССИВНЫЕ ДЕМОКРАТИИ, НАРОДНЫЕ ДЕМОКРАТИИ

Смена союзников, вылившаяся затем в ялтинский мир, выстроила с самого начала совершенно другую ситуацию, и не только в военно-политическом плане. Ситуацию, по отношению к которой все определения, все лозунги, выдвинутые в период между двумя войнами, оказались недостаточны. Неверно было бы думать, что «учредительные» группы в правительствах, возникавшие в разных странах (Франции, Италии) на основе антифашистских союзов и как бы продолжая их деятельность, которая привела к разгрому Оси, каким-то образом следовали линии довоенных «фронтов». Та страница была перевернута, начиналось что-то иное, рожденное в ходе долгих, тяжелейших боев, вновь соединивших те силы, которые оказались раздроблены в 1939–1941 годах. Напрасно Франсуа Фюре в своей последней, проникнутой горечью книге «*Le passé d'une illusion*» [«Прошлое одной иллюзии»] (1995) не раз карикатурно изображает европейский антифашизм как «дурачка на службе» Сталина. Несколько лет, весьма плодотворных в институциональном плане, антифашизм был точкой пересечения политических культур, переживших фашизм именно потому, что ими был выбран путь борьбы, и поставивших перед собой общую цель: не возвращаться к старым «либеральным демократиям», которые взрастили фашизм. Знаменательно, что порыв к обновлению затронул даже Англию — единственную европейскую страну, институциональная последовательность в которой ни разу

не прерывалась, — что и определило сразу же после победы над Германией неоспоримую победу лейбористской партии и поражение Черчилля.

В Италии такой лидер, как Тольятти, прошедший через испытания, описанные нами в предыдущей главе, приходит к убеждению, что в период, наступивший после крушения фашизма, в задачу его партии (которая уже заслужила определение «новая») входит обнаружить и оценить те возможности — направленные на установление «передовой» демократии — какие таили в себе силы, связанные с иной идеологией, возникшие из иного источника, но проявившие себя в общей борьбе против фашизма. Целью теперь становится политически и экономически развитое общество, «прогрессивная демократия», основанная на передовой конституции и направленная на радикальные «структурные преобразования» (вроде тех, какие начал осуществлять в Англии Эттли); не прозябание в ожидании штурма гипотетического Зимнего дворца, но наилучшая политическая программа, какую могло на тот момент принять рабочее движение. Понятие «антифашизм» приобрело более широкий смысл: из отрицания, отвержения фашизма, оно сделалось конструктивным, направленным на преобразования. Основная идея Тольятти состоит в том, что в итальянском обществе существуют силы, группы, оказывающие давление; течения, более или менее «подспудные», и они потенциально направлены к действиям и решениям, совпадающим с интересами и целями, которые в свое время породили фашизм; и что долгая, упорная борьба с такими силами, в новой обстановке, обусловленной участием в послевоенных правительствах всех сил, сражавшихся с фашизмом, сама по себе может преобразить итальянское общество, сделать его более прогрессивным. Именно потому, что вся и недавняя, и отдаленная история нации привела к фашизму, — это наблюдение можно распространить и на всю Европу, которая постепенно скатилась к фашистской идеологии, — обратный путь, путь *выкорчевывания* фашизма тоже должен составить *долгий исторический*

период. Отсюда и вывод, ясный уже из первого выступления Тольятти по возвращении в Италию¹, что речь идет не о тактических, конъюнктурных решениях, а о программе «на будущее», без каких-либо сиюминутных целей.

Таким образом, история не начиналась заново с *heri dicebamus**, вырвавшись за «скобки» фашизма; но, обогатившись всем, что произошло за это время, продолжалась *с совершенно иной точки*. Даже и то, что вызвал к жизни фашизм — своим межклассовым характером, во многом сходным с рузвельтовским «Новым курсом» — должно было войти составной частью в обширную, разнообразную «сырьевую базу», нуждавшуюся в переработке; туда же неизбежно попадало все то, что в плане конкретных достижений осуществил и закрепил в Конституции 1936 года советский опыт. Эта огромная лаборатория, которую сегодня недобросовестная историография пытается представить гигантским концентрационным лагерем, вызывала интерес в тридцатые годы — до того, как гитлеризм поставил мир на грань катастрофы, — ее опыт принимали критически, или принимали *tout court* в самых разных слоях, уделяя пристальное внимание и совершенно необычной форме конституции, и результатам планирования экономики. Сильвио Трентин в обширной, восторженной статье комментирует советскую Конституцию 1936 года², а парижский журнал «Еигоре», который издает «радикал» Ридер, в 1931 году посвящает «первому пятилетнему плану»³ одну статью за другой. Радикальная новизна этой Конституции состоит в приоритете, предоставленном уже в Главе I описанию «общественного устройства», порядку владения собственностью и социальным правам, подробно, во всех деталях описанным в Главе X (следует обратить особое внимание на статьи 121, 122 и 123, где предусматривается наказание по закону за «расовое или национальное пренебрежение»). Впервые конституционная хартия включает в себя «право

* Вчера мы говорили (лат.).

на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности» (ст. 120); или право на бесплатное образование, включая высшее (ст. 121); или «право на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством» (ст. 118); не говоря уже об основном принципе, заявленном в статье 12: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: “кто не работает, тот не ест”», — поразительный отголосок проповеди апостола Павла⁴. Перед нами совершенно новый конституционный *стиль*.

Разумеется, существовал по меньшей мере еще один источник, авторитетный и относящийся к недавнему прошлому, хотя его значимость и затмил трагический конец германской республики: то была общественная мысль, отразившаяся в статьях Веймарской конституции, особенно в 165-й, закладывавшей фундамент нового социального порядка, к созданию которого стремилось немецкое государство. Она гласила: «Рабочие и служащие призваны сотрудничать (*mitwirken*) на основании паритета (*gleichberechtigt in Gemeinschaft*) с предпринимателем, совместно регулируя заработную плату и условия труда, так же как и комплексное развитие производительных сил». Общественные классы при такой формулировке неизбежно становятся — к каким бы противоречиям это ни привело в конституционном плане — *источниками* права, пусть даже в статье и разъясняется, что такая ситуация может сложиться только при условии сотрудничества (*mitwirken*). Другой прецедент, который имели в виду европейские законодатели, работая над новыми конституционными хартиями эры антифашизма, — «Новый курс» Рузвельта, которому, однако, тенденциозно консервативный Верховный суд Соединенных Штатов навязал ограничения, замедлив его осуществление. Перебравшийся в США под конец жизни Артур Розенберг, за плечами которого был непосредственный опыт революции в Европе; который был лично знаком со всеми ее ведущими деятелями из НСДПГ, а потом из КПГ,

усмотрел — в труде, подводящем итоги нелегкой жизни, «Демократия и социализм», — как раз в «Новом курсе» зародыш системы, способной преодолеть губительное расхождение между двумя враждующими принципами.

Таким образом, именно все это, то есть плоды борьбы и завоеваний первой половины века, законодатели старались перелить в конституции, которые писались с 1946 года и далее. В Италии, Франции, Федеративной Германии вводятся — благодаря объединенным усилиям как левых, так и католических партий, — мощные элементы социальной демократии. Сюда включается и принцип, уже наличествовавший в наброске к немецкой конституции 1848 года (ст. VII, § 26)⁵, согласно которому частная собственность подчинена критерию всеобщей пользы и им верифицируется. То же сказано и в статье 2 итальянской конституции (параграф 3: «Частная собственность может быть в случаях, предусмотренных законом, и с возмещением убытков экспроприирована, если того требуют общие интересы»). В подкомиссии спорили, не следует ли поставить «равноценное», или «справедливое» возмещение убытков. Но докладчик по вопросу, выдающийся христианский демократ Паоло Эмилио Тавиани, отверг поправку, заметив, что, если под «равноценным» понимать экономический эквивалент имущества, подвергаемого экспроприации, такая формулировка сделает невозможной аграрную реформу.

В месяцы, когда принималась конституция, на Сицилии ширилось движение против латифундий, за раздел земли между крестьянами. Чтобы запугать активистов и подавить движение в зародыше, сицилийские землевладельцы наняли наводящую страх банду Сальваторе Джулиано, того самого, который устроил массовую расправу над путниками на перевале Портелла-делле-Джинестре (1 мая 1947). Но ведь крестьяне действовали на законных основаниях, в русле декретов, обнародованных министром Гулло осенью 1944 (проект конституции предоставлял ему определенные этико-юридические основания). А общественные силы, вооружившие Джулиано, — землевладельцы и

мафия — вскоре нашли прибежище в той же партии, к которой принадлежали такие люди, как Тавиани. Разрыв между конституцией писаной и конституцией «реальной» уже намечается в подобных событиях, а впоследствии обнаружится со всей очевидностью.

Во Франции расстановка парламентских сил в Учредительной комиссии была такова, что ФКП даже смогла предпринять попытку предложить свой проект конституции. На самом деле шанс был упущен: текст получился слишком бедным (всего 18 статей) и не оправдал надежд. Первая статья, в терминологии которой слышались отголоски языка Первой французской республики, гласила: «Французская республика представляет собой демократию, суверенитет в которой принадлежит исключительно Нации». Ничего не говорилось о праве на собственность, которое и не значилось среди прав, перечисленных в статье 4; зато из советской конституции 1936 года перенимались некоторые основные принципы общественного устройства сталинской эпохи: право на труд и на получение гарантированной работы; материальное обеспечение за счет государства во всех случаях потери трудоспособности; бесплатное образование на всех уровнях; бесплатное судопроизводство. Так или иначе, проект был отвергнут.

Зато в тексте, одобренном Конституционной комиссией 19 апреля 1946 года, право на собственность трактовалось в статьях 35 и 36. Оба принципа, которые мы видели в итальянской конституции, утверждены и здесь: экспроприация «ради общественной пользы» (ст. 35) и приоритет «общественных нужд» над правом собственности (ст. 36); однако же формула о возмещении убытков звучит так: «справедливое возмещение убытков, определенное согласно закону». В начале статьи 35 поражает почти дословное, с одним только знаменательным отличием повторение статьи 6 «Декларации прав человека», предложенной Робеспьером в 1793 году. У Робеспьера: «Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и располагать по

своему усмотрению *той частью имущества*, какую ему гарантирует закон». Французская конституция 1946 года, ст. 35: «Собственность есть неотъемлемое право иметь при себе, пользоваться, располагать *имуществом*, гарантированное каждому по закону». Подхват еще более очевиден, если прочесть статьи, следующие за упомянутыми. Робеспьер (ст. 7): «Право на собственность ограничено, как и все другие права, обязанностью уважать права других людей». Конституция 1946 года, ст. 36: «Право на собственность не может осуществляться вопреки общественной пользе, или в ущерб безопасности, свободе, существованию или собственности других людей». Переключка с декларацией Робеспьера заметна с первого взгляда. То же самое явствует из определения, какое тот и другой текст дает «свободе». Робеспьер: «Свобода есть принадлежащая человеку власть проявлять по собственной воле все свои способности; мерой ее является правосудие». Конституция 1946 года, ст. 3: «Свобода есть возможность совершать все, что не нарушает права других людей. Условия проявления свободы устанавливаются законом»⁶. Тут речь уже идет не только о якобинском влиянии, но о влиянии именно Робеспьера. Статьи 6 и 7 проекта, написанного Робеспьером, «вылились» в «Декларацию прав человека», соответствующим образом принятую и положенную в основу конституции 1793 года, которая, вместе с конституцией 1848 года, нашла отклик в преамбуле французских законодателей апреля 1946-го. Если быть точным, две статьи (6 и 7) робеспьеровского наброска превратились в одну (16), где уже ничего не говорится о привязке к закону или об ограничениях, им поставленных: «Право на собственность есть право, принадлежащее каждому гражданину, пользоваться и располагать по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами /это слово отсутствовало в проекте/, плодами своего труда и своей деятельности».

Очевидно, что законодатели апреля 1946 года опирались не только на конституцию 1793-го, но более всего в том, что касается основных принципов, именно на предложе-

ние Робеспьера, на его собственноручный текст. Филиппо Буонарроти в своей работе «Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабёфа» (1828) в сноске к первой главе опубликовал текст Робеспьера, представив его следующим образом:

Этот замечательный документ проливает свет на истинные цели, какие ставили перед собой люди, подвергавшиеся яростным нападениям после смерти великого законодателя /то есть именно Робеспьера/. *Восхищение вызывает определение права на собственность, исключенное из числа основных прав /.../, ограничения, наложенные на право собственности; введение прогрессивного налога и т. д.*⁷

Но все усилия по выработке текста пропали втуне из-за сокрушительного провала: избиратель не принял вариант, одобренный в первом чтении благодаря голосам социалистов и коммунистов (309 против 249). В самом деле, постановление от 17 августа 1945 года, назначавшее выборы в Учредительную комиссию, в частности, гласило: «Конституция, принятая Ассамблеей, должна быть одобрена электоратом, состоящим из французских граждан, путем референдума, назначаемого не позже, чем через месяц после ее принятия Ассамблеей». Референдум проходил 5 мая 1946 года, и проект конституции был отвергнут 53% голосов против 47%. Очевидное доказательство дискразии, которая всегда существует между избранниками и избирателями. Ведь Учредительная комиссия была избрана за каких-то шесть месяцев до того, 21 октября 1945 года! Кроме того, это в очередной раз доказывает, что правящие группировки «обгоняют» свой электорат. В итальянской Учредительной комиссии думающая часть демохристианских законодателей работала (даже после окончательного прекращения сотрудничества с правительством в февралемарте 1947 года) в полном согласии с левыми. Но и в Италии таким образом выработанный текст мог не выдержать испытания референдумом. Демохристианский электорат был, конечно же, более отсталым, чем руководители партии.

С интересующей нас точки зрения существенно новым в новой конституции, которую выработала вторая французская Учредительная комиссия, избранная 2 июня 1946 года (в тот же день, что и итальянская), одобренной на референдуме 13 октября, было то, что статьи 35 и 36 исчезли. Преамбула была сильно расширена, и в ней были изложены основополагающие принципы. Исчезла отсылка к конституциям Первой и Второй республик (упоминание о 1793 году вряд ли могло прийти по нраву католической части общества, широко представленной в Народно-республиканском движении); осталось лишь обращение к «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года, где собственность находится на самом первом месте (ст. 2), а о праве на труд даже не заходит речи. В плане *собственности* больше не говорится об ограничении этого права, но, как отголосок национализации, предпринятой за несколько месяцев до этого в Англии лейбористским правительством⁸, полагается, что «Всякое предприятие, эксплуатация которого имеет или приобретает характер национального достояния или фактической монополии, должно перейти в общественную собственность».

Третий пример — Федеративная Германия. В Grundgesetz (Основном законе) Федеративной Республики Германии аналогичное ограничение выражено в статье 14. Она находится среди основополагающих понятий (Grundrechte), в первой части конституционного уложения. «Собственность и право наследования гарантированы. Содержание и ограничения таковых прав установлены законами».

Католическая общественная мысль тоже внесла свой вклад. Некоторые представители этого направления, с трудом преодолевавшего глубокие компромиссы католической церкви с фашизмом, тоже входили в число законодателей как в Италии, так и в Германии. Лидер итальянских демохристиан Альчиде Де Гаспери — имевший за плечами продолжительную карьеру, которая началась в 1911 году, когда он представлял итальянское меньшинство в парла-

менте старинной двуглавой австро-венгерской монархии, — государственный деятель с огромным стажем, переживший, вращаясь в орбите Ватикана, долгий период фашизма, даже участвовавший в испанской войне на стороне «националистов», теперь признавал — искренне, без задних мыслей — «христианское величие усилий, предпринятых коммунистической Россией» ради «сокращения дистанции между классами общества»⁹.

Экономист Фанфани, получивший образование в Католическом университете отца Джемелли (эпицентре клерикального фашизма), теперь, войдя в Учредительную комиссию и представляя левое крыло своей партии, ратовал за «общественный контроль над экономической жизнью», который «облегчит развитие личности»¹⁰. Крупный итальянский законодатель, бывший среди создателей конституции, обнародованной 1 января 1948 года, Пьеро Каламандрей, точно определил жанр конституционных актов, рожденных после краха фашистских режимов. Он заметил — в первую очередь относительно итальянской конституции, — что это «полемиические» тексты. Причина тому становится ясной по прочтении «основных принципов»: эти тексты *ставят под вопрос существующий общественный порядок*. Это — настоящая революция как в истории конституционной мысли, так и в ее практике. Особенно «подрывной» представляется третья статья итальянской конституции, предложенная Лелио Бассо. В ней говорится: «В задачу Республики входит устранить все препятствия экономического и социального порядка, которые, ограничивая на деле свободу и равенство граждан, мешают полному развитию человеческой личности и деятельному участию всех трудящихся в политической, экономической и общественной жизни страны»¹¹. Лелио Бассо по праву назвал ее — через тридцать лет, когда уже четко определилась дистанция между этой нормой и конкретными событиями истории республики — «ключевой статьей всей конституции, основной, стержневой статьей». И добавил такой комментарий: «Эта статья утверждает, что никакой демократии не будет,

пока остается экономическое и социальное неравенство. Значение этой статьи в юридическом плане колоссально»¹².

Ее новизна неоспорима. Новым является само понятие о том, что «устранить препятствия» входит «в задачу Республики»; такое выражение неслыханно, оно не встречается даже в «антифашистских» конституционных актах той же самой эпохи. Французская конституция 1946 года (принятая второй Учредительной комиссией) устанавливает во вводной декларации: «Республика гарантирует всем мужчинам и всем женщинам, проживающим на территории Французского Союза, индивидуальное и коллективное осуществление широкого ряда прав», которые Бассо определяет как «основанные на доверии», но ничего не говорит об этих «гарантиях». Конституция Федеративной Республики Германии (1949) в статье 3, параграф 2, использует почти тот же язык, что и статья 3, параграф 2 итальянской конституции, но делает упор на *действительное* равноправие мужчин и женщин: «Der Staat fördert die tatsächliche Durchsetzung der Gleichberechtigung von Frauen und Männer, und wirkt auf die Beseitigung bestehender Nachteile hin» (Государство *способствует* действительному осуществлению равноправия мужчин и женщин и *берется устранить ситуации, которые до сих пор ему препятствуют*). Масштаб формулировки, принятой итальянскими законодателями, гораздо шире, они провозглашают основополагающее понятие, чреватое неисчислимыми последствиями: «препятствия» к «подлинному» и *сущностному равенству* и их *обязательное* «устранение». Мысль, которая подразумевалась и на тот момент преобладала, знаменовала собой прозрение, что в равенстве — сама суть демократии, если под ним понимать «не чисто формальное, но сущностное равенство всех людей», по меткому определению Норберто Боббио, который в том же контексте так сформулировал свою мысль: «эгалитаризм есть сущность демократии»¹³.

И, разумеется, на выражении «устранить препятствия» сосредоточились нападки либеральной части итальянской Учредительной комиссии. Экономист Корбино предложил

изменить фразу следующим образом: «В задачу государства входит предоставить все возможности для полного развития личности». И заметил настороженно: «Что же все-таки означает — устранить препятствия экономического и социального характера? Не значит ли это, случайно, что следует убрать с дороги все препятствия юридического, экономического и социального характера; отнять у государства его государственную природу!» (Акты Учредительной комиссии, с. 2424). Очевидно, что формулировка этой статьи родилась вследствие встречи и взаимовлияния католической общественной мысли («полное развитие *человеческой личности*») и левых сил («деятельное участие всех трудящихся в политической, экономической и общественной жизни страны»).

Здесь было бы не лишне припомнить одну немаловажную историческую деталь. На заседаниях итальянской Учредительной комиссии широко обсуждался вопрос, следует ли предпослать самому тексту конституционного акта некую преамбулу, которая бы заключала в себе некую перспективу, «послание» в будущее, такое, например, как то, что превратилось впоследствии в статью 3. В то время именно Каламандреи поддерживал идею такой преамбулы. Он считал, что преамбула необходима, поскольку сам текст конституции как таковой должен включать в себя лишь «нормы», которые могут оказаться эффективными на практике, с юридической точки зрения. (Французские законодатели тоже приняли преамбулу, очень краткую, где изложили основные принципы, такие как равноправие мужчин и женщин и национализация. Их преамбула открывалась полной пафоса отсылкой к «Декларации прав» 1789 года¹⁴. А в Grundgesetz Федеративной Германии *все* принципы, установленные и определенные в первых статьях, включены *в текст* конституции). Тольятти, отвечая Каламандреи, развил мысль, которую через десять лет сам Каламандреи положит в основу своей «Речи о конституции».

Наша конституция должна выражать нечто большее, должна иметь программный характер, по крайней мере, в некоторых ее

частях, особенно в тех, где утверждается необходимость *придать новое содержание правам граждан /.../*. В конституции закрепляется не только существующее положение вещей, но и нормы, которые *будут освещать дорогу последующим законодателям*. Это можно было бы отразить в преамбуле. Но какое значение имеет преамбула? В Статуте Карла Альберта тоже была преамбула, но сейчас о ней никто не помнит. Записанные в преамбуле, нормы теряют всякое значение¹⁵.

Итак, настороженность сторонника свободной торговли, консерватора Эпикармо Корбино была вполне обоснованной — разумеется, с его точки зрения. На том заседании Учредительной комиссии Тольятти начал свои рассуждения с недвусмысленной ссылки на исторический процесс, в ходе которого появляется новейший способ формализации, представления конституционных положений в форме «директив», имеющих «программный характер».

Советская конституция носит совершенно определенный характер: она кодифицирует в лапидарных нормах факты, порожденные революцией; кодифицирует ситуацию, созданную революционной деятельностью за двадцать лет /он имеет в виду Конституцию 1936 года/. В Италии такая ситуация не сложилась, и не только потому, что революция не произошла, но и потому, что, по всеобщему мнению, в современных условиях, при существующих политических отношениях между классами и нациями как в Италии, так и во всей Европе можно провести глубокие социальные преобразования, следуя другим путем. Конституция должна это учитывать. Следовательно, если она утвердит лишь то, что существует в Италии сейчас, она не будет соответствовать тому, чего огромное большинство народа ждет от конституции. Наша конституция должна быть чем-то большим...

То, что конституционная зрелость страны социализма породила, в том числе, *новизну* антифашистских конституций Западной Европы — особенно Италии, — невозможно выразить яснее. Знаменателен тот исторический факт, что столь ярко выраженное влияние совершенно согласовывалось с политико-парламентарной ситуацией тех лет. Поэтому послевоенные конституции можно действительно

рассматривать как *кодификацию расстановки сил* между классами и их политическими проекциями после падения фашистских режимов.

В формулировке начальной статьи («Италия — демократическая республика, в основе которой лежит труд») тоже слышится отголосок споров вокруг прецедента, которым является определение советского конституционного строя. Формулировка, предложенная левым крылом и подписанная, в числе прочих, Ненни, Бассо, Тольятти, гласила: «Италия — демократическая республика трудящихся». Центристы и либералы предложили: «Итальянское государство имеет республиканский, демократический, парламентарный, антитоталитарный строй». На левом крыле объединились республиканцы; от них выступил Паччарди, который заявил, что формулировка, выработанная тремя крупнейшими представителями левых, совершенно соответствует заветам «Обязанностей человека» Мадзини. Ла Мальфа (Партия действия), наоборот, выступил против, говоря, что дополнение «трудящихся» после слов «Италия — демократическая республика» рискует «вызвать в памяти исторический опыт великой ценности, который, однако, не является именно нашим политическим опытом современной демократии»¹⁶. Он, очевидно, имел в виду опыт Советского Союза, конституция которого (1936) как раз открывалась словами (ст. 1): «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян», за которыми следует, как иллюстрация, статья 3: «Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся». На заседании 11 марта Тольятти провозгласил:

Мы снова вносим предложение, чтобы Итальянская республика была определена как Итальянская республика трудящихся, и этим *не намереваемся никого подвергать остракизму, и никого не хотим лишить гражданских и политических прав*; мы всего лишь хотим установить, что правящий класс республики должен быть новым правящим классом, напрямую связанным с трудящимися классами¹⁷.

Тем самым он заранее отвел возражение, которое Ла Мальфа высказал в корректной форме, в отличие от других, выступавших в рамках комиссии и вне ее. Проблему составляло фундаментальное различие, которое имело место в советском строе еще с обнародования «Декларации прав трудового народа»: различие между *трудящимися* и *не трудящимися*, приводившее к тому, что последние лишались политических прав (ст. 7): это, понятно, предполагало, что часть населения оказывалась лишена гражданства; но истолковывать данную статью следовало в свете указания, выраженного в статье 12 Конституции: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина». А статья 7 «Декларации прав трудового народа» ясно говорит о том, что политических прав следует лишить «эксплуататоров»¹⁸. Грамши в «Тюремных тетрадах» определяет советские выборы как некую форму «добровольной вербовки государственных чиновников определенного типа» и отличает «обычного законопослушного гражданина» от «того, кто соглашается на нечто большее, берет на себя обязательство сделать что-то еще»¹⁹. Тольятти намеревается рассеять сомнения и поэтому уточняет, что формулировка «трудящихся» не подразумевает «лишения кого бы то ни было гражданских и политических прав». Но предложение было отвергнуто с перевесом в несколько голосов, и тогда прошла, при поддержке левых, формулировка, придуманная Фанфани (из левых демохристиан): «демократическая республика, в основе которой лежит труд».

Тем временем происходило рождение «народных демократий».

При осмыслении явлений, к которым мы сейчас обратимся, еще долго будет нелегко обойтись без страстей, обид и клише. Все еще живут и здравствуют представители либо наследники почти всех политических формирований — как тех, которые держали бразды правления, так и тех, кто им противостоял. Тем не менее осмыслить эти явления необ-

ходимо всем — и апологетам, и противникам, и еретикам, и победителям. Кроме того, эйфорическое ощущение триумфа, вырвавшееся на свободу в 1989–1990 годах, когда эти политические режимы один за другим распадались, уже уступило место более осторожным оценкам, что имело двойную мотивацию: а) наступившее разочарование, очевидной причиной которого является возврат к власти, под другим облачением, тех же самых политических формирований, которые и раньше правили в той или иной стране; б) дикий облик, который приняла там заново внедренная «рыночная» экономика, обострившая социальные противоречия и вернувшая к жизни «левые» формирования, так или иначе «осовременившие» свой лексикон и свои программы.

Основной фактор, который нужно учитывать, — причем в обеих зонах влияния, на которые разделилась Европа с 1945 года и далее, — международное положение. Это было совершенно новым в истории континента. Континент, который диктовал законы миру, сделался теперь, в результате войны, развязанной Гитлером, зоной влияния двух победителей, США и Советского Союза, а также Великобритании в немаловажной роли дублера Соединенных Штатов, «западного» победителя. Собственно, первый раздел на зоны влияния состоялся между Черчиллем и Сталиным в Москве 9 октября 1944 года; в тот день произошла памятная сцена с «процентами», которые Черчилль высчитал по собственной инициативе и запечатлел собственной рукой.

«Что бы вы сказали о нашем 90%-ном преобладании в Греции и о разделе пополам в Югославии?» Пока это переводилось, — продолжает Черчилль, — я взял пол-листа бумаги и написал:

	Румыния	Греция	Югославия	Венгрия	Болгария
Россия	90%	10%	50%	50%	75%
Другие	10%		50%	50%	25%
Великобритания (по согласованию с США)		90%			

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. На краткий миг он растерялся. Потом взял свой синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Все решилось в мгновение ока. Потом наступило долгое молчание. Листок бумаги с этой синей птичкой лежал в центре стола. Наконец, я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». «Нет, — возразил Сталин, — оставьте ее себе».²⁰

На следующий день, на встрече двух министров иностранных дел, Молотова и Идена, процент советского преобладания был обозначен так: Венгрия — 80, Румыния — 90, Болгария — 80, Югославия — 60. Тема Польши была самой скользкой, еще и потому, что Англия утверждала, что именно для того, чтобы уберечь это беспокойное государство от какого бы то ни было союза с СССР, она вступила в войну 1 сентября 1939 года. Тем не менее и эта проблема разрешилась путем тонких дипломатических ходов (существовало антисоветское эмигрантское правительство в Лондоне и просоветское правительство в Люблине) на конференциях в Ялте (4 февраля 1945) и в Потсдаме (17 июля 1945), за которыми последовало спустя месяц польско-советское соглашение о границе по Одере-Нейсе, благодаря которому Польша продвинулась на запад в ущерб разоренной Германии. Вопрос о Чехословакии не обсуждался, поскольку эту страну от немецких фашистов освободили советские войска.

В сущности, использовался тот же самый метод, что и в русско-германском пакте августа 1939 года. Тогда тоже какие-то зоны остались в тени, что каждая из сторон толковала по-своему, дойдя — вследствие этого — менее чем за два года до войны, начатой немцами. Но в этот раз новым было то, что СССР имел дело с «демократиями», пропагандистская машина которых всячески клеймила «пакт». Однако мораль отступает, когда вершатся такие дела. Ни демократия (знамя Запада), ни социализм не пыта-

лись соблюсти свои соответствующие «принципы». Правда, сегодня мы можем утверждать, что не существовало иного способа «закрыть» войну: ведь мы, как никогда, ощутили, насколько опасен мир, лишенный равновесия, утративший биполярность. Сталин написал Тито в апреле 1945 года: «Эта война не похожа на другие войны прошлого; кто занимает территорию, тот и устанавливает свой общественный строй. Все устанавливают свой общественный строй до той границы, до которой дошли войска. И по-другому быть не может». Он, очевидно, не знал истории Древней Греции, иначе нашел бы там примеры такой практики.

В 1944–1945 годах новым, по сравнению с 1939-м, была возросшая сложность и обширность «шахматной доски»; множество срочных вопросов, требующих немедленного решения (прежде всего, не было никакой ясности относительно судьбы побежденной Германии); и, наконец, наличие «непредвиденных» факторов (де Голль и амбиции Франции — страны, которую без особой убежденности приняли в «клуб» победителей). Де Голль предстал перед Сталиным где-то через месяц после сцены с листком бумаги (в конце ноября 1944). Вступив в прямые переговоры с Москвой, он хотел укрепить свои позиции *против* Англии и Соединенных Штатов, хотя те только что признали его главой французского временного правительства. Кроме того, ему не терпелось принять участие в расчленении Германии; вслед за Третьей республикой он ставил своей целью заполнить Рур, а также Саар.

Грецию же Черчилль рассматривал как «охотничьи угодья», предназначенные для Англии, даже ценой того, что англичане, вслед за фашистами, были вынуждены сражаться с греческими партизанами!

Франсуа Фейто, опубликовавший в скором времени (1952, 1969) книгу «Histoire des démocraties populaires» [«История народных демократий»], поднял вопрос о «сообщничестве», а значит, и об ответственности Рузвельта и Черчилля. Удивительно, правда, что этот вопрос ставился не по поводу собственно события, то есть принятия (по

британской инициативе и ради британских интересов, состоящих в том, чтобы простереть свою *lunga manus** на Грецию) самого критерия *раздела*, но по поводу «широты» уступок, какие делались в пользу Сталина²¹. Ответ историка с точки зрения реальной политики вполне разумен: «К моменту Ялтинских соглашений Советский Союз уже контролировал Прибалтику, Румынию и Болгарию; был *profondément engagé*** в Польше и Венгрии; советские войска штурмовали Белград и имели приказ наступать по уже почти расчищенной территории на Берлин, Вену и Прагу; то есть СССР находился *en position**** для захвата Европы». Отсюда следует, — продолжает он, — что «перед такой *приливной волной (raz-de-marée)* мощи советских сухопутных армий» два западных лидера должны были выбирать «между войной с Россией и компромиссом». К тому же и Германия сопротивлялась с неслыханным, невероятным упорством²²; Япония на Тихом океане не склонялась перед США, а атомной бомбы еще не было. Таким образом, «война с целью отбросить русских назад была бы абсурдом». Складывается очень интересная картина: с какого-то момента (по крайней мере, в закулисных маневрах военной верхушки и *intelligence*) начинается тройная игра; и часть пропаганды Оси, или пропаганды, связанной с Осью (например, «*Le Mois Suisse*» [«Швейцарский Месяц»] в Швейцарии) принимается играть на струне «западной (и/или европейской) цивилизации», которую нужно защитить от вышедшего из берегов большевизма. Во всех трех странах — в особенности в США — всегда были силы, открыто симпатизировавшие Германии, или во всяком случае, если бы пришлось выбирать между СССР и Германией, готовые безоговорочно предпочесть вторую. В недавно вышедшей книге Джозефа Бендерски («Еврейская угроза», 2001) подробно описан этот феномен; автор вспоминает,

* Длинную руку (*лат.*).

** Глубоко внедрен (*фр.*).

*** В готовности (*фр.*).

в частности, как генерал Паттон обвинял двух советников президента Трумэна, Моргентау и Баруха, в том, что они «распространяют вирус семитской вендетты против Германии». В общем и целом из этих слов Фейто заключает, что гипотеза — неприемлемая для англо-американских политических лидеров и далекая от их интересов — о том, что можно сменить противника в ходе войны, возникла не на пустом месте; она подспудно зрела во влиятельных кругах, еще более усилившихся, когда с 1947 года возникла на горизонте и начала распространяться «холодная война».

Нельзя пренебречь и последним фактором, помогающим лучше понять, как складывались судьбы Центральной и Восточной Европы в последние месяцы конфликта: Фейто тоже указывает на этот фактор, то есть, на «способ, каким происходило освобождение Востока Красной армией». Она могла рассчитывать на *активную поддержку* партизанских сил — одно из средств борьбы, которое Сталин с самого начала германского нашествия горячо поддерживал, — а эти силы, в свою очередь, в большинстве случаев подчинялись подпольным коммунистическим организациям. То был авангард, который с приходом советских войск автоматически занимал ведущую позицию. Впрочем, Сталин не был склонен глядеть через призму «мифа» на своих непосредственных западных соседей. Фейто приводит едкую остроту, какую советский лидер произнес в присутствии Гарри Гопкинса, блестящего соратника Рузвельта, по поводу Польши: «Если страна маленькая, это не значит, что она ни в чем не виновата». И в самом деле, недавние откровения по поводу ярого антисемитизма поляков *во время* нацистской оккупации, похоже, подтверждают горький диагноз²³.

При таком раскладе, который всем известен и здесь обрисован весьма бегло, подразумевается — как логическое следствие деления на зоны влияния — скорейшая организация выборов для того, чтобы предоставить всем включенным в этот процесс странам представительные правительства; так или иначе, но если деление на зоны

имеет какой-то смысл, на выборах побеждают партии, опирающиеся на тех, кто сильнее. Однако, если взглянуть на географическую карту, можно обнаружить, что, поскольку Англия и Франция не входят в орбиту влияния сверхдержав, а являются «дублерами» и играют по собственным правилам, только две страны — Германию пока оставим в стороне, — «не покрывались» достигнутыми соглашениями: на востоке — Чехословакия, а на западе — Италия. Их судьба решалась в 1947–1948 годах. Но выработанный «принцип» проявился в чистом виде, когда произошло рождение двух Германий.

Прояснив в общих чертах, в чем заключалось влияние международной обстановки на ход дальнейших событий, остается добавить, что и в странах «народной демократии» коалиции, возглавляемые коммунистами, «победили на выборах». И они пришли к власти в результате консенсуса, вознесенные на вершину расположением избирателей, которым они заручились сразу после освобождения этих стран. Их слабым местом долгое время было — у них у всех — убеждение в том, что успех, однажды достигнутый, сохраняет свое значение *на неопределенно долгий срок* и что подтверждение и периодическое обновление легитимации (так искусно практикуемое на Западе) совершенно излишни: социальные достижения, — полагали они, — каким-то иным образом укрепят режимы. Этого, как мы все видели, не случилось. Они не сумели создать новую прозрачную модель «народного государства» и, пораженные скепсисом, упорно следовали системе псевдовыборов, лишь внешне походивших на западные. А это неизбежно привело к сужению и ослаблению консенсуса.

Таким образом, невозможно свести этот отрезок истории Европы и опыта европейской демократии к некоему спектаклю марионеток. Точно так же не имеет смысла чисто полемическое представление о том, что в непосредственно предшествующий период в истории этих стран существенная часть населения сознательно поддерживала нацистов.

Его преподобие Тисо, лидер пронацистской Словакии, продолжал пользоваться популярностью и после освобождения страны, и после приговора. То же самое можно сказать и об отношении в Хорватии, с одной стороны, к немецким «товарищам», а с другой — к партизанам под командованием Тито (включение этой республики в югославскую федерацию представляло для него особую проблему). В этой связи уместно будет вспомнить, насколько (вплоть до 1943 года) была близка к гитлеровскому Рейху страна, впоследствии ставшая символом «северного социализма», то есть Швеция. 5 июля 1940 года социал-демократическое правительство Ханссона, образовавшее «коалицию народного единства», подписало соглашение с Рейхом, согласно которому эта северная страна предоставляла свободный проход немецким войскам²⁴. Консенсус в стране был широким, и оставался таковым даже когда во второй половине 1943 года на фоне военных поражений стран Оси правительство Ханссона перешло от пронацистского нейтралитета к нейтралитету просоюзническому.

Выстраивание консенсуса не является изобретением недавних времен.

Стремительное нарастание кризиса фашистских режимов, вызванное катастрофическим положением на фронтах; ужесточение репрессий со стороны германских оккупантов и быстрое ухудшение условий жизни населения были факторами, которые определили в те месяцы массовый поворот общественного мнения в сторону англо-американцев во Франции и Италии, и Советского Союза — в Восточной Европе. Сама партизанская борьба, к которой часть населения относилась отрицательно, опасаясь нацистских репрессий, у другой части вызвала прямо противоположные чувства; люди присоединялись — психологически, если не активно — к действиям «нерегулярных» бойцов, в большинстве своем коммунистов²⁵. Это и явилось, по завершении конфликта, немаловажным фактором в момент образования временных правительств в странах, освобожденных советскими войсками. Рождение политического режима всегда

начинается с захвата власти какой-то группой сил, которая выстраивает новый «порядок вещей», в рамках которого — в случае успеха — будут развиваться дальнейшие события и утверждаться новая «законность». Так утверждает себя новый порядок, который должен уметь себя узаконить. Так поступили — не без неожиданно долгой партизанской войны, получившей название «южного разбоя», — пьемонтцы, аннексировав Центральную и Южную Италию в 1861 году. Тьер в 1871 году провозглашает республику в стране с очевидным монархическим большинством, и только в 1875 году ему удается принять республиканскую конституцию. Так — мы видели это в предыдущих главах — фашистская партия с 1922 по 1926 год, получив с самого начала гарантии высоких правительственных кругов, заручилась сознательной поддержкой правящих и средних классов и смогла перейти к завоеванию масс в Италии. Так и антифашизм 1944–1946 годов стал государственным, узаконив сам себя, причем основы этого процесса были теми же, на каких зиждились правительства, устанавливаемые Советским Союзом в восточноевропейских странах по мере их освобождения. Все, что происходило потом, оказалось возможным только благодаря этому акту основания, закрепленному и гарантированному в то же самое время четкими рамками «раздела», которые все три победителя в мировой войне неоднократно подтвердили.

Оценка, которую различные народные демократии получали в том мире, который управляет общественным мнением всей планеты, — то есть на Западе, — менялась исходя из приоритетов международной политики и расстановки сил на международной арене. Самым шумевшим примером является Югославия. До конфликта со Сталиным (1948) Тито с тем «социалистическим» однопартийным режимом, который он установил на базе полного согласия (и не менее полного истребления несогласных), расценивался как глава *квислингов*, сотрудничающих с Советами. Скорые и действительно жестокие методы, которыми его партизаны

«окончили игру» на итальянском фронте, вызывали отвращение. После разрыва между Тито и Сталиным югославский режим — разумеется, не изменивший *ipso facto** своей природы, — стал мало-помалу восприниматься по-другому, и в конце концов возобладала иная точка зрения. (Пока в 1955 году Хрущев не вернулся к сотрудничеству с Тито, именно советская сторона обличала «преступность» югославского режима, но эта пропагандистская шумиха, хотя и содержала некую долю правды, не влияла на общественное мнение.) Вершины положительного к себе отношения Тито достиг, заключив греко-турецко-югославский пакт, явно антисоветский, продолжающий, географически, разные «союзы» (НАТО, СЕАТО и т. п.) нового «санитарного кордона».

На похороны Тито (май 1988) съехались государственные деятели со всего мира, дабы почтить его реальные свершения. Зато решение Соединенных Штатов способствовать после краха СССР также и распаду Югославской федерации привело, в историографическом плане, к радикальной переоценке Тито и всего «югославского опыта». Преступления, совершенные в конце мировой войны в истрийском регионе, всплывают на поверхность, бросают тень на всю эпопею антифашистской борьбы «титовцев» и становятся решающим фактором в оценке общественно-политического строя, установленного и сохраняемого на протяжении десятилетий югославскими коммунистами.

Венгрия, напротив, не удостоилась — на Западе — другого к себе отношения, кроме чуть презрительной иронии, хотя начиная с какого-то момента этот политический режим «либерализовался» до степени, невозможной в Югославии при жизни Тито; но правительство Кадара *должно* было оставаться на положении «карантина», поскольку было «запятнано» самим актом своего рождения. Трагикомическими видятся взлеты и падения Чаушеску, чей последовательный и упорный отрыв от политики СССР позволил ему достичь положения, немыслимого для восточного руководителя;

* Фактически (лат.).

это же и низвергло его в глубины ада, когда наступил закономерный конец.

Короче говоря, ученый, исследующий эти политические системы, имеет дело с материалом, опутанным густой сетью пропагандистских измышлений: они, к нашей вящей досаде, пережили крушение структур, которым могли приносить «практическую пользу».

Двумя «пустыми клеточками» были, как мы уже упоминали, Италия и Чехословакия. И все же очевидно, что Италия, хотя и не упомянутая открытым текстом в соглашениях о разделе, находилась — по причине ее освобождения англо-американскими войсками и значимого присутствия союзнических властей в жизни «Южного королевства», которое плавно превратилось в Королевство Италию, — в зоне американского (еще более, чем английского) влияния. Теперь нужно было проследить за рождением соответствующего правительства.

Когда Муссолини в ноябре 1926 года объявил коммунистов вне закона, они представляли собой небольшую партию. На выборах 1921 и 1926 годов коммунисты достигли скромных результатов. Потом они подверглись преследованиям и были разогнаны. Но продолжала существовать подпольная структура; фашистам удалось засорить ее, наполнить агентами, но они так и не смогли до конца разрушить организацию. В 1929 году, исполняя бестолковые директивы Коминтерна, многие коммунисты вернулись в страну и почти все попали в сети полиции и ОВРА. Тем не менее их присутствие в Испании, в интернациональных бригадах, было заметным. В отличие от явной инертности других партий, поставленных фашизмом вне закона, коммунисты никогда не прекращали своего существования как организации и продолжали действовать. В конце 1943 года они первыми попытались разжечь партизанскую войну против Республики Сало и немецкой оккупации. Восемнадцать месяцев неравной борьбы стали почвой для возрождения коммунистической организации, в то время как на Юге рас-

считанно умеренные, объединительные действия Тольятти, окрыленного успехом «Салернского поворота», который позволил коммунистам войти в правительство Бадольо, создавали условия для того, чтобы и в консервативной глубинке Южной Италии стала бы вновь *существовать* коммунистическая партия. Выдающийся политический успех Тольятти определялся тем, что он сумел соединить огромный престиж и народную поддержку, какими пользовалась партия в Центре и на Севере благодаря партизанской борьбе, со своей собственной государственной деятельностью в национальном правительстве. Решение отложить институционные вопросы до полного освобождения национальной территории — его линия, которой он постепенно заставил следовать всех левых, — воспрепятствовало экстремистскому уклону (к нему социалистическая партия была *naturaliter* предрасположена); а такой уклон мог бы предоставить предлог, даже благоприятный случай для того, чтобы по окончании военных действий поставить коммунистов вне закона.

То, что такая перспектива в англо-американской зоне влияния была более чем вероятной, доказывало развитие событий в Греции после Афинского восстания (3 декабря 1944), вызванного приказом английского генерала Скоби разоружить все партизанские формирования: более месяца англичане подавляли восстание; были нарушены соглашения, подписанные в Варкизе в феврале 1945 года; в марте 1946 года проведена пародия на выборы, в которой отказались участвовать все партии, кроме монархически-популистской, руководимой англичанами; вернулся король; с октября 1946 года «Греческая демократическая армия», а затем и «Временное правительство свободной Греции» начали партизанскую войну; чтобы подавить эти движения, Черчилль попросил вмешательства Трумэна, в результате чего Греция перешла под прямой американский контроль. Партизанское движение было подавлено только в 1949 году, и до возвращения старого Папандреу (победа Центра в 1964 году, сведенная на нет переворотом полков-

ников в апреле 1967 года) Греция находилась под парламентской диктатурой правых, поддерживаемой США.

Такого сценария для Италии Тольятти сумел избежать благодаря выверенности и конкретности своей умеренной политики; но в этом есть немалая заслуга и антифашистски настроенных представителей демохристианской верхушки и так называемых «светских» (республиканцев, социал-демократов) партий.

На первой проверке выборами (2 июня 1946) коммунисты показали хороший результат (19%), хотя он и был ниже, чем у социалистической партии (тогда она называлась «партией пролетарского единства»); все левые партии вместе получили 40% голосов; христианские демократы одни — 30%. Во Франции в том же году социалисты и коммунисты составили парламентское большинство. Но Франция, сама будучи (хоть и с некоторыми объективными ограничениями) страной-лидером, не могла быть поставлена под чей-то контроль. История Четвертой республики в действительности является историей возвращения к власти умеренных сил, всегда игравших заглавную роль; в этом возвращении присоединение к НАТО было лишь одной из составных частей, но не единственной; в конце концов она сделалась маловажной. История республиканской Италии — это, наоборот, история страны, находящейся под опекой, под постоянным наблюдением; страны, для которой всесильная власть всегда имела наготове «альтернативное» решение на случай, если воля избирателей окажется «неприемлемой».

Великим испытанием сил стало 18 апреля 1948 года. Во времена, когда не существовало «опросов общественного мнения», предугадать результаты голосования было нелегко. США подготовились к победе «Демократического народного фронта». Документ, ставший известным в ноябре 1994 года (первое правительство Клинтона сделало документы ЦРУ доступными для ученых)²⁶, датированный 5 марта 1948 года и озаглавленный «Последствия законного прихода к власти в Италии коммунистов», предусматривает немедленное вмешательство Соединенных Штатов, сначала

через отделение Сардинии и Сицилии, затем через партизанскую войну, поддерживаемую американцами, которые, однако, не должны действовать от своего лица. Другая альтернатива, которая рассматривается после такого введения: «США не могут позволить коммунистам прийти к власти в Италии законным путем», поскольку «психологические последствия этого будут ужасны», — состоит в том, чтобы «сфальсифицировать результаты голосования». Как известно, ничего из этого не понадобилось. Эффект от американской «продовольственной помощи» оказался куда сильнее, и демократическая христианская партия одна получила абсолютное большинство мест в Палате, хотя Де Гаспери и сформировал правительство в коалиции со «светскими» (социал-демократами, республиканцами, либералами). Рассказывают, будто Тольятти назвал это «лучшими результатами»²⁷: он, вероятно, имел в виду, что победа привела бы именно к тем событиям, какие описывались в документе ЦРУ от 5 марта.

А вот чего американские «эксперты» не могли предвидеть и так никогда и не поняли, так это природы демократической христианской партии. В 1990 году была опубликована переписка американского посла в Риме Клэр Бут Льюс с Государственным департаментом. В ноябре 1953 года, после выборов игр июня того же года (попытки внедрить избирательный закон, который «подправил» бы пропорциональную систему, введя «премию большинства»: премия не «сработала», не хватило нескольких голосов), посол пишет в своем рапорте: «Господин Шелба сказал мне, что коммунистов всегда можно *приструнить* в случае необходимости, но момент пока не настал». Такое поведение госпожа посол считает мягким, и в раздражении дает следующую характеристику Шелбе, который известен в истории своим жестким противостоянием ИКП: «Господин Шелба в действительности не испытывает эмоций и не имеет подлинных убеждений относительно коммунистов»²⁸.

В руководство ИКП внедрялись агенты²⁹, осуществлялось всякого рода давление, в стороне от которого не остался и Ватикан, объявивший в целях запугивания от-

лучение (*vitanda*) для тех, кто голосовал за коммунистов; но христианскую демократию не удалось подтолкнуть к непоправимому шагу. Де Гаспери перестал пользоваться расположением Ватикана; и все же в следующем поколении появились такие лидеры, как Фанфани и Моро, предпочитавшие левоцентристскую стратегию; представители ИСП даже были введены в правительство. Все это, не будем забывать, привело впоследствии к попыткам обойтись с «неприрученной» Италией так же, как с Грецией в 1967 году и с Чили в 1973-м. Но это другая история.

Бегло, в общих чертах описывая сложные перипетии становления республиканской Италии, мы рискуем принять слишком прямолинейную точку зрения, не учитывающую оттенки, околичности, смену ролей, победы и поражения, и в основном сконцентрировать внимание на моментах кризиса, слишком тесно связывая их между собой. И все же остается схематичный, но истинный расклад сил: с одной стороны, внешняя угроза, представленная могучей державой (которая заранее видела в итальянских коммунистах покорную *longa manus* Советского Союза, ее неизменного противника); а с другой — верность конституционному пакту, заключенному тремя крупнейшими партиями, основавшими республику и написавшими конституцию.

Если Де Гаспери отдалился от Ватикана, Тольятти не легче жилось в его социалистическом лагере. Замечено, что после того, как он отказал Сталину, который хотел перевести его в Коминформ, отдалив от итальянской компартии³⁰, Тольятти не возвращался в Москву, даже на XIX съезд КПСС (октябрь 1952), и поехал туда только на похороны Сталина (март 1953). Здесь еще не все ясно. Одно несомненно: часть ИКП, называвшая себя партией «сопротивления» и «восстания», представителем которой был Пьетро Секкья, попыталась поставить под сомнение — в особо критический момент — лидерство Тольятти и обратилась прямо к Сталину, но тот отказался что-либо предпринять³¹.

Однако именно на XIX съезде КПСС (затмеваемом гораздо более знаменитым XX-м) — странно, если учесть,

что послевоенная политика Сталина проходила зигзагом во многих областях (от немецкого вопроса до «расширения») и держала на осадном положении все «народные демократии», — линия, проводимая итальянской компартией, получила неожиданное признание.

Сталин присутствовал на этом съезде, но впервые не читал основной доклад (доверив сделать это своему «преемнику»^{*}); однако произнес краткое заключительное слово. В сжатом обзоре единственными из коммунистических руководителей западного мира были поименованы Тольятти и Торез. Тольятти, отсутствовавшего, хотя и отправившего Луиджи Лонго с посланием, Сталин цитировал так, как будто тот выступал здесь же, на съезде. В обоих посланиях, французском и итальянском, подчеркивалось, что в случае войны против СССР коммунисты соответствующих стран проявят «интернационализм»; позиция Тореза была выражена яснее, позиция Тольятти — более завуалированно. Сталин отвечает им, давая понять, что такое «обещание» вовсе не является *подарком* Советскому Союзу, ибо, — замечает он, — старания обоих сделать так, что «их народы не будут воевать против народов Советского Союза» *в первую очередь являются поддержкой французов и итальянцев, а потом и поддержкой «миролюбивых стремлений Советского Союза»*. Реплика чуть ли не язвительная. Зато во второй части имеется открытая отсылка к *прогрессистским* программам: такие программы, а не программы социальной революции являются *актуальной задачей* коммунистов Запада. «Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт, — говорит Сталин. — Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и рабочих партий, и понести его вперед, *если хотите собрать вокруг себя большинство народа*»³². То есть, если вы хотите на Западе завоевать *большинство* — что в любом случае остается классическим путем прихода к власти, — нужно бороться

^{*} Г. М. Маленкову (Прим. ред.).

за «буржуазно-демократические свободы», как раз на Западе и попранные. Музыка для депутатов, которых отправил Тольятти.

И в Чехословакии продовольственная помощь, на этот раз советская, оказала влияние на результат выборов, как чуть позже американский хлеб на итоги 18 апреля 1948 года в Италии. Летом 1947 года урожай был скудным, в том числе из-за необычайной засухи. Чехословакия была вынуждена просить помощи за рубежом. В ноябре, когда выборы уже были намечены на 30 мая, министр Губерт Рипка отправился в Москву. Послевоенное правительство Чехословакии было коалиционным (коммунисты, социалисты, социалисты-националы, народная партия); во главе его стоял лидер коммунистов Клемент Готвальд. 7 июля это правительство выразило интерес к плану Маршалла, но препоны, поставленные этому плану Советским Союзом, свели все переговоры на нет. Эффектным поворотом событий явилось то, что еще до приезда Рипки в Москву Сталин объявил: Советский Союз «по просьбе Готвальда» посылает в Чехословакию гораздо больше затребованных 600 тыс. тонн зерна. Дар, и в самом деле доставленный, подоспел к февралю; 19 февраля Зорин, бывший посол в Праге, а теперь заместитель министра иностранных дел, приехал в чешскую столицу, чтобы на месте наблюдать за операцией и присутствовать при бурных «проявлениях чешско-советской дружбы».

Контратака социалистов-националов и народной партии — с целью свергнуть коалиционное правительство еще до выборов — повредила только им самим. Они угрожали отставкой своих министров, если не будет взята под контроль полиция, чересчур «засоренная» элементами, преданными КП; так они надеялись отвратить социал-демократов от коалиции с Готвальдом. Но как раз в этой части план не сработал. Фирлингер, лидер социалистов, скорее под давлением части своих избирателей, чем по собственному убеждению, остался в правительстве. Да и сам Бенеш, старый президент республики, в автобиографической книге,

изданной в октябре, выразил поддержку компартии вместе с горячим призывом «запастись терпением»: «Наши коммунисты, — писал он, — так далеко продвинувшиеся на пути к власти, должны понять, что следует немного повременить. Никто не требует, чтобы они отступали; нужно лишь запастись терпением, а потом, избрав подходящий момент, вновь идти вперед по пути разумной эволюции»³³.

В результате министры, принадлежавшие к партии националистов и народной партии, вышли из правительства, и эту инициативу КП представила как «государственный переворот», направленный против законной власти. Мобилизация населения против опасности, расписанной перед общественным мнением в самых драматических красках, производила впечатление. Фейто отмечает, что на стороне коммунистов был «почти весь» рабочий класс; он вовсе не составлял большинства электората, но был самой активной его частью, и в данный конкретный момент перешел в наступление. 25 февраля по инициативе коммунистов на всех фабриках, в конторах, в деревнях были созданы «комитеты революционного действия». Бенеша завалили посланиями со всей страны; от него требовали, чтобы он принял отставку двенадцати министров и выразил доверие правительству Готвальда. Вначале Бенеш заявил Рипке: «Я ни за что не уступлю». На волне всеобщей мобилизации полиция начала аресты представителей обеих партий; Бенеш был поставлен перед фактом «раскрытого заговора». Московская «Правда» писала: «Чехословацкий народ уже выразил свою волю. Политику правительства Готвальда одобряют десятки тысяч рабочих и крестьян; она выражает волю народа». Далее среди стремительно развивавшихся событий главным оказалось решение социал-демократов (большинство под руководством Фирлингера и центр под руководством Лаусмана) поддержать Готвальда. В новое правительство, состоявшее только из социал-демократов и коммунистов, вошел и пользующийся огромным авторитетом беспартийный Ян Масарик, а также отдельные диссиденты из социалистов-националов. Самоубийство Масарика и решение Бенеша уйти в отставку непосредственно предшествовали выборам,

которые откровенно проводились в форме плебисцита. Избирателям выдавалось два бюллетеня: один — Фронта (который, ради точности, определялся как «Национальный фронт»); второй — пустой. Министерство внутренних дел утверждало, что ни один независимый список не смог сформироваться, поскольку ни одна партия не собрала необходимую тысячу подписей. Фронт получил 6 431 963 голоса, пустых бюллетеней оказалось 1 573 924. Бенеш ушел в отставку 8 июня, и президентом республики стал Готвальд.

Изучая документы о «перевороте» 1948 года, всплывшие во время «Пражской весны» 1968 года, Фейто подтвердил диагноз, который он поставил этим событиям еще в первом издании своего труда. Он распадается на две части: а) предпосылкой успеха была полная поддержка КП со стороны рабочего класса, многочисленного и сильного, но составлявшего меньшинство электората; б) решение КП (и, вначале, ее союзников) нарушить механизм выборов в направлении «предварительного обеспечения» успеха не было в тот момент настоятельно необходимым. «Пражский переворот» был чем-то средним между революцией и государственным переворотом.

Первой ошибкой была недооценка нарастающих осложнений, какие подобное решение могло повлечь за собой, и на самом деле повлекло; осложнения эти усугубились из-за внутренних раздоров в коммунистическом движении, которые вскоре вылились в разрыв с Тито. Вторая ошибка, еще более серьезная, если это возможно, состояла в искренней вере — и это неоднократно утверждали Готвальд, Копецкий и другие, — будто чехословацкий опыт мог бы стать, учитывая современные, с западной точки зрения, характеристики этой центральноевропейской страны, моделью для возможной политической эволюции Запада. И все же социалистический опыт пустил в обществе глубокие корни, иначе нельзя было бы понять, почему через двадцать лет столь распространившееся по всей стране движение за реформы — ликвидированное советским вторжением в августе 1968 года — все равно обращалось к социализму. Сегодня очевидно, что именно ликвидация этого опыта,

осуществленная в 1968 году, создала предпосылки для последующего неудержимого распада.

Но в тот момент «Пражский переворот» произвел на Западе эффект прямо противоположный тому, какой могли ожидать его творцы. В Италии голосование состоялось 18 апреля, то есть после того, как было сформировано второе правительство Готвальда, и перед выборами-плебисцитом. Определенный антикоммунистический эффект, который произвели эти события на средний класс, не может подвергаться сомнению. ИКП укрепила свои позиции на выборах (это можно увидеть, разложив по партиям результат, достигнутый «Народно-демократическим фронтом»), но левые силы в целом — после разрыва с социалистами — опустились с 39,7% до 31%. Вскоре началась кампания против «отклонений Тито», которая внесла разлад во все коммунистические партии, особенно Восточного блока; но она затронула также французов и итальянцев (последние зато получили возможность проявить великий «патриотизм» в вопросе о Триесте). Но больше всего пострадала от раскола, вызванного Тито — и от опасений Сталина, что этот новый раскол может иметь еще более пагубные последствия, чем в свое время борьба с Троцким, — именно процветающая, влиятельная чехословацкая компартия³⁴. Ожесточенный (до самоубийственных пределов) характер столкновения явился, в частности, одним из следствий того взгляда, который выработался при зарождении «народных демократий»: консенсус достигается *una tantum**; в счет идет лишь консенсус «политически активных масс»³⁵; и это, так или иначе, распространяется на всю историческую фазу. История «народных демократий» — которой мы коснемся и в следующих главах — это в основном история того, как консенсус неизменно развеивался прахом *именно в социальных слоях, считавшихся опорой режима и установивших некогда его законы.*

* Раз и навсегда (лат.).

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

В июне 1948 года, после слушания нашумевшего законопроекта Мундта—Никсона, поддержанного Комитетом по антиамериканской деятельности и очень скоро вызвавшего цепную реакцию политических расследований и процессов — «маккартистских» процессов, как их обычно называют по имени сенатора Маккарти, главного представителя Комитета, — Томас Манн, изгнанник, живший в США с 1938 года, забил тревогу, выступив с речью в «Peace Group» [«Группа мира»] в Голливуде. «Все, что происходит сейчас, — сказал он, — связано с бешенством и горькими сожалениями по поводу того, что лучше было бы сражаться против России вместе с Германией, чем против фашизма вместе с Россией»¹. «Из этого бешенства, — продолжал писатель, — из этих сожалений родился законопроект Мундта—Никсона, и если он превратится в закон, это станет решающим и опасным, хотя и не первым шагом к американскому фашизму». Признаком такого сдвига кажется ему безразличие Соединенных Штатов «перед лицом ужасов, какие творятся сегодня в Греции, где убивают заложников, где ежедневно расстреливают партизан-коммунистов: преступления реакционного режима, не идущие ни в какое сравнение с тем, что произошло в Чехословакии». Такие слова привели активистов комитета к убеждению, что и Манн — как Чарли Чаплин², Мозес Финли, Дэшил Хэмметт и многие другие, подвергшиеся

преследованиям, — является «коммунистом». Собственно, и Никсон никогда не скрывал своего прошлого. 5 октября 1999 года Национальные архивы Вашингтона «рассекретили» 445 часов разговоров, которые он, будучи президентом, вел в Белом доме в феврале — августе 1971 года, и среди многих перлов особенно блещет один, когда Никсон, обращаясь к своему верному Халдеманну (одному из главных действующих лиц «Уотергейта»), сказал: «Я хочу держать под контролем любой мало-мальски значимый сектор, где есть евреи. Имеются исключения, но вообще я не доверяю этим ублюдкам».

Подобные люди, находившиеся в тени при президентстве Трумэна, взяли свое, когда в 1952 году помогли генералу Эйзенхауэру победить на президентских выборах. (Никсон был вице-президентом два срока, до 1960 года, когда в свою очередь потерпел поражение от Кеннеди, получившего широкую поддержку избирателей и убитого в ноябре 1963 года теми, кто считал его «филокоммунистом».) Эти люди решили, что настал момент «поквитаться с коммунистами» и воплотить в жизнь, в общих чертах, тот сценарий, о котором говорит Манн в начале своей речи: милитаризация Федеративной Германии (образованной в 1949 году) вопреки любым предложениям о нейтралитете в обмен на объединение; включение ФРГ в западную оборонительно-наступательную систему; признание франкистской Испании в виду ее скорого вступления в Атлантический блок. Предложение о принятии франкистской Испании в НАТО было одобрено американским Сенатом на заседании комиссии по международным делам и принято *единогласно* Палатой представителей 14 июля 1955 года. В резолюции, в частности, говорилось:

Испания является важным звеном в защите Западной Европы от международного коммунистического империализма. Соединенные Штаты уже располагают в Испании важными военными базами /которые Франко охотно предоставил США/, и Испания дружески помогает Соединенным Штатам содержать эти базы. Таким образом, будет весьма уместно предложить

Испании стать членом Северо-Атлантического договора и войти в его организацию (НАТО), присоединившись к другим нашим союзникам³.

Государственный секретарь Джон Фостер Даллес лично встретился с каудильо Франсиско Франко 1 ноября 1955 года. Совместное коммюнике, распространенное в этой связи, ссылается на военный договор (совместная оборона) и на экономические соглашения (помощь США Испании), заключенные самим Даллесом в сентябре 1953 года, и с удовлетворением констатирует полное согласие сторон «по всем вопросам» международной политики.

С приходом новой республиканской администрации и с назначением Джона Фостера Даллеса, брата главы ЦРУ, на должность государственного секретаря Европе снова брошен вызов, а лозунг нового государственного секретаря звучит как «Roll back», «отогнать назад» Советский Союз. Передним краем этого нового фронта должна была стать Федеративная Германия.

Сегодня, когда Федеративная Германия, объединенная в 1990 году, является экономическим колоссом в центре Европы, управляется социал-демократами и партией «зеленых», а ее министр иностранных дел воспитан на культурно-политическом опыте студенческого «радикализма» 1968 года и последующих лет, нелегко восстановить и рассмотреть под адекватным углом зрения образ Федеративной Республики Германии от Аденауэра до Брандта.

Само рождение Федеративной Республики было обусловлено «холодной войной». Начатое на Лондонской конференции 27 мая 1948 года превращение в «Федеративную Республику Германию» трех западных оккупационных зон явилось предпосылкой для аналогичной инициативы в зоне советской оккупации (август 1948). Оба государства в целом формируются к концу 1949 года. И, что симптоматично, оба призывают, во вступительных статьях соответствующих конституционных актов, к объединению Германии. Три западные зоны на начальном этапе не были

однородны. Большему богатству и политической активности британской зоны (главный город — Гамбург) противостоит более жесткий контроль и более консервативная атмосфера в зоне американской оккупации (в основном в Баварии). Что до Франции, то здесь складывается совершенно особая ситуация. Природа франко-германских отношений непростая, она осложнена исходным стремлением французов к расчленению Германии, интернационализации Рурской области и оккупации — осуществленной на деле — Саара (который будет возвращен Германии только в 1954 году, после референдума). В выборе той или иной перспективы колебались все. На Тегеранской конференции (28 ноября 1943 года) Рузвельт предложил разделить Германию после победы на пять автономных государств, отдав Кильский канал, Рур, Саар и Гамбург под контроль ООН. Черчилль предложил создать крупную австро-баварскую федерацию и отделить Рур и Вестфалию от Пруссии. Было решено создать комитет, возглавляемый английским министром иностранных дел Иденом, в который вошли также советский и американский послы; комитет должен был рассмотреть «процедуру расчленения Германии»; все сошлись на том, что лишь на втором этапе будет рассмотрен вопрос, «включать ли в его состав французского представителя». Этот комитет ничего не выработал, и, к изумлению западных союзников, в тот самый день, когда немцы сдались, 8 мая 1945 года, Сталин заявил, что «СССР не имеет ни малейшего намерения расчленять или уничтожать Германию»⁴.

Андре Фонтен в «*Histoire de la guerre froide*» [«История холодной войны»] (1965) задается вопросом, какие причины заставили Сталина столь неожиданно сделать «крутой поворот». И предполагает, будто он намеревался «завладеть всей Германией, опираясь на просоветские элементы среди немцев»⁵. Милован Джилас в своих «*Conversations with Stalin*» [«Беседы со Сталиным»], вышедших в Нью-Йорке в 1962 году, вспоминает заявление, сделанное Сталиным в январе 1947 года на встрече с югославскими представителями (среди которых был Джилас): «Германия останется

разделенной; западники завладеют Западной Германией, а мы сделаем из Восточной Германии наше государство»⁶. По мнению Вилфрида Лота, историка из Гессенского университета, Восточная Германия все же была «нелюбимым ребенком» Сталина («*Stalins ungeliebtes Kind*» называется его работа, вышедшая в издательстве «Ровольт» в 1994 году): историк считает, что в действительности Сталин предпочел бы объединение Германии (а значит, ликвидацию ГДР) в обмен на нейтралитет воссоединенного немецкого государства; это предлагалось в ноте, которую Громыко представил трем министрам союзников 10 марта 1952 года. Из недавно появившихся документов явствует, что после смерти Сталина его «самое доверенное лицо» в советской верхушке, Берия, вскоре уничтоженный соперниками (июль 1953), повторно высказал то же предложение. Очевидно, признавалось, что столь отдаленный аванпост трудно удерживать; не случайно первые серьезные затруднения были вызваны как раз Берлинским восстанием в июне 1953 года, которое было подавлено советскими войсками при полном разброде в среде запаниковавших руководителей нового восточногерманского государства.

Тема воссоединения, разумеется, использовалась на Западе как боевой клич; она послужила созданию специфической западногерманской «атмосферы», особенно в эпоху Аденауэра, когда западногерманское государство полностью и безусловно включалось во все наднациональные структуры и организации Запада. Энцо Коллотти в своей работе «История двух Германий» хорошо охарактеризовал эту атмосферу:

Создать сильную Германию, вооруженную материально и духовно, способную выдержать столкновение с Востоком в обстановке непрекращающейся внутренней и международной напряженности, благодаря, с одной стороны, духу антикоммунистического крестового похода, а с другой — постоянно возникающим территориальным претензиям к восточным соседям. Лозунг воссоединения Германии должен был способствовать поддержанию, гальванизации, устремлению к единой цели, слия-

нию в едином порыве всех мотивов, которые лежали в основе пресловутой напряженности, которую продолжал подпитывать западнический, атлантический экстремизм. Но за фасадом этой политики воссоединения не было ничего, кроме пустоты: никаких переговоров с Востоком, никаких контактов, ни единого жеста, который мог бы тем или иным образом восстановить доверие к Германии, непоправимо разрушенное нацизмом; немцы даже не отrekliсь от Мюнхенского договора⁷.

На самом деле Федеративная Германия первых десяти лет, до взрыва протестов, до открытия, на уровне коллективного сознания, «немецкой вины» и нераздельности таких феноменов, как нацизм и геноцид, была страной, чье «высокое» начало, представленное передовой юридической культурой — происходящей (как, собственно и конституционный комитет Народного совета (Volksrat) в Восточной Германии) от лучших веймарских традиций и еще от укрепившегося социалистического движения (на первых общих совещаниях в 1949 году оно не уступало по силе ХДС–ХСС), — было сведено на нет духом реваншизма, если не откровенного нацизма, признанного и пестуемого с тем же бесстыдством, с каким на другой клетке шахматной доски, но с аналогичной целью был вовлечен в «атлантическое» дело пиренейский фашистский режим.

С фотографической точностью отобразил ситуацию, сложившуюся к 1959 году в Федеративной Республике, Тет Харенс Тетенс, немецкий еврей, эмигрировавший в США после 1933 года и оставшийся после войны в одном из американских университетов, в книге под названием «The New Germany and the Old Nazis» [«Новая Германия и старые нацисты»], опубликованной в Лондоне в 1961 году:

Изучая политическую структуру Боннской республики, неизбежно приходишь к выводу, что нацисты исподтишка вернулись туда и заполонили практически все. От аппарата канцлера до самого низа, во всех правительственных учреждениях, в партиях, в парламентах, в полиции, в системе школьного образования и в печати бывшие нацисты хорошо устроились на многих ключевых постах⁸.

Заслугой книги Тетенса было, в частности, изобличение казуса Глобке. Ганс Глобке, один из создателей в нацистскую эпоху Нюрнбергских расовых законов, был бессменным вторым секретарем канцлера, находился под покровительством Аденауэра и не покидал своего поста, пока тот был у власти. Картина будет неполной, если не вспомнить роль, которую сыграла Немецкая партия (Deutsche Partei) — реваншистское движение, выступавшее против денацификации, против Нюрнбергского процесса, против «клеветы» на немецкого солдата, — в освобождении Кессельринга и Манштейна. Представители этого движения стали министрами при Аденауэре, и один из них, Ганс-Кристоф Зеебом, будучи судетским немцем, самолично препятствовал тому, чтобы хотя бы принять к сведению настойчивые требования чехословацкой стороны, которая добивалась от Федеративной Республики признания полной недействительности Мюнхенского пакта. В целом стержнем внешней политики эпохи Аденауэра было восстановление Германии в границах 1937 года, что означало, помимо всего прочего, непризнание границы по Одру–Нейссе между Германией и Польшей (которую, разумеется, признавала Германская Демократическая Республика)⁹.

С подобной картиной вполне согласуется тот факт, что 22 ноября 1951 года правительство представило в Федеральный конституционный суд запрос по поводу антиконституционной деятельности коммунистической партии (КПГ); на практике эти действия вели к тому, чтобы поставить партию вне закона. Юридическим предлогом для такого демарша — повторяющего аналогичный шаг Гитлера, основывавшийся на поджоге Рейхстага, — явилась статья 21, параграф 2 конституции, которая объявляет «противоречащими конституции» те партии, которые — по их целям или образу действия — угрожают либерально-демократическому строю или существованию Федеративной Республики. Несомненно, данная статья задумывалась Парламентским советом — в который входили также и

депутаты, избранные от коммунистов, в том числе председатель правления КПП Макс Рейман, — как орудие, направленное против возрождения нацистских партий или формирований. А теперь федеральное правительство обращалось в суд с вопросом, можно ли считать допустимой партию, основанную на идеях марксизма! Подразумевалось, что марксизм как таковой «несовместим» с конституционным строем... в то время как Ганс Глобке вполне совместим с министерским постом при канцлере.

Когда этот запрос был послан, КПП имела 15 депутатов в бундестаге, избранном в 1949 году (и 5,7% электората). Суд не спешил (ответ был дан только в 1956 году). Тем временем перед всеобщими выборами 1953 года можно было предвидеть падение популярности коммунистов из-за их абстрактной, сектантской политики и кризиса в отношениях между двумя Германиями. Правительство быстро провернуло избирательную реформу, внося «статью о 5%-ном барьере» (в парламент не может войти партия, не набравшая 5% голосов в масштабе всей страны), и таким образом КПП была выведена из бундестага. Это была первая в Европе поправка к пропорциональной избирательной системе, введенной повсеместно (кроме, разумеется, Англии) после краха фашистских режимов.

Перед лицом всего этого возрастали затруднения Франции. Трудности усугублялись и упорной, эрозивной политической деятельностью генерала де Голля. 20 января 1946 года он с громким скандалом вышел из временного правительства, в составе которого были социалисты и коммунисты. Вся его последующая деятельность была направлена против усилий Учредительной комиссии. Собственно, его коренное несогласие с работой как первой, так и второй ассамблеи и определило обескураживающий, хотя формально и положительный результат референдума, проходившего 13 октября 1946 года по поводу принятия конституции Четвертой республики: 9 263 тыс. — за, 8 143 тыс. — против, 8 467 тыс. воздержались! Де Голль

не оставил политику: после Страсбургской речи (7 апреля 1947) он сформировал *Rassemblement du peuple français* [Объединение французского народа]; организация неуклонно росла и наконец составила межпартийную парламентскую группу, в которую влилось — под руководством «его» людей, известных участников Сопротивления, таких как Сустель и Мальро, — немало бывших сторонников Петэна. Движение выступает против партий (речь в Эпинале, 30 сентября 1946); в его программе чувствуются отзвуки идеологии *Action française* [Французское действие]. Но *Rassemblement* после первых успехов начало быстро терять популярность. 6 мая 1953 года де Голль шумно — в своем стиле — оставляет политическую борьбу и созданное им самим движение и заявляет, что уходит в запас до тех пор, когда «страна будет переживать серьезное потрясение». Что и произойдет — как мы увидим — ровно через пять лет.

Тем временем в результате разрыва между Французской секцией Рабочего интернационала (ФСРИ) и компартией (ФКП) ось политики сместилась к «центристскому» управлению, затрудненному вследствие эндемической хрупкости исполнительной власти, каковую хрупкость приписывали, в особенности голлисты и сочувствующие им, самому механизму конституции.

Колониальные войны, почти непрерывные, ухудшали обстановку. Восстание в Индокитае (раздел которого между Китаем Чан Кайши и англо-американцами был определен Потсдамскими соглашениями) под руководством Хо Ши Мина, одного из лидеров азиатского коммунизма, вспыхнуло 19 декабря 1946 года. Изоляция ФКП, обвиненной в антипатриотизме из-за позиции, которую партия заняла по отношению к этому конфликту (Франция вступает в него и становится главным действующим лицом), неуклонно растет. Но колониальная война выливается в катастрофическую капитуляцию при Дьен-бьен-фу (7 мая 1954), произошедшую во время работы Женевской конференции; прямо на конференции Франция, во главе которой с 17 июня

стояло правительство Пьера Мендес-Франса, признала свое поражение.

Кажется, что Мендес-Франс в эти годы противостоит де Голлю, хотя чрезвычайно долгая карьера нового французского премьер-министра начиналась в Соппротивлении, в тени генерала. Еврей и «якобинец» по зову сердца (единственным украшением его строгого кабинета был портрет Робеспьера), Мендес-Франс возродил парламентскую коалицию левых партий.

И все же в одном он соглашается с голлистским движением, или, точнее, с общественным мнением голлистского толка: он тоже считает неприемлемым рождение Европейского оборонительного союза, чего всеми силами добивались Соединенные Штаты; союз и задумывался для того, чтобы передать Федеративной Германии роль ключевого звена атлантической «обороны» на Европейском континенте; фактически это означало бы новое, торжественное вступление Германии в международные игры и ее неизбежную милитаризацию. 14 декабря 1953 года Джон Фостер Даллес лично заявил о том, какой чрезвычайный интерес проявляют США к утверждению этого нового договора, сказав, в частности, что «было бы глупо со стороны Запада не признавать того вклада, какой Германия могла бы внести в общее дело обороны»¹⁰. При Мендес-Франсе Европейский оборонительный союз не был принят французским парламентом (30 августа 1954), чему способствовала и франко-германская напряженность из-за возвращения Саара, чего требовали немцы. Это был серьезный шаг, он воспринимался как успех советской политики, которая с самого начала препятствовала созданию Европейского оборонительного союза, считая его прежде всего средством для милитаризации Германии и противостояния Востоку. 4 декабря 1954 года генерал де Голль заявил, что прежде чем запускать механизм, который, после провала Европейского оборонительного союза, приведет к созданию Западноевропейского союза (ЗЕС), то есть опять же к милитаризации Германии, «следует использовать все возможности

соглашения с СССР». Не доверяя немецкому соседу, которому столь откровенно покровительствуют США, Франция в этот момент проявляет, возможно, более, чем другие страны, интерес к кампании за ослабление международной напряженности, начатой новым советским руководством после смерти Сталина и ликвидации Берии. Но 1956 год, решающий в ходе холодной войны, радикальным образом изменил и сценарии, и выбор союзников.

Год начался с выборов во Франции. Как и на предыдущем голосовании (1951), на этих выборах, происходивших 2 января 1956 года, ФКП лидирует с большим отрывом (5,5 млн голосов, то есть четверть электората, и 145 депутатских мест). За социалистов было подано 3,2 млн голосов, и они получили 88 мандатов; другие радикальные и радикально-социалистические формирования вместе — 2,08 млн голосов, но совсем немного мест, в силу их раздробленности; зато католическая партия (Народно-республиканское движение) удерживает позиции (2,3 млн голосов) и почти не теряет мест. Поскольку Ги Молле, лидер ФСРИ, отвергает предложение коммунистов о принятии общеправительственной программы-минимум, создается радикально-социалистическое министерство без определенного партийного большинства; оно получает, помимо собственных голосов, голоса коммунистов и НРД. Программа правительства Молле подчеркнута «социальная»: увеличение оплачиваемого отпуска до трех недель, учреждение национального фонда пенсий по старости, налоговая реформа. В правительство вошел также Мендес-Франс, который тотчас же вступил в конфликт со своими коллегами по кабинету министров: оспаривал как позиции министра по делам Алжира социалиста Лакоста, предлагавшего железной рукой подавить восстание арабов, так и социальную политику Молле, находя, что она может привести к опасной инфляции. Однако, когда он покинул правительство, другие министры-радикалы за ним не последовали. Ни он, ни его противники не могли в тот момент предвидеть, что

алжирский кризис через какие-нибудь два года покончит с республикой.

В конце января подавляющим большинством голосов (420 против 71 при 80 воздержавшихся) был утвержден кабинет Молле; через пару недель, 14 февраля, в Москве открылся XX съезд КПСС. Съезд ввергает в глубокий кризис все мировое коммунистическое движение; приводит к разрыву с СССР Китайской Народной Республики, хотя несколько месяцев назад ею были подписаны крайне выгодные для нее экономические соглашения; разрушает, вместе с образом Сталина (не только с «культом», против которого, как заявлено, борется), доверие ко всей советской истории после смерти Ленина (1924) и далее; запускает цепную реакцию в «народных демократиях», уже подвергнутых тяжелому испытанию параноидальной кампанией против Тито, развязанной Сталиным в 1948 году, и создает предпосылки для народных восстаний, грозящих изъять два основных звена из только что (в 1955) созданного Варшавского договора: Польшу и Венгрию. Неизбежные последствия за пределами советского блока: прежде всего изоляция, причем труднопреодолимая — в своих странах — европейских коммунистических партий, французской и итальянской *in primis*; но даже маленькая британская коммунистическая партия выходит из «незабываемого 1956-го» (как его тогда называли) с перебитым хребтом.

Критика Сталина Хрущевым — этап политической и личной борьбы внутри КПСС, вернее, ее правящей верхушки. Она была признана необходимой для того, чтобы заставить упорно цепляющуюся за прошлое часть партии согласиться с ликвидацией колоссального репрессивного аппарата. Политическая слабость этой инициативы состояла в том, что новоявленные критики все без исключения входили в сталинское руководство и участвовали во всех его делах. В историографическом плане доклад Хрущева XX съезду кажется в высшей степени двусмысленным; но «закрытый» доклад, переданный на Запад, возможно самими советскими органами, был гораздо хуже. Хобсбаум

вспоминает в своих недавно вышедших мемуарах («Интересные годы»), что многие представители «исторической группы» в английской коммунистической партии (сам Хобсбаум был ее председателем) прежде всего задались вопросом, поставившим в тупик политиков: «Почему мы должны бездумно соглашаться с Хрущевым? Мы не знаем всего, мы можем поддерживать его политику, но историки работают с доказательствами»¹¹.

В некрологе, написанном по первому впечатлению, в день, когда было объявлено о смерти Сталина, и опубликованном в «Manchester Guardian» 6 марта 1953 года, Исаак Дойчер сказал прочувствованные слова, заключавшие в себе зародыш будущей трагедии: «Вокруг его смертного одра одни лишь тени его дерутся, вцепляясь друг другу в волосы, и пытаются заполучить его плащ /.../. Все они были только проекциями Сталина. Долго ли тень сможет носить плащ, если тела больше не существует?»

И все же государственные образования, возникшие в Восточной Европе, еще отнюдь не растратили свой жизненный потенциал. Это наглядно проявилось в октябре 1956 года в Польше. Для истории демократии в странах «народной демократии» эти события, возможно, являются самыми красноречивыми, еще и потому, что в них переплетаются все элементы, эту историю определившие. Факты хорошо известны. После подавления в Познани рабочего движения за повышение заработной платы Польская объединенная рабочая партия (ПОРП, коммунистическая партия) 4 августа решила реабилитировать политического деятеля, который за поддержку Тито (а также за измену и прочие невероятные преступления) был исключен из партии и арестован три года назад, — Владислава Гомулку. 8 октября Гомулку снова вводят в состав Центрального комитета ПОРП. 19–21 октября, после угрожающего, но бесплодного визита-молнии Хрущева и всего советского руководства в сопровождении маршала Конева, командующего войсками Варшавского договора, Гомулку избирают первым секретарем ПОРП. 24 октября он выступает в центре Варшавы

перед 240-тысячной толпой. Вторжение советских войск — это уже установлено точно — предотвратил лично Чжоу Эньлай, китайский премьер, которого, видимо, попросили об этом сами поляки. Никогда коммунисты в Польше не пользовались такой огромной популярностью. На выборах, проходивших 17 января, — ни один комментатор, даже самый враждебно настроенный, ни разу не усомнился в их серьезности и корректности — из почти восемнадцати миллионов избирателей за ПОРП проголосовали более 50%, а за другие партии, вошедшие вместе с ПОРП в «Национальный фронт», — 48%. Парадоксальный эпизод в этой истории: маршал Рокоссовский, поляк из Варшавы, вступивший в Красную армию в 1918 году, воевавший за свободу СССР и против нацизма во время Второй мировой войны, ставший министром обороны в «народной» Польше, был изгнан из страны именно потому, что занимал министерский пост, оставаясь при этом советским генералом.

Гомулка подвергался преследованиям «за поддержку Тито». Его победа была, несомненно, победой линии Тито, но также (это поняли несколько позднее) победой Китая, глашатая борьбы против русской «гегемонии». В последние годы правления Сталина были заложены предпосылки краха системы «народных демократий», именно тогда, когда Тито был объявлен врагом, «подкупленным реакцией». Тот факт, что на Западе его стали воспринимать с симпатией *именно потому, что Сталин сделал его мишенью нападок*, которые, как считал советский руководитель, должны были уничтожить Тито, укрепили Сталина в его безрассудной оценке «титоизма». Впечатляет тот факт, что сам Хрущев, ниспровергнувший Сталина, бросился в Варшаву, пытаясь преградить путь Гомулке, то есть единственному человеку, который мог бы спасти «народную демократию» в Польше, что ему на какое-то время и в самом деле удалось. Все это изобличало половинчатую и нерешительную природу «десталинизации».

Неожиданный и бурный успех польских коммунистов был омрачен на мировой арене другими событиями, про-

изошедшими буквально через несколько дней: венгерской революцией, которая завершилась 4 ноября 1956 года советским вторжением в Венгрию. Но, несмотря на плотную завесу риторики и лживой историографии, которая все еще покрывает эти страшные дела, их невозможно в достаточной мере понять, не учитывая международную обстановку. Здесь можно выделить два аспекта: внутривнутриполитический кризис, идущий тем же путем, что и польский (возвращение людей, изгнанных или подвергнутых преследованиям во время охоты на ведьм, связанной с осуждением Тито — в Венгрии это был Имре Надь, — и их восторженная встреча массами населения); и кризис международный (в который члены правительства Надя ввергли страну, приняв 1 ноября 1956 года решение о выходе из Варшавского договора и провозгласив нейтралитет под эгидой ООН). На всех поровну лежит вина за развитие событий, вылившихся в настоящую войну в центре Европы. США, развязавшие непрекращающуюся массированную кампанию на радио «Свободная Европа», подстрекавшую венгров к восстанию, несут ответственность за то, что подвигли на мятеж, при этом прекрасно зная, что не имеют ни малейшей возможности вмешаться (только ценой мировой войны), население, у которого было немало причин для социального взрыва. В этом случае политика «Roll back» показала себя циничной, если не преступной. С другой стороны, Советский Союз вовсе не устраивало повторение афронта, полученного в Польше; СССР не намеревался терпеть второго Гомулку; ему нужны были верные люди. Надо думать, что на этот раз советские войска вторглись бы в любом случае, тем более что у венгров не было своего Гомулки, а Надь не был способен справиться с ситуацией; он, напротив, отдался на волю событий и течений, с которыми не мог совладать (его правительство никак не отреагировало на массовые расправы с коммунистами и уличные казни; действия Малетера, министра, провозгласившего выход из Варшавского договора, могут рассматриваться либо как провокационные, либо как самоубийственные).

А самое главное, за несколько дней, отделивших крупный успех, достигнутый в Польше «народной демократией», от венгерской катастрофы, произошло событие, в корне изменившее международную обстановку: нападение Израиля, направляемого англичанами и французами, на Египет (29 октября 1956), имевшее целью силой аннулировать принятое египтянами 26 июля решение о национализации Суэцкого канала и о прекращении англо-французского контроля над ним. Израиль развязал безумную войну «по доверенности». 30 октября французы и англичане выдвинули Египту ультиматум, который президент Насер отверг; 4 ноября англичане и французы высадились в Порт-Саиде. Очевидна связь между двумя кризисами, Иден и Ги Молле (похоже, без оглядки на политику Соединенных Штатов) решили использовать момент, когда Советский Союз на Востоке испытывал серьезные затруднения, чтобы нанести удар, воскресив память о своем славном прошлом великих колониальных держав. В любом контексте и с любой противоборствующей стороной — тем более в обстановке «холодной войны» — эскалация кризиса таких масштабов могла вызвать и на самом деле вызвала немедленный силовой ответ, не оставляющий места каким-либо политическим решениям. Венгрия, брошенная на произвол судьбы, была раздавлена; правительство Кадара, насильственно установленное Советским Союзом и опирающееся на то малое, что еще оставалось от старого режима, начинало свою деятельность, преодолевая огромные трудности, долгое время оставаясь практически вне международного сообщества. Венгрия превратилась в удивительное — в каком-то смысле законное — орудие пропаганды. Цинизм радио «Свободная Европа» добился своей цели, результат даже превзошел все ожидания.

В дни вторжения в зону Суэцкого канала во Франции все еще держалось правительство социалиста Молле. В разгар проходившей во всей Западной Европе кампании в поддержку венгерской революции французские правые устроили акцию, которую подхватили средства массовой

информации других стран: была подожжена редакция коммунистической газеты «L'Humanité». Множились угрозы в адрес ФКП, антинациональной партии, выступавшей против агрессии в Египте, но приветствовавшей вторжение в Венгрию. Одновременно, с синхронностью, не лишённой смысла, произошло еще одно событие. Только 18 августа 1956 года, когда кризис коммунистической системы, начавшийся в феврале, набирал силу, Конституционный суд Федеративной Республики Германии ответил на запрос, представленный правительством Аденауэра еще в 1951 году, и вынес приговор, поставивший вне закона германскую коммунистическую партию, и без того сильно сократившуюся после выборов, происходивших три года назад, и выведенную за пределы бундестага благодаря статье об избирательном барьере.

Французские правые удручены вдвойне. Прежде всего, их терзает унижительное поражение в Суэце, откуда английские и французские парашютные войска были вынуждены поспешно ретироваться под громогласные советские угрозы, высказанные лично Хрущевым, но более всего из-за отречения американцев от их военной операции и осуждения со стороны ООН. Во-вторых, им не дает покоя усиление национального сопротивления в Алжире и международный отклик, который получает борьба алжирцев. Колониальная война — а многие упорно не желают определять ее таким образом, апеллируя к давно ушедшим в прошлое структурным и институциональным связям Алжира с Францией, представленным французами, проживающими в Алжире, — уже не может считаться «внутренним делом» республики. Кроме того, возрастает напряженность в отношениях с Тунисом из-за постоянных нарушений границы французами, преследующими партизан. А главное, вспыхивает скандал в связи с применением пыток против алжирских патриотов: общественное мнение не может остаться равнодушным при виде того, как французские военные и полиция применяют к алжирцам те же методы, какими десятилетие назад немцы расправлялись с французскими партизанами. Коммунист

Анри Аллег, журналист, редактор газеты «*Alger républicain*» [«Республиканский Алжир»], был арестован за то, что опубликовал пытки, которые вскоре будут названы «гангреной Республики», в памфлете, пригвоздившем мучителей к позорному столбу. В течение 1957 года генерал Массю раздавил подпольную организацию Фронт национального освобождения Алжира (так называемая «битва за Алжир»); за этим последовали массовые казни и масштабные перемещения населения, затронувшие около полутора миллионов алжирцев. Но кризис приобретает международный масштаб: 2 июля 1957 года сенатор Кеннеди заявляет перед американским Сенатом, что США должны использовать свое влияние, дабы помочь алжирскому народу отвоевать независимость, а 10 декабря Генеральная Ассамблея ООН единогласно принимает резолюцию о дипломатическом разрешении алжирского вопроса. Правительства в Париже сменяются в стремительном темпе: Буржес-Монури, Гайяр, снова Молле, и наконец Пфлимлен. И уже при правительстве Гайяра начинаются переговоры с «особыми силами», способными вывести страну из алжирского тупика.

Но новости придут из Алжира, где циркулирует — и это важно для понимания сложившейся там атмосферы — брошюра, в которой изложены инструкции для оккупационных войск (Секретариат сухопутных вооруженных сил, Главный штаб, отдел XXX); на странице 28 можно, в частности, прочесть: «конечно, не все мусульмане — террористы, но любой из них может оказаться таковым, хоть бы он и имел наилучшие рекомендации».

13 мая 1958 года, пока со скрипом подбирается новый кабинет министров, армия захватывает власть в Алжире: это — грозная армия, внушительных размеров, и она собирается из колонии (как это сделал Франко в 1936 году) произвести политические изменения в метрополии. Во главе — Массю, Салан, Томазо, Шеррьер. В толпе местных французов раздаются крики, находящие отклик и в речах путчистов: «Де Голля к власти!» Генерал Массю сам себя назначает главой Комитета гражданской и военной обще-

ственной безопасности и торжественно сообщает об этом в Париж, президенту республики. В Париже парламент подавляющим большинством голосует за правительство Пфлимлена: это «республиканское» правительство должно выстоять перед лицом фашистского переворота. 17 мая из Коломбэ-де-дез-Эглиз, своего скита, де Голль сообщает, что будет говорить 19-го. 19-го, в 15 часов, когда на пресс-конференции в Пале д'Орсэ де Голль начинает говорить, в стране разражается всеобщая забастовка. Человек, призванный алжирскими путчистами, не находит ни единого слова осуждения в их адрес. Молле выражается загадками: «Любая реакция была бы преждевременной», — заявляет он. 20-го французский парламент предоставляет Пфлимлену всю полноту власти; за это голосуют и коммунисты, 473 голоса против 93.

24 мая мятеж распространяется на Корсику; префектуру в Аяччо без единого выстрела захватывают парашютисты и демонстранты из крайне правых. 26 мая де Голль решает вновь обосноваться в Париже. На следующий день все агентства распространяют его коммюнике: «Я начал рутинный процесс, необходимый для прихода к власти республиканского правительства, способного обеспечить единство и независимость страны». Затем он обращает ободряющие слова к вождям мятежников: «выражаю им свое доверие и намереваюсь постоянно поддерживать с ними контакт». Весь день идут переговоры между Пфлимленом и де Голлем. В 19 часов, по окончании заседания Совета министров, Пфлимлен сообщает, что в ходе переговоров генерал потребовал, чтобы его призвали к власти «национальные» партии, то есть все, за исключением коммунистов. В тот же час Салан объявляет толпе: «Наш призыв к генералу де Голлю услышан!» В половине десятого вечера председатель Совета министров появляется перед Национальным собранием и сообщает, что собирается поставить на голосование вопрос о конституционной реформе, причем добавляет, что не будет учитывать голоса коммунистов. Эта уловка нужна ему, чтобы уйти в отстав-

ку. Предложение и в самом деле проходит, в ночь с 27 на 28 мая: 408 голосов за и 165 против. Пфлимлен изымает поданные в его пользу голоса ФКП, приходит к выводу, что не располагает большинством, и подает в отставку, в половине третьего утра отправляясь на Елисейские поля. Пока огромная демонстрация движется от площади Нации к площади Республики, президент Коти заявляет, что через посредство обеих палат обратился к де Голлю с просьбой сформировать новое правительство. В своем послании к палатам президент оправдывается: «Мог ли я не воззвать к человеку, чья стойкость и неколебимая нравственная чистота могут спасти родину?»

1 июня де Голль появляется перед Национальным собранием и просит предоставить ему всю полноту власти. Против выступают, кроме коммунистов, Мендес-Франс, Миттеран и многие другие, от своего имени. Собрание удовлетворяет его просьбу 329 голосами против 224. Что не удалось Буланже во времена Третьей республики, удалось де Голлю во время Четвертой. Цезаризм вернулся в середине XX века на волне колониальной войны, судьба которой представлялась более, чем когда-либо, неясной: сам де Голль был вынужден прекратить ее и оставить Алжир (1962) после долгих лет бесплодного упорства, опасаясь, в том числе, нового мятежа со стороны тех же людей, которые привели его к власти. Единственная статья «Закона о полноте полномочий» (2 июня 1958) полна обычной риторики и напоминает «Декларацию прав» 1789 года.

Конкретным и наглядным случаем применения «Декларации» и ее бессмертных принципов может считаться, поскольку относится к шести месяцам «полноты полномочий», свидетельство Кедера Сегира, двадцатишестилетнего фармацевта, которого арестовали и подвергли пыткам в Париже:

Меня арестовали 29 ноября 1958 года в половине седьмого вечера, в доме 146 по улице Монмартр; шесть агентов доставили меня в казарму Ноай в Версале около четверти восьмого. Меня раздели, и трое агентов стали наносить мне удары кулаками по

животу, груди и почкам. Потом меня привязали к стойке, через которую пропустили электрический ток. Это продолжалось до полуночи, следующим образом: каждые полчаса меня отвязывали на десять минут, чтобы я мог частично восстановить силы. После нескольких таких сеансов я уже не мог держаться на ногах. В полночь меня отвели в подвал, где я пробыл до утра.

30 ноября меня усиленно допрашивали шесть агентов, добываясь сведений об организации ФНО и ее руководителях, употребляя в мой адрес разные выражения и называя меня «грязным арабом».

1 декабря, около девяти утра, меня снова поставили к стойке, о которой я уже рассказывал. Сеансы продолжались до полудня. В 13 часов меня доставили в участок на улице Соссэс. Как только мы прибыли, агент, которому был поручен допрос, нанес мне несколько ударов кулаком в живот. Допрос длился до 18 часов. Около 20 часов меня доставили обратно в Версаль, где я провел ночь.

2 декабря в 18 часов те же инспектора, среди которых был М. Р... — я хорошо помню его имя, он был больше всех ожесточен против меня — в третий раз «пропустили» меня через стойку. Сеанс длился около двух часов. Потом меня били кулаками и ногами и применяли другие пытки: выкручивали мышцы, руки, ноги; даже засовывали пальцы в задний проход.

Потом пытки прекратились. 3, 4 и 5 декабря меня возили на допросы. Утром меня доставляли в участок, вечером — обратно в Версаль, и так четыре дня. Вечером 9 декабря меня перевели в камеру предварительного заключения, где я оставался до вечера 10 декабря. Когда меня отвели к судье, чтобы подписать ордер, я заявил самому г-ну Батиню о том, что меня пытали, но он не принял во внимание мое заявление и сказал: «Слыхали мы эту песню, все вы одинаковые»¹².

Как и следовало ожидать, де Голль добивался радикального преобразования конституции — не зря же именно на почве конституции он порвал с партиями в 1946 году — и, главное, такой избирательной системы, которая совершенно исключила бы определенную политическую силу: коммунистов. 28 сентября того же 1958 года он заставил принять новую конституцию, сосредоточенную вокруг президентской власти; успех был воистину бонапартистских масштабов — из 36 с половиной миллионов избирателей

31 миллион высказался за, и только пять с половиной миллионов — против (в основном электорат ФКП). Больше, чем туманный текст конституции, политическую жизнь страны преобразил избирательный закон. Пропорциональная система была заменена одномандатной мажоритарной с двумя турами. Эта система очень скоро свела к минимуму представительство партии, охватывавшей почти четвертую часть электората. 23 и 30 ноября проходили выборы в новое Национальное собрание: «Союз за Новую Республику», восстановленная голлистская партия, получила 28% голосов, коммунисты — 20,1%, ФСРИ — 13%, независимые и умеренные — 18%. Было избрано 189 депутатов от СНР, 10 — от коммунистов, 40 — от ФСРИ, 130 от независимых и умеренных.

8 января 1959 года де Голль стал президентом. В сентябре 1962 года, на волне неудавшегося покушения на его жизнь (подготовленного «Секретной армейской организацией» [OAS], теми же людьми, которые в 1958 году организовали переворот), рассчитывая на всплеск популярности, обычно сопутствующий таким событиям, он предложил ввести прямые выборы президента и получил желаемое, в очередной раз устроив плебисцит.

Бонапартистский проект оказался реализованным по всем статьям. Именно в сфере внешней политики с наибольшей широтой проявился «гений» нового Бонапарта: Франция вновь обрела то положение третьей великой державы в различных блоках, которому мешал плоский атлантизм правительств Четвертой республики, хоть центристских, хоть радикальных, хоть социалистических. Самым знаменательным жестом стал выход из военной организации НАТО после второго плебисцита 1965 года. Если прибавить к этому признание Китайской Народной Республики и отстраненную позицию во время «шестидневной войны» на Ближнем Востоке, можно понять, что замысел органичен, это — не рапсодия. В 1968 году студенческая революция и новая волна общественных беспорядков послужили сигналом того, что после десяти лет неограничен-

ной власти страна не желает больше той опеки, которой с такой охотой доверилась. Последний референдум (апрель 1969) обернулся поражением, и де Голль без лишних слов сошел со сцены.

Но если голлизм как режим, как содержание и как стиль кончился с уходом его неповторимого протагониста, осталась новая, жесткая политическая система: система, которая сдавливала политическую борьбу, сводя ее к середине, к центру, обрубая «края» с помощью убийственного избирательного механизма, и прокладывала — ранее, чем другие страны — путь к новому преобладанию «смешанной системы».

К «СМЕШАННОЙ СИСТЕМЕ»

У всех народов и во всех революциях существует аристократия: вы можете уничтожить ее среди знати, но она тут же найдет себе место в богатых и могущественных домах третьего сословия; уничтожьте ее там, и она всплывет среди начальников канцелярий и даже среди народа.

Наполеон III

Précis des guerres de César, cap. XVI
[«Краткий очерк войн Цезаря», гл. 16]

Певец этой системы Морис Дюверже — хотя, изучая тот же самый материал как ученый, он рассуждал более взвешенно — пятнадцать лет тому назад, когда в итальянском парламенте праздновали двухсотлетие 1789 года, произнес яркую речь, озаглавленную «La V République, achèvement de la Révolution française» [«V Республика, завершение Французской революции»]¹. Когда наступил нелегкий конец Четвертой республики, Дюверже по горячим следам написал полный боевого задора очерк об этих событиях и о перспективе возвращения де Голля: «Demain la République» [«Завтра — республика»] (1958). Там он клеймил, в частности, отсталость политических категорий де Голля, не затушевывая притом и «слабости» Четвертой республики.

Ничто не заставляет нас верить, будто де Голль существенным образом изменил мнения, выраженные в его речи в Байе, знаменитой речи, в которой он определил свою позицию, высказавшись в пользу режима, во многих аспектах сходного с тем, какой Англия знала в конце XVIII века; Франция испытала при Луи-Филиппе; маршал Мак-Магон попытался воскресить 16 мая 1877 года. Глава государства, облеченный властью и обладающий авторитетом, выбирает или отзывает премьер-министра, который в одно и то же время должен пользоваться и его доверием, и доверием Собрания: речь идет об этапе, какой все парламентские режимы проходят на протяжении своей эволю-

ции, — *орлеанистском* этапе. Четвертая республика пыталась управлять Францией, используя техники Фальера; не хотим ли мы теперь заменить их техниками Гизо?²

В 1961 году он разглядел в изменениях конституции, которые позволили де Голлю провести прямые выборы президента, рождение «шестой» Республики («La VI République et le régime présidentiel» [«Шестая республика и президентское правление»]). Во втором издании (1978) его работы «Institutions politiques et droit constitutionnel» [«Политические институты и конституционное право»] (1955) ни один из авторитарных признаков голлистской конституции не укрылся от его внимания, особенно ее основной недостаток, то, что она может функционировать лишь в присутствии и под руководством «харизматического» вождя, который ее создал³.

Так или иначе, но до тех пор правоцентристская коалиция (бывшие «независимые» и голлисты) двадцать лет подряд побеждали на всех выборах. Потом, после ряда побед Миттерана, периоды преобладания левых стали чередоваться с гибридным феноменом *cohabitation**, когда трудности тоже разрешались благодаря искусству и «харизматическому» личному обаянию (на этот раз Миттерана). Дюверже, как писала во введении к его работе Нильде Иотти, бросил критический взгляд на изменения, внесенные в конституцию де Голлем, и на ее практическое применение («La République des citoyens», [«Республика граждан»] 1982; «Bréviaire de la cohabitation», [«Коротко о сосуществовании»] 1986); то есть судил обо всем беспристрастно — до резкой перемены, обозначившейся в речи 1989 года, произнесенной перед итальянским парламентом. В центре ее, если не считать разных исторических отступлений, стоят рассуждения о мажоритарной избирательной системе и ее *mirabilia***. Неважно, что некоторые его утвержде-

* Сосуществования (фр.).

** Чудесах (лат.).

ния не согласуются с действительностью, как, например, когда он наблюдает и, понятно, не одобряет «тенденцию коммунистов замыкаться в монолитном гетто»⁴. Пассаж чуть ли не смехотворный, если вспомнить иронический упрек, обычно адресуемый ФКП или тому немногому, что от нее осталось, что коммунистов якобы обуревают министерский пыл и дух служения, какие редко встретишь у представителей других партий, когда им время от времени удается входить в «комнату с кнопками», как назвал ее Пьетро Ненни (мифологизируя ее). Печальный итог для партии, которая восемьдесят с лишним лет назад в Туре отделилась от социалистов, чтобы воспользоваться «полнотой времен», а теперь превратилась в *pars adiecta** той же самой социалистической партии и притом не заслуживает снисхождения за то, что время от времени позволяет себе хотя бы краткую автономию: «монолитное гетто»! Механизм ясен и известен всем. Когда французские социалисты поняли, насколько это им выгодно, они стеной встали за «модель» Пятой республики. В одномандатном избирательном округе борются по меньшей мере четыре политических силы: две правоцентристские и две левые (социалистическая и коммунистическая партии). В первом туре каждый получает свои голоса — а кто переходит во второй? Уж конечно, не коммунист (он проходит в самых редких случаях), потому что не весь электорат социалистов будет голосовать за него, и, разумеется, его позиция не привлечет избирателей центра; следовательно, он обречен на поражение, он и его избиратели. Наоборот, электорат коммунистов готов отдать голоса за другого кандидата, повинаясь дисциплине, ради «меньшего из зол», чтобы сохранить единство и так далее. Так, с 1958 года и далее ФКП, особенно когда союз с социалистами укрепился, служит водоносом или донором крови. И делает это по разным причинам, но прежде всего потому, что у нее нет другого выхода. Еще чудо, что после полувека таких филантропических

* Составная часть (лат.).

упражнений эта партия до сих пор существует. Очевидно, что ее избиратели мало-помалу стали считать себя *de facto* избирателями второго сорта, «вспомогательными». Со временем такой избиратель, обреченный на то, чтобы носить воду для других, задумается и предпочтет либо *впрямую* выбирать партию, которой все равно отойдет его голос, либо вовсе не ходить на выборы.

На противоположном краю — другое дело: там все происходит между «равными» и выбор зависит от других факторов: от сложной алхимии взаимоотношений между двумя представителями одной партии или от связей, какими располагает кандидат, и т.д. Аристократы снова выходят на избирательную арену, и кандидаты от правоцентристских партий могут похвастаться их покровительством.

За пределами Франции, которая в послевоенный период первая пошла по этому пути, тоже изыскивались — при помощи все более софистических методов — избирательные законы мажоритарного типа, что представляло собой лишь малую часть усилий, направленных на ослабление *erga omnes** представительной демократии, или, говоря иными словами, способ подстраховать себя от по-прежнему нежелательных эффектов всеобщего избирательного права. По мнению инициаторов такого процесса, эти сложные алхимические реакции ведут к «рационализации» выражения воли народа, не давая ей изъясняться в чистом виде, то есть сужая спектр выбора.

Избирателя заставляют — слово может показаться грубым, но в итоге так оно и есть — выбирать, если он хочет чтобы его голос оказался «полезным», не из всего представленного списка, а из *нескольких определенных* вариантов. А поскольку «полезные» варианты стремятся к центру — завоевание его в богатых странах и есть подлинная цель выборной игры, — возникает тенденция к тому, что большей частью избираются кандидаты, выражающие умеренные взгляды; кроме того, имея в виду *стоимость*

* По отношению ко всем (лат.).

выборов, принадлежащие в основном к высшим и средним классам⁵, традиционно умеренным. Так появляется снова, хоть и утверждаясь другим путем, феномен, характерный для эпохи, в которую господствовало ограниченное избирательное право: резкое сокращение представительства менее «конкурентоспособных» классов.

Система ограниченного избирательного права с «множественным» голосованием сама по себе является классическим инструментом применения на практике «смешанной системы»: чуть-чуть демократии и много олигархии. Она сочетает выборный *принцип* (демократическая инстанция) и *реальное*, своевременно гарантированное преобладание средних и высших классов. Мажоритарные системы, пусть более извилистым путем, достигают того же результата. Представительство меньшинств, наиболее беспокойных в социальном плане, признается дестабилизирующим фактором, потому перед ним ставятся препоны, уже без боязни пропагандистских контрударов (еще возможных во времена, когда существовали сплоченные силы социальной оппозиции), направленных против такого «дефекта». Хоть и представляя численное большинство, умеренные слои, будучи разделены на партии и течения, соревнующиеся между собой, стремятся, вступая на парламентскую арену, полностью обезопасить себя. Вот почему были вновь пущены в действие механизмы, ограничивающие избирательное право.

Смешно, но в Италии со всех сторон слышатся речи об «исторической» необходимости создания «Второй» республики. Но она уже создана избирательной реформой, восстановившей «мажоритарную» систему и отменившей пропорциональную (1993). Это — ключевое событие в истории Италии последнего десятилетия XX века.

Надуманность тезиса, согласно которому «нестабильность» ведет политические системы к принятию мажоритарного избирательного права — а значит, к проявлениям «смешанной» системы в ущерб системе демократической — подтверждается тем фактом, что именно в Италии политический коллапс был связан вовсе не с нестабильностью

правительств или частыми кризисами (последние случались и тогда, когда христианская демократия *одна* удерживала абсолютное большинство), но с бурным обсуждением «вопроса морали». Итальянский случай представляет немалый интерес: «болезнь» заключалась в тесной связи деловых кругов с политическими (*классическое* явление в любом капиталистическом обществе), а «лекарство» было применено совсем из другой области и касалось изменения принципа представительства (не «один человек — один голос», как было раньше, а голоса «полезные» и «бесполезные»). Восхищает ловкость тех, кто воспользовался всеобщим отвращением и презрением по отношению к «купленным» политикам (на самом деле эти чувства гораздо меньше проявлялись по отношению к капиталистам, их «купившим»), чтобы предложить как средство от подобных зол избирательный механизм, якобы подходящий для того, чтобы «наказать» политиков. Непогрешимой оказалась и их демагогия, которая смогла направить народное негодование в нужное русло⁶. Точно так же, как это происходит в преступном мире после «большого дела», авторы этой идеи, вернее, ее конкретные исполнители исчезли с горизонта, залегли на дно, и их имена практически не вспоминаются.

Тем временем немалую часть левых охватил, если можно так выразиться, синдром игрока. Азартный игрок, как известно, — больной человек: он теряет все, бросая монету за монетой на стол, покрытый зеленым сукном; с надеждой сжимая фишки; ожидая, что в столь нелогичной игре рано или поздно ему улыбнется фортуна. Также и левые силы, зная, что они не представляют большинства в стране, преисполнились надеждой на богиню случая: покрытый зеленым сукном стол мажоритарной системы. И, как все уважающие себя «игроки», стали истерически провозглашать ее уместность, а в самых безнадежных случаях и справедливость. То здесь, то там отдельные остаточные политические формации или некоторые угнетенные (либо воображающие себя таковыми) фракции внутри вполне процветающих союзов вновь начинают бить тревогу и вы-

ступать за более справедливую систему, но их голос теряется в пустоте. О них говорят как о «пережитках» прошлой Республики (что подтверждает, скажем хотя бы в скобках, тот факт, что именно изменение избирательной системы автоматически привело к изменению конституции).

Удивительно, но никто не обращает внимания, что пропорциональный критерий не создает проблем и по праву рассматривается как единственно возможный, когда речь идет не о политических партиях, а о различиях и связях другого типа, например, между этническими группами или религиозными конфессиями, сосуществующими в пределах одного региона или государства; либо между акционерами, сотрудничающими в рамках предприятия или административного совета. Очевидно, можно даже согласиться с тем, что, когда формируется политическое представительство, неукоснительное применение принципа «один человек — один голос» создает неудобства, но несколько некрасиво утверждать, будто вовсе исключить его из обихода будет правильно и справедливо⁷.

Таким образом, на Западе окончательно утверждается и достигает апогея «смешанная» система, главным инструментом которой являются мажоритарные избирательные механизмы. В ход идет не прямое ограничение прав, как в смешанной системе классического типа (ограниченное избирательное право), а косвенное (мажоритарные избирательные законы)⁸. Такая более выраженная *souplesse** объясняется рядом причин: демократический принцип («один человек — один голос») уже нельзя отправить в архив *прямо и непосредственно*; кроме того, более предпочтительной кажется ситуация, когда даже те, кто утратил свой политический вес, склонны думать — хоть и вопреки собственным интересам, — что «управляемость» есть ценность, важная для всех (хотя на самом деле она состоит в более свободном осуществлении власти теми классами, которые обладают силой).

* Тонкость (фр.).

Кроме того, такая *souplesse*, даже «элегантность» поведения возможна, поскольку выборные органы лишены решающей власти: всем управляет «плебисцит рынка», а не голосование как таковое. Власть находится в другом месте, и создание наднациональных «технических» органов европейского масштаба (которые к тому же *физически* находятся «в другом месте») сильно способствовало выведению из компетенции национальных парламентов решений по фундаментальным вопросам экономики (то есть решений фундаментальных *tout court*). Известно, что предметом постоянных трений между Конфедерацией итальянских промышленников и профсоюзными организациями является вопрос о пенсиях (то есть коренной вопрос для «социального государства»: использование во благо людей тех квот, которые изымаются из заработка на протяжении десятилетий труда). Ни одному правительству — ни правоцентристскому, ни левоцентристскому — не удалось взять этот «бастион» (во Франции это пытается сделать — неизвестно, удастся ли это ему — правое правительство, поскольку благодаря безумной избирательной системе ряды левых после выборов 2002 года оказались повсеместно смяты). И тут на сцену выходят далекие, невидимые «технические сотрудники» «европейских» институтов. «Экономисты», служащие в этих институтах, доводят до всеобщего сведения, что экономическая программа итальянского правительства (уж никак не левого) «не соответствует Маастрихтским параметрам» именно потому, что не является достаточно драконовской в части социальной политики (пенсий). Стоит построить железную клетку, которая находится «в другом месте», и битва заранее проиграна, это всего лишь вопрос времени и постепенности: шантаж с помощью «параметров» доведен до совершенства, и никакая рабочая организация не может пойти и *прямо* сразиться с отдаленными и недосигаемыми «жрецами» этих параметров. При такой картине выборные игры, пусть выхолощенные и автоматически создающие парламенты с умеренным большинством в любом из лагерей, продолжают проводиться. И подспудная отмена

всеобщего избирательного права компенсируется милой уступкой: возможностью периодически подтверждать свои права через процедуру выборов.

Таким образом, в современном механизме парламентских «демократий» смешанная система проявляет себя двояко: как ограничение эффективности и действенности выборных органов (в конце концов, их функции сводятся к чисто вспомогательным, они лишь ратифицируют решения, принятые властью олигархического типа, особенно в области экономики и финансов) и как техническое усовершенствование (мажоритарные избирательные законы: из опасений, что чистый пропорционализм приведет к сбоям в механизме). Ликвидация пропорциональной системы была *первой* заботой Муссолини, едва он был назначен председателем Совета, — и привела к последствиям, о которых мы вспоминали в предыдущих главах. Сегодня пропорциональную систему отвергают по мотивам неэффективности, всеми силами пытаюсь убедить людей в непрактичности всеобщего избирательного права, точнее, в том, что без него вполне можно обойтись и даже сознательно от него отказаться. Санто Мадзарينو в своем «духовном завещании» верно заметил, что «там, где древние греки прибегали к жеребьевке или прямым выборам /Токвиль выражал это словами «Афины с их всеобщим избирательным правом»/, люди современной эпохи, когда прямая демократия невозможна, примиряются с пропорциональной»⁹. И поскольку в крупном национальном сообществе большинство не формируется непосредственно при голосовании, возникает идея, что следует помочь ему сформироваться с помощью технических трюков. Появляется жупел «дробления» на многочисленные политические формирования (*в результате* пропорциональной избирательной системы); сегодня мы знаем, что за десять лет господства мажоритарной системы число партий в Италии возросло. Мы также знаем, что в тех местах, где мажоритарная система функционирует жестко (в Англии), она изгоняет из парламента весьма масштабные политические силы: в Великобритании

порой складывается парадоксальная ситуация, когда правительства, переживающие затруднения, шантажируют оппозицию, *угрожая* ввести пропорциональную систему!¹⁰ Завороженные техническими изысками, мы уже не смеем думать, что «дробление» политических сил — вовсе не патология; это — непреложная данность, которую можно счесть богатством. В контексте пропорциональной системы политические силы *вынуждены* искать точки соприкосновения, будь то партии, близкие по духу, будь то большинство и оппозиция. А это способствует поискам *равновесия между различными интересами различных социальных групп*; это — единственный способ исключить логику «победителя», и единственный способ, позволяющий *всему* обществу выразить свою волю. Наоборот, мажоритарное «форсирование» неизбежно приводит к правлению меньшинства.

Но Дюверже движется вперед, так сказать, «с высоко поднятой головой»: он не только приписывает *эффективность* столь любимой им мажоритарной системе, но и находит в ней выражение *демократии* (это слово очень любили и в 1989 году). Восславив упразднение, благодаря мажоритарному закону, представительства Front national [Национального фронта] (Фронт получил одно место, в то время как исходя из пропорциональной схемы ему полагалось бы 35), Дюверже берет быка за рога:

Где наилучшим образом обеспечивается равенство? В стране, где процент мест в парламенте высчитывается согласно процентному соотношению голосов, что позволяет партиям разыгрывать, как им заблагорассудится, розданные таким образом карты: возможны десятки различных комбинаций, но общее между ними одно — неспособность править? Или в странах, не столь приверженных кажущейся строгости этих математических расчетов, но где победа на выборах левых обязательно приведет к власти левых, а победа на выборах правых приведет к власти правых, и никто не сможет передернуть карту, разве только заново спросив мнение народа? На чьей стороне истинная демократия? На стороне наций, которые приписывают выборам всю полноту власти, которая затем возлагается на правительство,

или тех, где избиратели, опустив бюллетень в урну, превращаются в пассивных граждан, предоставляя выбор правительства немногочисленной группе граждан активных, составляющих класс политиков?

В год двухсотлетия Французской революции *величайший из ныне живущих философов*¹¹ доказал, что V Республика может считаться завершением цикла, начатого в 1789 году. «Верить в то, что пропорциональное представительство более демократично, чем английская или американская система, — позиция, не выдерживающая критики, ибо для того, чтобы поддержать ее, *следует вернуться к давно устаревшему взгляду на демократию как на суверенитет народа*». Этот взгляд уступил место теории, согласно которой демократия — это лишь право и власть большинства /народа/ сместить правительство¹².

Не знаю, был ли автор в шутливом расположении духа в тот мартовский день 1989 года, или ему нравилось эпатировать слишком «старомодную» публику (в то время в Италии еще действовала пропорциональная избирательная система), но только выдающийся юморист мог высказать мысль, будто Французская революция выполнила свою задачу, завершила свой цикл, установив, что *демократия* *вовсе не заключается в суверенитете народа!* Рассуждение можно было бы довести до совершенства, сославшись на абсолютную эффективность монархии: это было бы идеальным, подводящим итоги решением политической проблемы, терзающей Запад по меньшей мере со времен Геродота.

В конце концов, даже Демосфен завидовал необычайной эффективности власти, какой располагал Филипп Македонский именно потому, что тот был монархом и мог быстро решить любой вопрос после краткой дискуссии с самим собой, и нападал на афинскую систему: именно то, что она была демократической и зависела от решений собрания, утяжеляло или даже вовсе парализовало ее деятельность.

Чтобы освободиться от монарха, существует тираноубийство (право и власть сместить правительство), и потом: что может быть демократичнее монархии? Ради ее восстановления и произошла Французская революция.

В конце концов, что такое Хартия Людовика XVIII, как не «*achèvement de la Révolution française*»*?

Покончив с этим шутовством и расчистив почву, следует, наверное, задним числом расценить то, что случилось с европейскими избирательными системами в период после Второй мировой войны, как последовательное разрушение всеобщего избирательного права. Нельзя не задаться вопросом, почему это произошло, ведь уже давно ясно, что такой избирательный «метод» не «опасен», и как раз те, кто сражался под его знаменами, практически никогда не извлекали из него выгоды. Проблему, которая прячется за стерильным словом «управляемость», можно выразить проще: общества на пути к «единству» стремятся помешать радикальным меньшинствам заявить о себе и тем самым расстроить систему. А именно пропорциональная избирательная система с ее строгим и нерушимым «беспристрастием» позволяет радикальным меньшинствам добиться (если они того хотят) представительства. Кроме того, она *привлекает* к голосованию (в принципе) по той простой причине, что для многих слоев и прослоек общества подача голоса — единственный способ заявить о себе.

Но мысль о том, что именно этого и *не* следует допускать, так широко распространилась, что даже последние усталые защитники пропорциональной системы (иными словами, всеобщего избирательного права во всей его полноте) торопятся заявить, что было бы прекрасно «подправить» его, введя барьер на немецкий лад. Будто бы существует очевидная необходимость лишить представительства силу, выражающую интересы 5% общества, то есть миллионов избирателей. Когда в Италии в 1993 году определенные круги, оказывая давление на общество, организовали референдум, положивший конец пропорциональной системе, американский еженедельник «Newsweek» поддержал эту затею и выдвинул в адрес старой избирательной системы,

* «Завершение Французской революции» (фр.).

действовавшей до тех пор, обвинение, представляющееся позорным, — «too much democracy», *слишком* много демократии (1 февраля 1993, с. 23).

Верно отметил Роберт Даль («How Democratic is the American Constitution?» [«Насколько демократична американская конституция?»]), что некоторые беды демократии происходят как раз от «пагубной мажоритарной системы, основанной на принципе “*First-pass-the-post*”» (когда кандидат, набравший большее число голосов в избирательном округе, представляет его *целиком*). «Не пора ли серьезно задуматься о том, что система “*First-pass-the-post*” хороша на скачках, но не на выборах в обладающих большой территорией демократических странах?»¹³.

Механизм такого типа может привести к памятным парадоксам, будь то при наличии *только двух* сил (случай Англии), либо при наличии множества сил (случай Франции). В первом случае может произойти — и в самом деле происходило, — что одна из двух сил получит больше голосов, но меньше депутатов, если ее электорат распределен неравномерно (партия, опирающаяся в основном на рабочих, побеждает с большим перевесом в одних округах и в такой же пропорции проигрывает в других; противник, получивший меньше голосов избирателей, может сравняться с ней или даже превзойти ее по числу избранных депутатов); кроме того, в действительности этот механизм ущемляет любую «третью» силу (в Англии, согласно статистике, 20% электората не имеет представительства: ни одна из двух главных партий не желает образовывать с третьей партией «блок» и уступать ей места в парламенте). Во втором случае можно прийти к потрясающим парадоксам, как, например, на президентских выборах во Франции в 2002 году, которые завершились во втором туре соревнования между правоцентристским блоком и расистом Ле Пен (он едва не пришел первым на этих «скачках»), в то время как более 40% избирателей голосовали за левых.

Левые силы в Европе, которые так долго и громогласно отстаивали свои права, начинают входить во вкус этих

«азартных игр», потому что их социальная база претерпевает изменения в рамках более общих и глубоких преобразований, каким подвергаются все классы (включая их численность и их чаяния) европейского общества. Коммунистическая «точка зрения» почти полностью исчезла, поскольку ее «мировой» масштаб уже не отвечает интересам слоев, зависящих от самой богатой части света, и даже противоречит им. Большая работа, направленная на установление справедливости («социальное государство»), проделанная левыми силами Европы, пусть и под напором альтернативной модели, победившей в СССР (это точно было так в тридцатые годы), привела к важным результатам: неслучайно самая передовая модель производственного *Mitbestimmung* была реализована именно в Федеративной Германии, «стране-витрине», которая была призвана взломать дверь на Восток, представив свою модель вожделенной (что на самом деле и произошло). Но этот неоспоримый результат — его «оборотная сторона», не столь привлекательная, состоит в неконтролируемой власти финансового капитала — стал возможен главным образом потому, что был сведен к одному региону: «мировая» перспектива отставлена, и не стоит даже спрашивать, когда она снова сделается актуальной.

Этот успех, однако, не должен затмевать того факта, что новое социально-политическое равновесие, к которому стремится большая часть Западной Европы, а другая, сбросив с себя опыт «народной демократии», с трудом поспешает за ней, исключает все же некие меньшинства; к ним прибавляются необходимые для выполнения работ, какими никто другой заниматься не желает, меньшинства *внешние* (иммигранты): их остальная часть планеты «экспортирует» в наиболее процветающие страны. Эти меньшинства имеют ограниченное гражданство, и уже потому, что являются меньшинствами, вряд ли смогут успешно бороться за равные права с теми, кто их уже завоевал и крепко за них держится.

Выхолащивание «прогрессивных демократий», то есть утрата ими конкретного антифашистского содержания, переведенного в конституционные нормы, проходит в двух в конце концов сливающихся направлениях: в институциональном плане это усиление исполнительной власти и принятие избирательных законов, смещающих электорат к центру и отбирающих политический персонал согласно цензовому критерию, что приводит к окончательному поражению всеобщего избирательного права; в содержательном плане укрепляется «хватка» олигархий, которые уже распространяют свою власть на все общество (оскудение законодательной инициативы парламентов, усиление давления технических и финансовых органов, повсеместное распространение культуры богатства, вернее мифа о нем, поклонения ему, через абсолютно вездесущую систему средств массовой информации).

Мы обычно возмущаемся, когда кто-то поднимает проблему формирования общественного мнения через такое мощное средство, как телевидение. (Нас немного меньше коробит подобная «неприличная» аргументация, когда она применяется в пылу борьбы за контроль над телеканалами.) Но истинность этих аргументов должна считаться доказанной с тех пор, как Мердок стал одним из столпов, поддерживавших выборы Буша-младшего, а в Италии владелец почти всей сети частного вещания и к тому же величайший пиарщик века за два месяца создал партию и дважды одержал победу на выборах (1994, 2001*). Все вышесказанное не мешает тому, что время от времени толпы создателей общественного мнения «изошряются», как сказала бы донна Прасседе, пытаясь доказать, что подобный диагноз — если не клевета, то злобный софизм, утешающий тех, кто проигрывает выборы.

То, что телевидение *непосредственно* влияет на «намерение голосующего», не подлежит сомнению. В очень хорошо проведенном исследовании «Спираль молчания»

* В 2008 г. — в третий раз. (Прим. ред.)

(2002) Элизабет Ноэль-Нойманн — основавшая в далеком 1947 году Институт изучения общественного мнения в Алленбахе, многолетняя сотрудница Гельмута Коля, лет десять входившая в редакционный совет «International Journal of Public Opinion Quarterly» [«Международный вестник изучения общественного мнения»] — рассказала о показательном эксперименте, проделанном их институтом во время предвыборной кампании в ФРГ в 1976 году. Была сделана значимая выборка из двух различных сред: а) телезрители, постоянно смотрящие передачи на политические темы; б) субъекты, которые редко смотрят передачи на политические темы или никогда этого не делают. Результаты снимались и фиксировались дважды: в марте и в июле 1976 года; выборы прошли 3 октября. От марта к июлю, отвечая на вопрос: «Даже если никто не может этого знать, как вы считаете, кто победит на предстоящих выборах?», группа а, вначале на 47% уверенная в победе ХДС–ХСС, постепенно съехала к 34%, в то время как прогнозы, обещающие победу либерально-социалистической коалиции, подскочили от 32 до 42%. Зато группа б оставалась стабильной (36 и 24 в марте, 38 и 25 в июле и высочайший процент затрудняющихся ответить: около 40%). На самом деле, хотя оба течения имели равные шансы (в конце концов либерально-социалистическая коалиция добилась преобладания в триста тысяч голосов при 38 млн избирателей), политические комментаторы, выступающие по телевидению, продолжали утверждать, что ХДС–ХСС никоим образом не может победить. И это возымело видимый эффект¹⁴.

Разумеется, эксперимент, обращенный к телезрителям, «постоянно смотрящим передачи на политические темы», касался узкой элиты избирательских масс. Потребители политических телепередач, как, собственно, и читатели газет, черпающие оттуда свои политические взгляды, являются малочисленным политизированным меньшинством. Доказательством этого хорошо известного факта может послужить именно итог упомянутых выборов, в которых

небольшой (в абсолютных значениях) избирательский сдвиг, обусловленный *политическими* программами на телевидении, оказался решающим, поскольку электорат был разделен на две примерно равные части.

Но непосредственно *политическая* часть телевизионной продукции — это еще ничего, это всего лишь незначительная часть *политизированности* телевидения как инструмента.

В политической коммуникации больше значат *умолчания*: то, о чем информационной машине, столь обширной, что равной ей не знала история человечества, *удается не сказать ни слова*. Одного примера хватит, чтобы осветить столь невероятную ситуацию; примера, который обнаружит и роль Европы, и ее, в сущности, подчиненное положение. Как всем известно, при всеобщей подавленности европейских правительств и Организации Объединенных Наций в марте 2003 года Соединенные Штаты развернули широкомасштабное наступление (с воздуха, с моря и с суши, перебив точно еще не выясненное число народу) против республики Ирак, которая обвинялась в том, что тайно владеет запасами химического оружия массового поражения. Точно так же известно, что международные инспекторы, отправленные в страну до конфликта с целью «обнаружить» такое оружие, не нашли и следов его; не было оно обнаружено и через месяцы после окончания конфликта, когда вся страна была оккупирована англо-американскими войсками, которые обшарили каждый ее угол. Вначале нападавшими был принят другой «благовидный предлог» для войны, а именно, угнетение в Ираке курдского меньшинства, но поскольку Турция, союзник, необходимый Соединенным Штатам, тоже преследует курдов и истребляет их, решили отказаться от этого «благовидного предлога» и больше о нем не заговаривали. Молчание по поводу курдов и их печальной судьбы со стороны итальянских СМИ, готовых после Косова до хрипоты кричать о гуманизме, но вдруг забывших о праведном деле курдов, само по себе впечатляет.

Но вернемся к предполагаемому оружию массового поражения в Ираке: тот факт, что его никогда не существовало, уже признан всеми; дошло до того, что проблема как Белого дома, так и Даунинг-стрит состоит уже не в том, чтобы упрямо утверждать, что оно было, а в том, чтобы свалить на кого-нибудь вину, найти того, кто якобы *заставил поверить* (две самые мощные разведки в мире) в существование пресловутого оружия. Молчание европейских СМИ окружает и другую щекотливую подробность этих событий. Генеральный директор ОЗХО (Организации по запрещению химического оружия) Жозе Маурисиу Бустани за год до того, как разразилась война, предложил ОЗХО ходатайствовать о принятии Ирака в организацию. Но это, как писала 20 апреля 2002 года «Guardian», показалось американскому правительству неожиданным препятствием, которое могло бы нарушить планы нападения на Ирак. Реакция со стороны Соединенных Штатов была следующая: они полностью отвергли предложение Бустани и, что весьма красноречиво, дошли до того, что порекомендовали бразильскому правительству (в то время президентом был проф. Кардозо) отозвать Бустани с его поста. Текст предписания вместе с реконструкцией событий был опубликован в журнале университета Сан-Паулу «Estudos avançados» [«Новые исследования»] (16, 2002). Бустани отправили генеральным консулом в Лондон: война уже была неизбежна. Тем не менее обращение Бустани в OIT (Organization International du Travail) [Международная организация труда] имело успех, и в июле следующего года его увольнение из ОЗХО было признано «незаконным»¹⁵. Ни единая душа ни в наших раздутых теленовостях, ни в газетах ни словом не обмолвилась об этих событиях. Читатели и телезрители *не должны были узнать* явного доказательства того, насколько преступным было поведение США, развязавших войну, против которой, собственно, выступали и европейские правительства. Но приходится признать, что такого рода чудовищные деяния становятся известными лишь не очень широкому кругу

«специалистов-политологов». А это уже игры на другом уровне.

Если хорошенько разобраться, вся давняя уже дискуссия о влиянии СМИ на выборы или, шире, на политику вообще основана на недоразумении. Все делают вид, будто верят, что политическое преимущество на выборах связывается (проигравшими) с доступом к средствам *политической информации* и контролем над ними. Но это лишь минимальный аспект проблемы, касающийся политизированной элиты. *Вся остальная часть* колоссальной продукции — уже без различия между частными и государственными каналами, ибо последние, чтобы выжить, слепо копируют первые, — *является гигантским проводником идеологии*, или, лучше сказать, *культу богатства*. Уже неважно, кто контролирует СМИ: вкус сформирован и требует тотального соответствия себе. Власть товара превратилась в культ товара, и этот культ создает ежедневно и укрепляет годами пресловутый культ богатства. Огромная масса рекламных передач является, если разобраться, *основным содержанием* гигантского телевизионного «конвейера». Неважно, какой продукт рекламируется; лучше бы *все*. То, что меньшей части потребителей кажется *помехой* (они ждут, когда закончится реклама, чтобы снова «поймать нить»), на самом деле и есть *основной текст*: ежедневный, многочасовой гимн богатству, с изумительным искусством представленному как *статус*, до которого подать рукой.

Гениальная неотразимость такого нового метода «завоевания общественного мнения» состоит в том, что оно никогда не проявляется *непосредственно* политическим образом. Был извлечен урок из явного неуспеха другого пути, так сказать, «концептуального» метода «промывания мозгов», чисто пропагандистского. Как показал опыт, метод прямого внушения повсеместно вызывал скуку, отстраненность и в конце концов отторжение. Его можно успешно применять лишь в отношении узкой элиты, преисполненной особой ответственности (таким образом католическая церковь формирует свои «кадры»); в других случаях эффект

получается прямо противоположным. Зато «сублимационный» метод, хотя бы потому, что предпочтения, которые он навязывает, носят элементарный, чуть ли не детский характер (больше товаров = больше счастья), беспроигрышно достигает цели: он всего лишь безостановочно демонстрирует краткие, легко усваиваемые даже идиотами образы *мира (воображаемого), который уже стал совершенным и счастливым благодаря изобилию товаров* всякого рода. Не менее действенным является прием, постоянный во всей сверхизобильной рекламной продукции, состоящий в том, чтобы показывать *вокруг каждого (отдельного) товара* счастливую повседневную жизнь (в ее самых блестящих и привлекательных формах) бесконечного ряда «простых людей», которые на самом деле с большим искусством подбираются так, чтобы вызвать немедленный эффект самоидентификации, отождествления и последующего подражания: как только последнее достигается, «игра сыграна». Не нужен никакой «Большой брат», по Оруэллу, чтобы наладить эту машину: она сама регулирует и воспроизводит себя, просто потому, что является, в экономическом плане тоже, невероятно прибыльной.

Прежде чем подвинуть сотни тысяч людей на то, чтобы преодолевать уже практически рухнувший «железный занавес», или переплывать моря, даже рискуя жизнью, ради достижения «страны изобилия» эти «spot people», [образы «простых людей»] (несколько лет назад я писал о них), эти имеющие огромное влияние *сообщения* — производство которых стоит миллиарды, и которые мобилизуют многие миллионы потребителей во всем мире — сначала завоевали умы, если не души, граждан группы *a*, то есть тех, кто «уже находился» в стране изобилия. Значит, создатели рекламы и есть настоящие, в своем роде гениальные «прирожденные интеллектуалы» на службе у победившей диктатуры богатства. Не так уж важна полная пафоса битва за более или менее равное распределение эфирного времени перед выборами: *все остальное и есть* подлинное эфирное время, определяющее выбор всех и каждого. Герои его завоевы-

вают симпатии миллионов телезрителей, выкрикивая с королевским презрением: «дайте нам насладиться нашим богатством!», а единственную возможную «идеологию» выражают в самом действенном лозунге: «старайтесь стать такими, как мы!»¹⁶.

Неоспоримому господству «идеологии богатства» сопутствуют другие массовые мифологии: великие «мифы для неграмотных», наиболее выразительным примером которых, наверное, является спорт, который уже стал, и не случайно, *непосредственно политическим* фактором и, кроме того, *единственным* способом быстрой мобилизации масс.

Культ богатства (к нему относятся и спортивные мифы) сотворил — и в этом, наверное, и заключается его главный успех — совершенное демагогическое общество. Оступляющая манипуляция массами и есть новая форма «демагогического слова». Именно потому, что СМИ вроде бы способствуют просвещению масс, они задают — и парадокс здесь лишь кажущийся — и низкую культурную планку, и общее ослабление критической способности; тревожное предостережение, брошенное Джакомо Леопарди: «где все знают от всего понемногу, там остается немного знаний»¹⁷ — могло показаться в свое время причудой аристократа, и только сейчас мы убеждаемся в его полной истинности.

Казалось, что фашизм более всего поработал в этом направлении, и все же то было движение, глубоко укорененное в предыдущем веке, реализующееся в вечно возвращающейся бонапартистской модели. Фашизм хватал сограждан за грудки, манипулировал той «толпой», какую знал, какую описывал Гюстав Ле Бон. Напротив, нынешняя «олигархическая демократия», или смешанная система, или как ее ни назови, ориентирует, воодушевляет, а значит, направляет толпу, разделенную на молекулы и вместе с тем гомогенизированную повсеместно присутствующим, всюду проникающим «малым экраном»; питает иллюзиями и ведет к близкому потребительскому счастью мириады одиночек, не сознающих того, что их умы и чувства подвергают нивелированию; их подкупает видимая

истинность и универсальность сведений, которые этот беспрерывно действующий источник грез неустанно изливает на них.

Эпилогом явилась победа, грозящая продержаться долго, того, что греки называли «смешанной конституцией»: когда «народ» выражает свою волю, но делами заправляют одни лишь имущие классы; если перейти на более современный язык, речь идет о победе динамичной олигархии, опирающейся на крупные состояния, но способной выстроить консенсус и узаконить себя выборным путем, держа под контролем все соответствующие механизмы. Этот сценарий, ясное дело, ограничивается евроатлантическим миром и «островками», связанными с ним, на остальной части планеты. А остальная часть планеты выстроилась в шеренги и потрясает оружием.

К такому исходу мир пришел не за один день. Рождение и развитие социального государства заслуживает изучения *ad hoc**, включая не только «вызов», брошенный ассистенциализмом советского типа, но и «Новый курс», и фашизм. В итоге своего исторического пути такое государство представляется незаменимой опорой социально-экономической системы, и его начинают ценить даже его противники: они хотели бы что-то в нем перестроить, но в то же время понимают, как важно его сохранить.

С другой стороны, и демократия знавала славные времена. Пока Соединенные Штаты поддерживали фашистские военные перевороты по всей планете, от Индонезии до Южной Америки (особенно жестокие режимы установились в Чили и в Аргентине) и подводили под это теоретическую базу, утверждая, будто эти диктатуры являются необходимым оплотом борьбы с коммунизмом; распространяли подобный образ действия и на Европейский континент (поддержка «исторического» фашизма на Пиренейском полуострове, установление военной диктатуры в Греции,

* Здесь: само по себе (*лат.*).

помощь «черным» движениям в Италии), демократическое противодействие тоже добилось успехов: от португальской революции до изгнания греческих полковников и «эры Брандта» в Германии; следует упомянуть, хотя бы вкратце, нарушение равновесия не в пользу имущих классов, произошедшее в Италии в обстановке — что не случайно — нового этапа борьбы с фашизмом в конце шестидесятых годов и закрепленное в тексте закона, не без оснований торжественно именуемого «Рабочий статут» и сегодня находящегося под угрозой.

Но подобные взлеты случались лишь время от времени. Демократия (это совсем не то, что смешанная система) — в самом деле, нестабильное явление: это — преобладание (временное) неимущих в ходе нескончаемой борьбы за равенство, а понятие равенства в свою очередь расширяется в ходе истории, включая в себя все новые и новые и все более оспариваемые «права». Хорошо сказал Боббио в 1975 году: «сущностью демократии является эгалитаризм»¹⁸. Последний обнаруживает себя нечасто, в XX веке это произошло на пике борьбы с фашизмом; вообще же более или менее длительный успех эгалитаризма, «прорвавшегося» в смешанный, или, если угодно, полуолигархический режим, кодифицированный классическим либерализмом, почти всегда связан с обострением конфликтов, что с ужасом описывает Платон в знаменитом пассаже из «Государства» (557a). Это — более или менее длительные перерывы в существовании «смешанной» системы. Ближе всех подошел к такому выводу выдающийся исследователь общественного развития Гаэтано Моска. В подтверждение своего тезиса, явно пессимистического, о том, что «демократии не существует», он прибегнул к притче, как он пишет, об отце, который, умирая, поведал сыновьям, будто на семейном поле зарыто сокровище; сыновья перекопали весь участок, сокровища не нашли, но заметно улучшили плодородие почвы¹⁹. Эту басню можно использовать по-разному, например, предположив, что вера в возможное существование демократии сама по себе приводит к по-

ложительным (именно «демократическим») изменениям; она хорошо выражает фактическое *отсутствие* и вместе с тем *необходимость* демократии (разумеется, в ее полном и подлинном смысле).

Такой сдержанный и трезвый пессимизм, наверное, поможет понять, каким образом программно заявленная эгалитарная демократия была отодвинута на задний план даже там, где она представала, так сказать, «вооруженной», не только украшенной тавтологическим определением «народная», но и наделенной орудиями диктатуры именно с целью воплотить в реальность все программные требования.

Драма «народных демократий» проявилась в карьере человека, вся жизнь которого может быть названа символом данного феномена: Владислава Гомулки. Мы помним момент его триумфа, который также представляет собой один из высочайших взлетов демократии в Европе, октябрь 1956 года в Польше. Как же вышло, что в конце своей политической карьеры, завершившейся плачевным провалом, тот же самый человек отдал приказ стрелять в рабочих в Гданьске (декабрь 1970)? Эта проблема не имеет ничего общего с культом рабочего как такового; ее нельзя сбросить со счетов, вспоминая более жестокие расправы, каких капитализм, опирающийся на государственную власть, за свою долгую жизнь продемонстрировал немало (и демонстрирует до сих пор, идя «в ногу» со временем, в конфликтах с полурабской рабочей силой, состоящей из иммигрантов: с ними на Западе разговор короткий: либо стрелять в них из пушек, либо использовать на работах, выполнять которые белый пролетариат больше не желает²⁰). Проблему порождает тот факт, что социально-политические системы, ныне исчезнувшие, называли себя «государствами *рабочих*». Следовательно, такой ответ на беспорядки, имевшие множество причин, в том числе и второстепенных, был ошибочен, к тому же и неэффективен, как показало время.

Наша задача — понять, что именно не сработало, имея также в виду, что «лагерь» противника не мог не оказы-

вать давления, как пропагандистского, так и практического (военно-экономического), которое носило откровенно деструктивный характер. Это должны были знать все те, кто поставил на возможность «социализма в отдельно взятой стране» (что означало борьбу за выживание, даже когда отдельно взятая страна превратилась в систему государств, в окружении мира не только враждебного, но и не расположенного долго «сосуществовать» с собственным «отрицанием»). Все, что не сработало, невозможно поместить в краткий «перечень» недостатков. Конечно, следовало бы проследить по отдельности, не *en gros**, историю различных «народных демократий» и их последовательного, в последнее время ускоренного приближения к «моделям» другой половины Европы (особенно это касается тихого возникновения из рядов старых партий, окружавших правящую, *подлинных* партий, которые в конце концов — как ХДС в Восточной Германии — пришли к власти). Но настоящая причина нестабильности и волнений была одна: зрелище вновь возникшего неравенства, в формах одновременно нищенских и кастовых, тем более оскорбительных на фоне скудного благосостояния. Напрасно было бы упираться на тот факт, абсолютно справедливый, что благосостояние мира-витрины (процветающего Запада), которое самой своей привлекательностью нарушило равновесие и завоевало общественное мнение «социалистических» стран, зиждется на эксплуатации остальной планеты. Этот факт услужливые пропагандисты-журналисты нашего Запада ежедневно пытаются скрыть. Но это не объясняло и не оправдывало материальные привилегии всех разновидностей «номенклатуры» по сравнению с металлургами Гданьска или советскими шахтерами. И было бы неразумно придерживаться мнения, что эти системы для самого своего существования должны были прибегнуть к «номенклатуре», имеющей привилегированное положение, ибо этот аргумент не только ничего бы не стоил в глазах тех, кто страдал от такого

* В целом (*лат.*).

неравенства, но и представлял бы собой признание полной несостоятельности системы.

Формирование «нового класса», как его определяли, было не «прискорбной необходимостью», а началом преобразования, в результате которого произошла мутация — на первый взгляд неожиданная — постсоветской России в царство самого дикого капитализма на базе мафии: эта страна сейчас представляет собой яркий образец нового мирового лика капитализма. Процесс длился долго, его предпосылки можно найти еще в «стахановском» движении. Элен Каррер д'Анкосс пишет:

Прежде всего Сталин распространяет (1934) на рабочие массы понятия элитарности и привилегий, что создает в обществе иерархию. «Стахановское» движение одновременно позволяет ему замаскировать политику социальной дифференциации и воспользоваться рабочим соревнованием для пересмотра норм производства. /.../ В самом деле, уже с 1932 года предшественники Стаханова выделяются из «толпы». Первыми «ударниками» на фабриках и заводах власть никак не манипулировала /.../. /Зато после 1934 года/ стать *ударником*, попасть в новую привилегированную категорию сделалось перспективой, которую *партия открывала* перед избранными представителями рабочей массы, а не путем, которым рабочая масса в целом могла бы идти.

Так, стахановское движение — последний штрих к модели общества, сложившегося при Сталине. Сталинское общество — вовсе не община равных, в нем главенствуют «лучшие», чья квалификация оправдывает, на всех уровнях, престиж и привилегии.

Но тут мы касаемся другой основной черты сталинизма: *ненадежности положений и привилегий*. Сталин явился создателем неудержимо растущей бюрократии, в рамках которой все, кто обладал хотя бы крупницей власти, могли рассчитывать на сугубый престиж и на четко определенные привилегии, в общем и целом признанные; но он же систематически уничтожал эту бюрократию. В этой системе обладатели привилегий всегда находились под угрозой чисток, то есть изгнания из мира привилегированных!

Партия и представляет собой наглядную картину такой «перемещаемости»!

В послесталинскую эпоху этот процесс, разумеется, заметно ускорился. Главное, что формирование нового класса внутри на первый взгляд последовательно развивающейся системы представляло собой фактор эрозии самой системы, которая в конце концов раскололась, как внешняя скорлупа, под натиском организма, уже преобразившегося с точки зрения общественных отношений. В 1968 году Александр Гершенкрон в статье «Историческая последовательность» выражал свои сомнения по поводу СССР:

Если то, что происходит в этой стране, — эрозия диктатуры, то процесс идет так медленно, что его почти невозможно уловить. Нельзя предвидеть ни его длительности, ни степени обратимости; так или иначе, опыт прошлого не дает нам никаких указаний на этот счет. Новая история достаточно ясно показывает, каким образом диктатуры стремились обеспечить свою стабильность, и отмечает их катастрофические крушения; но, не считая неоднозначного случая Турции Кемаля, медленная и постепенная трансформация современной диктатуры была бы совершенно новым историческим фактом, как, собственно, новым фактом является то, что она продержалась в России больше пятидесяти лет²².

Парадокс заключается в том, что чудовищный исторический продукт распада СССР и появления мафии в течение почти целого десятилетия назывался на Западе наконец-то демократической Россией. Не совсем ясно, что происходит там в последнее время: то ли очередная стычка между новыми олигархами, то ли авторитарная, в некотором роде неосоветская попытка хоть как-то ограничить власть вездесущей мафиозной олигархии.

Жестокий удар по риторическим заверениям в том, что демократия снова торжествует в Европе (от одного 89-го года до другого) был нанесен уже более чем десятилетней историей постсоветской России. Долгое царствование Бориса Ельцина было на самом деле диктатурой, направляемой из Соединенных Штатов. Прежде всего это относится к обстрелу Парламента в 1993 году²³. События развивались в драматической последовательности: Ельцин

распустил парламент, парламент низложил его, назначив на его место вице-президента Руцкого; Ельцин ответил обстрелом. Другим выдающимся событием были президентские выборы 1996 года, когда ЦРУ, непосредственно управляя всей выборной игрой, довело Ельцина от 2% на предварительных опросах до победы во втором туре, благодаря, в том числе, операции «Лебедь» (так звали подставного кандидата, националиста и популиста, в задачу которого входило не допустить победы в первом туре кандидата от коммунистов). Ельцин не только дискредитировал все и всяческие демократические процедуры, но и установил — в стиле позднего Брежнева — личную и прямую власть своего семейного клана дельцов и паразитов. Режим, укрепившийся после его ухода со сцены, на Западе хвалят или ругают в зависимости от того, как проявляет себя новый президент, Путин, во внешней политике. Стоит ему отклониться от директив США в области международных отношений, как большая, средняя и малая печать покорно, с готовностью провозглашает, что режим, главою которого является Путин, «не демократический».

Джозеф Стиглиц из Колумбийского университета, нобелевский лауреат по экономике (2001) и советник Клинтона, заметил:

Десять лет назад российский парламент, Дума, попытался низложить президента Бориса Ельцина, открыв период застоя и противостояния, который закончился семь месяцев спустя, когда Ельцин приказал обстрелять из танков здание Думы. Победа Ельцина определила, кто будет править Россией с этого момента, и кто будет творить ее экономическую политику. Но был ли выбор экономической политики, сделанный при Ельцине, в самом деле подходящим для России? Переход от коммунизма к капитализму в России после 1991 года должен был привести страну к беспрецедентному процветанию. Но этого не случилось. Когда произошел обвал рубля в августе 1998 года, производство уменьшилось почти наполовину, а бедность среди населения возросла с 2% до 40%.

Успехи России после этой даты впечатляют, однако же ее ВВП все еще на 30% ниже, чем в 1990 году. С приростом по

4% в год российской экономике понадобится по меньшей мере десять лет, чтобы вернуться к уровню, на котором она находилась, когда коммунизм потерпел крах.

Переходный период длиною в два десятилетия, в течение которых бедность и неравенство растут в огромной пропорции, в то время как немногие богатеют, никак не может называться победой капитализма и демократии²⁴.

Можно было бы задаться вопросом, почему столь трезвая оценка появилась так поздно, ведь Клинтон был президентом как раз с 1992 по 2000 год, то есть в то самое десятилетие, которое Стиглицу сегодня справедливо кажется безобразным. Но именно способность создавать, доводить до масс или скрывать реальность посредством совершенного информационного механизма есть одно из основных орудий победившего «свободного мира». Это, конечно, дело «техники», но, может быть, именно из-за подобных технологий такие «большие» и в пределах пустые слова, как свобода и демократия, приобрели форму и заключили в себе содержание, какие мы видим сегодня.

ЭТО И БЫЛА «НОВАЯ ИСТОРИЯ»?

На этот раз я сказал: «С сегодняшнего дня начинается новая эра в истории мира, и вы можете утверждать, что присутствовали при этом».

Гете «Кампания во Франции»

Симона Вейль: — Почему вы приказали стрелять в моряков Кронштадта?

Троцкий: — Вы из Армии Спасения?

*Симона Петреман
«Жизнь Симоны Вейль»*

Новая история Европы заключена, или развернута, между двумя датами-эмблемами, которые должны — согласно различным точкам зрения — помочь отыскать в ней смысл или даже составить некий промежуточный эпилог. Называются разные пары дат, соответствующие различным концепциям, которые, что очевидно, предлагают различные деления и периодизации. Первая пара — 1789/1917; вторая — 1789/1989.

В первом случае мы имеем идею *движения в каком-то направлении* с целью добиться лучшего. В основе ее лежит понятие об историческом характере всех политических форм, включая «парламентскую демократию». Во втором случае — взгляд, или, если угодно, идеологию, построенную на исконном, вневременном превосходстве «парламентской демократии», и убеждение в том, что в задачу всех народов входит раньше или позже достигнуть этой великой цели, начиная с народов Европы, где и родилась такая модель на все времена. Согласно такой перспективе, все, что происходило между установлением модели парламентарного строя (пусть еще несовершенной) по окончании четверти века, заключенной в рамки 1789–1815 годов, и ее полной победой в 1989 году, не что иное, как «отклонение», временное затмение. С «лучезарным» двухсотлетним юби-

леем не только история, но и политическое моделирование приходят к своему завершению. В первой периодизации, напротив, вместе с оптимизмом, изначально присущим идее прогресса (это — тоже своего рода вера), наблюдается и критическое начало, побуждающее расшифровать то, что скрывается за фасадом различных режимов, за их самопрезентацией. Этот критический порыв заставляет постоянно пытаться, существует ли или нет связь, соответствие между «словами» и «делами».

Для Маркса и Энгельса социализм был делом «первого мира». Из их произведений видно, что они осмыслили историю прошлого и возможные трансформации единственно в отношении самых передовых стран Европы (Франции, Германии, Англии) и США. Остальная часть мира была в их глазах «отсталой». Они предвидели, что именно в центре индустриального, передового Запада капитализм «производит своих собственных могильщиков», то есть рабочий класс: он свергнет власть капитала и встанет во главе той самой передовой индустриальной системы, в строительство которой капитализм внес такой колоссальный вклад. Они добавляют, что, освободив себя, рабочий класс освободит и других эксплуатируемых; и завершают свой призыв к борьбе обращением к «пролетариям всех стран»; но под этими странами подразумевают прежде всего страны «первого мира».

Однажды, уже после 1848 года, Энгельс написал, что такая далекая, древняя и «отсталая» страна, как Китай, сможет включиться в подобное (им предвидимое) историческое движение тогда, и только тогда, когда на Великой Китайской стене появятся три слова, заповеданные Французской революцией: *Liberté, Egalité, Fraternité* — Свобода, Равенство, Братство. То есть Китай должен был гигантскими шагами догонять «буржуазную демократию», и лишь после этого социализм мог встать для Китая на повестку дня.

В 1848 году казалось, будто до социализма подать рукой; в самом деле, Маркс и Энгельс в этом году видят его

не как далекий, расплывающийся горизонт, но как *нечто, находящееся рядом, в злобе дня, в полноте настоящего момента*. Это было ошибкой. И Парижскую коммуну 1871 года ждал плачевный конец. Диоскурам от социализма не нравилось, когда реальность опровергала их планы; не любили они и проповедовать ради будущего, скрытого за горизонтом. Поэтому они очень быстро освоили горькое искусство объяснять свои ошибки (или, лучше сказать, чужие) и никому не давали спуска. Им также пришлось вступить на новый путь, не похожий на прежний, — долгий, утомительный путь повседневной политической борьбы, политической и профсоюзной; предвыборных кампаний, конгрессов партии и т. п.

Срок восстания, к которому призывал коммунистический «Манифест» 1848 года, отодвигался. Рождался социализм как субъект не только общественной, но и парламентской борьбы. И Энгельс, несомненно, был самым авторитетным его оракулом.

Абсолютно непредвиденным, скандальным с любой точки зрения был русский октябрь 1917 года, когда власть взяли социал-демократы—большевики, маленькая партия, прекрасно осознававшая свою роль «якобинского» авангарда и готовая вести за собой массы, пусть и в отсталой стране, царской России, к тому же после нескольких месяцев (февраля — октября 1917) «буржуазной демократии». Это явилось такой новостью, настолько не сочеталось ни с чем, что можно было прочесть у Маркса и Энгельса, что Антонио Грамши написал тогда знаменитую статью «Революция против Капитала» (имея в виду «Капитал» Маркса, «опровергнутый» всем, что происходило в России).

Последующая история оказалась трагической, как и само рождение революции. Порожденная жесточайшей войной 1914 года, революция с самого начала подвергалась постоянным нападениям. Запад выступил *manu militari*, как во времена «коалиций»: еще и поэтому большевики чувствовали себя героями нового 1793 года. Революция пере-

жила внешнюю интервенцию, гражданскую войну, бесконечные заговоры, но вышла из всего этого преображенной, точнее, искаженной. Это и был подлинный успех ее противников, что проявилось через много лет. Еще и поэтому Черчилль назвал Ленина «великим ренегатом», а Кроче на последних страницах своей «Истории Европы» (1932) предугадал, что революционеры, пережившие героические испытания, в конце концов сами разрушат то, что создали.

Страшное испытание, каким явилась вторая и еще более жестокая война, развязанная нацизмом, превратила «государство рабочих» в идеологическую империю (по большому счету, с Россией произошло почти то же самое, что и с Францией после Кампоформио). Война, следовательно, стала ее *habitat**. В эту войну СССР не намеревался вступать. Сталин сначала пошел «ленинским» путем, оставаясь вне войны между державами Запада (пакт 1939 года); потом оказался втянут в нее вследствие нападения Германии и способствовал спасению Запада от гитлеровцев. Помощь в спасении Запада — одно из самых значимых его свершений; Запад даже задним числом, в исторических изысканиях, не выражает ему благодарности, хотя симпатизирует, по крайней мере в плане литературном, Троцкому — тот в мае 1940 года от имени Четвертого интернационала призывал совершить революцию на Западе и в колониях, уничтожив «демократии», которые он называет «мясниками второй мировой войны, такими же, как Гитлер»¹.

Особого рассмотрения заслуживает проблема репрессий *внутри* русской, затем советской коммунистической партии. Чтобы осознать весь размах репрессий, а до них и самого конфликта, следует иметь в виду, что действия оппозиции (Троцкого, Каменева, Зиновьева) вели к настоящему расколу, в некотором роде схизме. Такие конфликты, когда партия совпадает с «политическим обществом» и пронизывает собой все общество в целом, превращаются

* Свойством (лат.).

в гражданские войны. Так было в Китае во времена «культурной революции». В случае личного противостояния между Сталиным и Троцким и полемики по поводу «линии партии» драматическое развитие конфликта было нетрудно предугадать: о нем писал еще Ленин в своем так называемом «завещании»².

Очевидно, что в пылу борьбы, да и намного позже, высказывания противников друг о друге полнились ненавистью; те и другие были далеки от беспристрастной историографической интерпретации фактов. Для большинства сталинцев противники представляли собой кучку предателей и саботажников, а для большинства троцкистов сталинское большинство было хуже термидорианцев.

Тем не менее *сутью* вопроса был *раскол* в партии, которая только что захватила власть революционным путем, а следовательно, скрытая (иногда и явная) гражданская война, видимой стороной которой стал длиннейший период репрессий. Раскол все же имел место, хотя Сталин и тешил себя иллюзией, будто смог сдержать его разрушительные последствия, *постепенно* подрывая авторитет Троцкого (вплоть до его изгнания из СССР). Расчет Сталина, его тактика «малых шагов» была направлена на то, чтобы к моменту открытого разрыва иметь выгодную позицию внутри партийного «аппарата». Но это не слишком изменило характер последствий: катастрофический, болезненный раскол отразился на партийных массах. Троцкий слишком хорошо знал ремесло революционера, он был абсолютно уверен в своей правоте, в том, что он действует ради спасения революции, и считал само собой разумеющимся, что он не должен отступать ни перед чем ради победы; даже — не исключено — перед попыткой государственного переворота накануне парада в честь десятилетней годовщины революции (7 ноября 1927 г.).

Этот эпизод довольно противоречив.

Подробный рассказ о нем приводит Курцио Малапарте в начале своей книги, изданной в Париже в издательстве Грассе в 1931 году, «Technique du coup d'état» [«Техника го-

сударственного переворота»]. Первые две главы полностью посвящены Троцкому, автор описывает все его действия: в первой главе (с. 13–66) речь идет о взятии власти в октябре 1917 года; Малапарте восхищается Троцким как создателем «военной» техники захвата власти, как раз и опробованной в Петрограде; во второй главе (с. 67–105) описывается провал — десять лет спустя — аналогичной троцкистской попытки, на этот раз направленной против Сталина. Троцкий не раз довольно жестко выступал против Малапарте: уже на первой пресс-конференции, устроенной им на Западе после изгнания (Копенгаген, октябрь 1931)³; тому же вопросу посвящена пара страниц последней главы его «Истории русской революции»⁴ (Берлин, 1933). В том же году, что и «Техника государственного переворота», вышла биография Сталина Эссад-Бея: там тоже несколько раз говорится, правда без подробностей, о «перевороте», который готовил Троцкий в сентябре — ноябре 1927 года⁵. В письме из Турина к издателю Грассе 22 декабря 1930 года Малапарте о своих источниках изъясняется неопределенно: «à Moscou /1929/ j'ai eu l'occasion de m'entretenir avec les hommes les plus en vue de l'Urss»⁶. В итальянском издании (1948, репринт 1994) главы о Троцком были убраны из начала, где они бросались в глаза, как это было в первоначальном издании, и переставлены в середину: так, глава о попытке «переворота» стала главой XII⁷. Как в рассказе Малапарте, так и в передаче Эссад-Бея то, что произошло в Москве 7 ноября 1927 года, то есть троцкистские демонстрации во время празднования десятилетней годовщины революции, разогнанные силами правопорядка, предстают скорее как ловкий маневр, чем как бесславный конец неудавшегося «переворота». Упоминая об этих событиях, Эдвард Халлетт Карр ссылается единственно на рапорт начальника ГПУ Менжинского от 9 и 10 ноября 1927 года⁸. Менжинский, имя которого не раз встречается

* «в Москве /1929/ мне довелось общаться с самыми видными людьми СССР» (фр.).

у Малапарте по ходу повествования, видимо, и является одним из его основных источников.

Но великие антагонисты, Троцкий и Сталин, оба по противоположным причинам, дали сокращенную версию событий: Сталин в коллективном, написанном под его руководством «Кратком курсе истории ВКП(б)»⁹, а Троцкий в своей автобиографии¹⁰. Несомненно, Троцкий отрешивался от славы путчиста. Поэтому он и дал резкую отповедь Малапарте в «Истории русской революции»¹¹, хотя безудержные восхваления его необычайных тактических способностей должны были ему льстить. (Малапарте ему, и только ему приписывал успех Октябрьской революции; знаменательно, с фактографической точки зрения, что рассказ Малапарте об октябре 1917-го совпадает, особенно в том, что касается выдающейся роли Троцкого, с рассказом самого Троцкого в автобиографии, вышедшей в июне 1930 года и в Германии, и во Франции, и в Италии)¹². Естественно, что Сталин со своей стороны — его пересказ событий октября 1917 года есть чистая фальсификация — стремился представить оппозицию 1927 года кучкой безответственных авантюристов, утаить их подлинную силу и серьезную опасность, которая от них исходила. Наконец, Исаак Дойчер во втором томе своей трилогии о Троцком много говорит об агитации против Сталина, которую открыто вела оппозиция в те критические месяцы конца 1927 года (вряд ли возможно поверить, чтобы Троцкий сдался без борьбы)¹³, но ему не были известны документы Менжинского, хотя они были опубликованы в том же самом году в «Вопросах истории» (6, 1959). Очевидно также, что, будучи предан своему герою, Дойчер решил игнорировать книгу Малапарте, хотя не мог не знать ее. Таким образом, эти события еще ждут своей подлинной исторической реконструкции.

С 1927 по 1940 год вокруг этого конфликта вращалась история не только партии, но и всего советского общества, не говоря уже о партиях, входящих в Коминтерн. Итальян-

цы, немцы и другие пережили тот же раскол, испытали на себе аналогичные методы.

Лион Фейхтвангер, выдающийся романист, еврей, бежавший в Соединенные Штаты, писал о «больших процессах» в Москве:

Большинство этих обвиняемых были, в первую очередь, конспираторами, революционерами; всю свою жизнь они были страстными бунтовщиками и сторонниками переворота — в этом было их призвание. Все, чего они достигли, они достигли вопреки предсказаниям «разумных», благодаря своему мужеству, оптимизму, любви к рискованным предприятиям. К тому же они верили в Троцкого, обладающего огромной силой внушения. Вместе со своим учителем они видели в «государстве Сталина» искаженный образ того, к чему они сами стремились, и свою высшую цель усматривали в том, чтобы внести в эти искажения свои коррективы¹⁴.

Эта зарисовка, очень реалистичная и в то же время исполненная уважения, помогает понять и глубину разногласий, и непримиримый характер конфликта.

«Мы думали, — говорит Альчиде Де Гаспери в июле 1944-го, — что процессы сфальсифицированы, свидетельские показания вымышлены, признания исторгнуты под пыткой. Но объективные американские источники утверждают, что речь не идет о фальшивке, что саботажники были не вульгарными мошенниками, а конспираторами — идеалистами старой школы /.../, которые готовы были встретить смерть, лишь бы не приспособливаться к тому, что для них было предательством первоначального коммунизма»¹⁵. Не столь знаменательно, что Де Гаспери говорит такие слова, как то, что источником информации явились Соединенные Штаты.

В 1933 году известный славист Этторе Ло Гатто в XVII томе «Итальянской энциклопедии» написал, что Максим Горький был «певцом пролетариата задолго до того, как в России установилась диктатура пролетариата». В энциклопедии, в которой Джентиле хотел максимально

воплотить интеллектуальный потенциал фашизма, понятие «пролетарской диктатуры» не могло получить позитивного освещения. Слова Ло Гатто, таким образом, на малом конкретном примере показывают более широкий и значительный феномен, то есть тот факт, что долгое время СССР вызывал противодействие *именно потому, что был пролетарской диктатурой*. В двадцатые и тридцатые годы именно такой (негативный) взгляд на СССР распространяла пропаганда, исходящая и от либеральных, и от фашистских правительств. (Возможно, итальянский фашизм в этом плане имел свою специфику, ибо присматривался особенно внимательно к советскому опыту.) После 1947 года отношения между СССР и Западом переходят во вторую фазу, и правительства, более или менее правомерно называемые «демократическими», отныне критикуют СССР за то, что он *не является* (вариант: *больше не является*) страной пролетарской власти, превратившись в арену деятельности новой олигархии. Такое представление повторяет, почти буквально, образ СССР, распространяемый троцкистами уже в двадцатых и тридцатых годах, когда расхожим был диагноз другого типа.

На эту смену понятий повлиял целый ряд факторов, которые в обобщенном виде можно было бы представить так:

а) изменения, произошедшие в советском обществе в послесталинскую эпоху: все более глубокая трансформация классовых отношений, в результате которых к власти приходит класс пара-собственников, формировавшийся внутри системы по мере того, как она отпускала поводья и ослабляла давление, ранее препятствовавшее образованию новых классов;

б) ожесточенная полемика «левого коммунизма» с советским компромиссным вариантом;

в) начиная с конца двадцатых годов полемика, рисующая СССР в «термидорианских» терминах, со стороны троцкистского Интернационала. Она нашла отклик в среде влиятельных интеллектуалов как в США, так и в Южной Америке;

г) разрыв с социалистическими партиями. Это произошло очень скоро. Уже в ходе Октябрьской революции и сразу после, с роспуском Учредительного собрания в начале 1918 года, европейский социализм, даже левого направления, заклеил советский эксперимент как «элитарный» и «террористический»; как диктатуру *над* пролетариатом, а не пролетариата. В 1929–1930 годах раскол углубился, когда VI конгресс Интернационала провозгласил лозунг борьбы с «социал-фашизмом». «Народные фронты» (1936) привели к болезненной перестройке партий, а сами впоследствии заглохли и после Второй мировой войны окончательно исчезли с горизонта;

д) превращение всех этих критических выпадов в орудие идеологической борьбы: публицистика и пропагандистская машина использовала их для того, чтобы расстроить единство в рядах противника.

Для всякой значительной революции наступает момент, когда появляется целая лавина историографических трудов, стремящихся доказать, что она вовсе «не была революцией». Причин для такого умаления достаточно, но все их, наверное, можно разделить на две категории: 1) исследуемая революция не достигла своих целей, то есть ее вершители, придя к власти, проводили совсем не ту политику, во имя которой захватили власть; либо же 2) революция потерпела поражение, поскольку по истечении более или менее длительного периода попытки радикальных нововведений провалились и произошел возврат к предшествующему строю.

Нередко эти два диагноза переплетаются или накладываются один на другой. Например, относительно Французской революции имели распространение обе теории: революция, утвердившая — сбросив феодальные и клерикальные цепи и оковы — права на свободу, очень скоро принялась эту свободу ожесточенно истреблять, куда ожесточеннее, чем прошлый режим. Эта критика вызывала различные, часто пристрастные возражения; они в основном различались

тем, имел ли в виду ученый, который их сформулировал, все развитие революции или только один из ее этапов. Например: до выборов в Конвент, или до Вальми, или до ареста короля, или до объявления жирондистов вне закона, и так далее революция следовала по правильному пути, а *потом* (начиная с одного из вышеприведенных событий или с какого-то еще) выродилась в свою противоположность.

Что же до умаления другого типа (это явление не было революцией, ибо в какой-то момент был восстановлен предшествующий строй), то и такой упрек, как всем известно, бросали в адрес Французской революции: ведь и в самом деле, после окончательного поражения Бонапарта наступил период полного восстановления *ancien régime*. Ясно, что и это по видимости объективное соображение легко разбить, если вспомнить, как быстро сбросила растущая буржуазная Франция ветхую кору так называемой «Реставрации». Если с такой «реставрации» начинается новая история с присущей только ей явной, оригинальной динамикой развития, очевидно, что стрелки часов истории вовсе не были переставлены с 14 июля 89-го года: так могло показаться только на первый взгляд. Следовательно, несмотря на слишком даже неприкрытый возврат к прошлому, революция — пусть уничтоженная, пусть посмертно оскорбляемая и осмеиваемая — изменила лицо и сущность как Франции, так и Европы. История, вершившаяся *после*, была другой, поскольку перед нею имело место это великое трагическое событие, которое уже из-за одного этого нельзя сводить к «поражению». Подобный вывод, сделал, однако, в книге «Прошлое одной иллюзии» (Париж, 1995) Франсуа Фюре, посвятив свой труд защите следующего тезиса: «русская революция закончилась ничем».

Напротив, эта революция, с точки зрения международных отношений, явилась началом возрождения России как великой державы после унижений, какие она претерпела от японцев, а потом от немцев, что, собственно, и привело к крушению империи; кроме того, именно она начала цепную

реакцию (Венгрия, Германия, Китай и т. д.); то была первая революция, в которой «пролетарская» партия приняла на себя всю полноту власти, имея и силы, и намерение пользоваться ею в течение длительного периода и чрезвычайными средствами; это также и самый поразительный опыт освободительной борьбы в отсталых странах (так сказать, первая *не эфемерная* революция «третьего мира»). И в самом деле, она вызвала в «третьем мире» движение даже более широкое, чем то, родоначальником которого явился Ганди. А если мы на мгновение примем точку зрения правящих кругов великой державы (Германии), с которой Россия в то время вела войну, тогда Октябрьская революция покажется нам не чем иным, как крайней точкой распада царистской военной машины, полномасштабным мятежом, неожиданным стратегическим успехом: Германия давно добивалась его, и некоторое время всем казалось, что это определит перелом в ходе войны — известно, что высшее командование кайзера помогло Ленину (знаменитый поезд) в его революционной деятельности, поскольку Людендорф и его люди считали ее весьма полезной для германской военной стратегии. Но если Людендорф полагал, что Ленин будет полезен для Германии, и отчасти так оно и вышло, то, бросив взгляд в прошлое, следует согласиться с тем, что Ленин оказался прозорливее Людендорфа: он лучше, чем его могущественный «собеседник», понял, что, пересекая Германию, пусть даже и в немецком поезде, он наносил удар тому же Людендорфу, поскольку победа большевиков в Петрограде, подрывая «внутренний фронт» в Германии, привела к тому, что через год над Рейхстагом взвилось красное знамя.

Воспринимая исторический процесс как непрерывный поток, мы можем лишь путем *произвольного абстрагирования* разбить его на периоды, и это заставляет учитывать, что бы ни говорили мистики «революционного разрыва», такое неоспоримое явление, как преемственность; усматривать, даже в случаях революционной ломки, наличие

элементов последовательности в глубине процессов, пусть даже и находящихся в фазе ускорения. В таких случаях в первое время последовательность, образно говоря, прячется в тени и на передний план выступают элементы разрыва с прошлым. Это происходит не только благодаря волюнтаристской воспитательной деятельности («революционному воспитанию»), но и потому, что те же самые люди, которые впоследствии вернутся к обычному поведению и привычной ментальности, способны — в момент революционного взрыва — на время превзойти себя и принять образ действия, достойный того «нового человека», создать которого обещает каждая революция. Революция пользуется именно этими наивысшими моментами коллективной психологии, ведь они не длятся долго, а следовательно, к моменту отката нужно подготовить вторую линию обороны, траншею поближе к тылам. Это объясняет, например, преданность «делу» голодающих народных масс в России начала двадцатых по контрасту со скукой и скепсисом советской молодежи, тоскующей в семидесятые и восьмидесятые годы по западному обществу потребления. Последовательность, этот возвратный толчок к традиции находится, следовательно, внутри субъекта. Всегда существовала и существует «человеческая природа» — так называли ее и греческие историки, и Макиавелли, — и во всех исторических перипетиях она тверда, как гранит.

Но существует также и «коллективная» последовательность структур (материальных и ментальных): так, централизм французской монархии брезжит в самой сердцевине якобинской революции, что ясно увидел Токвиль; старая Россия Охранки и ссылок видится и в огне гражданской войны белых и красных, и в длительной фазе последующей диктатуры. А поскольку власть осуществляют люди, конкретные личности, конкретные образчики «человеческой природы», эти две последовательности в конце концов соединяются: те же самые чиновники, по убеждению или приспособляясь к обстоятельствам, приобретая более или

менее поверхностный лоск, воплощают их **в собственных** персонах.

Культурная ограниченность русской революции, которая не могла не обернуться и ограниченностью практической, состоит в том, что ею руководили люди, глубоко убежденные в исключительности наступившей эпохи, сулящей скорый и неизбежный конец капитализму. Вся их деятельность проходит под знаком этого заблуждения; с такой точки зрения ее легко можно объяснить. И ведь имелись, в самый трагический, решающий период первого мирового конфликта — осенью 1917 года, когда, если не учитывать Америку, все без исключения воюющие великие державы были ввергнуты в отчаянный кризис, военный, социальный и нравственный, — имелись в этот момент, во многом уникальный в европейской истории, предпосылки для такого заключения. Отсюда и обострение напряженности (возврат к старым спорам 1914 года) в рабочих и социалистических движениях воюющих стран, и столкновение между теми, кто продолжал считать кризис существующего строя, потрясенного войной, серьезным, но не окончательным, и теми, кто, наоборот, полагал, будто пробил час эпохальных перемен.

Крушение центральноевропейских империй, падение стольких королей, явная неспособность правящих кругов «либеральной» Европы справиться с послевоенными проблемами — хотя те же самые круги с такой безответственной легкостью привели народы к мировой войне — все указывало на необходимость принятия крайних, совершенно новых решений; заставляло видеть в пути, избранном Россией, единственный выход из кризиса, который уже не только коммунисты признавали эпохальным. Этим объясняется стремительное и повсеместное повышение престижа большевистской России и ее вождей, демонизированных, разумеется, правительствами «победивших» стран (теперь они боялись скорого распространения революции), но оце-

ненных по достоинству широкими народными слоями и наиболее живой, мыслящей и пытливой частью социалистических партий, либо готовых к расколу на сторонников и противников советской власти, либо рассматривающих перспективу присоединения к новому Интернационалу, основанному Лениным (в Италии такое решение приняли максималисты под руководством Серрати).

Другим признаком культурной ограниченности, имевшей прямые политические последствия, отразившиеся на судьбах русского Октября, был преимущественно, если не исключительно, европейский горизонт. Кроме (отчасти) Троцкого, изгнанника, какое-то время прожившего в Америке, люди, руководившие русской революцией, а значит, и мировым коммунистическим движением, не поняли того, что нам сегодня так ясно: великую северо-американскую державу — остававшуюся вне мирового конфликта до осени 1917-го, а после определившую победу англо-французского союза, — не только не затронули материальные лишения, вызванные разрушительной войной; ей, что еще более важно, по существу оказался чужд нравственный и социальный кризис, который в континентальной Европе определил быстрое распространение революции или по крайней мере ее ожиданий. Самая мощная и богатая капиталистическая страна в мире оказалась не затронута кризисом: как же могла революция, произошедшая в России, революция, которую ее творцы считали первым шагом к всемирному восстанию (и только при таком условии — полагали они — она могла добиться успеха), послужить детонатором окончательного крушения капитализма, если тот процветал в своем самом надежном оплоте, в эпицентре империи, фактически совпадавшей с целым полушарием? И этот оплот, взяв на вооружение интервентистскую политику Вильсона, выказал самый живой интерес к судьбам Европы, уже избавленной от перспективы длительной немецкой гегемонии.

В этих двух признаках ограниченности, которые нам легко уловить в свете известных *нам* событий (правда, и в ту эпоху их возможно было предугадать), и коренятся при-

чины неудачи. Неудачи эксперимента, имевшего и героические, и трагические черты; неудачи, не помешавшей, конечно, тому, чтобы революция сама по себе — и государство, от нее произошедшее, — имели свое длительное развитие, свои преимущества и свои недостатки; чтобы она продолжала жить и действовать как исторический факт, как данность, как реальность — не важно, насколько далекая от своих первоначальных целей, от идеологических предвидений и надежд ее творцов.

Когда не подтвердилась гипотеза о том, что русская революция знаменовала собой начало «эры социализма в истории человечества» (эту гипотезу еще в начале пятидесятых годов выдвинул такой крупный историк, как Арнольд Тойнби, в своей работе «Мир и Запад», но после разоблачения Сталина его преемником она была полностью дискредитирована), стало постепенно набирать силу убеждение в том, что эта революция, как и всякая другая, имеет национальный характер и национальные корни. Из данного весьма значимого примера можно сделать вывод, что любая великая страна нуждается в *своей* революции; в событии такого масштаба часто проявляются универсальные характеристики или устремления, но в итоге начинается процесс преобразования или роста *этой* определенной национальной реальности, которая породила революцию, или, заимствовав идею, укоренила ее в себе.

Можно наблюдать, как универсальным идеологиям — от Реформации до «Декларации прав» 1789 года и до социализма — предстоит стать «национальными», чтобы укорениться и длиться в мировой истории в тесном переплетении с историями национальными. Знаменательно географическое распространение Реформации, которая укореняется в Германии, в Англии (где превращается в национальную церковь), в некоторых кантонах Швейцарии, но замирает во Франции, потому что там католицизм образовал «галликанскую» церковь (то есть, с определенными оговорками, национальную). В момент наибольшей опасности якобин-

ская революция спасается, прибегая к идеологии «отчизны» (*nation* и *patrie** — слова, мобилизующие сильное активное меньшинство на ее защиту; более действенные, чем *république***, понимаемая, впрочем, как синоним *patrie*).

И для русской революции этот процесс, уже заметный в формулировке «социализм в отдельно взятой стране», консолидируется с установлением планового хозяйства и с честью выдерживает проверку в войне 1941–1945 годов («Великой Отечественной», как ее называют и сегодня); эта Отечественная война показала внешнему миру, насколько глубоко проникли корни революции в национальную почву. Сталинский выбор (единственно реалистичный) в пользу *России как таковой*, державы среди других держав (что *обязывает* придерживаться определенной линии поведения) был настолько решительным, уверенным и бескомпромиссным, что, как мы имеем все основания думать, на горизонте этого политика перспективы Интернационала (окончательно распущенного во время войны, в мае 1943 года) уже растворились в тумане. То был практический урок истории, под фактами которой оказалась погребена форсированная идея, типичная для XIX века.

Так подтверждался, самым болезненным образом (в рядах коммунистов произошел раскол, свидетели которого до сих пор живы), ранее упомянутый исторический закон: во время революций любая идея становится в действительности лишь *ингредиентом* явления, не учитываемого в начале и определяющего в конце — внутреннего роста, новой роли в мировой политике, усиления или настоящего возрождения нации. В случае России показательно возвращение в сталинскую эпоху к *русской традиции как таковой*: от актуального прочтения «Войны и мира» до фильмов Эйзенштейна («Александр Невский», «Иван Грозный»). «Сдвиг» в национальном направлении с великой

* Нация и родина (фр.).

** Республика (фр.).

трезвостью заявлен самим Сталиным (не случайно это произошло сразу после победы над Троцким во время съезда): он решительно ставит *на первое место*, объявляет задачей революции уже не *распространение ее идей вовне* (поражения в Германии и в Китае оказались сокрушительными), а чисто *внутреннее* дело — избавить Россию от ее вековой отсталости. И аргументирует эту задачу, обращаясь к прецеденту, представленному Петром Первым¹⁶. Правда, добавляет, что, несмотря на доблестные усилия великого царя, ни один из старых классов не оказался на высоте задачи, и заключает: «Вековую отсталость нашей страны можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства». Вот полный отрывок из его выступления перед ЦК ВКП(б) 14 ноября 1928 года:

Технико-экономическая отсталость нашей страны не нами выдумана. Эта отсталость есть вековая отсталость, переданная нам в наследство всей историей нашей страны. Она, эта отсталость, чувствовалась как зло и раньше, в период дореволюционный, и после, в период пореволюционный. Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости. Вполне понятно, однако, что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме. Вековую отсталость нашей страны можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства¹⁷.

Как раз это впоследствии и произошло: подъем России *через такой социализм* (государственный капитализм, социалистическое соревнование, плюс к тому, в самые жестокие годы, каторжный труд огромных масс «врагов народа»). Когда отсталость была «ликвидирована», и СССР превратился, пережив переходный период, в современную

индустриальную державу, распалась рамка, внутри которой это «чудо» произошло («за двадцать лет была проделана работа двадцати поколений», — писал Дойчер)¹⁸; еще и потому, что напряжение, какого требовала подобная работа, не могло продержаться дольше, чем жизнь двух поколений. «Не случайно, — писал в 1932 году Артур Розенберг на финальных страницах своей «Истории большевизма», — с 1921 года Советская Россия неуклонно движется вперед, и в эти же самые годы коммунистический Интернационал без конца отстывает». Не случайно также, скажем мы, слегка затронув тему, заслуживающую гораздо более внимательного изучения, что именно эта книга Розенберга привлекла внимание Джованни Джентиле и была переведена в его издательстве «Сансони» в 1933 году. Итальянский фашизм, беспощадно преследовавший итальянских коммунистов, проявлял как раз в те годы более чем «любопытствующее» внимание к уже сталинской России именно в связи с поворотом к национальному, который обозначил Сталин («по преимуществу практический темперамент», как о нем написано в «Итальянской энциклопедии», в статье без подписи, ему посвященной)¹⁹. Еще яснее подтверждает такое мнение фашистов отчет, который Итало Бальбо представил о своей довольно успешной миссии в СССР; в нем, в частности, выделяется место, где Бальбо замечает, что «Интернационал», в то время государственный гимн СССР, поют «как гимн расы /.../, выражающий волю к власти, особенно присущую русской нации»²⁰.

Дойчер мечтал, сразу после смерти Сталина, что, стоит опасть «коросте» принудительной системы, как на волю вырвется «подлинный» социализм. Он не понимал, что пережитый опыт был не отступлением, а правилом; тем социализмом, который реализовал себя, таким, каким он вышел из всех вообразимых (гражданская война, идеологический раскол) и невообразимых (внешняя агрессия) испытаний именно потому, что отождествил себя с делом национального возрождения и тем самым утвердил свое право на существование. Именно поэтому он и не смог sic

et simpliciter* пережить «исполнение» проекта. Страна, находящаяся в авангарде науки, проникнутая самой высокой массовой культурой, какую только знала история, не могла уже, словно несмышленное дитя, жить под опекой карикатурной брежневской автократии.

Сталин ясно видел, что его модель непригодна для экспорта на Запад, но еще более знаменательно то, что задним числом, спустя двадцать лет, он осознал, что революция была невозможна на Западе и в 1917 году. Это отмечает Димитров в своем «Дневнике», в записи от 7 ноября 1939 года²¹. Нашумевшие — в свое время — «национальные пути социализма» были, если подумать, прямым следствием из «социализма в отдельно взятой стране». Каждый мог, или даже должен был, попытаться отыскать свою дорогу.

Таким образом, особого внимания заслуживает связь между революциями и ведущими идеями тех эпох, когда эти революции происходили. Такой исторический экскурс помог бы понять, почему великие лидеры, взявшие на себя важную национальную роль, говорили на определенном языке, пробуждавшем активность масс в ту или иную эпоху; и почему со временем их непреходящее значение все более связывалось с их ролью национальных лидеров и все менее с идеями, которые они провозглашали. Оба фактора воплощались в них, переплетаясь и смешиваясь в разных пропорциях.

Нелегко прийти к какому-то заключению, но, возможно, не будет слишком рискованным утверждать, что «революции» оставляют в основном тот след, какой запечатлевается в национальной жизни (и в сопряженном с ней культурном ареале). Вот самая весомая причина того, что «реставрациям» никогда не удастся стать, даже если на первый взгляд у них это получается, истинным возвратом *ad pristinum***.

* Так вот, попросту (лат.).

** К отправной точке (лат.).

Кажется почти бесчеловечным рассуждать об «аналитических ошибках» и «культурных ограниченностях», когда речь идет о событиях, в ходе которых каждая из таких «ошибок» могла принести страдания и смерть человеческим существам. Однако подобные соображения можно приложить не только к русской революции, но и к любому насильственному фактору изменения, а из подобных факторов и сплетается история, включая историю христианства.

В декабре 1815 года в Париже появилось монументальное двухтомное сочинение под названием «L'Europe tourmentée par la Révolution en France» [«Европа, жертва революции во Франции»], где предлагалось, в конце второго тома, нечто вроде «Черной книги», или «Tableau ou inventaire effrayant de la Révolution» [«Картина, или перечень ужасных деяний Революции»]. Черная книга разделена на периоды (Конвент, Директория, Консульство, Империя) и на рубрики (гильотина, внешние войны, войны Бонапарта и т. д.), а в конце приведен итог, неизвестно как подсчитанный, — 8 526 476 «*morts par la Révolution*», «жертв революции». Автором, скрывшимся под инициалами Л.П., явился бывший ультрареволюционер Луи-Мари Прюдом (1752–1830), который в те бурные годы считал, что своими прокламациями, развешанными по улицам Парижа, он заставляет трепетать монархов половины Европы. История повторяется: Куртуа и его товарищи по «Черной книге» завербовали в свою команду немало «бывших». Мы не знаем, однако, бросили ли они, приступая к делу, взгляд на столь сходное во многих аспектах прошлое.

Нельзя требовать от людей, даже самых прозорливых, чтобы они сверхчеловеческим образом превзошли масштабы своего времени и присущие ему страсти. При отстраненном историографическом исследовании теряется ощущение «необходимости» — да простят мне этот детерминистский термин — событий подобной значимости. Если бы такие события можно было свести к беспочвенному, волюнтаристскому капризу кучки фанатиков, они бы скоро исчерпали себя. Поэтому мы позволим себе употребить ко многому

обязывающее слово «необходимость». Роль историографии при описании и этой, и прочих ключевых тем вовсе не состоит в приукрашивании событий. Она не может не преследовать одну-единственную цель: чтобы в глубине времен не потерялось то, что мало-помалу тускнеет, отдаляясь от нас: возможность понять — как говорил Тревельян, — почему люди в данных обстоятельствах поступали именно так, а не иначе²². Вряд ли можно счесть серьезной позицию человека, который задним числом понимает все: она типична для вневременной легкости либерального мышления, чьи суждения вечно не поспевают за временем.

История всех революций учит нас, что всякий насильственный разлом рано или поздно срывается. И русская революция не является исключением.

ЭПИЛОГ

Термин «демократия» прожил три коротких века, причем на обочине политической мысли, в Древней Греции, с 500 до 200 года до н. э., а потом фактически исчез из Западного мира на очень длительный период и начал медленно возрождаться гораздо позже: Французская революция освятила его (по крайней мере, на той части Европы, которую англичане называют Континентом). На Британских островах он употреблялся в смысле скорее отрицательном до самого конца XIX века. Еще два века назад Кант писал в своей книге «Вечный мир» / «Zum ewigen Frieden», 1795/, что демократия — путь, ведущий к деспотизму. Исключительное внимание к собственной культуре, до сих пор характерное для Западного мира, является причиной того, что у нас нет серьезных исследований, посвященных другим формам понимания и проведения политики (в классическом смысле этого термина) в цивилизациях, отличных от нашей, и это часто заставляет нас решать ложную дилемму «демократия или диктатура».

Раймон Паниккар
«Основания демократии»

Драматическое величие геродотовского диалога о формах правления состоит в том, что *все* аргументы, постепенно высказываемые его участниками, взаимно исключают друг друга. *Исторически* побеждает Дарий, а вместе с ним и монархическая гипотеза. Геродот это знает и подчеркивает. И мы узнаем это от него. Но с точки зрения *аргументации* победителей нет. Аргументы Отана *против* монархии в конце *не опровергнуты*, наоборот, Мегабиз подтверждает их правоту! Когда слово предоставляется Дарию, он приводит различные доводы в пользу монархии, но они большей частью носят эмпирический характер (самый сильный из них тот, что две другие системы рано или поздно выливаются в монархию); однако он не оспаривает

по существу того, что сказал первый из собеседников (Отан) и подтвердил второй (Мегабиз): а именно, того, что монарх является потенциальным тираном. Нужно также отметить, что даже он, Дарий, поборник монархии, с самого начала признает, что *все три режима* «хороши в совершенном виде».

Таким образом, лишь один аргумент заставляет склониться в пользу монархии: а именно, подмеченный Дарием факт, что, вырождаясь, две другие системы рано или поздно приходят к монархическому решению. Весь спор вертится вокруг фактора «вырождения»: он по-разному проявляется в каждой из двух моделей и вместе с тем задает движение, определяет конституциональный «цикл» (вырождение одного приводит к установлению другого). То, что такое движение останавливается на монархии, подразумевается, но не доказывается Дарием.

В Афинах подобные споры, должно быть, нередко вспыхивали среди политической элиты: достаточно вспомнить диалоги, в которых Платон и Ксенофонт изображают Сократа, вступающего в дискуссию с различными собеседниками. Новым у Геродота является не рассматриваемый материал, но скорее — как уже было сказано — обескураживающий прием: перенести этот спор в Персию. В Афинах — особенно в военное время — существующая политическая система не обсуждалась *публично*: значит, по крайней мере с этой точки зрения перенесение диалога в Персию могло быть — для автора — более безопасным. Можно было, правда, устроить *escamotage*: поставить этот вопрос на театральной сцене (даже и там — с определенными предосторожностями). Еврипид это сделал по меньшей мере один раз, в «Просительницах» (трагедии, написанной, вероятно, после 424 г.), вставив туда странный спор между царем Тесеем, которого афинская патристическая легенда считала основателем демократии, и фиванским герольдом, который идет на провокацию, бросая афинянину в лицо вопрос: «Кто здесь тиран?» Вопрос на самом деле означает (приблизительно): «кто здесь командует?»

Дискуссия, следующая за этим, — совершенный образец «диалога глухих»: Тесе́й расписывает прелести строя, при котором «правит народ»; герольд, никем не оспариваемый, поднимает проблему «некомпетентности» народной власти: такую ее критику Геродот вкладывает в уста и Мегабиза, и Дария. И у Еврипида в смысле аргументации в этом споре нет ни победителей, ни побежденных. Греческая, или, скорее, афинская мысль достигла более высокого уровня, осознав, что *политические формы сами по себе мало что значат*. Аристотель еще более последовательно утверждал необходимость доходить до сути вещей, когда отделил понятие демократии от понятия численного большинства.

Бабёф в своей газете часто использует формулировку *«République une et démocratique»**, в то время как обычная якобинская формулировка была — в том числе и в официальных документах — *«une et indivisible»***. Слово «демократия» нечасто встречалось в политическом лексиконе Революции. Те люди охотнее говорили о «равенстве», «свободе», «республике», «родине», «доблести»; они называли «тираниями» все другие правительства и «амбициями» — политические методы противников. Они употребляли слово «диктатура» как синоним «тирании», не особенно разбираясь в историческом значении терминов. 25 сентября 1792 года Робеспьеру пришлось защищаться от обвинения в том, что он «установил диктатуру»¹. А когда случился государственный переворот 9 термидора II года, заговорщикам удалось настроить Конвент против «тирана». Пожалуй, излишне напоминать, что слово «демократия» не встречается ни в американской конституции, ни в конституциях, которые последовательно принимались Первой французской республикой.

* «Республика единая и демократическая» (фр.).

** «Единая и неделимая» (фр.).

Токвиль назвал себя — в своем дневнике — поборником свободы и противником демократии²; в своей книге об Америке он описывает этот феномен — американскую «демократию» — не для того, чтобы ее превознести, а для того, чтобы, так сказать, приучить европейцев, принадлежащих к его кругу, к горестной неизбежности такого пути развития, который приводит к демократии. В Англии, по крайней мере до конца XIX века, это слово употребляется — вспомним Паниккара — «в смысле скорее отрицательном». Да и в Италии мыслитель и политический деятель, яркий выразитель (для некоторых до сих пор действительно яркий) либерального менталитета, — Бенедетто Кроче, — осторожно относился к этому слову и особенно к его употреблению *in bonam partem**. Он хорошо понимал, что «демократия» — не политический строй, а такое отношение между классами, когда чаша весов склоняется в пользу «преобладания демоса», как сказал бы Аристотель. Знаменателен сдвиг, произошедший в результате жестокого, но поучительного опыта, каким явился фашизм: партия, которая в Италии до установления фашистского режима называлась «Народной партией», вновь появилась на свет под наименованием «Христианская демократия». Такое название, возникшее в пылу полемики с фашистским популизмом, несло в себе новые, богатые смыслы, более новые и богатые, чем название «*républicain populaire*»**, принятое французской партией, гомологичной итальянской Христианской демократии. Но очень скоро «демократия» взяла на себя — как это было в двадцатые годы в Германии и в других местах — роль полемического оппонента «социализму» (или «коммунизму»), особенно во время утверждения «социалистических» режимов в Восточной Европе.

Это стало великим пропагандистским завоеванием для западного лагеря: шутка ли, полностью присвоить себе

* В хорошем смысле (лат.).

** «Народная республиканская» (фр.).

такое слово, невзирая на то, что все западные страны в действительности двигались семимильными шагами к ничем не сдерживаемому господству свободной торговли и уже нарастили государственный аппарат (а иногда рядом с ним и теневой), готовый на все ради борьбы с «коммунизмом». То, что все это можно было определить как «демократию», явилось для них даром с небес.

Такое недоразумение сильно исказило политический язык. Прав был Розенберг, когда в последней книге, которую он опубликовал в Германии перед тем, как покинуть ее, «Демократия и диктатура в «Государстве» Аристотеля», пояснял, что «демократия» не является синонимом «парламентарной системы», и что, по сути дела, Россия в первый год революции была «демократией», а современная ей Третья французская республика — «олигархией»³. И за век до этого такого же направления мысли придерживался мэтр либерального конституционализма Карл Венцеслав фон Роттек, когда в «Государственном лексиконе» отмечал, что, строго говоря, в конституционном государстве должна была бы править одна партия: демократическая⁴.

Дело в том, что, поскольку демократия — не *форма* и не *тип государственного устройства*, она может присутствовать, или присутствовать лишь частично, или отсутствовать, или утверждаться вновь в условиях самых различных конституционно-политических *форм*.

В этом и состоит — если хорошенько взглядеться — глубинный смысл загадочного геродотовского диалога.

В конце концов — или при нынешнем порядке вещей — лучшей судьбы удостоилась «свобода». Она забивает демократию. Свобода, разумеется, не для всех, а для тех, кто в состязании выказал себя более «сильным» (будь то нации, регионы либо люди); свобода, которую защищал Бенжамен Констан в своей знаменательной хвалебной речи «богатству», «одолевающему любое правительство»; или свобода, добытая в бою, как ее понимают члены нью-йоркского неонацистского общества «Рыцари свободы»⁵. Иначе и быть

не могло, ибо свобода имеет некое небезопасное свойство: она либо является тотальной — проявляется во всех сферах бытия, включая личностное поведение, — либо ее нет совсем; и всякий сдвиг в пользу менее «сильных» приведет к ограничению свободы всех остальных. В этом смысле отвечает истине вывод Леопарди о неразрывной, неизбежной связи между свободой и рабством. Леопарди считал, будто почерпнул эту мысль из трудов Ленге и Руссо, но на самом деле это его заслуга, вершина *его* философии. Ленге и Руссо до такого не договариваются. Эта мысль полностью подтвердилась только в настоящее время, после того как оказались тупиковыми пути, указанные Марксом, и провалились соответствующие эксперименты. Рабство, разумеется, распределено по всей поверхности Земли, умело рассредоточено и скрыто под бодрими лозунгами СМИ.

Вот что пишет Леопарди в своем «Зибальдоне»:

Философы и публицисты давно подметили, что истинная и совершенная свобода какого-то народа не может поддерживаться, даже не может существовать, не пользуясь внутренним рабством. (Так у Ленге, думаю, и у Руссо, в «Общественном договоре», кн. III, гл. 15, и у других. Можешь посмотреть также «*Essay sur l'indifférence en matière de religion*» [«Очерк о безразличном отношении к вопросам религии» Ф.-Р. Ламенне], гл. X, место, где в примечании приводятся слова Руссо вместе с двумя строками автора). *Из всего этого они заключают, что отмена свободы произошла от отмены рабства, и если сейчас нет нигде свободных народов, это потому, что больше нет рабов.* Это утверждение, если взглянуть пристальнее, ложно, ибо свобода была утрачена по другим причинам, всем известным, о которых я упоминал сто раз. *Гораздо вернее будет сказать, что отмена рабства произошла от отмены свободы,* или, если угодно, то и другое произошло от одних и тех же причин, но только таким образом, что первая предшествовала второй, и по смыслу, и фактически. *Вывод, повторяю, ложен, но принцип необходимости рабства именно для свободных народов неоспорим*⁶.

Возвращаясь к тому, с чего мы начинали, отметим, что доблестные страсбургские законодатели, старательно пи-

шущие «европейскую конституцию», что-то вроде правил совместного проживания в привилегированном квартале мира, полагали, будто, извлекая на свет Перикла, произносящего эпитафию, они всего лишь выполняют риторическое упражнение, но, сами того не желая, попали в самую точку. Пресловутый Перикл в самом деле с некоторой опаской говорит о демократии и больше всего ценит свободу. Они прибегли — не зная того — к самому благородному тексту, какой только можно было найти, не для того, чтобы привести кусок поучительной риторики, а для того, чтобы сказать то, что *действительно* нужно было сказать. А именно, то, что победила свобода — в мире богатства — со всеми ужасными последствиями, какие принесла и еще принесет всем прочим эта победа. Демократия же осталась в других эпохах; о ней когда-нибудь задумаются, начав все сначала, другие люди. Может быть, уже не европейцы.

Послесловие

Эта книга, вышедшая в Англии (издательство «Блэк-уэлл»), в Испании («Критика»), во Франции («Сей»), была отвергнута — несмотря на первоначальное одобрение — мюнхенским издательством «Бек». В оправдание такого серьезного решения было приведено три аргумента: 1) «the complete silence about the Gulag»; 2) «your description of the Hitler-Stalin Pact»; 3) «you put the Adenauer-government more or less on the same level as Franco's dictatorship». — 1) полное молчание относительно ГУЛАГа; 2) ваше описание пакта между Гитлером и Сталиным; 3) то, что вы ставите правление Аденауэра примерно на ту же доску, что и диктатуру Франко. Пункты 1 и 2 определялись как «crucial point», основной пункт.

Привожу эти замечания по-английски, поскольку в таком виде мне их прислали в письме от 22 июля 2005 г. Когда полемика по этому поводу разгорелась в немецких, итальянских, испанских, греческих, швейцарских, североамериканских газетах, замечание № 2 приобрело следующую форму: «Canfora spricht etwa davon, daß es ein Mythos sei, daß mit dem Hitler-Stalin-Pakt die Teilung Polens vorbereitet worden ist» (интервью Детлефа Фелкена, главного редактора (Cheflektor) издательства «Бек», газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» от 16 ноября 2005 г., с. 35). Это означает: «В сущности, Канфора утверждает, будто тот факт, что раздел Польши последовал за пактом между Гитлером и Сталиным, является не более чем мифом».

Любопытно, и вместе с тем, наверное, симптоматично, что эта грубая выдумка (я никогда не писал подобной ерунды!) не была сообщена непосредственно мне, а запущена через газеты. Мы еще вернемся к этому вопросу. Пока достаточно сказать, что неверный перевод («den Mythos einer Aufteilung Polens zu konstruieren» вместо «было нетрудно создать миф о Польше, «разделенной» между Гитлером и Сталиным» /с. 252/) лежит в основе этой надуманной претензии. Помимо всего прочего, вся страница, в которую входит данная фраза, посвящена именно тому факту, что Польша *подверглась разделу*, а также «сокрушительному» удару, какой нанес коммунистическому движению и европейскому антифашизму «пакт» 1939 года*.

Прежде чем продолжать, укажем еще на одно знаменательное явление. В 1993 году появилась очередная книга серии «Становление Европы»: Чарльз Тилли «Европейские революции (1492–1992)» с обычным предисловием Жака Ле Гоффа; ее выпустили практически одновременно все издательства — участники проекта. В указанной книге на страницах с 301 по 320 приведена краткая история СССР начиная с Октябрьской революции. Так вот, в данной главе не только не встречается ни разу слово ГУЛАГ (или соответствующее понятие), но единственным упоминанием о сталинских репрессиях является следующая фраза: «В тридцатые годы система консолидировалась /.../. И все же чистки 1937 и 1938 гг. обнаружили насильственный характер этой консолидации» (с. 309). На той же странице читаем: «При Сталине Советский Союз сформировался как удивительно слаженное многосоставное целое». И немного ранее: «Сталин осуществил нечто вроде революции сверху,

* Таким образом, «миф» здесь означает не «выдумка», а высшая степень обобщения, способствующая безраздельной концентрации внимания и односторонней, безапелляционной оценке рассматриваемых фактов. Я имею в виду «миф» как «идеологизированное представление о реальности» (см. Sabatini-Coletti, *Dizionario della lingua italiana*, статья *mito*). (Прим. автора).

при первых проблесках революционной ситуации — то есть намечающегося раскола в советских структурах» (абсолютно то же самое утверждаю и я на с. 351–352 данной книги). Что же до раздела Польши, Тилли рассматривает его в связи с «политическими разногласиями между Советским Союзом и новыми независимыми государствами, образованными у его северо-западных границ» (с. 308). Следующая за только что процитированной фраза звучит так: «Оккупация Советским Союзом половины Польши (1939), поражение Финляндии в русско-финской войне (1939–1940) и последующее урегулирование отношений между двумя странами, а также вступление в военные альянсы, за которыми последовало присоединение к СССР Латвии, Литвы и Эстонии, привело к коренным изменениям в этих государствах» (с. 309). Наконец, чудом эвфемизма представляется оборот, описывающий послевоенную историю Восточной Европы: «Особое значение имело использование советских войск для подавления диссидентских движений в Венгрии, Чехословакии и Польше»* (с. 311).

Эта книга была безо всяких проблем опубликована издательством «Бек», одним из участников серии «Становление Европы», сразу после английского и итальянского изданий, в том же 1993 году, под названием «Europäische Revolutionen». И переиздана точно в том же виде в 1999-м. На суперобложке значится: «*Revolutionen sind die Locomotiven der Geschichte (Marx)*» [«Революции — локомотивы истории» (Маркс)]».

Из сказанного со всей очевидностью следует, что яростное неприятие моей книги имеет под собой какие-то другие основания. Тем более что мои суждения о фактах, таким образом представленных у Тилли, носят не столь олимпийский характер. Приведу пример. На заключительных страницах книги, предваряющих Эпилог, я писал, имея в виду историю СССР: «Кажется почти бесчеловечным рассуждать

* Строго говоря, в Польшу советские войска не входили. (Прим. автора).

об «аналитических ошибках» и «культурных ограниченностях», когда речь идет о событиях, в ходе которых каждая из таких «ошибок» могла принести страдания и смерть человеческим существам» (с. 368). И добавлял, что подобные соображения можно приложить «к любому насильственному фактору изменения», из которых «сплетается история, включая историю христианства».

Невероятно, но меня обвинили в том, что я будто бы ловко выкрутился, к месту упомянув «отсталость». Д-р Фелкен писал в «Corriere della Sera» от 18 ноября 2005 г., что я употребляю «терминологию, которая оскорбляет убитых женщин, мужчин и детей, объясняя жертвы отсталостью»!

За несколько страниц до этого (с. 351), в той же самой главе, я с восхищением вспоминал предвидение Бенедетто Кроче: в конце своей «Истории Европы» (1932) философ утверждал — по поводу СССР и его лидеров, — что рано или поздно «революционеры сами разрушат то, что создали»*. На той же странице Кроче, истинный историк, также написал: «Этим мы ни в коей мере не умаляем ни необходимости, следуя которой, русские революционеры были вынуждены избрать такой, а не иной путь, ни величия того труда, который они предприняли в сложившихся условиях и довели до конца». Я опустил эти слова (во многом отдающие должное советскому опыту), ибо, коль скоро этот опыт уже завершился, было гораздо важнее заострить внимание на прозорливости историка, чем упомянуть Кроче в числе тех, кто, пусть и находясь в противоположном лагере, имел мужество подойти к этому важнейшему историческому событию с пониманием, а не только с отвращением.

Основная идея, высказанная Кроче на этих страницах, относящихся к далекому 1932 году, состоит в том, что «коммунизм, который, как говорят, воплотился в реальность и явил себя в России, *вовсе не коммунизм*» (с. 356),

* В. Croce, *Storia d'Europa nel secolo decimonono*, Laterza, Bari 1932, p. 357. (Прим. автора).

а *специфический этап истории России*: раз этот этап закончился, необходимо подвести итоги, ступая по зыбкой почве соответствий между словами и вещами.

Такой вывод — в целом он совпадает с выводом Артура Розенберга в его «Истории большевизма», книге, вышедшей в том же самом году, — давно кажется мне наиболее приемлемым и близким к истине. Поэтому им и завершается последняя глава книги, не зря носящая название «Это и была «Новая история»?». Я, конечно же, отсылаю читателя к «Кампании во Франции» Гете, к его суждению очевидца о битве при Вальми, которое открывает главу (с. 348) вместе с мучительным вопросом, который Симона Вейль задает Троцкому: пророчество Гете тем самым оказывается поколебленным, ставится под вопрос. Ведь надо иметь в виду, и этим завершается глава, что «революции», эти ускорители истории, эти ее «локомотивы», в конечном итоге поглощаются и преображаются национальной историей, национальной спецификой, коренным образом меняя свое первоначальное значение. Вывод представляет собой апорию*, но все же зиждется на твердом убеждении в том, что нигде и никогда не бывает полного возврата *ad pristinum*. Когда радикальный переворот и фактура национальной истории встречаются, сталкиваются, переплетаются в конце приведенного в движение процесса — еще до того, как образ революции, представляющей саму себя, разрушится окончательно, — рождается нечто *небывалое и непредвиденное*: плод «истории», которая никогда не возвращается к отправной точке, уже почти ничем не похожий на «революцию», зачавшую его.

Такой взгляд на предмет исследования может показаться убедительным или нет, но — это очевидно — он весьма далек от апологетического. Поэтому уже не изумление, но тошноту (в том смысле, какой выражает греческое слово *βδελυρῶ*) вызывают у меня нападки, предметом которых я

* *Апория* — умозрительная логически верная ситуация, которая не может существовать в реальности. (Прим. ред.).

стал (хотя, разумеется, я отдаю себе отчет в том, что мир несколько больше Баварии). Была развязана кампания в печати («Süddeutsche Zeitung», «Die Zeit», «Neue Zürcher Zeitung», «Die Welt», и с запозданием в несколько дней «Wall Street Journal»), перепевающая в основном следующие мотивы: мою книгу нельзя публиковать, ибо автор ее замалчивает преступления Сталина; отрицает, будто имел место раздел Польши (sic!) и рассуждает о СССР и Сталине в духе «публицистики отошедшей в небытие Восточной Германии». Меня обвиняют также в том, что в моей книге, в главе 12 («Европейская гражданская война») восхваляется пакт Молотова–Риббентропа. Между тем в данной главе я неоднократно и совершенно недвусмысленно повторяю (полемизируя с искаженным толкованием событий, к какому прибегала советская сторона с июня 1941 года), что «это было стратегическое решение, а не тактический ход» (с. 251); что последствия его были «сокрушительными»; что Анджело Таска первым серьезно исследовал этот вопрос; что Молотов, выступая на заседании Верховного Совета (31 августа 1939), дошел до того, что заговорил об «идиотическом антифашизме» (с. 253).

В комичном виде, как всегда, предстали толпы полужнаек, которые, в глаза не видев того, что в книге действительно *написано*, бросились рассуждать, *основываясь на измышлениях, пущенных в оборот*. Венцом этой сюрреалистической симфонии стало выступление одного автора, который предложил «подвергнуть систематической проверке» все мои сочинения и выявить наконец, целиком и полностью, все отклонения, ошибки, умолчания, огрехи («Corriere della Sera», 24 ноября 2005 г., с. 41).

По поводу всех этих событий возникает по меньшей мере два вопроса: 1) так ли история СССР и тех европейских стран, которые вошли в его орбиту после 1945 года, важна для книги, посвященной *бытованию демократии в Европе*; 2) как издательство, обладающее некоторым

престижем, в чем не откажешь компании «Бек», могло «дойти до такого», говоря словами Джакомо Леопарди.

Отвечая на первый вопрос, мы имеем под ногами более-менее твердую почву. Когда Жак Ле Гофф, составитель серии «Становление Европы», прочтя мою предыдущую книжицу, тоже изданную в «Латерца», под названием «Критика демократической риторики»*, неоднократно и со всей ответственностью просил меня написать этот том, он дал мне совет — совершенно справедливый — рассмотреть в нем не только Западную Европу, но и другую половину континента, которой часто пренебрегают вовсе или говорят о ней обобщенно. Его доводы убедили меня. Мне как историку показалось необходимым не только рассказать, как, начиная с 1789 года, через якобинский эксперимент, бонапартистскую авантюру, появление либеральных олигархий, мало-помалу, путем противостояний и революций, на Западе утвердилась парламентско-представительная модель; описать кризис этой модели на рубеже XIX и XX веков (до «самоубийства» либералов, все более и более подпадавших под обаяние фашизма); но и, копнув поглубже и не впадая в пропаганду, показать, как в разгар кризиса либеральных режимов, объятых бурей «Великой войны», большевики выдвинули неоякобинскую гипотезу, а затем последовательно отрекались от самой ее сути, — вплоть до Эпилога, о чем я сказал ранее. Мне показалось также необходимым рассмотреть, как уже в масштабе всей планеты, соответствующем возрастающей «унификации» человечества, неоякобинцы-большевики после победы над Гитлером поддались искушению пойти путем, уже разведанным в свое время французскими революционерами, то есть путем *экспорта* собственной модели в страны-«сателлиты», что вызвало в последних — как и в Европе,

* Она была издана также и во Франции, к сожалению, под грубо искаженным названием *L'imposture démocratique* [«Демократический обман»]. (Прим. автора).

завоеванной Наполеоном, — отторжение, оказавшееся в конце концов неодолимым.

Но, хотя при изложении такого рода необходимо все время обращаться к фактам, очевидно, что оно не может превратиться в *сплошное* (или *полное*) *изложение фактов*. Тип письма, — советовал мне Ле Гофф, — должен быть «очерковым», не «исследовательским». Я, несомненно, последовал этому совету.

В свете вышесказанного глупость тех, кто громко вопрошает, почему нигде на страницах моей книги не говорится о «рвах Катыни», становится очевидной. Интересно, почему бы им не потребовать абзаца о массовых захоронениях в заброшенных шахтах или о расстреле в Порцузе; но, похоже, редакторов «Бека» не интересуют массовые захоронения. Но итальянские-то критики, ополчившиеся на меня, могли бы на этом настоять! Может быть, поставить мне в вину преступное замалчивание английской бомбардировки Дрездена или усмирения французами Алжира, которое стоило жизни 700 тысячам человек; ведь к тому и другому апеллировал, весьма жестко, Бернар-Анри Леви («*Corriere della Sera*», 7 декабря 2005 г., с. 44), резко полемизируя с последней законодательной инициативой французов (закон № 158 от 23 февраля 2005 г.)*, которая гласит: «*Les programmes scolaires reconnaissent en particulier le rôle positif de la présence française outremer, notamment en Afrique du Nord, et accordent à l'histoire et aux sacrifices des combattants de l'armée française issus de ses territoires la place éminente à laquelle ils ont droit*»**. (Фашисты тоже обосновывали нападение на Эфиопию тем, что эта страна изнывала под гнетом рабства и мракобесия — что, конеч-

* Кажется, Ширак собирался изменить этот закон (9 декабря 2005 г.). (Прим. автора).

** «В школьных программах особенно подчеркивается положительная роль французского присутствия в заморских странах, в частности, в Северной Африке; истории борьбы и жертв французской армии, защищавшей эти территории, отводится заслуженное место» (фр.).

но, имело место, — а потом набирали в армию «аскари», чтобы показать, как Итальянская Африка, освобожденная, поставляет бойцов для итальянской «родины».)

Не распространялся я и об ужасающих цифрах работорговли, цифрах, которые заставили бывшего президента Клинтона «просить прощения», как Войтыла просил прощения за всех замученных инквизицией.

Короче говоря, замечания, которые, в перспективе* «общей» истории Европы XVIII–XX веков, я мог бы сделать самому себе за то, что оставил в тени преступления «великих демократий», возможно, были бы куда строже, чем те, что получены из Баварии. Я, конечно, обрисовал вкратце тернистый путь, какой пришлось пройти в парламентах культурной, цивилизованной Европы идеям аболиционистов. Я вспомнил о том, как якобинский Конвент отменил рабство в колониях (февраль 1794); как Бонапарт восстановил это постыдное явление**; как в конце концов принцип свободы и равенства одержал победу в новой французской Палате 1848 года. Но я не мог предвидеть, что через несколько месяцев после выхода в свет моей книги в большой французской печати поднимется дискуссия, в ходе которой Бонапарт — частично, по крайней мере — будет «оправдан»: ведь даже Джефферсон, славный президент США, был «рабовладельцем» (Э. Леруа Ладюри в «Le Figaro» 3 декабря 2005 г.).

Теперь перейдем ко второму вопросу: что же на самом деле вызвало неудовольствие в Баварии, поскольку «обвинения» относительно Сталина, ГУЛАГа и т. д. не имеют под собой оснований? (Учитывая также «прецедент» книги Тилли, которую «Бек» опубликовал не дрогнув.)

Речь идет о главе 14: «Холодная война и отступление демократии». В данной главе я высказал взгляды, по правде говоря, отнюдь не оригинальные: что «холодная война»

* Которая не является перспективой этой книги. (Прим. автора).

** Об этом см. также недавнюю работу Olivier Pétré, *Les traites négrières*, Gallimard, Paris 2004. (Прим. автора).

явилась серьезным фактором *отступления* демократии не только на Востоке, но и на Западе. Примером тому, как известно, послужило «возвращение» бывших нацистов во властные структуры едва родившейся Федеративной Германии. Все это происходило при активной поддержке Соединенных Штатов, особенно когда (1952) государственным секретарем США стал брат Аллена Даллеса, Джон Фостер Даллес. Я припомнил отказ ФРГ официально заявить — чего требовала Чехословацкая республика — о том, что Мюнхенский пакт, заключенный в сентябре 1938 года, утратил силу; также отказ, столь же упорный и внушавший еще большую тревогу политикам, признать границу по Одеру—Нейссе; упомянул я и о том, как немецкая коммунистическая партия была объявлена вне закона; и, наконец, осветил щекотливые «казусы» Зеебома и Глобке.

Сдержанный критик Рудольф Лилл — один из немногих, кто не требовал от меня регулярных припадков бешенства по поводу цинизма Сталина, — указал мне на то, что Аденауэр был *вынужден* принять в свою команду бывшего нациста, не раскаявшегося и помышляющего о реванше, такого, как Зеебом: иначе он не мог рассчитывать на поддержку крайне правых в парламенте. (Зеебом был лидером Немецкой партии (Deutsche Partei) до 1960 г., потом перешел в ХДС, партию Аденауэра, не переставая выступать *в защиту* Мюнхенского пакта)*. Я долго раздумывал над замечанием Лилла и пришел к выводу, что его интерпретация совершенно согласуется с тем, что написал я (в самом деле, кто бы усомнился в антинацизме Аденауэра *uti singulus**?*). Тогда почему же Лилл полагал, будто он критикует, если на самом деле он подтвердил написанное мною? Вот как я это объясняю: зачастую вместо того чтобы судить о книге (мысли и пр.), люди дискутируют о том, что написано в газетах по поводу этой книги (мысли и пр.). Так,

* См. его биографию в *dtv-Lexicon zur Geschichte und Politik im XX Jahrhundert*, Band 3, 1974, p. 722. (Прим. автора).

** Как частного лица (лат.).

кружась в этой неистовой «кадрили», они, в конце концов, обсуждают *то, чего нет*, даже не пытаясь выяснить, что же там есть на самом деле. Предельный случай — обвинение, высказанное по баварской «шпаргалке», будто я написал, что в августе 1939 года *не было* раздела Польши, в то время, как я долго распространялся о «*сокрушительных*» *последствиях* (с. 251–253) означенного раздела!

Но вернемся к истинам, которых нельзя касаться. Говоря о «неудобной» эпохе в послевоенной немецкой истории (обо всех ее перипетиях можно осведомиться в фундаментальном труде Энцо Коллотти «История двух Германий 1945–1968», «Эйнауди», Турин, 1968), я отметил, что США, особенно в те восемь лет, когда у власти был Эйзенхауэр, с равной снисходительностью относились как к франкизму (в обмен на военные базы, которые предоставил Франко), так и к «возвращению» бывших нацистов в Германию. Факт поразительный, особенно если вспомнить ту оправданную суровость, с какой США производили антинацистскую чистку в оккупированной Германии.

Это (очевидное) наблюдение вызвало к жизни пункт № 3, процитированный в начале: «you put the Adenauer-government more or less on the same level as Franco's dictatorship». А ведь я даже не упомянул о казусе Гелена. Рейнхардт Гелен, генерал СС, руководивший «советской секцией» в нацистских шпионских структурах, был завербован Алленом Даллесом еще до окончания войны. Вначале он был *magna pars** в спецслужбах ФРГ (Bundesnachrichtendienst), затем перешел непосредственно в ЦРУ. Статьи, обличавшие «дело» Гелена, были опубликованы в лондонской «Daily Express» 17 марта 1952 г., в цюрихской «Weltwoche» 6 августа 1954 г., в штутгартской «Christ und Welt» 19 августа 1954 г. и так далее. Поразительно, что имя Гелена не упоминается ни разу на 545 набранных убористым шрифтом страницах книги Детлефа Фелкена под названием «Dulles und Deutschland».

* По большей части (*лат.*).

Die amerikanische Deutschlandpolitik 1953–1959» [«Даллес и Германия. Американская политика в Германии, 1953–1959»] (Bouvier-Verlag, Bonn–Berlin 1993).

Не забудем и вклад Симона Визенталя, его замечательной книги «The Murderers Among Us» [«Убийцы среди нас»] (1967, в том же году переведена на итальянский в издательстве «Гарзанти»), в разоблачение пособнической роли, какую сыграло среднее звено властных структур ФРГ в деятельности «ОДЕССы» (организации, защищающей бывших эсесовцев: «Organisation der ehemaligen SS-Angehörigen»)*: без пособничества властей эта деятельность вряд ли была бы возможна.

Думая оскорбить меня, редактор «Süddeutsche Zeitung» сравнил мою работу с трудом Эдварда Халлетта Карра по истории СССР. Карра он обвиняет в том, что этот ученый «неуменно приукрашивает политику Сталина» и считает, что английское правительство проявило особое великодушие и широту взглядов, раз во время Второй мировой войны «Карр имел возможность писать в лондонской «Times», да еще и занимал кафедру»**.

Если оставить в стороне лестный характер подобного сравнения (никогда не следует поддаваться тщеславию), в основе столь оригинального хода лежит, увы, явное невежество. Почти очевидно, что наш редактор понятия не имел, кто такой Карр, какую огромную предварительную работу он проделал, чтобы довести до конца свой труд о первых двенадцати годах существования СССР. Карр никогда не исповедовал никакой идеологии (марксистской либо какой-то еще). Ему повезло — как дипломат, он в двадцатые годы долгое время работал в Латвии, потому и попытался описать *государственную историю* новой формации, возникшей на обломках царской империи. В политических взглядах Карр всегда был либералом и как тако-

* С. 78–95 итал. издания. (Прим. автора).

** J. Schloemann, *Geschichte bauen*, «Süddeutsche Zeitung» от 17 ноября 2005 г., с. 16. (Прим. автора).

вой достиг поста заместителя главного редактора «Times». Его сближение с «левыми» (позиция либерала-диссидента) относится к более позднему времени, к 1942 году, когда СССР уже присоединился к союзникам. В 1953 году он высказался по поводу первых томов своего труда: «Я не ставил себе целью написать историю событий (это уже делали многие другие авторы): меня интересовал политический, общественный и экономический строй, выросший из этих событий». Исторiku позволено самому избирать себе тему, рассматривать под определенным углом объект своего исследования. А значит — если вернуться к примеру, с которого мы начали, — трактовать историю «моделей демократии» в современной Европе без того, чтобы каждый раз пересказывать общую историю Европы (если допустить, что можно без существенных опущений и перекраиваний написать некую историю Европы, вне связи — на самом деле, очень тесной — с остальной частью планеты).

Но если говорят: «ты пишешь, как Карр», намереваясь уничтожить оппонента, данный факт свидетельствует лишь о том, до какого уровня интеллектуальной деградации мы дошли.

Когда несколько месяцев назад в издательстве «Галлимар» вышло исследование Оливье Петре о *traites négrières**, среди многих благоприятных отзывов не замедлили появиться и такие, в которых автора упрекали в том, что он недостаточно высказал свое возмущение по поводу самого феномена рабства. Но, может быть, он должен был «в каждой фразе своей работы давать волю все новым и новым припадкам гнева?» — с вполне оправданной иронией задается вопросом Леруа Ладюри**.

В 1882–1883 годах Джозуэ Кардуччи опубликовал, как всем известно, цикл из двенадцати сонетов под названием «*Са іга*»: страстный, явно идущий вразрез с общепринятыми тогда в Италии взглядами очерк Французской революции, взятой в решающие моменты сентябрьской (1792) резни

* Работорговле (фр.).

** «Le Figaro», 3 декабря 2005 г. (Прим. автора).

и победоносной битвы при Вальми. Вся умеренная, церковная печать восстала. Кардуччи клеймили как «террориста» (то есть апологета робеспьеровского Террора); как защитника кровавого Марата; особенно же ставилось ему в вину — например, в статьях Руджеро Бонги — то, как невозмутимо поведал он (в сонете VIII) о жестокой казни принцессы Ламбаль. Кардуччи был весьма смущен и задет этими нападками. Некий М.Т. (Кардуччи полагал, что то был депутат Марко Табарини) негодовал в «Rassegna italiana»: «Не позабыт, — вещал М.Т., — даже Марат с его всегдашним болезненным пристрастием к крови» (имеется в виду VI сонет: «Марат видит в воздухе темные стаи // Людей с торчащими из груди кинжалами, // И там, где они пролетают, идет кровавый дождь»). «Но можно ли сказать по совести и в здравом уме, — ярился М.Т., — что каким-то образом *послужило делу защиты* /читай, Республики, окруженной войсками Коалиции/ это ненасытное чудовище, неустанно отправляющее жертвы свои на гильотину?»

Кардуччи отвечал: «Я переложил в стихи то, что фактически свершалось в сентябре 92-го года. Фактические свершения сводились к двум: защита родины, вдохновленная славными традициями и героическим духом французского народа; и резня, направляемая страхом и осуществляемая с тем лихорадочным фанатизмом, зловещей легкостью и жестоким легкомыслием, *какие у кельтов в крови /sic/*». Достойная защита, если не считать экстравагантного «расистского» выпада. За несколько лет до того, в другом своем сочинении, посвященном годовщине Вальми, Кардуччи много говорил о Марате, представляя его одним из тех, кто более других чувствует, пропускает через себя многовековые страдания народа, «позор двадцати веков»; поэтому, не забывая о мере, он пытался синтезировать этот монументальный образ, от которого нельзя так просто отмахнуться: «Опыт ненависти и боли // *Отяжелил ему сердце* и растворил чувства: // Он, словно пес, чуял измену и т. д.». Разумеется, тот, кто радостно сбрасывает с себя ужасный груз истории (или высокомерно иронизирует над «филологией металлургов»), не может избежать

сарказма, с которым Троцкий отвечает Симоне Вейль: «Вы из Армии Спасения?». Но добряк Кардуччи, безобидный застольный якобинец, задетый велеречивой критикой Бонги, который чуть ли не приписывал ему соучастие в убийстве злополучной принцессы, с совершенно законным сарказмом вопрошал, не должен ли он написать «сонетишко, полный обычной ругани, радующий школьных учителей и добропорядочных журналистов», например, с жуткой заключительной строкой, адресованной непосредственному исполнителю казни: «О подлый, подлый, подлый, подлый!»*. Короче говоря, тот же отказ от «припадков гнева» в каждой фразе, о котором говорил Леруа Ладюри.

Подобное небрежение и Фукидиду поставил в вину прилежный, но недалекий критик Дионисий Галикарнасский, желая видеть у историка яркое, патетическое описание каждой осады, каждого города, который афиняне предали огню и мечу во время свирепой Пелопоннесской войны («О Фукидиде», главы 15–16). А поскольку в свое время Фукидид не предавался столь бессмысленным словесным ухищрениям, Дионисий, не имея возможности сквозь века заставить его замолчать или же лишить звания образцового политического историографа, закончил свой очерк утверждением, что, вообще-то говоря, Фукидид попросту не владел пером. Любопытно, до чего живуча подобная критика, не загложая за столетия.

Истинная проблема критиков подобного рода, не столько злополучного Дионисия, сколько разных Бонги прошлых и нынешних времен, состоит в том, что сочувствие их простирается в одном-единственном направлении. В их системе ценностей имеется мир, деяния которого никак не могут быть занесены в какие бы то ни было «черные книги»: этот мир Пий XII, Джон Фостер Даллес и Франсиско Франко называли «свободным миром». Темные стороны свободного мира скрываются различными способами, например, того,

* См. G. Carducci, *Ca ira, versi e prose*, Zanichelli, Bologna 1929, p. 104. Предыдущая цитата на с. 88. (Прим. автора).

кто говорит о них, награждают определениями разного рода («апологет третьего мира» — самое частотное из них, хотя оно практически ничего не значит*). Какую же лазейку находит эта безупречная совесть, эта мораль переменного тока? А такую, что в случае «свободного мира» вся грязная работа делается вдали от дома: в Чили, Индонезии, Конго, Центральной Америке, Аргентине, Анголе и так далее, и почти всегда «третьими лицами». Если бы перед нами возникла проблема — многие мои критики все сводят именно к ней — установить, какой режим является наиболее криминогенным, эти характерные черты и следовало бы поставить в центр дискуссии. Было бы неплохо в таком случае припомнить, что Международным уголовным трибуналом Генри Киссинджеру предъявлено обвинение, до сих пор не снятое, за то, что он совершил, и что с его подачи было совершено в Чили; это обвинение документально подтвердил Кристофер Хитченс в книге «The Trial of Henry Kissinger» (2001) [«Суд над Генри Киссинджером»]**. Очевидно и то, что произвольный подсчет жертв время от времени дает осечку, как это случилось и с Робертом Конквестом («Цена коммунизма: человеческие жертвы»), точнее, с данными «Черной книги коммунизма» (число жертв от издания к изданию уменьшается от 100 до 80 миллионов и еще ниже, ускользая за пределы какой-либо серьезной критики)***.

* Один фанатик двадцать лет назад написал на эту тему целый памфлет: Pascal Bruckner, *Il singhiozzo dell'uomo bianco. Una critica demolitrice dei miti terzomondisti*, Longanesi, Milano 1984. (Прим. автора).

** Итал. перевод — Fazi, Roma 2005. (Прим. автора).

*** В этой постыдной книге в миллионах и миллионах советских жертв гитлеровского нашествия обвиняется Сталин, а Брежневу ставятся в вину жертвы партизанской войны в Анголе — войны, инспирированной ЦРУ и развязанной группировкой UNITA, возглавлявшейся марионеточным лидером и преступником Савимби. Серьезные, а не пропагандистские подсчеты по ГУЛАГУ см. в L. Marucci, *Quando gli archivi iniziano a parlare*, "Passato e Presente", XII, 1994, pp. 107–125. (Прим. автора).

Но ведь тема этой книги, если оставить в покое критиков со счетами в руках, совершенно другая. Она состоит в исследовании многовековых попыток, без конца повторяющихся, не похожих одна на другую ни методами, ни предпосылками, воплотить в жизнь — на Европейском континенте, где проблема впервые была поставлена — «народовластие» (то есть демократию). И в то же время — в исследовании поправок и противоядий, призванных ей противостоять: от стратагем античных олигархов до действенного средства, имеющего давнюю традицию и отличающегося исключительной живучестью: мы обычно называем его «смешанной системой». А также, что неизбежно, — в исследовании феномена, ключевого для любого общества и любой государственно-политической модели: непрекращающегося порождения правящей элиты, которая тем быстрее и эффективнее завоевывает позиции, чем более «демократической» (!) признается природа ее власти. Этот закон почитается «железным»; его интуитивно понимал — задолго до современных исследователей «элит» — великий эмпирик Бонапарт (он заметил в одном из отрывков, опубликованных посмертно, что «аристократия образуется даже в рабочих мастерских»).

Такой итог у кого-то может вызвать недовольство, а у кого-то — радость. Больше всего он обрадует олигархов, которые, однако, в нашем мире предпочитают находиться за кулисами, предоставляя парламентской машине (она часто вращается вхолостую) все сценическое пространство: пусть все убедятся, что речь-таки идет о «демократии». Даже когда человек, управляющий экономикой, заявляет грубо, и имея на то все основания, что для него важен «выбор рынка, не избирателей».

Крупный итальянский исследователь социализма Массимо Л. Сальвадори, уделив благосклонное внимание этой моей работе, весьма проникательно заметил: «Он / = автор настоящей книги / не может не осознавать того огромного

значения, какое приобрел крах коммунизма*. Тем более что для него это — крушение тех сил, которые в наш век шли в первых рядах борцов за демократию**.

Сальвадори верно понял смысл этой работы. И правильно расставил акценты, выделив центральную проблему: «жесткие реплики» истории не могут помешать историографу обнаружить отправной пункт. Это верно для христианских церквей в их соотношении с Нагорной проповедью; верно и для «реального» социализма в его соотношении с социализмом чаемым; верно и для самого желанного из идеалов, либерального, который, тем не менее, более других опровергается фактами, если перейти от слов к делам; верно и для демократии (в смысле «народовластия»), которая никогда не существовала (разве только в качестве движущей идеи), как учил — и своих последователей, и критиков — Гаэтано Моска.

Писать ее историю вовсе не означает облачаться в мантию адвоката и тем более судьи. Это означает воспринимать факты как они есть, вне пристрастного и переменчивого представления о них. Иначе нам нечего будет ответить на коварный вопрос, который Вольтер задал историкам: «en quoi êtes vous utile au public?»***

Я закончил эту книгу гипотезой, которая могла бы обернуться пророчеством: демократия может снова воспрянуть, возродиться: эту идею воплотят другие люди, «может быть, уже не европейцы». Однако сегодня перед нами разворачивается широкомасштабное явление, охватывающее «другие миры»; нам трудно было предвидеть его несколько лет назад: попытки внедрить *manu militari* в далекие от нас и неподатливые регионы «западную модель демократии».

* Я в самом деле говорю об этом в главе 16 как об эпохальной катастрофе (то же в главе 13, с. 295). (Прим. автора).

** М. L. Salvadori, *Dove finisce la democrazia*, «La Repubblica» от 3 августа 2004 г., р. 39. (Прим. автора).

*** «Чем вы полезны для общества?» (фр.).

На сегодняшний день результаты плачевны, если подумать хотя бы о способах проведения и о заранее пред-
решенных результатах недавних выборов в Ираке, которые
так шокировали и правых, и левых (левых, наверное, больше,
чем правых). Но вот что любопытно и что указывает
на весьма скромную долю личной свободы, зато высочай-
шую — внутренней цензуры в нашей большой (а также
средней и малой) печати: ни один журналист так и не
вспомнил, что и этические, и логические основания «эк-
спорта демократии» — те же самые, что у пресловутой
«доктрины Брежнева».

Январь 2006 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Пролог

¹ Fisher H. A. L., *Sroria d'Europa* (1935), vol. III: *L'esperimento liberale*; итал. перевод: Laterza, Bari, 1936, p. 143.

² Переизд. под ред. G. Galasso, Adelphi, Milano, 1991, p. 45.

³ *Le memorie di Garibaldi* в окончательной редакции 1872 г., издание Reale Commissione (Ed. nazionale degli scritti di Garibaldi), vol. II, Cappelli, Bologna, 1932, pp. 269 и 266.

⁴ Mack Smith D., *Garibaldi, una grande vita in breve* (1956); итал. перевод: Mondadori, Milano, 1996, p. 165.

⁵ Там же, p. 166.

⁶ Ленин В. И. «Крах II Интернационала», Lenin, *Opere*, Ed. in lingue estere, Mosca, s.d., vol. II, p. 344. [Ленин цит. по: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Издательство политической литературы. Москва, 1967–1981. — Прим. ред.]

⁷ Gramsci A., *Quaderni del carcere*, под ред. V. Gerratana, 4 voll., Einaudi, Torino, 1975, p. 1619.

⁸ Droysen J.G., *Aristofane*. Итал. перевод G. Bonacina: Sellerio, Palermo, 1988, pp. 168–169.

⁹ *Biographie Universelle*, Michaud, Paris, I ed. (1811–28), vol. 44; II ed. (1854–65), vol. 40, s.v. *Suard*.

¹⁰ *Correspondance générale* de J.-J. Rousseau, под редакцией Th. Dufour, vol. XVII, Paris, 1932, p. 157; текст этого письма, сверенный с рукописным черновиком, можно найти и в комментированном издании Leigh R. A., *Correspondance complète* de J.-J. Rousseau, vol. XXXIII, Voltaire Foundation, Oxford, 1979, p. 243.

¹¹ Аристотель, *Афинская полития*, 22, 3.

¹² Аппиан, *Гражданские войны*, II, 122, 514.

¹³ Феодосий Диякон, *De Creta capta*, 257.

1. Конституция в греческом облачении: Греция, Европа, Запад

¹ Геродот, *История*, книга III.

² Lewis G.C., *Qual è la miglior forma di governo?* (1863); итал. перевод: Sellerio, Palermo, 1996.

³ Юлиус Шварц (1838–1900), политический деятель и историк-античник, преподавал в Будапештском университете.

⁴ Tocqueville A. de, *Voyage en Amérique*, в *Oeuvres*, I, Gallimard, Paris, 1991, pp. 243–244.

⁵ Цитируется по итал. переводу *Всемирной истории*, I, Società Editrice Libreria, Milano, 1930, pp. 68–69.

⁶ Leroy-Beaulieu A., *Le Centenaire de 1789*, «Revue des deux mondes», 93, 1889, pp. 860–904. Цитируется по итал. переводу: *Brindisi al 1789: la Rivoluzione francese all'Esposizione di Parigi*, Bottega dell'antiquario, Roma, s.d., pp. 65–66.

⁷ Цитируется по «New York Daily Tribune» от 25 июня 1853 г.

⁸ Tocqueville A. de, *Scritti, note, discorsi politici*, под ред. U. Coldagelli, Bollati Boringhieri, Torino, 1994, p. 13.

⁹ Lewis, *Qual è la miglior forma di governo?*, p. 71.

¹⁰ Furet F., *Penser la Révolution française* (1978). Итал. перевод: *Critica della Rivoluzione francese*, Laterza, Roma–Bari 1980, pp. 8–9: «Мне мила мысль о бесконечно более долгой истории Французской революции».

2. Свидетельство о рождении: демократия в Древней Греции

¹ Ван Эффентер высказал такое предположение по поводу агоры в Малии на Крите: *Fouilles exécutées à Mallia. Le centre politique: l'Agora* («Etudes crétoises», 17), Paris, 1969.

² Utčenko S.I., Diakonov L.M., *Social Stratification of Ancient Society*, Nauka Publ. House, Moscow, 1970.

³ Фукидид, VIII, 63, 5.

⁴ Фукидид, VIII, 48, 6.

⁵ Labriola A., *Socrate*, новое издание под ред. B. Croce, Laterza, Bari, 1909, pp. 9–10.

⁶ Выражение принадлежит Артуру Розенбергу: *Demokratie und Klassenkampf im Altertum*; (итал. перевод в *Il comunista senza partito*, Sellerio, Palermo, 1984, pp. 133–134).

⁷ Розенберг, в *Il comunista senza partito*, p. 131.

⁸ Следует, несомненно, учитывать философские разногласия по поводу рабства, которое иные, в особенности софисты (Гиппий, Антифон), считали противным природе. Смотри по этому вопросу, например, Vogt J., *Sklaverei und Humanität im klassischen Griechentum*, Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Wiesbaden, 1953, pp. 172–173.

⁹ Tod M. N., *A Selection of Greek Historical Inscriptions*, voll. I–II. Clarendon Press, Oxford, 1946–48, пг. 96.

¹⁰ Tod, *A Selection*, пг. 97.

¹¹ Jander K., *Oratorum et Rhetorum Graecorum nova fragmenta*, Berlin, 1913, пг. 32.

3. Как вернулась в игру и как в конце концов сошла со сцены греческая демократия

¹ Существуют в итал. переводе под ред. Marco Revelli: *Putney: alle radici della democrazia moderna. Il dibattito tra i protagonisti della "Rivoluzione inglese"*, Baldini & Castoldi, Milano, 1997.

² Об обращении к «античным республикам» английской политической культуры того времени см. Strumia A. M., *Autorità e potere: le repubbliche antiche nell'Inghilterra del XVII secolo*, в *I linguaggi politici delle rivoluzioni in Europa XVII–XIX secolo. Atti del convegno (Lecce, 11–13 ottobre 1990)*, под ред. E. Pii, Leo S. Olschki, Firenze, 1992, pp. 67–74.

³ *Putney*, итал. перевод под ред. Revelli, p. 75.

⁴ *La formazione degli Stati Uniti d'America*, vol. I, под ред. A. Aquarone, C. Negri, C. Scelba, Nistri-Lischi, Pisa, 1961, pp. 70; 114–115; 121.

⁵ Dahl R., *How Democratic is the American Constitution?* Yale Univ. Press, New Haven–London 2001 (итал. перевод: *Quanto è democratica la Costituzione americana?*, Laterza, Roma–Bari, 2003, p. 13).

⁶ Отчет об этом памятном заседании содержится в *Archives Parlementaires de 1787 à 1860*, I série (1787–1799), tome 84, Cnrs, Paris, 1962, pp. 276–283.

⁷ Bangou H., *La Guadeloupe, I: 1492–1848 ou l'Histoire de la colonisation de l'île*, L'Harmattan, Paris, 1987, p. 122.

⁸ См. Burgos E., *Mi chiamo Rigoberta Menchú* (1983); итал. перевод: Giunti, Firenze 1987, p. 164. Об иезуите Виейре имеются фундаментальные исследования Alfredo Bosi.

⁹ Так это прочел эмигрант Лалузэрн (Laluzerne), который перевел и прокомментировал книгу в Лондоне в 1793 г.

¹⁰ *L'École Normale de l'an III. Leçons d'histoire, de géographie, d'économie politique. Édition annotée des cours de Volney, Buache de La Neuville, Mentelle et Vandermonde*, издание А. Alcouffe, G. Israel, B. Jobert, G. Jorland, F. Labourie, D. Nordman, J.-C. Perrot, D. Woronoff, Dunod, Paris, 1994, pp. 111–112.

¹¹ Vol. I, London, 1777, прим. к р. 107.

¹² Bangou, *La Guadeloupe*, I, p. 180.

¹³ Carr E.H., *1917: Before and After*, London, 1969; итал. перевод: *1917: Illusioni e realtà della rivoluzione russa*, Einaudi, Torino, 1970, p. 13.

4. Первая победа либерализма

¹ Fauvelet de Bourrienne L.-A., *Mémoires de M. de Bourrienne... sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration*, II, Ladvocat, Paris, 1830, p. 359.

² Blanc O., *Les hommes de Londres. Histoire secrète de la Terreur*, Albin Michel, Paris, 1989, p. 61.

³ Duverger M., *La V République, achèvement de la Révolution française*, Ed. Camera dei Deputati, Roma, 1989, pp. 10–11.

⁴ Constant B., *Oeuvres politiques*, изд. Ch. Louandre, Charpentier, Paris, 1874, p. 259.

⁵ Arnault A.-V., Bazot E.F., Jay A., De Jouy E. de, Marquet de Montbreton Norvins J., *Biographie Nouvelle des Contemporains*, XII, Librairie historique, Paris, 1823, pp. 368–69.

⁶ *Biographie Nouvelle*, I, 1820, pp. I–XVI.

⁷ Этот весьма пространственный документ находится в Архиве Министерства иностранных дел, серия «Mémoires et documents», vol. 1802, 1815 г., Fo 119, ff. 360r–366v. Он был опубликован François Reymond, *Un manifeste inédit de Benjamin Constant*, в «Annales Benjamin Constant», 5, 1985, pp. 81–93.

⁸ Там же, р. 82.

⁹ Constant, *Oeuvres politiques*, p. 281.

5. Всеобщее избирательное право: Акт первый

¹ Odifreddi P., *La democrazia impossibile*, «Lettera pristem», пг. 11 (март 1994), p. 26–31.

² Arrow K., *Social Choice and Individual Values*, Wiley, New York, 1951.

³ Fisher H. A. L., *Storia d'Europa*, III, p. 95.

⁴ Hobsbawm E. J., *The Age of Revolution. Europe 1789–1848* (1962); итал. перевод: *Le rivoluzioni borghesi, 1789–1848*, Il Saggiatore, Milano, 1963, p. 180.

⁵ Отметим, что Ленин впоследствии полностью примет гипотетическую схему Маркса относительно Германии и приложит ее к России: схоластическая верность доктрине и тактическая интуиция приведут его к успеху, добиться которого Марксу помешало неожиданное развитие событий.

⁶ Tocqueville A. de, *Una rivoluzione fallita. Ricordi del 1848–49*, итал. перевод под ред. A. Omodeo, Laterza, Bari, 1939, p. 9.

⁷ Lavisce B. E., *Histoire de France contemporaine*, vol. VI (под ред. Ch. Seignobos): *La Révolution de 1848 et le Second Empire (1848–1859)*, Hachette, Paris, 1921, pp. 78–79.

⁸ Bastid P., *Doctrines et institutions politiques de la seconde République*, I, Hachette, Paris, 1945, p. 288.

⁹ Письмо в «Le Figaro», 14 апреля 1864 г.

¹⁰ Маркс К. «Классовая борьба во Франции». [К. Маркс и Ф. Энгельс цит. по: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Государственное издательство политической литературы. Москва, 1955–1981. — Прим. ред.].

6. Всеобщее избирательное право: Акт второй

¹ См. об этом с. 11 и прим. 7 на с. 397.

² *Oeuvres de Napoléon III*, vol. II, Paris, 1856, pp. 150–151.

³ Этого персонажа вкратце обрисовывает Токвиль, *Ricordi*, pp. 103–104.

⁴ В самом деле, сразу после победы на выборах 10 декабря 1848 г. он поручил Леону Фоше общественные работы: Фоше был одним из создателей «национальных мастерских».

7. Затруднения «старого крота»

¹ Сам принц принадлежал к карбонариям, как в свое время император был членом масонской ложи и окружал себя видными представителями масонства. Но беззастенчивость, присущая «цезаризму», также включает в себя готовность к предательству. Годы спустя бомбы Феличе Орсини должны были напомнить уже не президенту, а императору французов о его прежнем членстве в тайной организации.

² Маркс К. «Классовая борьба во Франции».

8. Европа «на марше»

¹ Siotto Pintor M., статья *Elezione* в *Enciclopedia italiana*, vol. 13, 1932, p. 781.

² Bobbio N., Matteucci N., Pasquino G., *Dizionario di politica*, Utet, Torino, 1983, p. 785.

³ Croce B., *Storia d'Italia dal 1871 al 1915*, под ред. G. Galasso, Adelphi, Milano, 1991, p. 334.

⁴ Croce B., *Storia d'Europa nel secolo decimonono*, Laterza, Bari, 1932, p. 281. Курсивы принадлежат автору.

⁵ Против «the practical working of Universal Suffrage as developed under a despotic form of government» [«применение всеобщего избирательного права при деспотической форме правления»] выступил в 1860 г. отличавшийся прозорливостью английский тайный агент Л. Олифант в своем памфлете *Universal Suffrage and Napoleon the Third*, London-Edinburgh (экземпляр его хранится в British Library: 8052.e.91).

⁶ Mosca G., *Sulla teorica dei governi*, Loescher, Torino, 1884, p. 231.

⁷ Rensi G., *Gli Anciens Régimes e la democrazia diretta*, Tip. Colombi, Bellinzona, 1902, p. 139.

⁸ Giolitti G., *Memorie della mia vita* (1922), Garzanti, Milano, 1967, pp. 43-44.

⁹ Таков был Статут Карла-Альберта (1848), действовавший целый век (с 1861 г. — как конституция Королевства Италия).

¹⁰ Циркуляр министра, обращенный к префектам (11 февраля 1852 г.) и призыв мэра к избирателям Вузона содержатся во II томе издания Rémond R., *La vie politique en France*, A. Colin, Paris 1986, pp. 164-165.

¹¹ Sassoon D., *Cent'anni di socialismo* (1996), итал. перевод, Editori Riuniti, Roma, 1997, p. 11.

¹² Материалы конференции, проходившей в Университете Андорры, изданы в Италии Edizioni Lavoro, Roma, 2000, p. 5.

¹³ MacPherson C. B., *Burke*, (1980); итал. перевод: Il melangolo, Genova, 1999, p. 113.

9. От гекатомбы коммунаров к «священным союзам»

¹ Rosenberg A., *Storia del bolscevismo* (1932), итал. перевод, Sansoni, Firenze, 1933, pp. 19-20.

² Эта система была вновь введена после падения фашизма. Итальянское Учредительное собрание выработало закон (ст. 75), запрещающий (когда пропорциональная система была вновь вве-

дена вместе с возвратом к парламентской демократии) ставить избирательные законы на референдум. С помощью особого маневра этот запрет *in extremis* был обойден. Смотри об этом Salamone C., *La parola smarrita. Sul testo dell'articolo 75 della Costituzione*, в «Biblioteca», I, 1, 1990, pp. 19–23.

³ См. Третью филиппику Демосфена, 47–51.

⁴ Ему мы обязаны «оправданием» геноцида: «Я не дохожу до того, чтобы думать, будто хороший индеец — мертвый индеец, но полагаю, что в девяти случаях из десяти это так; кроме того, я бы не стал слишком усердно разбираться и в отношении десятого»: см. Stannard D. E., *Olocausto americano. La conquista del Nuovo Mondo* (1992) (итал. перевод, Bollati Boringhieri, Torino, 2001, p. 389 и Losurdo D., *Il liberalismo non ha commesso genocidi?*, «Liberal», 16, февраль–март 2003).

⁵ Bauer O., *Tra due guerre mondiali?*, итал. перевод под ред. E. Collotti, Einaudi, Torino, 1979, p. 94, глава *La crisi della democrazia*.

⁶ Willamowitz-Moellendorff U. von, *Das Nationalfest der Deutschen*, «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», 27 января 1918 г.

⁷ Meyer E., *Der Staat, sein Wesen und seine Organisation*, в *Weltgeschichte und Weltkrieg*, Cotta, Stuttgart, 1916, pp. 151–153.

⁸ Bauer O., *Tra due guerre mondiali?*, pp. 89–90. [Цит. из Маркса: Сочинения. Том 7, с. 41. — *Прим. перев.*].

⁹ Vermeil E., *La Germania contemporanea*, итал. перевод, Laterza, Bari, 1956, p. 182.

¹⁰ Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю 24–26 октября 1891 г., Сочинения. Том 38, с. 162.

¹¹ За распространение листовок с таким текстом Либкнехт был вновь арестован и подвергнут во время войны длительному заключению.

¹² Willamowitz-Moellendorff U. von, *In den zweiten Kriegswinter* (1915), в *Reden aus der Kriegszeit*, Weidmann, Berlin, 1915, pp. 289–290.

10. Третья республика

¹ Bourgin G., *Aperçu sur l'histoire de la Commune de 1871*, «Revue Historique», 55, май–август 1930, pp. 88–96. Ему же принадлежат, в *Enciclopedia italiana*, страницы о Коммуне в статье *Parigi (storia)*, vol. 26 (1935), p. 340, где он, правда, говорит о «множестве» расстрелянных.

² Эти данные приводятся и в таком известном издании, как *dtv-Lexicon zur Geschichte und Politik im 20. Jahrhundert*, I, Deutscher Taschenbuch Verlag, München, 1974, p. 262.

³ Goguel F., *Géographie des élections françaises sous la Troisième et la Quatrième République*, Colin, Paris, 1970, p. 60.

⁴ Это является весомым свидетельством распространенного мнения о том, что «прирученное» избирательное право уже никому не угрожает.

⁵ «Число не явившихся на выборы, — пишет он, — неотвратимо возрастает».

⁶ Парадоксальным итогом этого одностороннего отказа от Конкордата было то, что поскольку он был осуществлен после включения Эльзаса в состав Германии, то так никогда и не коснулся этой территории. Возвращенная Франции в 1918 г. в результате победы в войне, эта область, став частью Французской республики, все же не отказалась от Конкордата. Послевоенные правительства не решались поднимать эту проблему.

⁷ Итал. перевод очерка Брайса опубликован в *Democrazie moderne*, издание Hoepli, Milano, 1930. Приведенные цитаты — на с. 130–131.

⁸ Брусе, *Democrazie moderne*, pp. 139–141. В предыдущей главе (с. 178) мы упоминали о таком бедствии, как финансовые скандалы, характерные для политической жизни Третьей республики.

⁹ Chevallier J.-J., *Histoire des institutions politiques de la France moderne (1789–1945)*, Dalloz, Paris, 1958, p. 402.

¹⁰ Chevallier, *Histoire des institutions politiques de la France moderne*, p. 535.

¹¹ Jaurès J., *Storia socialista della Rivoluzione francese*, итал. перевод Giorgio Candeloro, Cooperativa del libro popolare, Milano, 1954, vol. X, pp. 133–135. Перевод был выполнен с издания под ред. A. Mathiez, Paris, 1939.

11. Второй провал всеобщего избирательного права

¹ Schwabe K., *Wissenschaft und Kriegsmoral*, Musterschmidt, Göttingen, 1969, p. 161. Бранденбург резко критиковал Веймарскую конституцию; умер в 1946 г.

² Работы Ленина автор цитирует по изданию: Lenin, *Opere scelte*, в 6 томах, Ed. Riuniti–Ed. Progress, Roma–Mosca, s.d., I, p. 519.

³ В предыдущих главах мы упоминали рассыпанные по произведениям Маркса иронические высказывания о якобинцах, об их инфантильной «устаревшей» идеологии и т. д. Самой послед-

довательной и жесткой, несомненно, является глава из «Святого семейства» под названием «Критическое сражение с французской революцией», где последняя определяется, в частности, как «эксперимент, всецело принадлежащий к XIX веку». Противоречива и Марксова интерпретация Террора: Фюре заметил, что у него то «Террор решает задачи буржуазной революции», то «Террор представляет собой временную потерю власти буржуазией» (Furet F., *Marx e la Rivoluzione francese* /1986/, итал. перевод, Rizzoli, Milano, 1989, p. 142). В письме к Марксу от 4 сентября 1870 г. (за год до Коммуны) Энгельс весьма суров по отношению к людям, проводившим Террор: «Вся вина за режим террора в 1793 г. ложится исключительно на до безумия перепуганного буржуа, прикидывающегося патриотом; на мелкого филистера, обделавшегося от страха, и на сброд люмпен-пролетариата, который, проводя la terreur, устраивал свои делишки» (Marx–Engels, *Opere complete*, Ed. Riuniti, vol. 44, Roma, 1990, p. 54).

⁴ Троцкий Л. Д. «Наши политические задачи» (август 1904); итал. перевод в: Lenin–Trotsky–Luxemburg, *Rivoluzione e polemica sul partito*, под ред. G. Bedeschi, Newton Compton, Roma, 1973, pp. 334–335.

⁵ Carr E. H., *La rivoluzione bolscevica (1917–1923)*, итал. перевод, Einaudi, Torino, 1964, p. 22.

⁶ В феврале 1997 г. это казалось неминуемым. 17 июля 1998 г. президент-артист Борис Ельцин преклонил колени перед могилой царя и, видимо в качестве бывшего функционера КПСС, просил «прощения» за грехи коммунистов. Но на открытии Синода Православной церкви 13 августа 2000 г. патриарх Алексий II предложил «обсудить вопрос» о царе Николае II, прежде чем предпринимать какие-то шаги.

⁷ Троцкий Л. Д., «1905» /1922/; итал. перевод: Newton Compton, Roma, 1976, p. 173. Троцкий использует здесь выражение Токвиля.

⁸ Epstein F., статья *Stolypin* в *Enciclopedia italiana*, vol. 32, Roma, 1936, p. 759.

⁹ Эта мысль явствуется и из переписки (1894) Энгельса с Даниэльсоном, переводчиком «Капитала» на русский язык.

¹⁰ *Briefe an Karl und Luise Kautsky*, Berlin, 1923 (письмо от 15 апреля 1917 г. из тюрьмы Вронке); итал. перевод: *Lettere ai Kautsky*, Ed. Riuniti, Roma, 1971, p. 264.

¹¹ Фридрих Мейнеке в своих воспоминаниях говорит о «военном перевороте» (*Erlebtes 1862–1919*, Koehler, Stuttgart, 1964); итал. перевод: Guida, Napoli, 1971, p. 329.

¹² Rosenberg A., *Origini della Repubblica tedesca*, итал. перевод, Leonardo, Roma, 1947, p. 265.

¹³ Baden Max von, *Erinnerungen und Dokumente*, Deutsche Verlagsanstalt, Stuttgart, 1927, pp. 630–631.

¹⁴ Но он с достоинством оставил этот пост.

¹⁵ Итал. перевод: *I trenta giorni di Hitler*, Mondadori, Milano, 1997.

¹⁶ Смотри недавнюю работу Rüdiger Jungbluth о «незаметном подъеме самой могучей династии в экономике Германии» (*Die Quandts. Ihr leiser Aufstieg zur mächtigsten Wirtschaftsdynastie Deutschlands*, Campus Verlag, Frankfurt a.M., 2002). Другие недавно вышедшие книги содержат важные документальные данные: Weitz, John, *Il banchiere di Hitler* (1996), итал. перевод, Piemme, Casale Monferrato, 1998 (биография Шахта); Wulf Schwarzwäller, *Hitler Geld. Von armen Kunstmaler zum millionenschweren Führer*, Überreuter, Wien, 1998.

¹⁷ Фон Папена судили в Нюрнберге; в 1959 г. он получил титул камергера в Ватикане.

¹⁸ Как сообщало Агентство Стефани, «бывший кайзер выразил удовлетворение по поводу победы национал-социалистов, хотя он лично и желал бы, чтобы большего успеха добилась партия Гугенберга, поставившая реставрацию монархии во главу своей программы» («Corriere della sera», 7 марта 1933 г., с. 1).

¹⁹ «Corriere della sera» от 31 октября 1922 г. на первой странице предлагает обширный, восторженный отчет о первом дне президентства Муссолини, о том, с кем он встречался в Палате депутатов и в Сенате; в частности, сообщает газета, во время беседы с Де Никола, председателем Палаты, который был вне себя от восторга, что сохранил свое место, «был затронут вопрос об избирательной реформе».

²⁰ Вот некоторые из них: Витторио Чиан, Луиджи Гаспаротто, Стефано Гаваццони, Джоаккино Вольпе, Арриго Сольми, Альберто Джованнини, Карло Делькруа, Сам Бенелли, Этторе Виола, Джованни Порцио, Антонио Саландра, Джованни Джентиле, Пьетро Феделе, Витторио Эммануэле Орландо, и т. д. (Де Никола, вначале остававшийся на своем посту, подал в отставку; Джолитти отказался баллотироваться: запоздалое раскаяние после того, как он покровительствовал «национальным блокам» с их совершенно явной направленностью; он же, кроме того, возглавлял комиссию, породившую чудовищный избирательный закон).

²¹ *Dizionario di politica*, Pnf, Istituto dell'Enciclopedia italiana, IV, Roma, 1940 (XVIII E.F.), p. 415.

²² Можно прочесть, например, в «*La civiltà cattolica*» от 7 августа 1924 г. (vol. III, pp. 297–306) статью под названием *La parte dei cattolici nelle presenti lotte dei partiti politici in Italia*.

²³ Текст знаменитого интервью был недавно опубликован в Bedeschi G., *La fabbrica delle ideologie. Il pensiero politico italiano del Novecento*, Laterza, Roma–Bari, 2002, p. 209.

²⁴ Rosenberg A., *Storia del bolscevismo* (1932), итал. перевод, Sansoni, Firenze, 1933, p. 120. Мнение Ленина об органе, который он со всей резкостью назвал «хлебом буржуазного парламентаризма» («Государство и революция», гл. 3, 3), выражено достаточно ясно: «Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из *говорилен* в *работающие*» учреждения. В центре всего этого жестко написанного параграфа стоит никчемность парламентской «работы» по сравнению с силами, стоящими за ней (канцелярии, главный штаб, бюрократия и т. д.).

²⁵ Bauer, *Tra due guerre mondiali?*, p. 184.

²⁶ Luxemburg R., *Gesammelte Werke*, IV (August 1914–Januar 1919). Dietz Verlag, Berlin, 1974, pp. 353–365.

12. «Европейская гражданская война»

¹ Полный текст речи Турати был опубликован в воскресном выпуске «*Avanti!*» от 21 января 1990 г.

² Они были собраны в книгу под названием *La rivoluzione incompiuta. 1917–1967*, итал. перевод, Longanesi, Milano, 1968; новое издание: BUR, Milano, 1980, с предисловием Vittorio Strada.

³ Там же, p. 143.

⁴ Brockhaus, Wiesbaden, 1946; итал. перевод: *La catastrofe della Germania*, La Nuova Italia, Firenze, 1948. Мейнеке пишет, в частности: «За нападками Гитлера на большевизм скрывалось не что иное, как воля к завоеванию /.../ намерение превратить Россию в одну из наших колоний» (pp. 124–125).

⁵ Braudel F., *Il mondo attuale* (1963), итал. перевод, Einaudi, Torino, 1966, p. 453.

⁶ Цитируется по итал. переводу: *Nazionalismo e bolscevismo. La guerra civile europea. 1917–1945*, Sansoni, Firenze, 1988, pp. 37–54, 56–67 и 53.

⁷ Fischer F., *Griff nach der Weltmacht*, Droste Verlag, Düsseldorf, 1961; итал. перевод: *Assalto al potere mondiale. La Germania nella guerra 1914–1918*, Einaudi, Torino, 1965.

⁸ Националисты, восставшие 6 февраля 1934 г. и окруженные силами правопорядка на площади Согласия, собирались привести к власти Петэна и Лавалья: см. Shirer W. L., *La caduta della Francia* (1969), итал. перевод, Einaudi, Torino, 1971, p. 258 (показания Леона Блюма перед следственной комиссией Национальной ассамблеи).

⁹ Этот отрывок счел симптоматическим и Renzo De Felice: *Mussolini il Duce. Gli anni del consenso*, Einaudi, Torino, 1974, p. 553.

¹⁰ Гарольд Ласки, преподаватель Лондонской школы экономики, интеллектуал-лейборист еврейского происхождения, оказался одной из мишеней нападок Черчилля во время избирательной кампании 1945 г., в результате которой к власти пришли лейбористы. Черчилль дошел до того, что ставил ему в упрек «расовое» происхождение. Книга *Democracy in Crisis* была переведена в Италии издательством Laterza (1935) и вызвала интерес у Кроче.

¹¹ Текст появился в газете «Cahiers de la Révolution», ненаходимой (возможно, несуществующей). Из этих «Cahiers» его заимствовала «La liberté» (весьма сомнительная парижская газета правого толка) 5 марта 1933 г., и в этот же день он появился во всех основных фашистских газетах Италии («Popolo d'Italia», «Corriere della Sera», «La Stampa», «Il Messaggero»). Возможно, речь шла о пастише, составленном из того, что П. Кот действительно написал в «Europäische Review» в 1932 г. (Heft 11, pp. 743–749). Ни о чем подобном не говорится в последней биографии Кота: Jansen, Sabine (Fayard, Paris 2002).

¹² Bramstedt E., *Goebbels und die nationalsozialistische Propaganda, 1925–1945*, Fischer Verlag, Frankfurt a.M., 1971 (но первое издание вышло в Michigan Univ. Press в 1965 г.). Не следует удивляться тому, что во время избирательной кампании в Японии в 1994 г. штаб либерально-демократической партии пользовался учебным пособием под названием «Избирательная стратегия Гитлера», которое подготовил руководитель штаба Йошио Огаи.

¹³ Небесполезно будет указать на документально обоснованный вывод французского католического исследователя политических систем Эдмона Виллея (Edmond Villey) о том, что «социального государства» было больше в Пруссии, нежели в Третьей республике (*Les périls de la démocratie française*, Plon, Paris, 1910, p. 193).

¹⁴ Вот результаты, из которых хорошо видна специфика избирательной системы: социалисты — 1 955 тыс. голосов и 149

мест, коммунисты — 1 502 тыс. голосов и 72 места, радикалы — 1 422 тыс. голосов и 109 мест.

¹⁵ Выступление Тольятти в феврале 1937 г. «перед особой группой итальянских товарищей», живущих в Москве; см. Agosti A., *Togliatti*, Utet, Torino, 1996, p. 207 (в книге обильно представлены источники).

¹⁶ Brandt W., *Erinnerungen*, Ullstein, Frankfurt 1989; итал. перевод: *Memorie*, Garzanti, Milano, 1991, p. 125.

¹⁷ *German Foreign Policy Documents, Series D (1937–1945)*, vol. III, p. 286. Такого же толка была и операция, о которой говорил Геббельс в своем дневнике (22 апреля 1938 г.): «наш секретный радиопередатчик в Восточной Пруссии вызвал в России большой переполох. Мы говорим от имени Троцкого, что создает Сталину немалые проблемы» (Goebbels J., *Diario 1938*, Mondadori, Milano, 1994, p. 123).

¹⁸ Thomas H., *The Spanish Civil War*, Eyre Publishers, London, 1961; итал. перевод: *Storia della guerra civile spagnola*, Einaudi, Torino, 1963, p. 447, прим. 1.

¹⁹ Цит. по Togliatti P., *Opere*, vol. IV.1: 1935–44, под ред. F. Andreucci, P. Spriano, Ed. Riuniti, Roma, 1979, p. CVII.

²⁰ Díaz J., *Tres años de lucha*, Ed. del Partido comunista de España, Barcelona, 1939, p. 390.

²¹ Эти сообщения из Испании были впервые опубликованы Ф. Андреуччи и П. Сприано в IV томе *Opere* Togliatti, pp. 249–410. Первая цитата взята из заключительного сообщения (21 мая 1939 г.), p. 405; вторая — из первого сообщения (30 августа 1937 г.), p. 264.

²² Троцкий Л. Д. «Война и революция». Итал. перевод: *Guerra e rivoluzione*, Mondadori, Milano, 1973, p. 57.

²³ Итал. перевод: Mondadori, Milano, 1948, I, p. 397. Дипломатическая обстановка, в которой был заключен «пакт», хорошо описана в труде Hugh Seton-Watson (*Eastern Europe between the Wars, 1918–1941*), Cambridge Univ. Press, 1945; итал. перевод: Rubbettino, Severia Mappelli, 1992, под названием *Le democrazie impossibili*): «Мюнхенское соглашение исключило Советский Союз из числа великих европейских держав и подорвало стратегические основания франко-советского пакта. Участники переговоров, состоявшихся летом 1939 г. между западными державами и Советским Союзом, не были откровенны, ни с той, ни с другой стороны. У России не было причин подвергать себя опасности ради двух стран, которые всячески выказывали свою к ней неприязнь и не были в состоянии

предоставить помощь в случае войны, первый удар которой она должна была бы принять на себя. Польское правительство — если, конечно, можно доверять официальным и официозным заявлениям — полагалось на то, что их армия быстро захватит Берлин, и даже не задумывалось о том, чтобы «позволить» Красной Армии прийти на помощь. Крупнейшие английские журналисты заявляли, что союз с СССР был бы только помехой для европейских держав. Таким образом, хотя заключение августовского германо-советского пакта и привело в смятение мировое общественное мнение, по идее, это никого не должно было удивлять» (р. 430).

²⁴ “Annuario di politica internazionale” (Milano, Ispi) 1938, р. 41.

²⁵ Там же, pp. 399–402.

²⁶ Цитированная работа, pp. 221–222.

²⁷ Отметим, ради честности и объективности изложения, IV главу книги Aldo Agosti, *Bandiere rosse. Profilo storico dei comunismi europei*, Ed. Riuniti, Roma, 1999.

²⁸ Источник — базельский «Rundschau» от 7 сентября 1939 г. См. Brügel, *Stalin und Hitler*, документ № 89.

²⁹ Dimitrov G., *Tagebücher 1933–1943*, I, Aufbau Verlag, Berlin, 2000, pp. 273–274. Итал. перевод: *Diario. Gli anni di Mosca (1934–1945)*, Einaudi, Torino, 2002, p. 194.

³⁰ Там же, p. 275 (итал. перевод — p. 197).

³¹ Этот отрывок содержится в собрании трудов Троцкого «Война и революция» (*Guerra e rivoluzione*, pp. 149–199).

³² Здесь анализ Троцкого совпадает с выкладками Сталина, 7 сентября 1939 г.: «Войну ведут две группы капиталистических стран, одни — бедные, другие — богатые колониями, сырьем и т. д., за передел мира» (Dimitrov, *Diario*, p. 194).

³³ Директивы Димитрова раскаявшимся членам Коминтерна были те же самые: «Разделение капиталистических государств на фашистские и демократические теряет сегодня первоначальный смысл» (Dimitrov, *Diario*, p. 195).

³⁴ Dimitrov, *Tagebücher*, I, p. 279 (итал. перевод — p. 201).

³⁵ См. Agosti, *Togliatti*, p. 251. Оба текста, относящиеся к августу 1939 г., отсутствуют в собрании сочинений Тольятти под редакцией Сприано и Андреуччи (том IV, 1–2).

³⁶ Возможно, будет не лишним отметить, говоря об этом непросом и темном времени, что сам Тольятти в своей автобиографии, скрытой под маской «бесед с Марчеллой и Маурицио Феррара» (*Conversando con Togliatti*, Ed. di cultura sociale, Roma, 1953,

pp. 283–284), совершенно опускает свое пребывание в Москве в мае 1939 г.

³⁷ Agosti, *Togliatti*, p. 253–254.

³⁸ В свое время Роза Люксембург, будучи в тюрьме, распространяла «Письма Юниуса» [Юниус — псевдоним Р. Люксембург (— Прим. перев.)].

³⁹ Dimitrov, *Tagebücher*, I, p. 404 (запись от 19 июля); итал. перевод — p. 333.

⁴⁰ Bocenina Nina, *Memorie (La segretaria di Togliatti)*, Ponte alle Grazie, Firenze, 1993, pp. 20–23.

⁴¹ *Tagebücher*, p. 404. Эта часть «Дневников» написана по-русски — на языке, которым Димитров владел не очень хорошо. Немецкий переводчик передал это выражение как «etwas Eigenartiges»; переводчик на английский язык (*The Diary of George Dimitrov*, Yale Univ. Press, 2003, p.182) — «something unlike us».

⁴² Tchouev F., *Conversations avec Molotov*, предисловие Н. Cargère d'Encosse, Albin Michel, Paris, 1995, p. 33. Вспоминая свой разговор с Гитлером в октябре 1940 г., Молотов замечает: «У него был расхожий, банальный взгляд на советскую политику, и горизонт его казался довольно узким, но он желал вовлечь нас в эту авантюру, а потом, когда мы в это дело влипнем, ему станет легче, мы же будем от него зависеть, поскольку Англия нам объявит войну. Слишком наивными нужно было быть, чтобы этого не понять».

⁴³ Цитируется по Tasca, *Deux ans d'alliance germano-soviétique*, Fayard, Paris, 1949, p. 176.

⁴⁴ Оруэлл Дж. «1984» (1949).

⁴⁵ С самого начала Сталин требовал от Черчилля открытия второго фронта в Европе (послание от 18 июля 1941 г.): *Corrispondenza tra Stalin, Churchill, Roosevelt, Attlee, Truman 1941–1945*, I, Edizioni Progress, Mosca, 1985, p. 19. Второй фронт был открыт лишь в начале июня 1944 г. с высадкой в Нормандии.

13. Просто демократии, прогрессивные демократии, народные демократии

¹ *La politica di unità nazionale dei comunisti*, Napoli, 11 апреля 1944 г.; недавнее переиздание (1999): Ed. Robin, Roma.

² *Commento sulla Costituzione dell'Urss*, в «Giustizia e libertà» (Париж), июль 1936 г.

³ Farbman M., *Le plan russe*, «Europe», 25, 1931, pp. 526–557. Автор склоняется к мысли, что настаивать на НЭПе означало бы устроить «термидор большевизма».

⁴ «Второе послание к Фессалоникийцам», 3:10.

⁵ Ее текст можно прочесть в труде под редакцией Габриеллы Валеры (Gabriella Valera): Mommsen Th., *I diritti fondamentali del popolo tedesco, commento alla Costituzione del 1848* (Leipzig, 1849), Ist. it. per gli studi storici [Итальянский ин-т исторических исследований], Napoli, 1994, p. 124: «§25: Право собственности неприкосновенно. § 26: Экспроприацию можно осуществлять лишь по причинам, связанным с общественным благом, только на основании закона и при условии равноценной компенсации». Моммзен комментирует: «Экспроприации, разумеется, всегда будут, но теперь их можно будет проводить только после полного возмещения» (p. 75).

⁶ Тексты проекта ФКП и проекта, одобренного 19 апреля 1945 г., можно прочесть в Saitta A., *La Quarta Repubblica francese e la sua prima Costituente*, Sansoni, Firenze, 1947, pp. 202–233.

⁷ Итал. перевод под редакцией G. Mapacorda: Einaudi, Torino, 1946, pp. 26–27.

⁸ Национализация шахт, Банка Англии, железнодорожного и городского транспорта, поставок газа, электроэнергии и т. д. Всё это торжественно провозгласил перед страной Георг VI в своей коронной речи 15 августа 1945 г.

⁹ De Gasperi A., *La democrazia cristiana e il momento politico* (1944) в *Discorsi politici* под ред. T. Bozza, Cinque Lune, Roma, 1956, pp. 15–16.

¹⁰ Секретариат Христианско-демократической партии Италии, *Guide del propagandista*, брошюра 5, *L'economia orientata*, Fagnani A., Ed. Spes, Roma, 1946, pp. 19 и 21.

¹¹ Calamandrei Pietro, *Discorso sulla Costituzione*; 28 января 1955 г. (к десятой годовщине Освобождения Италии). Существует также электронное издание, выпущенное издательством Cetra (литературная серия под ред. Нанни де Стефани). Следует также напомнить, что Каламандрей способствовал выходу в свет *Commentario sistematico della Costituzione*; книга была опубликована во Флоренции в 1950 г. и, по причине крайней пестроты авторского состава, отличается некоторой непоследовательностью.

¹² Basso L., *State e cittadino*, выступление в Миланском университете 28 февраля 1975 г. в рамках празднования тридцатой годовщины Освобождения, в AA.VV., *1945–1975. Italia: fascismo, antifascismo, Resistenza, rinnovamento*, Feltrinelli, Milano 1975, p. 419.

¹³ Bobbio N., *L'ideologia del fascismo* (Milano, 10 января 1975 г.), в AA.VV., *1945–1975. Italia*, pp. 47–48. В своих следующих рабо-

тах, например, *Il futuro della democrazia* (Einaudi, Torino, 1984, p. X), Боббио склонен отождествлять демократию с «правилом большинства».

¹⁴ Зато редакция, проваленная избирателями 5 мая 1946 г., апеллировала, что любопытно, к конституциям 1793, 1795 (к Робеспьеру и к Термидору сразу!) и 1848 годов. Конституция Третьей республики (1875) (посредственная) была полностью отвергнута.

¹⁵ Togliatti P., *Discorsi alla Costituente*, под ред. G. Pallotta, Roma, Newton Compton, 1976, pp. 64–65.

¹⁶ *La costituzione della Repubblica nei lavori preparatori della Asemblea Costituente*, Ed. Camera dei Deputati — Segretariato generale, Roma, 1970, I, p. 575 (дневное заседание 22.03.1947).

¹⁷ Togliatti P., *Discorsi parlamentari*, Ed. Camera dei Deputati, Roma, 1984, I, p. 75.

¹⁸ НЭП (Новая экономическая политика) снова внедрила капиталистических дельцов в советское общество, отсюда и стремление поставить эти слои, потенциально враждебные социализму, в положение политического меньшинства.

¹⁹ Gramsci, *Quaderni del carcere*, p. 1626.

²⁰ См. Churchill W., *La seconda guerra mondiale*, p.VI, vol. I, p. 257.

²¹ F.Fejtő, *Histoire des démocraties populaires*, Seuil, Paris, 1969, I, p. 33.

²² В 1918 г. она рухнула гораздо раньше, чем вражеские войска ступили на немецкую землю.

²³ См. чудовищные документы, опубликованные Яном Гроссом (Нью-Йоркский университет) в книге «Палачи, живущие рядом» (2002). Книга, изданная в Италии издательством Mondadori, повлекла за собой публичное и торжественное, самокритичное выступление главы Польской католической церкви Йозефа Глемпа.

²⁴ Интересно, в историографическом плане, что это соглашение почти всегда остается в тени, хотя оно не менее достойно внимания, чем советско-германский пакт, и обусловлено аналогичным мотивом: желанием Швеции сохранить свой нейтралитет, не вступать в конфликт.

²⁵ «Чтобы прийти к восстанию, следовало приучить широкие массы к прозаической и страшной реальности вооруженной борьбы. В этом состояла цель антифашистского и антигитлеровского терроризма, почему он и не был исключительной монополией коммунистов, хотя их боевые единицы, «штурмовые гарибальдийские бригады», вооружались в первую очередь», писал руководитель

Комитета национального освобождения Северной Италии Лео Валиани (Leo Valiani), *Tutte le strade conducono a Roma*, La Nuova Italia, Firenze, 1947, p. 172.

²⁶ См. «Corriere della sera» (Milano), 17 сентября 1994 г., p. 29.

²⁷ Gambino A., *Storia del Dopoguerra dalla Liberazione al potere Dc*, Laterza, Roma-Bari 1975, p. 479. Тольятти сказал Родано в точности следующие слова: «Это были лучшие результаты, каких мы могли добиться. Это очень хорошо». Единственный в своей партии Тольятти трезво оценивал международную обстановку.

²⁸ Документ был воспроизведен в «Еургорео» (Roma), пг. 11, 17 марта 1990 г., с. 16.

²⁹ Интервью с Уильямом Колби, напечатанное в «l'Unità» (Roma), 1 мая 1996 г., с. 14.

³⁰ Письмо Тольятти Сталину, датированное 4 января 1951 г., опубликовано в сборнике под редакцией Francesca Gori и Silvio Pons, *Dagli archivi di Mosca*, Carocci, Roma, 1998, pp. 417–420.

³¹ Стенограмма беседы Секкьи и Сталина, происходившей 14 декабря 1947 г., имеется в том же сборнике на с. 289–293.

³² Полный текст выступления на итальянском языке опубликован в «Relazioni internazionali», 1952, № 43, 25 октября 1952 г., с. 1128.

³³ Цитируется по Fejtő F., *Histoire des démocraties populaires*, I, p. 215.

³⁴ О процессе, в результате которого в Праге в 1952 г. был казнен секретарь коммунистической партии Рудольф Сланский, см. книгу, написанную единственным ученым, который мог в 1968–1969 гг. работать с материалами следствия: Karel Kaplan, *Relazione sull'assassinio del segretario generale*, Valerio Levi, Roma, 1987.

³⁵ В этом смысле представляет интерес «официальное» заявление Тольятти по поводу поражения на выборах 18 апреля (интервью газете «l'Unità» (миланское издание) 2 июля 1948 г.): «Голосование 18 апреля не было свободным /.../. Имело место грубое иностранное вмешательство, направленное на то, чтобы подчинить себе волю избирателей»; чуть ниже он уточняет, что «промывание мозгов» оказывало влияние прежде всего на «средний класс, колеблющийся, политически не активный».

14. Холодная война и отступление демократии

¹ В 1944 г. один сенатор-республиканец и 12 конгрессменов сделали попытку предъявить администрации Рузвельта обвинение

в том, что при ее участии сложился гигантский заговор с целью «продать нашу демократию коммунистам».

² Чаплин удостоился чести быть изобличенным в качестве «коммуниста» и вдобавок «еврея» также и Джорджем Оруэллом, который включил его в свой доносительский список из 135 имен; туда, в частности, вошли Исаак Дойчер и Эдвард Халлет Карр.

³ Текст опубликован в «Annuario di politica internazionale», Ispi, vol. XII (1955), p. 324.

⁴ «Правда», 10 мая 1945 г.

⁵ Fontaine A., *Storia della guerra fredda*, итал. перевод, Il Saggiatore, Milano 1968, I, p. 265.

⁶ Gilas M., *Conversazioni con Stalin* (1962), итал. перевод, Feltrinelli, Milano, 1978, p. 158.

⁷ Collotti E., *Storia delle due Germanie*, Einaudi, Torino, 1968, p. 174.

⁸ Tetens T.H., *La nuova Germania e i vecchi nazisti*, итал. перевод, Ed. Riuniti, Roma, 1963, p. 49.

⁹ По этому вопросу объединились и социал-демократы: с самого начала, с Куртом Шумахером, они выступали против восточной границы, определенной Потсдамским соглашением [1945 г.] (см. Collotti E., *La socialdemocrazia tedesca, 1945–1954*, в «Occidente», 10, 1954, pp. 465–466). Только когда канцлером стал В. Брандт, эта позиция была пересмотрена.

¹⁰ «Annuario di politica internazionale» (Ispi), Milano, vol. X (1953), p. 267. В нынешней совершенно изменившейся ситуации Европейское оборонительное сообщество могло бы стать костяком «европейских вооруженных сил», которые сегодня так не по нраву Соединенным Штатам и которых Европе так отчаянно не хватает.

¹¹ Hobsbawm E., *Interesting Times: A Twentieth-Century Life* (2002); итал. перевод: Rizzoli, Milano, 2002, p. 231.

¹² Источник этого свидетельства — книга «La gangrène» [«Гангрена»], изданная Editions de Minuit и поступившая в продажу 18 июня 1959 г. Ежедневная газета «Le Monde» поместила анонс о ней на первой странице. Тем же вечером (опять же в память о бессмертных принципах 1789 года) тираж был конфискован полицией. На это отреагировали, что удивительно, такие органы прессы, как «L'Aurore» и католическая «La Croix». Прокурор Республики распространил коммюнике, содержание которого в основном сводилось к тому, что авторы многочисленных свидетельств, собранных в книге, обвинялись в «попытке воссоздания распушенной организации» (то есть, алжирского ФНО). От попытки покрыть злоупотребления полиции, которую предпринял персонально

министр Дебре, отмежевываясь министр юстиции Мишле, депортированный во время немецкой оккупации. Кроме того, публично протестуя против конфискации «Гангрены», добрая сотня университетских преподавателей рисковала своей работой. За свою честность эти люди достойны всяческого уважения. Пьер Видаль-Наке был одним из них и посвятил описываемым событиям замечательные страницы.

15. К «смешанной системе»

¹ Duverger M., *La Quinta Repubblica, compimento della Rivoluzione francese* (1989), итал. перевод и предисловие Nilde Iotti: Ed. della Camera dei Deputati, Roma, 1989.

² Id., *La Repubblica tradita* (1958), итал. перевод и предисловие Giuseppe Maranini: Ed. di Comunità, Milano, 1960.

³ Id., *I sistemi politici*, итал. перевод, Laterza, Roma-Bari, 1978, pp. 281–291.

⁴ Id., *La Quinta Repubblica*, p. 88.

⁵ Может оказаться значимым материал, приведенный Жаном-Мари Майером (Jean-Marie Mayeur) в его докторской диссертации (1981), а затем в докладе на конференции École française в Риме: *Les élites in Francia e in Italia negli anni Quaranta*, «Italia contemporanea», 153 (dic. 1983), pp. 117–125 (особенно 125): социальный состав второго французского Законодательного собрания (1946). Если нас не удивит, что 30% депутатов от ФКП — из рабочей среды, то весьма примечательно, что к той же среде принадлежит и 12% депутатов от НРД (католической партии).

⁶ Технически этот прием аналогичен тому, который использовал Гитлер, науськивая «голодный» народ на «заставляющих его голодать» евреев.

⁷ Последний аргумент в этой связи следующий: «пропорциональная система подвигает на соревнование партии, входящие в один и тот же блок» (Angelo Panebianco, «Corriere della Sera», 23 июля 2003 г., с. 1). Странное замечание, поскольку при пропорциональной системе почти не существует заранее сколоченных «блоков»: наоборот, в данном случае каждая политическая сила *стоит сама за себя* и старается выдать себя за то, чем является. Настоящие — «бронированные» — блоки как раз становятся *обязательными* при внедрении мажоритарной системы; в этом случае перед нами и разворачивается обескураживающее зрелище *конфликта* внутри самого блока (с целью привлечь «надежных» коллег, пройти во второй тур и т. д.).

⁸ В Соединенных Штатах Америки на президентских выборах (самых важных) переплетаются несколько ограничительно-корректирующих механизмов: выборы двухступенчатые (избиратели выбирают выборщиков высшего ранга по критерию мажоритарного типа; кроме того, избирательный мандат никак не связан с гражданином, а скорее наоборот!).

⁹ Письмо к Марио Сеньи (Mario Segni) от 7 мая 1987 г., опубликованное посмертно в газете «La Repubblica» (Рим) 2 июня 1987 г., с. 30.

¹⁰ Так поступал Джон Мейджор под конец своего последнего срока.

¹¹ Согласно Дюверже, это Карл Поппер.

¹² Duverger, *La Quinta Repubblica*, pp. 89–90.

¹³ Dahl R., *Quanto è democratica la Costituzione americana?*, итал. перевод, Laterza, Roma–Bari, 2003, p. 44.

¹⁴ Noelle-Neumann E., *La spirale del silenzio*, Meltemi, Roma, 2002, pp. 263–265.

¹⁵ «O Estado de São Paulo», 17 июля 2003 г.

¹⁶ Имея в виду, что, как показало исследование одного из самых стабильных и политически «информированных» электоратов, западногерманского, доля избирателей, меняющих мнение, колеблется между 4 и 6%: легко представить себе, какую решающую роль могут сыграть техники, внедряющие в сознание избирателей не непосредственно *мнения*, но *ценности*. Крайний случай описан в Noelle-Neumann E., *La spirale del silenzio*, pp. 279–283.

¹⁷ *Dialogo di Tristano e di un amico*.

¹⁸ AA.VV., *1945-1975. Italia*, p. 48.

¹⁹ Mosca G., *La sociologia del partito politico nella democrazia moderna* (1912), в *Partiti e sindacati nella crisi del regime parlamentare*, Laterza, Bari, 1949, p. 35.

²⁰ Само слово «рабство» начинает восприниматься не столь драматически. Защитники рабовладения в Соединенных Штатах во время Гражданской войны были правы, считая условия труда «манчестерского» рабочего гораздо худшими, чем положение рабов на плантациях. Именно борьба за «демократию» улучшила и в самом деле рабское положение «манчестерского» пролетариата. Сегодня в таком положении оказывается «резервная армия труда», едва различимая и в самом деле прозябающая где-то вдалеке. Слово «рабство» вполне подходит к этим людям, ибо и личная свобода, и habeas corpus для них весьма ограничены и обусловлены многими обстоятельствами. В конце концов, и в античном мире существовали различные формы и условия «рабства», и само это слово великие

законодатели древности употребляли без дрожи отвращения, широко обсуждая данное явление в таком памятнике «западной цивилизации», каким предстает перед нами римское право.

²¹ Carrère d'Encausse H., *Le pouvoir confisqué: gouvernants et gouvernés en Urss*, Flammarion, Paris, 1980, pp. 40–41.

²² Gerschenkron A., *Continuity in History and other Essays* (1968); итал. перевод: *La continuità storica: teoria e storia economica*, Einaudi, Torino, 1976, p. XI.

²³ «Путч Ельцина» — гласил заголовок «Corriere della Sera» от 22 сентября того года.

²⁴ © Project Syndicate: «Corriere del Ticino», 17 июля 2003 г.

16. Это и была «Новая история»?

¹ Trocki L., *La guerra imperialista e la rivoluzione proletaria mondiale* (26 мая 1940 г.) в *Guerra e rivoluzione*, Mondadori, Milano, 1973, pp. 160–163 и 175 (критика Ганди, который «отказывается создавать трудности Великобритании во время нынешнего тяжелого кризиса»).

² Письмо съезду, продолжение записок от 24 декабря 1922 г.: «Эти два качества двух выдающихся людей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно».

³ Опубликовано во французской троцкистской газете «La Cloche».

⁴ Итал. перевод: Mondadori, Milano, 1969, pp. 1196–1197.

⁵ Essad Bey M., *Stalin*; итал. перевод: Treves, Milano, 1932, pp. 315–317.

⁶ Эти слова процитированы G. Luti в предисловии к изданию Vallecchi *Tecnica del colpo di Stato*, Firenze, 1994, p. 24; фраза повторяется почти в том же виде в начале главы I (= VIII итал. издания).

⁷ F. Perfetti в послесловии к Malaparte C., *Tecnica del colpo di Stato*, Mondadori, Milano, 2002, p. 206 считает, что к подготовке французского издания «приложил руку» Грассе.

⁸ Carr E.H., *Le origini della pianificazione sovietica* (1971), итал. перевод, Einaudi, Torino, 1978, III, p. 38.

⁹ Итал. перевод: Ricciardi, Napoli, 1944, p. 362.

¹⁰ Троцкий Л. Д. «Моя жизнь». Итал. перевод: Trocki L., *La mia vita*, перев. Ervino Pocar, Mondadori, Milano, 1930, pp. 472–475.

¹¹ Итал. перевод, pp. 1196–1197.

¹² Trocki L., *La mia vita*, pp. 282–287.

¹³ Deutscher I., *Il profeta disarmato. Leone Trotskij 1921-1929* (1959), Longanesi, Milano, 1961, pp. 450-475.

¹⁴ Feuchtwanger L., *Mosca 1937. Diario di viaggio per i miei amici* (1937), итал. перевод, Mondadori, Milano, 1946, pp. 97-98.

¹⁵ De Gasperi A., *Discorsi politici*, Cinque lune, Roma, 1956, pp. 15-18.

¹⁶ В постсоветской России циркулировала история (вероятно, взятая из неизданных воспоминаний врача, который лечил мать Сталина незадолго до ее смерти в 1937 г.). Матери, по-видимому, утратившей ясность рассудка, когда та допытывалась, почему сын все время живет в Москве, а не в родной Грузии, и, наконец, на ее прямой вопрос: «Кто же ты такой теперь?», Сталин отвечал вопросом: «Вы помните старого царя?» («La Stampa», 14 августа 1992 г., с. 18).

¹⁷ Цитирую по Rosenberg A., *Storia del bolscevismo* (1932), итал. перевод, Sansoni, Firenze, 1933, pp. 258-259.

¹⁸ Deutscher I., *Stalin. Una biografia politica* (1966), итал. перевод, Longanesi, Milano, 1969, pp. 794-795. В том же контексте, тоже, очевидно, имея в виду царя Петра, ученый пишет о Сталине: «он изгнал варварство из России варварскими средствами», но уточняет: «учитывая природу употребленных средств, варварство, изгнанное в дверь, частично возвратилось через окно».

¹⁹ *Enciclopedia Italiana*, XXXII (1936), p. 460. Статья была написана перед войной в Испании, до того, как фашисты снова заговорили о международном большевизме, управляемом из Москвы.

²⁰ Balbo I., *Da Roma a Odessa sui cieli dell'Egeo e del Mar Nero*, Treves, Milano, 1929, p. 105.

²¹ Dimitrov, *Diario*, p. 203.

²² «Люди были такими, какими они были, их не затронула запоздалая мудрость потомства, и они действовали, как могли» (Trevelyan G. M., *England under Queen Anne*, London, 1930-34, vol. I, cap. 3).

Эпилог

¹ Robespierre M., *Œuvres complètes*, Puf, Paris, 1958, IX, p. 14.

² См. ранее, с. 33 и прим. 8 на с. 398.

³ Rosenberg A., *Aristoteles über Diktatur und Demokratie*, «Rheinisches Museum», N.F., 82, 1933, pp. 339-361 (= Id., *Demokratie und Klassenkampf*, Ausgewählte Studien, hrsg. von H.-U. Wehler, Ullstein, Frankfurt a.M., 1974, pp. 103-125; мысль, на которую мы ссылаемся, — на с. 119).

⁴ «Фактически может править любая партия, но по праву — только демократическая» (Suppl. IV, Frankfurt, 1848, p. 232, s.v. *Parteien*).

⁵ Некоторые их действия освещались в итальянских радионовостях 8 августа 1999 г. (программа 1, в 8 ч.).

⁶ Смотри по этому поводу комментарий Aldo Corcella, "*La libertà senza l'uguaglianza: Leopardi, le società antiche e l'India*", в *Studi sulla tradizione classica, per Mariella Cagnetta*, Laterza, Roma-Bari, 1999, pp. 193–211.

БИБЛИОГРАФИЯ

Agosti A., *Togliatti*, Utet, Torino, 1996.

Agosti A., *Bandiere rosse. Profilo storico dei comunismi europei*, Ed. Riuniti, Roma, 1999.

Allum P., *State and Society in Western Europe*, Polity, Cambridge, 1995; итал. перевод: *Democrazia reale: Stato e società civile nell'Europa occidentale*, Utet, Torino, 1997.

Anderson P., *Lineages of the Absolutist State*, Nlb, London, 1974; итал. перевод: *Lo Stato assoluto*, Mondadori, Milano, 1980.

Anonimo, s.v. *Suffrage*, in *La Grande Encyclopédie: inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts*, par une Société des savants et de gens de lettres, vol. 30, Lamirault, Paris, [1901].

Aquarone A., Negri G., Scelba C. (a cura di), *La formazione degli Stati Uniti d'America*, vol. I, Nistri-Lischi, Pisa, 1961.

Archives Parlementaires de 1787 à 1860, I série (1787-1799), tome 84, Cnrs, Paris, 1962.

Arnault A.-V., Bazot E.F., Jay A., De Jouy E., Marquet de Montbreton Norvins J., *Biographie Nouvelle des Contemporains*, 20 voll., Librairie historique, Paris, 1820-25.

Arrow K., *Social Choice and Individual Values*, Wiley, New York, 1951; итал. перевод: *Scelte sociali e valori individuali*, Etas libri, Milano 1977.

Ashby Turner jr. H., *Hitler's Thirty Days to Power. January 1933*, Addison-Wesley, Reading (Mass.), 1996; итал. перевод: *I trenta giorni di Hitler*, Mondadori, Milano, 1997.

Baden M. von, *Erinnerungen und Dokumente*, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart-Berlin, 1927.

Balbo I., *Da Roma a Odessa sui cieli dell'Egeo e del Mar Nero*, Treves, Milano, 1929.

Bangou H., *La Guadeloupe*, 3 voll., L'Harmattan, Paris, 1987.

Bastid P., *Doctrines et institutions politiques de la seconde République*, 2 voll., Hachette, Paris, 1945.

Baudrillart H., *Pertes éprouvées par les bibliothèques publiques de Paris pendant le siège par les Prussiens en 1870 et pendant la domination de la Commune révolutionnaire en 1871*. Rapport à M. le Ministre de l'Instruction publique, 2ème éd., Techener, Paris, 1872.

Bauer O., *Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus*, Prager, Bratislava, 1936; итал. перевод: *Tra due guerre mondiali? La crisi dell'economia mondiale, della democrazia e del socialismo*, a cura di E. Collotti, Einaudi, Torino, 1979.

Bavaj A., *Il principio rappresentativo nello Stato sovietico*, con prefazione di S. Panunzio, Anonima Romana Editoriale, Roma, 1933.

Bayle P., *Nouvelles lettres de l'auteur de la Critique générale de l'Histoire du Calvinisme de Mr. Maimbourg*; 2 voll., chez P. le Blanc, Ville Franche. [Amsterdam], 1685.

Beau de Loménie E., *Les responsabilités des dynasties bourgeoises*, 4 voll., Denoël, Paris, 1943-63; итал. перевод: *Le responsabilità delle dinastie borghesi: da Buonaparte a Mac Mahon*, Longanesi, Milano, 1946.

Bedeschi G., *La fabbrica delle ideologie. Il pensiero politico italiano nel Novecento*, Laterza, Roma-Bari, 2002.

Benda J. et al., *L'esprit européen*, textes in-extenso des conférences et des entretiens organisés par les Rencontres internationales de Geneve 1946, Éds. de la Baconnière, Neuchâtel 1947; итал. перевод: *Spirito europeo*, introduzione di U. Campagnolo, Edizioni di Comunità, Milano, 1950.

Bendersky J.W., *The "Jewish threat": Anti-Semitic Politics of the U.S. Army*, Basic Books, New York, 2000.

Blanc O., *Les hommes de Londres. Histoire secrète de la Terreur*, Albin Michel, Paris, 1989.

Bobbio N., Matteucci N., Pasquino G., *Dizionario di politica*, Utet, Torino, 1983.

Bobbio N., *Il futuro della democrazia*, Einaudi, Torino, 1984.

Bocenina N.D., *La segretaria di Togliatti. Memorie di Nina Bocenina*, con un saggio di S. Bertelli, Ponte alle Grazie, Firenze, 1993.

Bonanate L., *Una giornata del mondo. Le contraddizioni della teoria democratica*, Mondadori, Milano, 1996.

Bonghi R., *Storia dell'Europa durante la rivoluzione francese: dal 1789 al 1795*, lezioni dette nell'Università di Roma l'anno 1888-89, 2 voll., G.B. Paravia, Torino, 1890-94.

Bosi A., *Dialética da Colonização*, Companhia das Letras, S. Paulo, 1992; фр. перевод: J. Briant, *La culture brésilienne – une dialectique de la colonisation*, L'Harmattan, Paris, 2000.

Bourgin G., *Aperçu sur l'histoire de la Commune de 1871*, «Revue Historique», 55. mai-août 1930, pp. 88–96.

Bramstedt E.K., *Goebbels and national socialist Propaganda. 1925–1945*, Michigan Univ. Press, 1965; нем. перевод: Fischer, Frankfurt a.M., 1971.

Brandt W., *Erinnerungen*, Ullstein, Frankfurt a.M., 1989; итал. перевод: *Memorie*, Garzanti, Milano, 1991.

Braudel F., *Le monde actuel*, Berlin, Paris, 1963; итал. перевод: *Il mondo attuale*, 2 voll., Einaudi, Torino, 1966.

Brügel J.W., *Stalin und Hitler: Pakt gegen Europa*, Europa-Verlag, Wien, 1973.

Brunialti A. (dir.), *Biblioteca di scienze politiche, II: Le Forme dei governi*, Utet, Torino, 1886.

Bryce J., *Modern Democracies*, 2 voll., Macmillan, London 1921; итал. перевод: *Democrazie moderne: Repubbliche dell'antichità, Repubbliche sudamericane, Francia, Svizzera, Canada, Stati Uniti d'America, Australia, Nuova Zelanda*, Hoepli, Milano, 1930.

Bryce J., *The American Commonwealth*, 3 voll., Macmillan, London, 1888; итал. перевод: *La Repubblica Americana*, a cura di A. Brunialti, Utet, Torino, 1913.

Buonarroti F., *Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf, suivie du procès auquel elle donna lieu*, Librairie romantique, Bruxelles

1828; итал. перевод: *Congiura per l'uguaglianza detta di Babeuf*, a cura di G. Manacorda, Einaudi, Torino, 1946.

Burckhardt C.J., *Meine Danziger Mission 1937–1939*, Callwey, München, 1960.

Burgos E., *Me llamo Rigoberta Menchú*, Ediciones Casa de las Américas, La Habana, 1983; итал. перевод: *Mi chiamo Rigoberta Menchú*, Giunti, Firenze, 1987.

Burke E., *Reflections on the Revolution in France*, Dodsley, London, 1790; итал. перевод: *Riflessioni sulla Rivoluzione in Francia e sulle relative deliberazioni di alcune società di Londra*, a cura di M. Respinti, Ideazione, Roma, 1998.

Calamandrei P., *La Costituzione e la gioventù*, discorso pronunciato nel gennaio 1955 a Milano, a cura dell'Ufficio stampa e pubbliche relazioni della provincia di Livorno nel 30° anniversario della Resistenza e della Liberazione, Livorno, 1975.

Canetti E., *Masse und Macht*, Claassen Verlag, Hamburg, 1960; итал. перевод: *Massa e potere*, Adelphi, Milano, 1981.

Carr E.H., *Foundations of a Planned Economy, 1926–1929*, 3 voll., Macmillan, London, 1969–78; итал. перевод: *Le origini della pianificazione sovietica*, 6 voll., Einaudi, Torino, 1972–84.

Carr E.H., *The Bolshevik Revolution (1917–1923)*, 3 voll., Macmillan, London–New York, 1950–53; итал. перевод: *La rivoluzione bolscevica (1917–1923)*, Einaudi, Torino, 1964.

Carr E.H., *1917: Before and After*, London 1969; итал. перевод: *1917. Illusioni e realtà della rivoluzione russa*, Einaudi, Torino, 1970.

Carrère d'Encausse H., *Le pouvoir confisqué: gouvernants et gouvernés en Urss*, Flammarion, Paris, 1980.

Chevallier J.-J., *Histoire des institutions politiques de la France moderne (1789–1945)*, Dalloz, Paris, 1958.

Chomsky N., Herman E.S., *Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media*, Pantheon Books, New York, 1988; итал. перевод: *La fabbrica del consenso*, M. Tropea editore, Milano, 1998; фр. перевод: *La fabrique de l'opinion publique: la politique économique des médias américains*, Ed. le Serpent à plumes, Paris, 2003.

Churchill W., *The Second World War*, 6 voll., Cassell, London, 1948-53; итал. перевод: *La seconda guerra mondiale*, 6 voll., Mondadori, Milano, 1948-53.

Clemenceau G., *Démosthène*, Plon, Paris, 1926.

Collotti E., *La socialdemocrazia tedesca, 1945-1954*, «Occidente» 10, 1954, pp. 465-466.

Collotti E., *Storia delle due Germanie*, Einaudi, Torino, 1968.

Commentario sistematico alla Costituzione italiana, diretto da Piero Calamandrei e Alessandro Levi, con la collaborazione di Paolo Barile, Maurice Battelli, Alberto Bertolino, 2 voll., Barbera ed., Firenze, 1950.

Condorcet J.A., *Essai sur l'application de l'analyse à la probabilité des décisions rendues à la pluralité des voix*, Imprimerie royale, Paris, 1785.

Constant B., *De l'esprit de conquête et de l'usurpation, dans leurs rapports avec la civilisation européenne*, Le Normant, Paris, 1814; итал. перевод: *Dello spirito di conquista e dell'usurpazione nei loro rapporti con la civiltà europea*, Rizzoli, Milano, 1961.

Constant B., *Oeuvres politiques*, ed. par Ch. Louandre, Charpentier, Paris, 1874.

Corcella A., «La libertà senza l'uguaglianza»: Leopardi, le società antiche e l'India, in *Studi sulla tradizione classica, per Mariella Cagnetta*, Laterza, Roma-Bari, 1999, pp. 193-0211.

Corrispondenza tra Stalin, Churchill, Roosevelt, Attlee, Truman 1941-1945, 2 voll., Edizioni Progress, Mosca, 1985.

La Costituzione della Repubblica nei lavori preparatori della Assemblea Costituente, 8 voll., Ed. Camera dei Deputati-Segretariato generale, Roma, 1970-71.

Croce B., *Storia d'Europa nel secolo decimonono*, Laterza, Bari, 1932; переизд. под ред. G. Galasso, Adelphi, Milano, 1991.

Croce B., *Storia d'Italia dal 1871 al 1915*, Laterza, Bari, 1928; rist. a cura di G. Galasso, Adelphi, Milano, 1991.

Dahl R.A., *How Democratic is the American Constitution?*, Yale Univ. Press, New Haven-London, 2001; итал. перевод: *Quanto è democratica la Costituzione americana?*, Laterza, Roma-Bari, 2003.

Dahl R.A., *On Democracy*, Yale Univ. Press, 1998; итал. перевод: *Sulla democrazia*, Laterza, Roma-Bari, 2000.

Dahl R.A., *A Preface to Democratic Theory*, University of Chicago Press, 1956; итал. перевод: *Prefazione alla teoria democratica*, Edizioni di Comunità, Milano, 1994.

Dahl R.A., *Dilemmas of Pluralist Democracy*, Yale Univ. Press, New Haven-London, 1982; итал. перевод: *I dilemmi della democrazia pluralista*, Il Saggiatore, Milano, 1988.

Dahl R.A., *Democracy and its Critics*, Yale Univ. Press, 1989; итал. перевод: *La democrazia e i suoi critici*, Editori Riuniti, Roma, 1990.

De Felice R., *Mussolini*, 8 voll., Einaudi, Torino, 1965-97.

De Gasperi A., *Discorsi politici*, a cura di T. Bozza, Cinque lune, Roma, 1956.

Democracy: The Unfinished Journey, 508 BC to AD 1993, edited by J. Dunn, Oxford Univ. Press, 1992; итал. перевод: *Democrazia: storia di un'idea politica dal VI secolo a. C. a oggi*, prefazione di L. Ornaghi, Marsilio, Venezia, 1995.

Deutscher I., *The Unfinished Revolution: Russia 1917-1967*, Oxford Univ. Press, London, 1967; итал. перевод: *La rivoluzione incompiuta: Russia 1917-1967*, con un'introduzione di V. Strada, Rizzoli, Milano, 1980.

Deutscher I., *Stalin. A Political Biography*, Oxford Univ. Press, 1949; итал. перевод: *Stalin: una biografia politica*, Longanesi, Milano, 1969.

Deutscher I., *The Prophet Unarmed: Trotsky 1921-1929*, Oxford Univ. Press, 1959; итал. перевод: *Il profeta disarmato: Leone Trotsky 1921-1929*, Longanesi, Milano, 1961.

Díaz J., *Tres años de lucha*, Ed. del Partido comunista de España, Barcelona, 1939.

Dictionnaire des girouettes, ou nos contemporains peints d'après eux-mêmes... par une société de girouette [A. Eymery, P.-J. Charrin, Tastu, Périn et de Proisy d'Eppe], Eymery, Paris, 1815.

Dictionnaire des Protées modernes: ou Biographie des personnages vivans qui ont figuré dans la Révolution française par un homme retiré du monde, chez Davi et Locard, Delaunay, Paris, 1815.

Dimitrov G., *Tagebücher 1933–1943*, 2 voll., Aufbau Verlag, Berlin, 2000; итал. перевод: *Diario: gli anni di Mosca (1934–1945)*, a cura di S. Pons, Einaudi, Torino, 2002 [англ. перевод: *The Diary of Georgi Dimitrov*, Yale Univ. Press, 2003].

Dizionario di politica del Pnf, Istituto dell'Enciclopedia italiana, Roma, 1940.

Documents on German Foreign Policy, Series D (1937–1945), vol. III, Government printing office, Washington, 1950.

Droysen J.G., *Des Aristophanes Werke*, Veit, Berlin, 1835-38; итал. перевод: *Aristofane: introduzione alle commedie*, a cura di G. Bonacina, Sellerio, Palermo, 1998.

Du Camp M., *Les Convulsions de Paris*, 4 voll., Hachette, Paris, 1878–79.

Duverger M., *La Quinta Repubblica, compimento della Rivoluzione francese [La V République achèvement de la Révolution française]*, con una presentazione di Nilde Iotti, Ed. della Camera dei Deputati, Roma, 1989.

Duverger M., *Demain la République*, Julliard éd., Paris, 1958; итал. перевод: *La Repubblica tradita*, con prefazione di G. Maranini, Ed. di Comunità, Milano, 1960.

Duverger M., *La VI République et le régime présidentiel*, Fayard, Paris, 1961; итал. перевод: *La sesta repubblica e il regime presidenziale*, Ed. di Comunità, Milano, 1962.

Duverger M., *Institutions politiques et droit constitutionnel*, Puf, Paris, 1955; итал. перевод: *I sistemi politici*, Laterza, Roma–Bari, 1978.

Duverger M., *La République des citoyens*, Éditions Ramsey, Paris, 1982.

Duverger M., *Bréviaire de la cohabitation*, Puf, Paris, 1986.

Van Effenterre H., *Fouilles exécutées à Mallia, 11: Le centre politique: l'Agora*, Librairie orientaliste Geuthner, Paris, 1969.

Engels F., *Der Sozialismus in Deutschland*, «Die Neue Zeit», 10, 1891-92 = *Le socialisme en Allemagne*, «Almanach du parti ouvrier» (dicembre 1891).

Engels F., *Zur Geschichte des Urchristentums*, «Die Neue Zeit», 13, 1894-95; итал. перевод: *Sulle origini del cristianesimo*, Rinascita, Roma, 1953.

Friedrich Engels politisches Vermächtnis, Verlag der Jugendinternationale, Berlin, 1920.

Enzensberger H.M., *Politik und Verbrechen*, Suhrkamp, Frankfurt a.M., 1964; итал. перевод: *Politica e gangsterismo. Quattro saggi su criminalità comune e strutture di potere dalla Chicago degli anni '20 alla Roma degli anni '50*, Savelli, Roma, 1979.

Essad Bey M., *Stalin*, Kiepenheuer, Berlin, 1931; итал. перевод: Treves, Milano, 1932.

Fanfani A., *L'economia orientata*, Democrazia cristiana, Segreteria Spes, Roma, 1946.

Farbman M., *Le plan russe*, «Europe» 25, 1931, pp. 526–557.

Fauvelet de Bourrienne L.-A., *Mémoires de M. de Bourrienne... sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration*, 10 voll., Ladvocat, Paris, 1829–30.

Fejtő F., *Histoire des démocraties populaires*, 2 voll., Editions du Seuil, Paris, (1952) 1969.

Ferrara Marcella e Maurizio, *Conversando con Togliatti*, Ed. di cultura sociale, Roma, 1953.

Ferrero G., *La democrazia in Italia* (1925), Rubbettino, Soveria Mannelli, 2000.

Feuchtwanger L., *Moskau 1937, ein Reisebericht für meine Freunde*, Querido Verlag, Amsterdam, 1937; итал. перевод: *Mosca 1937: diario di viaggio per i miei amici*, Mondadori, Milano, 1946.

Fischer F., *Griff nach der Weltmacht*, Droste Verlag, Düsseldorf, 1961; итал. перевод: *Assalto al potere mondiale: la Germania nella guerra 1914–1918*, Einaudi, Torino, 1965.

Fischer J.L., *Krise democracie*, Brno, 1933; итал. перевод: *La crisi della democrazia*, Einaudi, Torino, 1977.

Fisher H.A.L., *A History of Europe*, III: *The Liberal Experiment*, Eyre and Spottiswoode, London, 1935; итал. перевод: *Storia d'Europa*, III: *L'esperimento liberale*, Laterza, Bari, 1936.

Fleming D.F., *The Cold War and Its Origins (1917–1960)*, 2 voll., Allen & Unwin, London, 1961; итал. перевод: *Storia della guerra fredda. 1917–1960*, Feltrinelli, Milano, 1964.

Fontaine A., *Histoire de la guerre froide*, 2 voll., Fayard, Paris, 1965–1967; итал. перевод: *Storia della guerra fredda*, 2 voll., Il Saggiatore, Milano, 1968.

Fortia d'Urban A.-J.-F., *Vie de Xénophon, suivie d'un extrait historique et raisonné de ses ouvrages*, Gail, Nyon, Paris, 1795.

Fraenkel E., *Der Doppelstaat*, Europäische Verlagsanstalt, Frankfurt a. M., 1974; итал. перевод: *Il doppio Stato: contributo alla teoria della dittatura*, Einaudi, Torino, 1983.

Frangulis A.-F. (a cura di), *Dictionnaire Diplomatique*, Académie Diplomatique Internationale, Paris s.d. (circa 1930).

Furet F., *Penser la Révolution française*, Gallimard, Paris, 1978; итал. перевод: *Critica della Rivoluzione francese*, Laterza, Roma–Bari, 1980.

Furet F., *Marx et la Révolution française*, Flammarion, Paris, 1986; итал. перевод: *Marx e la rivoluzione francese*, Rizzoli, Milano, 1989.

Furet F., *Le passé d'une illusion*, Laffont, Paris, 1995; итал. перевод: *Il passato di un'illusione*, Mondadori, Milano, 1995.

Fustel de Coulanges N.-D., *La cité antique: étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome*, Durand, Paris, 1864.

Gambino A., *Storia del Dopoguerra dalla Liberazione al potere DC*, Laterza, Roma–Bari, 1975.

La gangrène (par Béchir Boumaza, Mustapha Francis, Benaïssa Souami, etc.), Éditions de Minuit, Paris, 1959; итал. перевод: di R. Panzieri, Einaudi, Torino, 1959.

Le memorie di Garibaldi nella redazione definitiva del 1872, a cura della Reale Commissione (Ed. nazionale degli scritti di Garibaldi, vol. II), Cappelli, Bologna, 1932.

Gerschenkron A., *Continuity in History and other Essays*, Harvard Univ. Press, 1968; итал. перевод: *La continuità storica: teoria e storia economica*, Einaudi, Torino, 1976.

Gilas M., *Conversations with Stalin*, Harcourt Brace and World, New York, 1962; итал. перевод: *Conversazioni con Stalin*, Feltrinelli, Milano, 1962.

Giolitti G., *Memorie della mia vita*, Treves, Milano, 1922, rist. Garzanti, Milano, 1967.

Goebbels J., *Diario 1938*, итал. перевод: Mondadori, Milano, 1994.

Goguel F., *Géographie des élections françaises sous la Troisième et la Quatrième République*, Colin, Paris, 1970.

Gori F. e Pons S., *Dagli archivi di Mosca*, Carocci, Roma, 1998.

Gramsci A., *Capo*, «L'Ordine nuovo», marzo 1924, переизд. под названием *Lenin, capo rivoluzionario*, «L'Unità» 6 novembre 1924 [= Gramsci A., *Opere*, 12: *La costruzione del Partito comunista 1923–1926*, Einaudi, Torino, 1971, pp. 12–16].

Gramsci A., *Quaderni del Carcere*, edizione critica a cura di V. Gerratana, Einaudi, Torino, 1975 (1977).

Gramsci A., *La Rivoluzione contro il Capitale*, «Avanti!», 24 novembre 1917 [= *Opere*, vol. 8: *Scritti giovanili 1914–1918*, Einaudi, Torino, 1958, pp. 149–153].

Gross J., *Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland*, Princeton Univ. Press, 2001; итал. перевод: *I carnefici della porta accanto*, Mondadori, Milano, 2002.

Harvey D., *The Condition of Postmodernity*, Basil Blackwell, Oxford, 1990; итал. перевод: *La crisi della modernità*, Net, Milano, 2002.

Hobsbawm E.J., *Age of Extremes*, Joseph, London, 1994; итал. перевод: *Il secolo breve*, Rizzoli, Milano, 1995.

Hobsbawm E.J., *The Age of Revolution. Europe 1789–1848*, Weidenfeld and Nicolson, London, 1962; итал. перевод: *Le rivoluzioni borghesi, 1789–1848*, Il Saggiatore, Milano, 1963.

Hobsbawm E.J., *Interesting Times: A Twentieth-Century Life*, Allen Lane, London, 2002; итал. перевод: *Anni interessanti: autobiografia di uno storico*, Rizzoli, Milano, 2002.

Hugo V., *Napoléon le Petit*, Jeffs, London, 1852; итал. перевод: *Napoleone il piccolo*, Ed. cooperativa del libro popolare, Milano, 1952.

1945–1975 Italia: fascismo, antifascismo, Resistenza, rinnovamento, conversazioni promosse dal Consiglio regionale lombardo nel trentennale della Liberazione, Feltrinelli, Milano, 1975.

Jaurès J., *Histoire socialiste de la Révolution française*, éd. revue par A. Mathiez, 8 voll., Paris 1922-24; итал. перевод: *Storia socialista della Rivoluzione francese*, a cura di Giorgio Candeloro, 10 voll., Cooperativa del libro popolare, Milano, 1953-55.

Jungbluth R., *Die Quandts*, Campus Verlag, Frankfurt a.M., 2002.

Kaplan K., *Relazione sull'assassinio del segretario generale*, a cura di L. Antonetti, Valerio Levi Editore, Roma, 1987.

Kershaw J., *Hitler e l'enigma del consenso*, итал. перевод, Laterza, Roma-Bari, 1997.

Kuhn A., *Das faschistische Herrschaftssystem und die moderne Gesellschaft*, Hoffmann und Campe, Hamburg, 1973; итал. перевод: *Il sistema di potere fascista*, a cura di G. Galli, Mondadori, Milano, 1975.

Labriola A., *Socrate*, nuova edizione a cura di B. Croce, Laterza, Bari, 1909.

Lamartine A. de., *Histoire des Girondins*, 8 voll., Furne, Paris, 1847; итал. перевод: *Storia dei girondini*, Athena, Milano, [1929-31].

La Puma L., *Democrazia e socialismo tra diaspora ed esilio. Il dibattito politico in Europa dopo il 1848*, Piero Lacaita Editore, Manduria-Bari-Roma, 1998.

Laski H.J., *Democracy in Crisis*, Allen & Unwin, London, 1933; итал. перевод: *Democrazia in crisi*, a cura di A. Schiavi, Laterza, Bari, 1935.

Lassalle F., *La guerra d'Italia: il compito della Prussia e altri scritti*, ed. a cura di E. Ciccotti, Edizioni «Avanti!», Milano 1922, переизд. M&B, Milano, 1996.

Lavissee E., *Histoire de France contemporaine*, vol. VI (a cura di Ch. Seignobos): *La Révolution de 1848 et le Second Empire (1848-1859)*, Hachette, Paris, 1921.

Le Bon G., *Psychologie des foules*, Alcan, Paris, 1895; итал. перевод: *Psicologia delle folle*, a cura di P. Melograni, Mondadori, Milano, 1982.

L'école Normale de l'an III. Leçons d'histoire, de géographie, d'économie politique. Édition annotée des cours de Volney, Buache de La Neuville, Mentelle et Vandermonde, par A. Alcouffe, G. Israel,

B. Jobert, G. Jorland, F. Labourie, D. Nordman, J.-C. Perrot, D. Woronoff, Dunod, Paris, 1994.

Lefebvre G., *La révolution française*, avec Raymond Guyot et Philippe Sagnac, Librairie F. Alcan, Paris, 1930; итал. перевод: *La rivoluzione francese*, Einaudi, Torino, 1958.

Lenin V.I., *Opere scelte* in sei volumi; trad. a cura dell'Istituto di marxismo-leninismo presso il Cc del Pcus, Ed. Riuniti—Ed. Progress, Roma—Mosca s.d.

Lenin V.I., Trockij L., Luxemburg R., *Rivoluzione e polemica sul partito*, a cura di G. Bedeschi, Newton Compton, Roma, 1973.

Leopardi G., *Zibaldone*, edizione critica e annotata a cura di Giuseppe Pacella, 3 voll., Garzanti, Milano, 1991.

Leroy-Beaulieu A., *Le Centenaire de 1789*, «Revue des deux mondes», 93, 1889, pp. 860—904; итал. перевод: *Brindisi al 1789: la Rivoluzione francese all'Esposizione di Parigi*, Bottega dell'antiquario, Roma, [1949].

Leroy-Beaulieu A., *L'empire des tsars et les Russes*, 3 voll., Hachette, Paris, 1881-89; Laffont, Coll. Bouquins, Paris, 1991.

Lewis G.C., *A Dialogue on the Best Form of Government*, Parker and Bourn, London, 1863; итал. перевод: *Qual è la miglior forma di governo?*, Sellerio, Palermo, 1996.

Lexikon zur Geschichte und Politik im 20. Jahrhundert, 3 voll., Deutscher Taschenbuch Verlag, München, 1974.

Lieb knecht K., *Scritti politici*, a cura di Enzo Collotti, Feltrinelli, Milano, 1971.

Linguet S.-N.-H., *Annales politiques, civiles et littéraires du dix-huitième siècle*, 19 voll., London, 1777-91.

Linz J.J., *Fascism, Breakdown of Democracy, Authoritarian and Totalitarian Regimes*, Inst. J. March de Estudios e Investigaciones, Madrid, 2002; итал. перевод: *Fascismo, autoritarismo, totalitarismo: connessioni e differenze*, Ideazione, Roma, 2003.

Lönne K.E., *Faschismus als Herausforderung*, Böhlau-Verlag, Köln—Wien, 1981; итал. перевод: *Il fascismo come provocazione: Rote Fahne e Vorwärts a confronto con il fascismo italiano tra il 1920 e il 1933*, Guida, Napoli, 1985.

Losurdo D., *Democrazia o bonapartismo. Trionfo e decadenza del suffragio universale*, Bollati Boringhieri, Torino, 1993.

Losurdo D., *Il liberalismo non ha commesso genocidi?*, «Liberal», 16, febbraio-marzo 2003.

Loth W., *Stalins ungeliebtes Kind: warum Moskau die DDR nicht wollte*, Rowohlt, Berlin, 1994; итал. перевод: *Figliastri di Stalin*, Quattro venti, Urbino, 1997.

Luxemburg R., *Briefe an Karl und Luise Kautsky*, Berlin, 1923; итал. перевод: *Lettere ai Kautsky*, Ed. Riuniti, Roma, 1971.

Luxemburg R., *Gesammelte Werke*, IV: *August 1914–Januar 1919*, Dietz Verlag, Berlin, 1974.

Luxemburg R., *Organisationsfragen der russischen Sozialdemokratie*, «Die Neue Zeit», 2 (1903/4), pp. 484–492; 529–535 [= R. Luxemburg, *Gesammelte Werke*, Bd. 1.2, Berlin, 1970, pp. 422–446]; итал. перевод: *La rivoluzione russa e questioni di organizzazione della socialdemocrazia russa*, Opere nuove, Roma, 1959.

MacPherson C.B., *Burke*, Oxford Univ. Press, 1980; итал. перевод: *Il melangolo*, Genova, 1999.

Mack Smith D., *Garibaldi, una grande vita in breve* (1956), итал. перевод, Mondadori, Milano, 1996.

Maier C.S., *Recasting Bourgeois Europe*, Princeton Univ. Press, 1975; итал. перевод: *La rifondazione dell'Europa borghese*, De Donato, Bari, 1979.

Maistre J. de, *Les bienfaits de la Révolution française* (1795), in *Œuvres complètes*, Imprimerie Emmanuel Vitte, Lyon, 1884–87, vol. VII.

Malaparte C., *Technique du coup d'État*, Grasset, Paris 1931; итал. перевод: *Tecnica del colpo di Stato*, a cura di G. Luti, Vallecchi, Firenze, 1994.

Maldonado T., *Che cos'è un intellettuale? Avventure e disavventure di un ruolo*, Feltrinelli, Milano, 1995.

Manacorda G., *Il bolscevismo: marxismo, mistica, meccanesimo, ateismo, morale, politica, economia, letteratura e arte, scuola e propaganda*, Sansoni, Firenze, 1940.

Mann Th., *Betrachtungen eines Unpolitischen*, Fischer, Berlin, 1918; итал. перевод: *Considerazioni di un impolitico*, Adelphi, Milano, 1997.

Maranini G., *Storia del potere in Italia 1848–1967*, Vallecchi, Firenze, 1967; Corbaccio, Milano, 1995.

Marx K., Engels F., *Werke*, 43 voll., Dietz Verlag, Berlin, 1956–90.

Marx K., *Die Klassenkämpfe in Frankreich*, «Neue Rheinische Zeitung», 1850; итал. перевод: *Le lotte di classe in Francia*, Einaudi, Torino, 1948.

Marx K., *Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte*, «Die Revolution», mai 1852; итал. перевод: *Il 18 brumaio di Luigi Bonaparte*, Ed. Riuniti, Roma, 1964.

Marx K., *The Civil War in France*. Address of the General Council of the International Working-Men's Association, Truelove, London, 1871; итал. перевод: *La guerra civile in Francia*, Editori Riuniti, Roma, 1990.

Marx K., Engels F., *Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik gegen Bruno Bauer und Consorten*, Literarische Anstalt, Frankfurt a.M. 1845; итал. перевод: *La sacra famiglia: ovvero Critica della critica critica contro Bruno Bauer e soci*, Ed. Riuniti, Roma, 1967.

Marx K., Engels F., *India Cina Russia*, a cura di B. Maffi, Il Saggiatore, Milano, 1970.

Mason T.W., *Sozialpolitik im Dritten Reich*, Westdeutscher Verlag, Opladen, 1977; итал. перевод: *La politica sociale del Terzo Reich*, De Donato, Bari, 1980.

Mastellone S., *Storia della democrazia in Europa dal XVIII al XX secolo*, Utet, Torino, 1986, II ed. 1993 con una nuova appendice sull'89.

Mastny V., *Il dittatore insicuro. Stalin e la guerra fredda* (1996), итал. перевод, Corbaccio, Milano 1998; Tea, Milano, 2003.

Mayer A.J., *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War*, Pantheon Books, New York, 1981 [Croom Helm, London, 1981]; итал. перевод: *Il potere dell'Ancien Régime fino alla prima guerra mondiale*, Laterza, Roma–Bari, 1982.

Mayeur J.-M., *Le élites in Francia e in Italia negli anni Quaranta*, «Italia contemporanea», 153 (dic. 1983), pp. 117–125.

Mazzini G., *Doveri dell'uomo, pensiero ed azione, Dio e popolo*, Vallecchi, Firenze, 1860.

Meade J.E., *Liberty, Equality and Efficiency*, New York Univ. Press, 1993; итал. перевод: *Libertà, eguaglianza ed efficienza*, Feltrinelli, Milano, 1995.

Meinecke F., *Erlebtes 1862–1919*, Koehler, Stuttgart, 1964; итал. перевод: *Esperienze 1862–1919*, a cura di F. Tessitore, Guida, Napoli, 1971.

Meinecke F., *Die deutsche Katastrophe*, Brockhaus, Wiesbaden, 1946; итал. перевод: *La catastrofe della Germania: considerazioni e ricordi*, La Nuova Italia, Firenze, 1948.

Metamorfosi della sovranità: tra Stato nazionale e ordinamenti giuridici mondiali (Società geografica italiana, Roma, 2 ottobre 1998), a cura di Gian Mario Cazzaniga, Ets, Pisa, 1999.

Meyer E., *Der Staat, sein Wesen und seine Organisation*, in *Weltgeschichte und Weltkrieg*, Cotta, Stuttgart, 1916, pp. 132–168.

Mill John Stuart, *Considerations on Representative Government*, Parker and Bourn, London, 1861; итал. перевод: *Considerazioni sul governo rappresentativo*, Ed. Riuniti, Roma, 1997.

Mommsen Th., *Die Grundrechte des deutschen Volkes*, Wigand, Leipzig, 1849; итал. перевод: *I diritti fondamentali del popolo tedesco, commento alla costituzione del 1848*, a cura di G. Valera, Il Mulino, Bologna, 1994.

Montesquieu Ch., *De l'esprit des lois, ou Du rapport que les lois doivent avoir avec la constitution de chaque gouvernement, les mœurs le climat, la religion, le commerce*, chez Barillot, Genève, 1748.

Montesquieu L. de, *Le Salut Public*, Plon-Nourrit, Paris, 1901.

Mosca G., *Sulla teorica dei governi e sul governo parlamentare: studii storici e sociali*, Loescher, Torino, 1884.

Mosca G., *La sociologia del partito politico nella democrazia moderna* (1912), in *Partiti e sindacati nella crisi del regime parlamentare*, Laterza, Bari, 1949.

Louis Napoléon, *Extinction du paupérisme* (1844), in *Oeuvres de Napoléon III*, vol. II, Amyot, Paris, 1856.

Noelle-Neumann E., *Die Schweigespirale: öffentliche Meinung, unsere soziale Haut*, Piper, München, 1980; итал. перевод: *La spirale del silenzio: per una teoria dell'opinione pubblica*, Meltemi, Roma, 2002.

Nolte E., *Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945, Nationalsozialismus und Bolschewismus*, Ullstein, Frankfurt a.M., 1987; итал. перевод: *Nazional-socialismo e bolscevismo: la guerra civile europea 1917–1945*, Sansoni, Firenze, 1988.

Odifreddi P., *La democrazia impossibile*, «Lettera pristem», nr. 11 (marzo 1994), pp. 26–31.

Oliphant A.W., *Universal Suffrage and Napoleon the Third*, Edinburgh–London, 1860.

Ollivier E., *L'Empire libéral: études, récits, souvenirs*, tome deuxième: *Louis Napoléon et le coup d'État*, Garnier, Paris, 1897.

Ornaghi L., Parsi V.E., *La virtù dei migliori. Le élite, la democrazia, l'Italia*, Il Mulino, Bologna, 1994.

Orwell G., *Homage to Catalonia*, Secker & Warburg, London 1938; итал. перевод: *Omaggio alla Catalogna*, Mondadori, Milano, 2002.

Orwell G., 1984, Secker & Warburg, London, 1949; итал. перевод: Mondadori, Milano, 1973.

Pagliaro A., *Il fascismo contro il comunismo*, Le Monnier, Firenze, 1938.

Palmer R.R., *The Age of Democratic Revolution. A Political History of Europe and America, 1760–1800*, 2 voll., Princeton Univ. Press, 1959–64; итал. перевод: *L'era delle rivoluzioni democratiche*, Rizzoli, Milano, 1971.

Panikkar R., *I fondamenti della democrazia: forza, debolezza, limite* (1997), итал. перевод, Edizioni Lavoro, Roma, 2000.

Pareto V., *Trasformazione della democrazia*, Corbaccio, Milano, 1921; переизд. под ред. E. Susca, introduzione di D. Losurdo, Ed. Riuniti, Roma, 1999.

Parry G., *Political elites*, Allen & Unwin, London, 1969; итал. перевод: *Le élites politiche*, Il Mulino, Bologna, 1972.

Perfetti F., postfazione a C. Malaparte, *Tecnica del colpo di Stato*, Mondadori, Milano, 2002.

Pflugk-Harttung J. von, *Weltgeschichte: Die Entwicklung der Menschheit in Staat und Gesellschaft, in Kultur und Geistesleben*, 6 voll., Ullstein, Berlin, 1907-10; итал. перевод: *Storia universale: lo sviluppo dell'umanità sotto l'aspetto politico, sociale e intellettuale*, 6 voll., Società Editrice Libreria, Milano, 1912-30.

L.P. [Louis Prudhomme], *L'Europe tourmentée par la Révolution en France*, Pélicier, Paris, 1815.

Rabbe A., *Biographie universelle et portative des contemporains... Prospectus... Notice sur Jacques-Louis David*, par l'auteur de la notice sur Canning [Alph. Rabbe], au bureau de la Biographie, Paris, 1827.

Read A., Fisher D., *The Deadly Embrace: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact, 1939-1941*, Joseph, London, 1988; итал. перевод: *L'abbraccio mortale*, Rizzoli, Milano, 1989.

Reinhard W., *Geschichte der Staatsgewalt. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte Europas von den Anfängen bis zur Gegenwart*, Beck, München, 1999; итал. перевод: *Storia del potere politico in Europa*, Il Mulino, Bologna, 2001.

Rémond R., *La vie politique en France*, 2 voll., Colin, Paris, 1986.

Rensi G., *Gli Anciens Régimes e la democrazia diretta*, Tip. Colombi, Bellinzona, 1902; переизд. *La democrazia diretta* (Roma 1926); переизд. под ред. N. Emery, Adelphi, Milano, 1995.

Revelli M., *Putney: alle radici della democrazia moderna. Il dibattito tra i protagonisti della «Rivoluzione inglese»*, Baldini & Castoldi, Milano, 1997.

Reymond F., *Un manifeste inédit de Benjamin Constant*, «Annales Benjamin Constant», 5, 1985, pp. 81-93.

Robespierre M., *Œuvres complètes*, 10 voll., Puf, Paris, 1910-67.

Ronchey A., *I limiti del capitalismo*, Rizzoli, Milano, 1991.

Rosenberg A., *Demokratie und Klassenkampf im Altertum*, Velhagen & Klasing, Bielefeld, 1921; итал. перевод: in *Il comunista senza partito*, Sellerio, Palermo, 1984.

Rosenberg A., *Die Entstehung der deutschen Republik*, Rowohlt, Berlin, 1928; итал. перевод: *Origini della Repubblica tedesca*, Leonardo, Roma, 1947.

Rosenberg A., *Geschichte des Bolschewismus*, Rowohlt, Berlin, 1932, nuova ed., Europäische Verlagsanstalt, Frankfurt a.M. 1966; итал. перевод: *Storia del bolscevismo*, Sansoni, Firenze, 1933.

Rosenberg A., *Aristoteles über Diktatur und Demokratie*, «Rheinisches Museum», n. s., 82, 1933, pp. 339–361 (= Rosenberg A., *Demokratie und Klassenkampf*, Ausgewählte Studien, hrsg. von H.-U. Wehler, Ullstein, Frankfurt a.M., 1974, pp. 103–125).

Rosenberg A., *Demokratie und Sozialismus: zur politischen Geschichte der letzten 150 Jahre*, Allert de Lange, Amsterdam, 1938; итал. перевод: *Democrazia e socialismo. Storia politica degli ultimi centocinquant'anni (1789–1937)*, De Donato, Bari, 1971.

Rotteck K. von, *Staats-Lexikon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften*, 15 voll., Frankfurt a. M. 1834-43; Supplementbände 1–4, 1843-48.

Rousseau J.-J., *Du Contrat social, ou Principes du droit politique*, Rey, Amsterdam, 1762; итал. перевод: *Il contratto sociale*, con un saggio di R. Derathe, note di V. Gerratana, Einaudi, Torino, 1980.

Rousseau J.-J., *Correspondance générale*, a cura di Th. Dufour, 20 voll., Colin, Paris, 1924-34.

Rousseau J.-J., *Correspondance complète*, édition critique par R. A. Leigh, 52 voll., Voltaire Foundation, Oxford, 1965-98.

Saint-Simon C.-H. de, Thierry J.-N.-A., *De la réorganisation de la société européenne*, Égron, Paris, 1814; итал. перевод: *La riorganizzazione della società europea*, introduzione di A. Saitta, Atlantica, Roma, 1945.

Saitta A., *La Quarta Repubblica francese e la sua prima Costituente*, Sansoni, Firenze, 1947.

Salamone C., *La parola smarrita. Sul testo dell'articolo 75 della Costituzione*, «Biblioteca», I, 1, 1990, pp. 19–23.

Salsano A., *L'altro corporativismo. Tecno-crazia e managerialismo tra le due guerre*, Il Segnalibro, Torino, 2003.

Sassoon D., *One Hundred Years of Socialism: The West European Left in the Twentieth Century*, Tauris, London 1996; итал. перевод: *Cent'anni di socialismo*, Ed. Riuniti, Roma, 1997.

Schlangen W., *Demokratie und bürgerliche Gesellschaft*, Kohlhammer, Stuttgart, 1973; итал. перевод: *Democrazia e società borghese*, Il Mulino, Bologna, 1979.

Schmitt K., *Die Diktatur*, Duncker & Humblot, München–Leipzig, 1921; итал. перевод: *La dittatura: dalle origini dell'idea moderna di sovranità alla lotta di classe proletaria*, Laterza, Roma–Bari, 1975.

Schvarcz J., *Die Demokratie*, 2 voll., Duncker & Humblot, Leipzig, 1877–98.

Schwabe K., *Wissenschaft und Kriegsmoral*, Musterschmidt, Göttingen, 1969.

Schwarzwaller W., *Hitlers Geld. Vom armen Kunstmaler zum millionenschweren Führer*, Überreuter, Wien, 1998.

Seton-Watson H., *Eastern Europe between the Wars: 1918–1941*, Cambridge Univ. Press, 1945; итал. перевод: *Le democrazie impossibili. L'Europa orientale tra le due guerre mondiali*, a cura di P. Fornaro, Rubbettino, Soveria Mannelli, 1992.

Shirer W. L., *The Collapse of the Third Republic*, Simon & Schuster, New York, 1969; итал. перевод: *La caduta della Francia da Sedan all'occupazione nazista*, Einaudi, Torino, 1969.

Siedentop L., *Democracy in Europe*, Penguin Press, London, 2000; итал. перевод: *La democrazia in Europa*, introduzione di P. Ginsborg, Einaudi, Torino, 2001.

Siotto Pintor M., voce *Elezione*, in *Enciclopedia Italiana*, vol. 13, Roma, 1932, pp. 780–83.

Skocpol Th., *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*, Cambridge Univ. Press, 1979; итал. перевод: *Stati e rivoluzioni sociali: un'analisi comparata di Francia, Russia e Cina*, Il Mulino, Bologna, 1981.

Stannard D.E., *American Holocaust*, Oxford Univ. Press, 1992; итал. перевод: *Olocausto americano. La conquista del Nuovo Mondo*, Bollati Boringhieri, Torino, 2001.

Steffen G.F., *Die Demokratie in England: einige Beobachtungen im neuen Jahrhundert und ein Renaissanceepilog*, Diederichs, Jena, 1911.

Steffen G.F., *Das Problem der Demokratie*, Diederichs, Jena, 1912.

Storia del partito comunista (b) dell'Urss (1938), итал. перевод, Ricciardi, Napoli, 1944.

Storia universale dell'Accademia delle scienze dell'Urss (1955–1965), итал. перевод, 13 voll., Teti, Milano, 1965-87.

Strumia A.M., *Autorità e potere: le repubbliche antiche nell'Inghilterra del XVII secolo, in I linguaggi politici delle rivoluzioni in Europa XVII–XIX secolo. Atti del convegno (Lecce, 11–13 ottobre 1990)*, a cura di E. Pii, Leo S. Olschki, Firenze, 1992.

Swift J., *L'arte della menzogna politica* (1712), La spiga, Vimercate, 1993.

Sybel H. von, *Geschichte der Revolutionszeit: von 1789 bis 1795*, 3 voll., J. Buddeus Verlag, Düsseldorf, 1853-58.

Tarle E.V., *Storia d'Europa: 1871–1919* (Moskva–Leningrad 1928), Ed. Riuniti, Roma, 1959.

Tasca A., *Deux ans d'alliance germano-soviétique*, Fayard, Paris, 1949; итал. перевод: *Due anni di alleanza germano-sovietica*, La Nuova Italia, Firenze, 1951.

Tchouev F., *Conversations avec Molotov* (1991), фр. перевод и предисловие Н. Carrère d'Encausse, Albin Michel, Paris, 1995.

Tetens T.H., *The New Germany and the Old Nazis*, Secker & Warburg, London, 1961; итал. перевод: *La nuova Germania e i vecchi nazisti*, Ed. Riuniti, Roma, 1963.

Thatcher M., *Britain and Europe*, text of the Prime Minister's speech at Bruges on 20th September 1988, Conservative Political Centre, London, 1988.

Thomas H., *The Spanish Civil War*, Eyre and Spottiswoode, London, 1961; итал. перевод: *Storia della guerra civile spagnola*, Einaudi, Torino, 1963.

Tocqueville A. de, *De la démocratie en Amérique*, 4 voll., Gosselin, Paris, 1835-40; итал. перевод: *La democrazia in America*, a cura di G. Candeloro, Rizzoli, Milano, 1999.

Tocqueville A. de, *Una rivoluzione fallita. Ricordi del 1848–1849*, итал. перевод под ред. А. Omodeo, Laterza, Bari, 1939.

Tocqueville A. de, *Dizionario delle idee*, a cura di G. Pisan, Ed. Riuniti, Roma, 1997.

Tocqueville A. de, *Voyage en Amérique* (1865), in *Oeuvres*, I, Galimard, Paris, 1991; итал. перевод: *Viaggio negli Stati Uniti*, Einaudi, Torino, 1990.

Tocqueville A. de, *Scritti, note, discorsi politici, a cura di U. Col-dagelli*, Bollati Boringhieri, Torino, 1994.

Togliatti P., *Opere*, 6 voll., a cura di Ragionieri E., poi F. Andreucci, P. Spriano, poi L. Gruppi, Ed. Riuniti, Roma, 1967-1984.

Togliatti P., *La politica di unità nazionale dei comunisti* (Napoli, 11 aprile 1944), Ed. Robin, Roma, 1999.

Togliatti P., *Per una repubblica democratica e antifascista: discorsi alla Costituente*, a cura di G. Pallotta, Newton Compton, Roma, 1976.

Torre A., *Alla vigilia della guerra mondiale 1914-1918*, Istituto per gli studi di Politica Internazionale, Milano, 1942.

Toynbee A., *The World and the West*, The B.B.C. Reith Lectures, Oxford Univ. Press, 1953; итал. перевод: *Il mondo e l'Occidente*, Sellerio, Palermo, 1992.

Trentin S., *Commento sulla Costituzione dell'Urss*, «Giustizia e libertà», (Parigi), luglio 1936.

Trevelyan G.M., *England under Queen Anne*, 3 voll., Longmans, London, 1930-34.

Trockij L.D., *Millenovecentocinque* (1922), итал. перевод, Newton Compton, Roma, 1976.

Trockij L.D., *Guerra e rivoluzione* (1970), итал. перевод, Mondadori, Milano, 1973.

Trockij L.D., *I nostri compiti politici* (1904), итал. перевод, La Nuova Sinistra, Roma, 1972.

Trockij L.D., *Geschichte der russischen Revolution*, 2 voll., Fischer, Berlin, 1931-33; итал. перевод: *Storia della rivoluzione russa*, Mondadori, Milano, 1969.

Trockij L.D., *La mia vita* (1930), итал. перевод, Mondadori, Milano, 1930.

Troisième République, ed. Larousse, Paris, 1939.

Tulard J. (a cura di), *L'Europe au temps de Napoléon*, Ed. Horvath, Le Coteau, 1989.

Utčenko S.L., Diakonov I.M., *Social Stratification of Ancient So-ciety*, Nauka Publ. House, Moscow 1970.

Valiani L., *Tutte le strade conducono a Roma*, La Nuova Italia, Firenze, 1947.

Vermeil E., *La Germania contemporanea: storia sociale, politica e culturale: 1890–1950*, итал. перевод, Laterza, Bari, 1956.

Vetter C., *Dispotismo della libertà: dittatura e rivoluzione dall'Illuminismo al 1848*, Franco Angeli, Milano, 1993.

Villey E., *Les périls de la démocratie française*, Plon, Paris, 1910.

Vita-Finzi P., *Le delusioni della libertà*, Vallecchi, Firenze, 1961.

Vogt J., *Sklaverei und Humanität im klassischen Griechentum*, Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Wiesbaden, 1953.

Warner S., Gambetta D., *La retorica della riforma. Fine del sistema proporzionale in Italia*, Einaudi, Torino, 1994.

Weber, M. *Wirtschaft und Gesellschaft*, Teilband 5: *Die Stadt* (1921), Mohr, Tübingen, 1999; итал. перевод: *Economia e società*, V: *La città*, edizione italiana condotta sul nuovo testo critico della Max Weber-Gesamtausgabe, Donzelli, Roma, 2003.

Weitz J., *Hitler's Banker: Hjalmar Horace Greeley Schacht*, Little, Brown & Co., London, 1997; итал. перевод: *Il banchiere di Hitler*, Piemme, Casale Monferrato, 1998.

Wilamowitz-Moellendorff U. von, *In den zweiten Kriegswinter* (1915), in *Reden aus der Kriegszeit*, Weidmann, Berlin, 1915.

Wilamowitz-Moellendorff U. von, *Das Nationalfest der Deutschen*, «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», 27 gennaio 1918.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Пролог

С. 7. Джузеппе Мадзини (1805–1872) — итальянский политик-революционер, писатель, философ, создатель общества «Молодая Италия», одна из центральных фигур движения национального освобождения и объединения Италии.

Меттерних, Клемент фон (1773–1859) — австрийский государственный деятель-консерватор, министр иностранных дел (1809–1848), активный противник объединения как Германии, так и Италии.

Кавур, Камилло Бенсо ди (1810–1861) — итальянский государственный деятель, премьер-министр Сардинского королевства, сыгравший исключительную роль в процессе объединения Италии. Первый премьер-министр Королевства Италия (1861).

Бенедетто Кроче (1866–1952) — итальянский философ, историк, политик. Сенатор (1910), министр просвещения (1920–1921); автор «Манифеста антифашистской интеллигенции» (1925).

Во времена кампании, в результате которой Бурбоны были изгнаны из «Королевства Обеих Сицилий», Гарибальди установил диктатуру... — знаменитый поход Дж. Гарибальди в мае–ноябре 1860 г. на Сицилию («Поход Тысячи») и затем в южную Италию привел к бегству последнего короля Обеих Сицилий Франциска II (Бурбона) и присоединению острова и юга полуострова к Сардинскому королевству, ставшему основой провозглашенного в следующем году Королевства Италия. С 30 мая по ноябрь 1860 г. Гарибальди управлял Сицилией (от имени сардинского короля) как диктатор.

С. 8. Пеллегрини Росси убили в римском Капитолии — стихийная революция в Папском государстве началась с убийства

неизвестным папского министра графа Пеллегрини Росси 15 ноября 1848 г. 24 ноября папа Пий IX бежал во владения неаполитанского короля, а в начале февраля 1849 г. по инициативе прибывшего в Рим Гарибальди была провозглашена Римская республика, управлявшаяся триумvirатом К. Армеллини, Дж. Мадзини и А. Саффи. Республика была ликвидирована французскими войсками в июле 1849 г.

С. 9. ...начиная с Греции — в октябре 1862 г. в обстановке не утихающих народных волнений первый король Греции Оттон I отрекся от престола, и консультации среди великих держав о новой кандидатуре греческого монарха длились до октября 1863 г. В то же время на повестке дня европейской политики стоял вопрос о присоединении к независимой Греции Ионических островов, находившихся под английским протекторатом вплоть до мая 1864 г.

...и кончая Польшей — имеется в виду антироссийское национально-освободительное восстание (январь 1863 — осень 1864) в Царстве Польском (тогда — части Российской империи), спровоцированное рекрутским набором.

...Шлезвиг-Гольштейном — вопрос о вхождении герцогств Шлезвиг и Гольштейн в состав Дании или Пруссии, следствие сложного переплетения династических прав и интересов европейских держав, привел к двум датско-прусским (1848–1850 и 1864) и австро-пруско-итальянской (1866) войнам.

...и венецианским вопросом — присоединение Венецианской области к Королевству Италия произошло через два года, в 1866 г., по итогам австро-пруско-итальянской войны.

лорд Пальмерстон, Генри Темпл (1784–1865) — знаменитый британский государственный деятель, секретарь (министр) по военным делам в 1809–1828 гг., по иностранным делам (1830–1841, 1846–1851) и премьер-министр в 1855–1865 гг.

...деятельность генерала в Монтевидео — воюя на стороне республики Риу-Гранде против Бразильской империи, а затем в гражданской войне в республике Монтевидео (совр. Уругвай), Гарибальди, в частности, командовал каперами (санкционированными пиратами), нападая на торговые корабли противников.

...методы, которые тот использовал при завоевании Неаполитанского королевства — «Поход Тысячи» гарибальдийцев начался 5 мая 1860 г. с захвата двух пароходов в генуэзском порту, на которых они и отправились на Сицилию.

...*Гарибальди... вернулся на Капреру* — остров Капрера близ Сардинии, где Гарибальди с 1855 г. жил в мирные периоды своей жизни и где в 1882 г. скончался.

С. 10. Мильеран, Александр (1859–1943) — французский государственный деятель, первый в Европе социалист, занявший министерский пост (1899), что вызвало серьезные разногласия среди французских и европейских социалистов. Ввел 10-часовой рабочий день (и 8-часовой — на государственных предприятиях). В 1904 г. исключен из социалистической партии. Военный министр во время Первой мировой войны, премьер-министр и президент в 1920–1924 гг., сенатор (1925–1940).

Саландра, Антонио (1853–1931) — итальянский либеральный политик и государственный деятель, профессор права, депутат парламента, министр, премьер-министр (1914–1916), сенатор (1928–1931).

Грамши, Антонио (1891–1937) — итальянский философ и политик, один из основателей Итальянской коммунистической партии (1921), депутат парламента от коммунистов в 1924–1926 гг. После прихода к власти фашистов и роспуска всех «антинациональных» партий в 1926 г. был арестован и почти весь остаток жизни провел в ссылке и в тюрьме. Основное научное наследие А. Грамши — «Тюремные тетради» — три тысячи страниц, написанные им в заключении.

Макс Вебер (1864–1920) — выдающийся немецкий историк, социолог и экономист, автор теории «социального действия» и новых методов в социологии. Считал современный западноевропейский капитализм уникальным явлением, а не всеобщей стадией общественного развития («Протестантская этика и дух капитализма», 1905), выделял в истории разные типы капитализма. Один из основателей немецкой демократической партии (1918).

Фьюманское предприятие — захват группой итальянских националистов под предводительством Габриэле Д'Аннунцио в сентябре 1919 г. города Фьюме (Фиуме; совр. Риека), на который по окончании Первой мировой войны претендовали Италия и Королевство сербов, хорватов и словенцев (будущая Югославия), и провозглашение «Республики Фиуме» — не признанного (даже Италией) итальянского вольного города, просуществовавшего в таком качестве до конца 1920 г. Вдохновитель этого «предприятия», Д'Аннунцио был фактическим диктатором республики Фиуме.

Д'Аннунцио, Габриэле (1863–1938) — итальянский поэт, писатель и политический деятель, один из лидеров националистического движения в Италии, соратник Муссолини.

С. 11. Дройзен, Иоганн Густав (1808–1884) — выдающийся немецкий историк-античник, в частности переводчик Аристофана и Эсхила на немецкий язык.

С. 12. Пьер Бейль (1647–1706) — французский философ и религиозный критик, автор «парадокса Бейля» — революционной для своего времени мысли о том, что религия не является обязательным условием нравственности человека или общества.

Жан-Батист Сюар (1733–1817) — влиятельный журналист и издатель (до и после Революции), член Французской академии.

Официальная версия убийства герцога Энгиенского — Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде (1772–1804) — последний принц Конде (младшая ветвь дома Бурбонов) — был обвинен в участии в контрреволюционном заговоре (что весьма вероятно) и подготовке покушения на Наполеона (что весьма сомнительно), похищен и расстрелян по его приказу.

С. 14. Аппиан Александрийский (ок. 95 — после 170 г. н. э.) — древнеримский историк греческого происхождения, автор частично дошедшей до наших дней «Римской истории» (160–170 г. н. э.).

1. Конституция в греческом облачении:

Греция, Европа, Запад

С. 15. Джакомо Леопарди (1798–1837) — выдающийся итальянский поэт и мыслитель-моралист. «Зибальдоне» — дневник размышлений, писавшийся им с 1817 по 1829 гг.

С. 21. Ионийское восстание (499–494 гг. до н. э.) — восстание в Милете и других греческих городах Ионии (приморской и островной области на западе Малой Азии) против Персидской империи. Считается началом греко-персидских войн, продлившихся всю первую половину V в. до н. э.

Клисфен (VI в. до н. э.) — афинский законодатель-реформатор, борец с тиранией и олигархией. В частности, ввел новое административное деление Афин и Аттики (на *демы*), реформировал городской Совет и военную власть, ввел *остракизм* (изгнание из государства по результатам голосования) как контрмеру против тираний в будущем.

С. 22. Джон Стюарт Милль (1806–1873) — английский экономист и мыслитель, автор «Системы логики» (1843), «Оснований политической экономии» (1848) и «Рассуждений о представительном управлении» (1861).

Династ — разновидность правителя (отсюда *династия*).
Атарней — город в *Троаде*, небольшой области на побережье Малой Азии, между Геллеспонтом (проливом Дарданеллы) и островом Лесбос.

С. 24. Битва при Акциуме — морское сражение (31 г. до н. э.) между флотами Октавиана и Марка Антония, решившее исход гражданской войны в Риме в пользу Октавиана.

Феодосий I Великий (346–395) — император, разделивший в 395 г. Римскую империю на Западную и Восточную.

Юстиниан I (483–565) — византийский император в 527–565 гг., предпринявший попытку восстановления единой Римской империи.

Первое падение Константинополя — взятие в 1204 г. города участниками Четвертого крестового похода.

«*Папа — антихрист*» — В 2002 г. монахи одного из Афонских монастырей — Эсфигмену — отказались подчиняться патриарху Константинопольскому Варфоломею I и поминать его на богослужении, обвинив патриарха в екуменизме. В декабре 2002 г. патриарх отлучил их от Церкви и приказал им немедленно покинуть святую гору Афон, однако те не подчинились и приготовились к осаде. На стенах обители монахи вывесили плакаты с надписями: «Православие или смерть!» и «Папа — антихрист».

С. 26. Пророчество Филофея — старец Филофей (первая пол. XVI в.) — монах псковского Елеазарова монастыря, автор посланий псковскому великокняжескому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину и великому князю Василию III, сформулировавший концепцию «Москва — Третий Рим». Эта концепция во многом определила направление русской церковной и политической мысли не только XVI и XVII вв., но и последующих веков.

С. 28. Джордж Корнуолл Льюис (1806–1863) — британский государственный деятель-виг; секретарь, затем канцлер казначейства (министр финансов) в 1850–1858 гг., министр внутренних дел (1859–1861) и военный министр (1861–1863).

Луиджи Лудзатти (Луццатти) (1841–1927) — итальянский государственный деятель, министр финансов, премьер-министр Италии (1910–1911).

Джолитти, Джованни (1842–1928) — итальянский государственный деятель демократической ориентации, премьер-министр Италии в 1892–1893, 1903–1905, 1906–1909, 1911–1914 и в 1920–1921 гг. Включил в правительство социалистов, провел либеральные реформы, легализовал рабочие организации, признал право рабочих на забастовки (1901), ввел всеобщее избирательное право для мужчин (1912). Пытался предотвратить вступление Италии в Первую мировую войну. Поначалу поддерживал фашистов, но после убийства ими депутата-социалиста *Джакомо Маттеотти* (см. прим. к с. 224, *Убийство Маттеотти*) (1924) перешел в оппозицию и выступил против Муссолини.

С. 30. Токвиль, Алексис де (1805–1859) — видный французский политический мыслитель, историк и государственный деятель, лидер консервативной Партии порядка, министр иностранных дел Франции (1849).

С. 31. Бёрк, Эдмунд (1729–1797) — английский парламентарий и политический деятель, идеолог британского консерватизма, писатель-публицист, издатель общественно-политического альманаха. Резкое неприятие Французской революции, изложенное Бёрком в «Размышлениях о революции во Франции» (1790) подтолкнуло британское правительство объявить войну революционной Франции.

Кардуччи, Джозуэ (1835–1907) — крупнейший итальянский поэт XIX в., профессор классической литературы в Болонском университете.

Бонги, Руджеро (1826–1895) — итальянский ученый и политик, преподавал в университетах Рима, Турина и Флоренции, основатель и руководитель ряда газет, в 1874–1876 гг. — министр народного просвещения. Главные произведения — «История Рима» (1884, 1888), переводы Аристотеля и Платона.

Фон Зибель, Генрих (1817–1895) — немецкий историк и политический деятель, сторонник прусско-монархического пути объединения Германии, непримиримый критик Французской революции.

С. 34. Франсуа Фюре (1927–1997) — французский историк, член компартии Франции (1947–1959), один из основателей Объеди-

ненной социалистической партии (в 1960 г.). Автор исторических трудов «Размышляя о Французской революции» (1978), посвященного пересмотру традиционных концепций Французской революции, и «Прошлое одной иллюзии» (1995) — о распространении коммунистических идей в Европе и реализации их в СССР.

Годшо, Жак (1907–1989) — французский историк, специалист по Французской революции и ее влиянию на другие страны.

Роберт Палмер (1909–2002) — американский историк, автор книги «Эпоха демократических революций: Политическая история Европы и Америки, 1760–1800» (1959).

Жорж Лефевр (1874–1959) — французский историк, специалист по аграрной истории эпохи Французской революции, зав. кафедрой истории Французской революции в Сорбонне. Выделял во Французской революции несколько отдельных революций.

Барнав, Антуан (1761–1793) — политический деятель эпохи Французской революции, сторонник конституционной монархии, депутат Учредительного собрания (1789–1791), гильотинирован по приговору революционного трибунала. Автор «Введения во Французскую революцию» и «Политических размышлений о Революции».

2. Свидетельство о рождении: демократия в Древней Греции

С. 35. Реформы Клисфена — см. прим. к с. 21, *Клисфен*.

С. 36. Война Суллы с Митридатом — в ходе Первой Митридатовой войны (между Римской республикой и Понтийским царством) в Афинах вспыхнуло антиримское восстание, во главе которого встал Аристион (ум. в 86 г. до н. э.); город на короткое время обрел прежнюю независимость. Однако вскоре Сулла начал осаду города, и 1 марта 86 г. до н. э. Афины были вновь захвачены римлянами.

С. 40. Аббат Мабли, Габриэль Бонно де (1709–1785) — французский просветитель и социальный философ, автор трудов по международному праву («Публичное право Европы», 1748), социально-политическим вопросам («О правах и обязанностях гражданина», 1758, опубл. в 1789; «Беседы Фокиона об отношении морали к политике», 1763; «Сомнения, предложенные философам-экономистам о естественном и необходимом порядке политических обществ», 1768; «О законодательстве, или Принципы законов», 1776) и истории

(«Об изучении истории», 1778). Тракта́т «О правах и обязанностях гражданина» считается самым ранним произведением в духе Французской революции.

Сен-Жюст, Луи (1767–1794) — один из выдающихся деятелей Французской революции, якобинец, соратник Робеспьера.

С. 42. Илоты — в древней Спарте земледельческая часть населения, собственно, коренные жители Лаконики и Мессении, находящиеся в полном подчинении у государства спартиатов. Их семьи были прикреплены к земельным участкам, которыми владели спартиаты.

С. 43. ...до военного краха 404 г. — см. прим. к с. 53, *Лисандр*.

С. 49. Синойкизм (от греческого «вместе заселяю») — в Древней Греции объединение нескольких поселений или городов в единый полис. *Тесею*, легендарному афинскому царю (ок. XIII в. до н. э.), приписывается объединение Аттики.

Антонио Лабриола (1843–1904) — итальянский философ, основатель итальянского марксизма, автор работ «Об историческом материализме» и «Очерки материалистического понимания истории» (1896).

С. 51. Артур Розенберг (1889–1943) — немецкий историк-марксист и политический деятель. Член исполкома Коминтерна, покинул его из-за несогласия с превращением организации в средство управления компартиями. С 1920 по 1927 г. — депутат рейхстага от Коммунистической партии Германии, а после выхода из нее — как независимый демократический социалист (1928). Автор «Происхождения Германской республики. 1871–1918» (1928). Эмигрировал из Германии после прихода к власти нацистов. Последовательный критик реалий политической системы СССР («История большевизма: от Маркса до современности», 1932) и наступающего фашизма («Фашизм как массовое движение», 1934). В своей поздней работе «Демократия и социализм» (1938) выделил пять типов демократии: либеральную, социальную, империалистическую, колониальную, а также не реализованную пока — социалистическую.

С. 53. Восстание на Самосе — среди участников Делосского союза, сложившегося после войны с персами в 478 г. до н. э., остров Самос занимал особое положение: самосцы были инициаторами создания союза. Конфликт начался в 441–440 гг. до н. э., после того

как возник спор Самоса с малоазийским городом Милетом. Жители Милета обратились к Афинам за посредничеством; воспользовавшись этим как предлогом, Перикл с флотом двинулся к Самосу и отстранил от власти самосских олигархов. Но стоило афинским кораблям отплыть обратно, как на Самосе вспыхнуло восстание; поддержку восставшим готов был оказать персидский сатрап Малой Азии Писсуфн. «Тогда Перикл опять двинулся с флотом» на самосцев, «но они не унимались..., а решили... оспаривать господство на море у афинян» (*Плутарх*. Перикл, 25). Высадившись на Самосе, афиняне осадили город. После осады, длившейся восемь месяцев, самосцы сдались.

Лисандр (452–396 до н. э.) — спартанский полководец; в конце Пелопоннесской войны (431–404 до н. э.) между Спартой и Делосским морским союзом во главе с Афинами осадил Афины и принудил горожан к сдаче; лично присутствуя на народном собрании, заставил афинян принять предложение о передаче власти тридцати олигархам.

Периеки (от греческого «живущие вокруг») — в древнегреческих государствах Спарте, Аргосе, Фессалии и др. неполноправная часть населения: лично свободная, в отличие от илотов, прикрепленных к земле, но не имеющая политических прав.

С. 54. Ахейский союз (Ахейская лига) — антимакедонское объединение древнегреческих городов Пелопоннеса (ок. 280–146 до н. э.). Л. Канфора описывает события 224–223 гг. до н. э., когда спартанский царь-реформатор Клеомен III овладел рядом городов Ахейского союза и потребовал гегемонию, на что правящие круги союза пойти не могли, так как боялись реформ, аналогичных спартанским. Арат, руководитель Ахейского союза, предъявил Клеомену заведомо невыполнимые условия начала переговоров, тем самым расстроив мирный договор. Это вызвало возмущение городов союза. Теперь города, даже исконно ахейские, открывали ворота Клеомену, стоило тому подойти к городу. Спартанцы заняли Коринф и осадили его крепость Акрокоринф. Начался распад Ахейского союза. Арат фактически присвоил себе диктаторские полномочия. Угроза восстания на Пелопоннесе и страх потери богатства и влияния заставили Арата предать то, ради чего он боролся всю свою жизнь, — независимость Эллады от Македонии. Получив отказ в помощи от Этолийского союза и Афин, Арат призвал на помощь македонского царя Антигона III Досона, который охотно откликнулся и явился с войсками на Пелопоннес, разбив Клеомена и заняв Коринф в 223 г. до н. э.

3. Как вернулась в игру и как в конце концов сошла со сцены греческая демократия

С. 56. «Чистка Прайда» — выдворение из Парламента солдатами под командованием полковника Томаса Прайда пресвитериан (сторонников соглашения с королем Карлом I) — членов Палаты общин, что привело к переходу власти в стране к армии, руководимой «индепендентами» и левеллерами.

С. 57. Майкл Уолцер (Михаэль Вальцер) (р. 1935) — американский историк и социолог, профессор Принстонского университета.

Реформация — широкое общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе в XVI в., направленное на реформирование католической церкви, приведение ее в соответствие Священному Писанию.

«Великая Ремонстрация» («Великий протест») — принятый «Долгим парламентом» 22 ноября 1641 г. протест против проводимой Карлом I политики, включающий перечень «злодеяний короны», предъявленный парламентом королю.

С. 58. Рейнсборо, Томас (ок. 1610–1648) — полковник парламентской армии и предводитель ее левеллерского крыла, выступавший на дебатах Армейского совета в церкви Девы Марии в Путни 28 октября — 8 ноября 1647 г. против командования армии («грандов») — индепендентов, чью точку зрения выражал Генри Айртон.

С. 61. Термидорианцы — участники Термидорианского переворота 28 июля 1794 г. (9 термидора II года по республиканскому календарю), свергшего якобинскую диктатуру; входили в т. н. термидорианский Конвент (июль 1794 — октябрь 1795) и играли значительную политическую роль во время Директории (ноябрь 1795 — ноябрь 1799).

С. 63. «Заговор» Бабёфа — Бабёф, Гракх; имя взято в честь античных Гракхов; настоящее имя — Франсуа Ноэль Бабёф (1760–1797) — французский революционер, коммунист-утопист, убежденный сторонник общества, в котором отсутствовала бы частная собственность. Уже в 1785 г. разработал план создания «коллективных ферм» вместо крупных землевладений. В 1796 г. Бабёф возглавил «Тайную повстанческую директорию», готовившую народное выступление против термидорианской Директории («Заговор во имя равенства»). В результате предательства заговор был раскрыт

и 10 мая 1796 г. все его руководители были арестованы. 26 мая 1797 г. Бабёф был приговорен к смертной казни и гильотинирован.

Гора, монтаньяры — партия, изначально возглавлявшаяся Дантоном. Название произошло от занятых ими верхних рядов («Горы») в Законодательном собрании (1 октября 1791 г.); активные участники переворота 9 термидора — свержения якобинской диктатуры и установления Директории.

С. 67. Учение отца Виейры — Антониу Виейра (1608–1697), португальско-бразильский миссионер и проповедник, член Ордена иезуитов, борец против рабства индейцев, организатор «коммун» в Амазонии, выдвинул идею «Третьего завета» — эпохи, когда весь мир будет поклоняться единому Богу, без различия вероисповеданий.

Ригоберта Менчу Тум (р. 1959) — представительница коренного населения Гватемалы из народа киче группы майя; правозащитник, борец за права индейцев, лауреат Нобелевской премии мира (1992) и Премии принца Астурийского (1998). Автор автобиографических произведений «Я, Ригоберта Менчу» (1983) и «Пересекая границы» (1998), разоблачающих преступления гватемальского диктаторского режима.

С 68. Коалиция держав — союз Австрии, Пруссии, Великобритании, Сардинского и Неаполитанского королевств, России и Испании, направленный против революционной Франции в 1793–1797 гг.

Мятеж в Вандее — вооруженное контрреволюционное выступление крестьян, дворян и духовенства из западнофранцузского департамента Вандея под католико-монархическими лозунгами весной 1793 г.

«Декреты жерминаля» — декрет от 12 жерминаля II года (1 апреля 1794 г.), по которому под начало Комитетов общественного спасения, уже фактически имевших в своих руках власть в муниципалитетах и департаментах и распоряжавшихся революционной армией и революционными трибуналами, действовавшими без всяких гарантий для подсудимых, были отданы и 12 комиссий, заменивших собой министерства.

С. 69. Аббат Арно — Арно, Франсуа (1720–1784), французский филолог, литератор и поэт.

С. 70. Мозес Финли (1912–1986) — английский историк-античник, профессор Кембриджского университета.

С. 72. Ленге, Симон Анри Николя (1736–1794) — французский юрист, историк и экономист.

С. 75. Кондорсе, Жан Антуан Николя (1743–1794) — французский философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель; секретарь Французской академии с 1785 г. Развил концепцию исторического прогресса, в основе которого лежит развитие разума («Эскиз исторической картины развития человеческого разума», 1794). В 1791 г. был избран в Законодательное собрание; в Конвенте примыкал к жирондистам.

С. 78. Ипполит Тэн (1828–1893) — французский историк и философ-позитивист, автор 4-томного «Происхождения общественного строя современной Франции» (1876–1894).

Фюстель де Куланж, Нюма-Дени (1830–1889) — французский историк, автор классического труда «Древний город» (в рус. переводе также под назв. «Древняя гражданская община») (1864), где излагается история процесса преобразования древнего патриархального государства (граждан, общины, города) в римское всемирное государство, параллельно с развитием домашних культов в мировую религию.

Морра, Шарль-Мари-Фотиус (1868–1952) — французский писатель и критик, монархист и крайний националист по убеждениям, основатель ультраправой организации «Французское действие» (1899 — по настоящее время), ставящей своей целью восстановление во Франции дореволюционного порядка. Один из первых провозвестников фашистской идеологии.

С. 79. Бон-Жозеф Дасье (1742–1833) — французский историк, филолог, переводчик с древнегреческого («Киропедия» Ксенофонта, 1777), секретарь Академии надписей (ему было адресовано знаменитое письмо Ж.-Ф. Шампольона о методе расшифровки египетских иероглифов), с 1800 г. возглавлял Национальную библиотеку.

Эннио Квирино Висконти (1751–1818) — итальянский филолог-классик, переводчик с древнегреческого, библиотекарь Ватикана с 1771 г., консерватор (хранитель) Капитолийского музея с 1784 г.; в 1798 г. занял пост министра внутренних дел Римской республики (1798–1799), созданной французами на территории Папского государства. После захвата Рима неаполитанскими войсками и восстановления Папского государства (октябрь 1799) бежал во Францию, был благосклонно принят первым консулом Бонапартом и вскоре назначен начальником Музея древностей и картин,

устроенного в Лувре; впоследствии занимал кафедру археологии в Парижском университете.

Музей Пио-Климентино — музей античного искусства при Ватикане, созданный папой Климентом XIV (1769–1774) и папой Пием VI (1775–1799).

С. 80. Фуше, Жозеф (1759–1820) — французский политический и государственный деятель, министр полиции при Наполеоне I (1799–1810; 1815) и при Людовике XVIII.

С. 82. Конкордат — соглашение (1801) между папой римским (католической церковью) и Наполеоном (Францией), по которому Рим признавал новую французскую власть, католицизм же провозглашался религией большинства французов. При этом свобода вероисповедания во Франции сохранялась.

С. 83. Эдвард Халлетт Карр (1892–1982) — английский либеральный, позже марксистский историк.

4. Первая победа либерализма

С. 85. ...приспособленец Барер, во время оно «Анакреонт гильотины» — Барер, Бертран де Вьезак (1755–1841) — французский политик, юрист, деятель Французской революции, депутат Учредительного собрания и Национального конвента, где председательствовал во время судебного процесса над Людовиком XVI и голосовал за его немедленную казнь. *Анакреонт* — древнегреческий лирический поэт VI–V вв. до н. э.; здесь в переносном смысле — «певец».

Пример — (фр. *frimaire*, от *frimas* — иней, изморозь) — третий месяц (21/23 ноября — 20/22 декабря) французского республиканского календаря, действовавшего с октября 1793 по 1 января 1806 гг.

Людовик XVIII подписал Хартию — Конституционная хартия 27 мая 1814 г., в которой Людовик XVIII объявил равенство всех граждан, приверженность буржуазным правам и свободам, подтвердил неприкосновенность частной собственности.

С. 86. Венский конгресс (сентябрь 1814 — июнь 1815) — конференция европейских стран, в ходе которой была выработана система договоров, направленных на восстановление феодально-абсолютистских монархий, разрушенных Французской революцией и наполеоновскими войнами, и были определены новые границы государств Европы.

Священный союз — консервативный союз России, Пруссии и Австрии, созданный в сентябре 1815 г. с целью поддержания определенного на Венском конгрессе международного порядка.

С. 87. Савари, Анн-Жан-Мари-Рене (1774–1833) — французский политический и военный деятель, в 1802 г. был назначен директором Бюро тайной полиции.

С. 88. Мирабо, Оноре Габриэль Рикетти де (1749–1791) — деятель Французской революции, один из самых знаменитых ораторов, отстаивал необходимость сохранения монархического строя как единственного оплота против анархии.

Шуаны — участники реакционного роялистского движения в Бретани, длившегося с 1792 г. до самого отречения Наполеона I в 1815 г. Вернувшиеся к власти в 1815 г. Бурбоны осыпали вождей шуанов милостями. В 1830–1832 гг. шуаны вновь поднялись на защиту дела легитимизма, но предприятие, руководимое герцогиней Беррийской, потерпело неудачу.

С. 89. Каслри, Роберт Стюарт, маркиз Лондондерри (1769–1822) — британский политический деятель ирландского происхождения, консерватор, министр иностранных дел в 1812–1822 гг. После падения Наполеона один из самых влиятельных политиков Европы, представлял Великобританию на Венском конгрессе. Проводил политику «баланса сил» в Европе. Один из инициаторов унии Великобритании и Ирландии и создания Соединенного Королевства.

Герцог Ливерпуль, Роберт Бэнкс Дженкинсон (1770–1828) — британский политический деятель, премьер-министр Соединенного Королевства с 1812 по 1827 г.

С. 90. Людовик XVIII сбежал в Гент (Фландрия) — 19 марта 1815 г. при известии о возвращении Наполеона Людовик XVIII поспешно бежал из Парижа, а затем и из Франции.

Морис Дюверже (р. 1917) — французский ученый, профессор политической социологии Парижского университета (с 1955 г.), автор многочисленных трудов по конституционному праву и политическим наукам. «Закон Дюверже» — один из принципов в политологии, который утверждает, что избирательная система, при которой «победитель получает все», как правило, приводит к установлению двухпартийной политической системы.

Сто дней — второе правление императора Наполеона I во Франции (20 марта — 22 июня 1815 г.) после его бегства из ссылки на острове Эльба и возвращения в Париж.

Герцог Ангулемский, Людовик (Луи-Антуан) (1775–1844) — представитель старшей линии французских Бурбонов, в 1830 г. несколько минут номинально «царствовал» как Людовик XIX, а с 1836-го до конца жизни являлся главой французского королевского дома в изгнании и партии легитимистов.

Ла Бедойер, Шарль-Анжелик Гюше (1786–1815) — генерал, участник войн 1806–1813 гг., тяжело раненным возвратился во Францию. После первого отречения Наполеона снова вступил в армию; когда император вернулся с Эльбы, Ла Бедойер примкнул к нему со своим полком. Сражался в битве при Ватерлоо, затем поспешил в Париж, где на заседании палаты пэров 22 июня резко выступал против возвращения Бурбонов. После второй реставрации намеревался бежать в Америку, но, чтобы проститься с семьей, заехал в Париж, где был арестован, затем осужден военным судом и расстрелян.

Братья Фоше — братья-близнецы Константен и Сезар (1760–1815), оба — бригадные генералы наполеоновской армии, оба расстреляны по приговору военного трибунала в г. Бордо.

С. 91. Королевский атенеум — научное общество в Париже.

Убийство герцога Беррийского — Шарль-Фердинанд, герцог Беррийский (1778–1820), второй сын графа Шарля д'Артуа, будущего короля Карла X, был смертельно ранен рабочим Луи Лувелем при выходе из оперного театра 13 февраля 1820 г.

Мадам де Сталь, Анна-Луиза Жермена (1766–1817) — знаменитая французская писательница, автор романов «Дельфина» (1802) и «Коринна, или Италия» (1807), а также трактата «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (1800), где подчеркивалась мысль о неизбежности упадка литературы с исчезновением политической свободы, что шло вразрез с внутренней политикой Наполеона, который в 1802 г. высылал ее из Парижа.

«Дух завоевания и узурпации» (1814) — памфлет против Наполеона, написанный Бенжаменом Констаном (1767–1830).

С. 92. Сент-Уэнская декларация (3 мая 1814 года) — составленная министром иностранных дел Талейраном декларация с обещанием конституции, которую Людовик XVIII подписал перед тем, как триумфально въехать в Париж.

С. 93. Четверной союз — соглашение, заключенное в марте 1815 г. между Россией, Австрией, Пруссией и Великобританией.

Союз был нацелен на проведение в жизнь решений Венского конгресса, в первую очередь во всем, что касалось Франции.

С. 94. Кампоформио — мирный договор 17 октября 1797 г. между Французской республикой и Австрией, завершивший войны Первой антифранцузской коалиции (1793–1797) и закрепивший победу в них революционной Франции. По договору к Франции отходили Австрийские Нидерланды, германские земли на левом берегу Рейна, а также Ионические острова. Австрия также признавала создание вассальных Франции Цизальпинской и Лигурийской республик.

Де Местр, Жозеф Мари (1763–1852) — французский публицист, идеолог консерватизма, дипломат, политик и религиозный философ; его язвительный сатирический памфлет «Благодеяния революции» (1795) относится к первому году длительной эмиграции писателя. Посол Сардинского королевства в Санкт-Петербурге в 1803–1817 гг.

С. 95. Фердинанд VII (1784–1833) — король Испании в марте–мае 1808 и с 1813 г. После интервенции французской армии в 1808 г. и народного восстания Фердинанд и его отец, Карл IV, были арестованы Наполеоном, под давлением отреклись от прав на престол, после чего Наполеон посадил на испанский трон своего старшего брата Жозефа. Антифранцузское сопротивление в Испании признавало Фердинанда законным («Желанным») королем, в то время как сам он никак не участвовал в этой борьбе. Когда французы были вытеснены из Испании и Фердинанд вернулся на престол, политика его была жестко антилиберальной, начался террор против любых политических движений. Личность короля стала крайне непопулярной. В 1820 г. военные во главе с полковником Рафаэлем Риго потребовали от Фердинанда соблюдения конституции, принятой испанскими либералами в Кадисе в 1812 г. Это либеральное движение, или буржуазно-демократическая революция, как ее интерпретируют некоторые историки, была подавлена по решению Священного союза с помощью французской армии, т. н. крестового похода «ста тысяч сыновей Людовика Святого» в 1823 г. Сравнивая Фердинанда VII с Людовиком XVI, Манюэль имеет в виду, что испанские либералы могли расправиться с королем, как в свое время французские якобинцы, но не сделали этого, хотя и голосовали в Кортесах (испанском парламенте) за то, чтобы объявить его недееспособным.

Братья Мишо, Жозеф-Франсуа (1767–1839) и Луи-Габриэль (1773–1858) — французские публицисты и издатели, выпускавшие

с 1811 г. многотомный биографический словарь — «Всеобщую биографию, древнюю и новую».

«Словарь флюгеров» — анонимное издание, вышедшее в парижском издательстве «Эмери» и включающее в себя многочисленные примеры того, как политические деятели, писатели, публицисты, военачальники меняли свои убеждения в зависимости от исторического момента; «оборот» флюгера обозначается звездочкой, и наибольшего их числа удостоились Ж. Фуше и Ш.-М. Талейран (по 12 штук).

С. 97. *Корде*, Мари Анна Шарлотта (1768–1793) — французская аристократка, убившая революционера Жана-Поля Марата («Друга Народа»).

С. 98. *Кутон*, Жорж Огюст (1755–1794) — деятель Французской революции, в Конвенте голосовал за казнь короля без апелляции к народу и без отсрочки; по его инициативе был принят закон 22 прериаля, позволявший, при чрезвычайно упрощенной судебной процедуре, гильотинировать любых подозрительных лиц. Кутон был казнен вместе с Робеспьером 28 июля (10 термидора) 1794 г.

Талейран-Перигор, Шарль-Морис (1754–1838) — французский дипломат, министр иностранных дел в 1797–1799 (при Директории), в 1799–1807 (в период Консульства и Империи Наполеона I) и в 1814–1815 гг. (при Людовике XVIII). Глава французской делегации на Венском конгрессе; мастер тонкой политической интриги, образец беспринципного политика.

5. Всеобщее избирательное право: Акт первый

С. 103. *Американская революция* — в русской традиции обычно называется *Войной за независимость* американских колоний (1775–1783).

С. 105. *Сийес*, Эммануэль-Жозеф (1748–1836) — французский политический деятель, автор брошюры «Эссе о привилегиях» (1788) и памфлета «Что такое третье сословие?» (январь 1789), имевших большое влияние на общественное мнение. Депутат Национального собрания, он составил клятву, данную депутатами 20 июня 1789 г., — не расходиться, пока Франции не будет дана новая конституция. В апреле–мае 1795 г. — председатель Конвента.

С. 106. *Министр Виллель* — Жан-Батист Жозеф, граф де Виллель (1773–1854), французский государственный деятель эпохи

Реставрации, премьер-министр с 1821 по 1828 гг.; убежденный сторонник абсолютизма.

...вторжение в Испанию — см. прим. к с. 95, *Фердинанд VII*.

...свержение Карла X — Карл X (1757–1836), король Франции с 1824 по 1830 г., в силу своих ультраконсервативных убеждений не мог смириться с конституционной Хартией, ограничивавшей его власть, и склонялся к идее государственного переворота. В мае 1830 г. он распустил Палату депутатов, требовавшую отставки кабинета министров; когда новые выборы 23 июня и 3 июля вновь дали внушительное большинство оппозиции, подписал Июльские ордонансы, ограничивающие свободу прессы и сокращающие число избирателей. Это вызвало открытое восстание (Июльскую революцию) в Париже.

...три дня боев, начиная с 29 июля 1830 года — речь идет об Июльской революции 1830 г.: 2 августа Карл X отрекся от престола.

Французский Институт, или Институт Франции, — основное государственное научное учреждение Франции, объединяющее пять национальных академий: Французскую академию («бессмертных», основанную кардиналом Ришелье в 1635 г.), Академию надписей и изящной словесности, Академию наук, Академию изящных искусств и Академию моральных и политических наук.

С. 107. Гизо, Франсуа Пьер Гийом (1787–1874) — французский историк, публицист, политический и государственный деятель, министр просвещения (1832–1836), министр иностранных дел (1840–1847), премьер-министр (1847–1848).

С. 108. Буонарроти, Филиппо Микеле (1761–1837) — итальянский и французский политический деятель, революционер, последователь идей Гракха Бабёфа.

Прудон, Пьер Жозеф (1809–1865) — французский политик, публицист, экономист и социолог. Был первым человеком, назвавшим себя анархистом; считается одним из наиболее влиятельных теоретиков этого течения. Пропагандировал мирное переустройство общества; выдвинул идею учреждения «Народного банка» с целью предоставления беспроцентного кредита для организации эквивалентного обмена продуктов труда мелких производителей, а также проекты экономического сотрудничества классов и анархистскую теорию ликвидации государства.

Чартисты — участники первого массового политически оформленного движения пролетариата в Великобритании в 1830–1850 гг. Внесли в парламент петицию (Народную хартию, 1839) с требованием введения всеобщего избирательного права (для мужчин), ограничения рабочего дня, повышения заработной платы.

Оуэн, Роберт (1771–1858) — английский социалист-утопист; разработал филантропический план улучшения условий жизни рабочих и пытался осуществить его на практике; в 1817 г. выдвинул программу радикальной перестройки общества путем создания самоуправляющихся «поселков общности и сотрудничества», лишенных частной собственности, классовой эксплуатации, противоречий между умственным и физическим трудом и прочих антагонизмов. Подобные колонии, основанные в США («Новая Гармония») и в Великобритании, потерпели неудачу.

С. 109. Эра Каннинга — Каннинг, Джордж (1770–1827) — министр иностранных дел Великобритании в 1807–1809 и 1822–1827 гг., с 1822 г. — лидер консервативной партии, премьер-министр в 1827 г. Каннинг противодействовал политике континентальных держав Священного союза; при нем Англия одной из первых признала независимость испанских провинций в Латинской Америке и подключилась к борьбе греков за независимость.

Восточный вопрос в европейской политике XVIII–XIX вв. проистекал из упадка некогда могущественной Османской империи, роста национально-освободительного движения против османского ига и нарастания противоречий между интересами европейских держав на Ближнем Востоке. В начале 1820-х годов он обострился в связи с восстанием 1821 г. в Греции, которое страны Священного союза рассматривали как «мятеж» против «законного» монарха. Между тем Англия, укреплявшая свои позиции в Восточном Средиземноморье, признала греков воюющей стороной (а не «бунтовщиками») и стала оказывать им помощь.

С. 113. Хобсбаум, Эрик Джон Эрнест (р. 1917) — английский историк, ветеран коммунистической партии Великобритании, входил в ее т. н. «историческую группу».

С. 115. Ледрю-Роллен, Александр Огюст (1807–1874) — французский политический деятель эпохи Июльской монархии и Второй республики, левый республиканец.

Луи Блан (1811–1882) — французский социалист, историк и публицист, один из лидеров революции 1848 г., член временного

правительства 1848 г., председатель правительственной комиссии по труду («Люксембургской комиссии»), ратовал за создание национальных мастерских и введение всеобщего избирательного права.

С. 116. Ассамблея во Франкфурте — в ходе революции 1848 г. 18 мая во Франкфурте прошло заседание первой Германской национальной ассамблеи. За год своего существования ассамблея выработала конституцию, которая должна была объединить Германию под властью прусского короля, но тот отказался подчиниться решениям ассамблеи, и она была распущена в 1849 г.

С. 118. Парижское восстание произошло 5–6 июня 1832 г.: поводом к нему послужили похороны генерала Ламарка, собравшие огромную толпу, которую стала разгонять полиция, а причиной — недовольство итогами Июльской революции 1830 г.

Тьер, Луи Адольф (1797–1877) — французский политический деятель и историк («История Французской революции с 1789 года до 18 брюмера» (1823–1827), «История Консульства и Империи» (1845–1862)).

При Июльской монархии несколько раз был премьер-министром. В 1848 г. Луи-Филипп, упорствовавший до последнего, в ночь на 24 февраля пригласил к себе Тьера и поручил ему составить кабинет, который, как он полагал, мог спасти монархию. Тьер принял предложение и утром 24 февраля распространил прокламацию с заголовком: «Свобода! Порядок! Единение! Реформа!». Прокламация не возымела действия. В 9 часов утра Тьер вернулся во дворец и заявил королю: «Ваше Величество! Слишком поздно!» Толпа восставших парижан окружила королевский дворец, требуя отречения Луи-Филиппа — тот действительно отрекся, назвав преемником своего внука Генриха, графа Парижского. Но как только восставшим стало известно о намерении Палаты депутатов провозгласить королем Генриха, толпа ворвалась на заседание Палаты: под дулами ружей депутаты провозгласили Францию республикой и образовали новое радикально-буржуазное правительство.

После падения империи Наполеона III Тьер — первый президент (1871–1873) Третьей республики (временный, до принятия конституции); один из организаторов расправы над Парижской коммуной. См. также прим. к с. 160.

Ламартин, Альфонс де (1790–1869) — французский политический деятель и выдающийся поэт. После отречения Луи-Филиппа 24 февраля 1848 г. решительно выступил в парламенте против коронации графа Парижского и произнес горячую речь, предло-

жив учредить временное правительство и созвать Национальное собрание. Во временном правительстве Ламартин занял пост министра иностранных дел, став своеобразным посредником между консерваторами и левыми партиями. 25 февраля, когда временному правительству угрожала опасность быть разогнанным народной толпой, Ламартин произнес знаменитую речь, где красноречиво описал ужасы революции и воспел трехцветное знамя (в противоположность красному).

С. 119. «Люксембургские рабочие» — депутаты так называемой «Люксембургской комиссии» — правительственной комиссии по труду, учрежденной после Февральской революции 1848 г. временным правительством под давлением рабочих. Заседала в Париже в Люксембургском дворце (отсюда ее название) с начала марта до середины мая 1848 г. Возглавлял комиссию Луи Блан, заместителем был рабочий Альбер. В ее состав входило несколько сот делегатов от рабочих, предпринимателей и несколько теоретиков-экономистов. По инициативе комиссии временное правительство издало декрет о сокращении рабочего дня на один час; были учреждены государственные конторы по трудоустройству, созданы производственные рабочие ассоциации (портных, прядильщиков и других). Однако лишенная денежных средств и реальной власти, комиссия скоро превратилась в говорильню.

Кремье, Адольф (1796–1880) — французский юрист и государственный деятель; избранный республиканцами во временное правительство (1848), стал министром юстиции.

С. 120. Бланки, Луи Огюст (1805–1881) — французский революционер, коммунист-утопист, участник революций 1830, 1848 г. и Парижской коммуны, руководитель ряда тайных обществ. За свою деятельность 37 лет жизни провел в заключении. Успех социальной революции связывал с заговором организации революционеров, которых, по его мнению, в решающий момент поддержат народные массы.

Распай, Франсуа Венсан (1794–1878) — французский деятель республиканского и демократического движения, химик и медик. Во время революции 1848 г. возглавлял делегацию, добившуюся от временного правительства провозглашения 25 февраля 1848 г. республики. За руководство демонстрацией 15 мая 1848 г. был приговорен к заключению, в котором пробыл до 1854 г., после чего жил в изгнании в Бельгии. Во время президентских выборов 10 декабря 1848 г. был выдвинут кандидатом от социалистических клубов Парижа. Амнистированный в 1859 г., вернулся во Францию в 1863 г.

В 1869 г. избран в парламент от оппозиции. В 1876 г., в Палате депутатов выступал с требованием амнистии для коммунаров.

Барбес, Арман (1809–1870) — французский революционер и политик. За попытку поднять восстание был в 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на пожизненное заключение; освобожден во время Революции 1848 г. и избран депутатом в Учредительное собрание. Участвовал в революционной демонстрации 15 мая 1848 г., переросшей в захват Национального собрания. Заняв Ратушу, Барбес и рабочий Альбер пытались сформировать социалистическое правительство, но в первый же день были арестованы в числе четырехсот прочих активистов. Барбес опять был приговорен к пожизненному тюремному заключению, но в 1854 г. освобожден по личному распоряжению Наполеона III, что Барбеса крайне оскорбило. В дальнейшем жил в Бельгии, Испании и Нидерландах, но во Францию так и не вернулся.

...вернуть... свободу Польше — события в Польше, послужившие предлогом вторжения рабочих во французский Парламент, — Познанское восстание (20 марта — 9 мая 1848 г.) против прусского владычества, потерпевшее поражение из-за нерешительности польских либеральных кругов.

С. 121. Депутаты Жиронды, жирондисты — умеренная республиканская партия времен Великой Французской революции названа так потому, что предводителями ее были депутаты от департамента Жиронда.

С. 122. Кавеньяк, Луи Эжен (1802–1857) — французский государственный деятель, генерал. В мае 1848 г. был назначен военным министром и, получив от Учредительного собрания диктаторские полномочия, жестоко подавил Июньское восстание парижских рабочих. В декабре 1848 г. неудачно баллотировался в президенты.

6. Всеобщее избирательное право: Акт второй

С. 129. Мисс Ховард, Элизабет Энн, настоящее имя Элизабет Энн Хэрриет (1823–1865) — английская актриса и куртизанка, любовница Наполеона III, пожертвовавшая своим состоянием ради его восшествия на престол.

С. 130. Вьельяр, Нарсис (1791–1857) — воспитатель старшего брата Наполеона III, депутат парламента Июльской монархии, Учредительного и Законодательного собраний после революции 1848 г.

С. 131. Бреа, Жан Батист Фидель (1790–1848) — французский генерал, убитый повстанцами во время Июньского восстания 1848 г.

С. 132. Правительство Мадзини в Риме — см. прим. к с. 7, *Джузеппе Мадзини* и к с. 8, *Пеллегрини Росси*.

7. Затруднения «старого крота»

С. 142. Сю, Мари Жозеф Эжен (1804–1857) — французский писатель, один из родоначальников массовой литературы. Был избран депутатом Законодательного собрания (1850), но сколько-нибудь заметной роли в политической жизни Франции не сыграл; после государственного переворота 1851 г. оказался в ссылке в Савойе.

Гризетка — молодая девушка (швея, хористка, мастерица и т.п.) легких нравов в романах и комедиях из французской жизни.

С. 143. Седан — решающее сражение франко-прусской войны 1870–1871 гг. близ французского г. Седан 1 сентября 1870 г., закончившееся разгромом французской армии и сдачей в плен более 100 тыс. солдат и офицеров, включая самого Наполеона III.

8. Европа «на марше»

С. 149. Криспи, Франческо (1818–1901) — итальянский политик и государственный деятель, дважды (1887–1891, 1893–1896) возглавлял кабинет министров Италии. См. также прим. к с. 178, *Скандал Римского банка*.

Гаэтано Моска (1858–1941) — итальянский юрист и социолог, автор «теории элит» («Элементы политической науки», 1896).

Кризис 1898 года — имеются в виду массовые выступления трудящихся под лозунгами «Хлеба и работы!» с 27 апреля по 11 мая 1898 г. в городах Центральной и Южной Италии.

С. 153. Пальмиро Тольятти (1893–1964) — руководитель Итальянской коммунистической партии с 1926 (после ареста Антонио Грамши) и до своей смерти в 1964 г. Член секретариата Коминтерна. После прихода в Италии к власти фашистов и перехода компартии на нелегальное положение (1926) — в эмиграции, в 1940–1944 гг. жил в СССР, работал на Радио Коминтерна (вещание на Италию), в марте 1944 г. вернулся в Италию и стал вдохновителем политики национального единства в борьбе за изгнание гитлеровских войск, оккупировавших Италию в 1943 г. После войны Итальянская коммунистическая партия под руководством Тольятти стала самой

крупной партией Италии и самой сильной компартией в Западной Европе.

С. 157. Раймон Паниккар (настоящее имя Раймундо Паникер Алемани, 1918–2010) — испанский католический священник и теолог, публицист, автор многих работ по философии науки и по межрелигиозным вопросам.

9. От гекатомбы коммунистов к «священным союзам»

С. 160. Временное правительство Тьера — после разгрома французской армии под Седаном (см. прим. к с. 143, *Седан*) и пленения Наполеона III Национальное собрание громадным большинством голосов избрало Тьера главой исполнительной власти; через два дня он составил свой кабинет, куда входили представители различных партий. В своей речи в Национальном собрании Тьер убеждал все партии объединиться и действовать заодно, пока не будет заключен окончательный мир. Тьеру удалось примирить всех, и по его инициативе Национальное собрание приняло те меры (требование уплаты по векселям, требование уплаты квартирных денег, закон о назначении мэров городов правительством и т. д.), которые стали поводом к восстанию Коммуны.

С. 161. ...направленные против них законы Бисмарка — в октябре 1878 г. Бисмарк провел через рейхстаг «Закон против вредных и опасных устремлений социал-демократии», по которому деятельность социал-демократических организаций вне рейхстага и ландтагов запрещалась; социалисты были лишены лицензии на печать своих публикаций. Отменен в сентябре 1890 г.

С. 168. Закон Ачербо — избирательный закон, предложенный Джакомо Ачербо и принятый в 1923 г. итальянским парламентом, в соответствии с которым партия, набравшая наибольшее (но не менее 25%) количество голосов, получала 66% мест в парламенте. Остальные 34% распределялись пропорционально между остальными партиями.

С. 170. Потсдам Фридриха Великого — в царствование короля Пруссии Фридриха II Великого (1740–1786), основоположника прусско-германской государственности, город Потсдам стал «немецким Версалем» — репрезентативным городом-резиденцией.

С. 172. Дойчер, Исаак (1907–1967) — польско-английский марксистский историк и публицист, советолог, автор книг по истории и социологии, в том числе биографий Троцкого (1954–1963) и Сталина (1966).

Тойнби, Арнольд Джозеф (1889–1975) — английский историк, философ истории, культуролог и социолог, автор 12-томного труда по сравнительной истории цивилизаций «Постижение истории», один из создателей «цивилизационной» теории.

С. 174. Alldeutscher Verband /Всенецкий (Пангерманский) союз/ — широкое национал-патриотическое движение в Германии и в немецкоязычных странах в 1891–1939 гг. Целями движения в разное время назывались поднятие патриотического духа, поддержка немцев и немецких интересов за границей, строительство военного флота, германизация окраин страны и сопредельных территорий, экспансионистская политика. Непосредственный предшественник идеологии нацизма.

Hakatisten (гакатисты) — прозванная так по начальным буквам фамилий троих своих основателей — националистов Фердинанда фон Ганземанна (1861–1900), Германа Кеннеманна (1815–1910) и Генриха фон Тидеманна (1843–1922). Полное название — «Общество за улучшение положения немцев Восточной марки» (*Verein zur Förderung des Deutschtums in Ostmarken*) — основано в Познани, бывшей в 1815–1919 гг. провинцией Пруссии, в 1894 г. и просуществовало до 1935 г. При жизни Бисмарка пользовалось его покровительством.

Дело Дрейфуса — процесс (1894–1906) по делу о шпионаже в пользу Германской империи, в котором обвинялся офицер французского генерального штаба, еврей родом из Эльзаса (принадлежавшего тогда Германии) капитан Альфред Дрейфус (1859–1935). Процесс, носивший откровенно антисемитский характер, сыграл огромную роль в общественной жизни Франции и Европы конца XIX в.

С. 175. Отто Бауэр (1881–1938) — лидер австрийских социалистов до Второй мировой войны, теоретик австромарксизма, министр иностранных дел Австрии (1918–1919), один из инициаторов создания Социалистического рабочего Интернационала.

С. 176. Джингоизм — от «джинго», клички английских шовинистов, — термин для обозначения крайне шовинистических воззрений; вошел в употребление в Великобритании в конце 1870-х гг.

Виламовиц — Виламовиц-Меллендорф, Ульрих фон (1848–1931) — крупнейший немецкий филолог-классик. Был близок к германскому императорскому двору; политическая ориентация отличалась принципиальным консерватизмом. В годы Первой мировой

войны занимал ярко выраженную националистическую позицию, участвовал в составлении и подписании общественных манифестов в поддержку германской политики.

С. 178. Дело о наградах — скандал, разразившийся во Франции осенью 1887 г., когда выяснилось, что Даниэль Вильсон, депутат парламента и зять президента Жюль Гриви, осуществляет своеобразную торговлю государственными наградами, особенно орденом Почетного легиона, раздавая их и за деньги (орден Почетного легиона за 25 тыс. франков) и за пай в различных компаниях. Дело вызвало правительственный кризис, и президенту Гриви пришлось уйти в отставку.

Дело о карточках — В 1900–1904 гг. стало известно, что во французской армии существовала негласная система «карточек», в которых отмечались религиозные и политические убеждения офицеров; записи в карточках способствовали либо препятствовали продвижению офицеров по службе.

Дело Ставиского — 23 декабря 1933 г. Серж Александр Стависки был арестован за распространение фальшивых чеков на сумму в 235 млн. франков. Во время процесса обнаружились тесные связи обвиняемого с высокопоставленными государственными чиновниками и депутатами парламента.

Скандал Римского банка — скандальная история о хищениях в эмиссионных итальянских банках, имевших место в 1892 г. Премьер-министр Дж. Джолитти, скомпрометированный последовавшими разоблачениями, ушел в отставку и в ноябре 1893 г. уступил пост Франческо Криспи, но дальнейшие разоблачения задел и самого Криспи. Выяснилось, что если Джолитти пользовался такими деньгами для своих политических целей, то Криспи (и его жена) — для личных целей.

С. 179. Эдмон Вермейль (1878–1964) — французский ученый, специалист по немецкой истории и культуре.

...королевским «государственным переворотом» — обстоятельства вступления Италии в Первую мировую войну: ее правительство не сразу определилось, к какой стороне примкнуть, поскольку и Австро-Венгрия с Германией, и Антанта обещали Италии территориальные приобретения в случае поддержки. Парламент тем не менее проголосовал за нейтралитет. Однако в стране ширилось движение за вступление в войну на стороне Антанты, которое возглавляли социалист Бенито Муссолини и писатель Габриэле

д'Аннунцио. Они организовали демонстрации против парламента и «нейтралистов», король Виктор-Эммануил III встал на их сторону, и 23 мая 1915 г. Италия объявила войну Австро-Венгрии.

С. 181. Капоретто — битва при Капоретто (24 октября — декабрь 1917 г.) — широкомасштабное наступление австро-германских войск на позиций итальянской армии, одно из крупнейших сражений Первой мировой войны, сокрушительное поражение итальянских войск.

С. 182. Шейдеманн, Филипп (1865–1939) — немецкий политик, один из лидеров социал-демократической партии Германии (СДПГ), первый премьер-министр (канцлер) Германской (Веймарской) республики (1919).

10. Третья республика

С. 183. Анпер, Феликс Антуан (1817–1891) — французский военный и дипломат, посол Франции в Российской империи. Бригадный генерал с 1870 г., после разгрома Коммуны был главой трибунала в Версале.

Жорж Буржен (1879–1958) — французский историк, сотрудник парижского Национального архива и член Общества изучения истории Французской революции, автор книги «История Коммуны» (1907).

Альбертини, Жорж (1911–1983) — французский политический деятель, социалист и пацифист.

Бонфуа, Эдуар (1907–2007) — французский политический деятель и публицист.

Максим Дю Камп (1822–1894) — известный французский писатель, член Французской академии.

С. 187. Общество им. Гёрреса — основанное в 1876 г. «Общество имени Гёрреса для развития и поощрения наук в католическом духе», названное в честь немецкого католического публициста, светского теолога, историка и общественного деятеля Иоганна Йозефа Гёрреса (1776–1848). Существует в Германии по сей день под названием «Гёрресовское общество содействия развитию науки», имеет научно-исследовательские институты в католических странах, издает научные журналы, книги, в частности «Государственный лексикон» — энциклопедический словарь по религии, истории, политике и социальным наукам. См. также прим. к с. 374.

Наполеоновский Конкордат — см. прим. к с. 82.

С. 190. Легитимисты — здесь: сторонники Генриха де Шамбора, последнего представителя старшей ветви Бурбонов.

С. 191. Комб, Луи Эмиль (1835–1921) — французский государственный и политический деятель. В 1902 г. сформировал правительство, которое опиралось на блок из всех левых партий, включая социалистов. Кабинет Комба прервал дипломатические отношения Франции с Ватиканом, подготовил закон об отделении церкви от государства.

С. 192. Петэн, Анри Филипп (1856–1951) — французский военный и политический деятель, маршал. После поражения Франции в 1940 г. — глава коллаборационистского правительства Виши (1940–1944). В 1945 г. приговорен как военный преступник и государственный изменник к смертной казни, замененной на пожизненное заключение.

С. 194. Буланже, Жорж Эрнест Жан Мари (1837–1891) — французский генерал, военный министр (1886–1887), политический деятель, несостоявшийся лидер реваншистского антиреспубликанского движения.

С. 195. Дело Виши — создание после поражения Франции и падения Парижа в 1940 г. коллаборационистского прогерманского режима на юге страны со столицей в курортном городе Виши (см. также прим. к с. 192).

С. 197. Олар, Франсуа Виктор Альфонс (1849–1928) — французский историк, специалист по эпохе Французской революции.

Леон де Монтестье-Фезензак (1873–1915) — французский публицист националистического толка, воинствующий сторонник монархии.

11. Второй провал всеобщего избирательного права

С. 198. «Антисоциалистические законы» Бисмарка — см. прим. к с. 161.

С. 205. Канонизация Николая II — вся семья Николая II канонизована Русской православной церковью 20 августа 2000 г.

10 августа 1792 года — 10 августа 1792 г. в Париже произошло восстание, был взят Тюильрийский дворец и Людовик XVI

временно отрешен от власти. 10 августа 1792 г. считается завершением первого этапа Французской революции.

С. 208. Эпштейн, Фриц (1898–1979) — немецко-американский историк, специалист по истории Германии и России.

С. 209. Спартакховская лига — марксистская организация в Германии, с августа 1914 г. входила в социал-демократическую партию Германии (СДПГ) как «группа Интернационал», с 1916 г. получила название «группа Спартака», с 1917 г. представляла собой левое крыло отделившейся от СДПГ Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ). По инициативе К. Либкнехта 11 ноября 1918 г. группа вышла из НСДПГ и получила название «Союз Спартака». Во время Ноябрьской революции 1918 г. «Союз Спартака» призывал к разоружению войск и учреждению советской республики. В канун 1919 г. «Союз Спартака» вместе с наиболее радикальной частью НСДПГ образовал Коммунистическую партию Германии (КПГ).

Гаазе (Хаазе), Гуго (1863–1919) — немецкий социал-демократ, в 1911–1917 гг. один из председателей СДПГ, а после раскола СДПГ в апреле 1917 г. — один из основателей Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ). Депутат рейхстага (1897–1907, 1912–1918), во время Ноябрьской революции 1918 г. — сопредседатель, вместе с Фридрихом Эбертом (см. прим. к с. 214), Совета народных уполномоченных (временного правительства Германии).

С. 211. «Четырнадцать пунктов» Вильсона — программа из «14 пунктов об условиях мира», выдвинутая президентом США Вудро Вильсоном в январе 1918 г. Включала сокращение вооружений, вывод немецких частей из России и Бельгии, провозглашение независимости Польши и создание «общего объединения наций» (получившего название Лига Наций). Неохотно одобренная союзниками США, эта программа легла в основу Версальского мирного договора (1919).

Принц Макс — Максимилиан Александр Фридрих Вильгельм фон Баден (1867–1929) — немецкий политик, наследник Великого герцогства Баденского, канцлер Германии с 3 октября по 9 ноября 1918 г. Объявил об отречении кайзера Вильгельма II и покинул свой пост, передав полномочия *Фридриху Эберту* (см. прим. к с. 214).

С. 212. План Доуса — план, предложенный в 1924 г. американским Комитетом Доуса (председатель — Чарльз Дж. Доус),

относительно выплаты Германией послевоенных репараций: этот план, не указывая конкретно новых сроков выплат, значительно уменьшал размер ежегодных отчислений по сравнению с условиями Версальского договора.

«*Эра Штреземанна*» — Штреземанн, Густав (1878–1929) — немецкий политик (Немецкая народная партия), рейхсканцлер (1923) и министр иностранных дел (1923–1929) Веймарской республики. Лауреат Нобелевской премии мира (1926) за заключение Локарнских соглашений, гарантировавших послевоенные границы в Западной Европе.

С. 214. Эберт, Фридрих (1871–1925) — немецкий социал-демократ, один из ведущих деятелей СДПГ, лидер ее правого крыла. Первый рейхсканцлер Германии после Ноябрьской революции 1918 г., первый президент Германии (Веймарской республики) в 1919–1925 гг., то есть первый в истории Германии демократически избранный глава государства.

С. 217. Freikorps (добровольческие корпуса) — наименование целого ряда полувоенных патриотических формирований, существовавших в Германии и Австрии в XVIII–XX вв. После Первой мировой войны возникло несколько реваншистских организаций под таким названием; многие из них позднее примкнули к нацистскому движению. В начале 1919 г. отряды фрайкора под руководством Густава Носке подавили выступления немецких коммунистов и крайне левых социал-демократов, намеревавшихся провозгласить советскую власть.

С. 218. Оккупация Рура — ввиду отставания Германии по срокам репарационных поставок в январе 1923 г. французские и бельгийские войска оккупировали Рурскую область, где добывалось 72% германского угля и производилось более 50% чугуна и стали. Оккупация Рура вызвала в Веймарской республике волну народного гнева. Выплата репараций была Германией приостановлена, промышленность, управленческий аппарат и транспорт Рура охватила всеобщая забастовка. Оккупационные власти ответили карательными операциями, в результате которых погибло 137 человек.

План Доуса и Янга — В дополнение к плану Доуса (см. прим. к с. 212, *План Доуса*) в 1930 г. был принят план, разработанный комитетом под руководством Оуэна Янга, согласно которому сроки выплаты репараций снова увеличивались, а суммы ежегодных отчислений снижались.

С. 219. Заговор фон Папена — Франц фон Папен (1879–1969) — генерал, политик и дипломат, в 1921–1932 гг. депутат прусского ландтага от католической партии Центра, канцлер Германии с 1 июня по 2 декабря 1932 г. Клубок политических интриг (а также случайностей), в которых фон Папен сыграл ключевую роль, привел к тому, что президент Гинденбург отправил в отставку канцлера Курта фон Шлейхера и 30 января 1933 г. назначил на этот пост Гитлера.

С. 220. Гугенберг, Альфред Вильгельм Франц Мария (1865–1951) — влиятельный немецкий промышленник и политик-националист, один из основателей Пангерманского союза (1891), депутат рейхстага, председатель Немецкой национальной народной партии (с 1928), министр экономики (1933) в первом правительстве Гитлера.

С. 221. Сквадристы («чернорубашечники») — в Италии в 1920–1922 гг. члены фашистских боевых отрядов (сквандр); в январе 1923 г. были преобразованы в государственную Добровольную милицию национальной безопасности.

С. 222. Раскол в Ливорно — в январе 1921 г. на съезде в г. Ливорно от социалистической партии откололась ее левая часть, около 60 тыс. человек, в результате чего образовалась Итальянская коммунистическая партия (ИКП).

С. 224. Поджог Рейхстага — пожар в Рейхстаге 27 февраля 1933 г. Большинство историков считает доказанным, что здание было подожжено нацистами с целью спровоцировать расправу над политическими противниками (коммунистами и левыми партиями). 28 февраля был издан чрезвычайный декрет «О защите народа и государства», подписанный рейхспрезидентом Гинденбургом, приостанавливающий, на основании 48 статьи Веймарской конституции, свободу личности, неприкосновенность жилища, собраний, союзов, слова, печати и ограничивающий тайну переписки и неприкосновенность частной собственности. Была запрещена компартия Германии; закрытие оппозиционных газет дало нацистам возможность успешно довести до конца избирательную кампанию — нацистская партия с союзниками и примкнувшими получила две трети голосов, необходимые для принятия закона, дававшего Гитлеру неограниченную власть на четыре года.

Конкордат — здесь: соглашение между Святым Престолом и фашистским правительством Италии (1929), определившее права и привилегии католической церкви в Италии; часть более широких Латеранских соглашений, посредством которых были урегулированы

взаимные претензии Святого Престола и Итальянского королевства и создан город-государство Ватикан.

...убийство Маттеотти — Джакомо Маттеотти (1885–1924), один из лидеров итальянской социалистической партии, в Палате депутатов разоблачал избирательные махинации и злоупотребления фашистской партии и требовал аннулировать мандаты фашистских депутатов. 10 июня 1924 г. был похищен и убит фашистами.

12. «Европейская гражданская война»

С. 229. Буркхардт, Карл Якоб (1891–1974) — швейцарский дипломат и историк. В 1937–1939 гг. — верховный комиссар Лиги Наций по делам вольного города Данцига; президент Международного комитета Красного Креста (1945–1948).

...денонсированием... Брест-Литовского мирного договора — 18 марта 1918 г. было опубликовано заявление стран Антанты о непризнании ими сепаратного мира Советской России с Германией, Австро-Венгрией и Турцией.

...правительство Бадольо подписало сепаратный мир 8 сентября 1943 года — Бадольо, Пьетро (1871–1956) — маршал Италии; в 1943 г., после неудач итало-германских войск в Северной Африке и Сталинградской битвы организовал заговор против Муссолини с целью заключения мира со странами антигитлеровской коалиции. 25 июля 1943 г. Муссолини был смещен и арестован, а Бадольо возглавил новое правительство. Он ввел военное положение и подавил выступления коммунистов, которые могли бы спровоцировать Германию на захват страны, но в сентябре, после подписания правительством Бадольо безоговорочной капитуляции, большая часть Италии все равно была оккупирована вермахтом.

С. 232. Турати, Филиппо (1857–1932) — итальянский социолог, поэт и политик, один из основателей итальянской социалистической партии.

Террачини, Умберто Элия (1895–1983) — итальянский коммунист, деятель Коминтерна.

...«ужасающие деяния белого террора в Испании, особенно в злосчастной Каталонии» — после т. н. «большевистского трехлетия» 1918–1921 гг., которое характеризовалось высоким накалом забастовочной борьбы, почти всеобщим недовольством колониальной

войной в Марокко, активизацией анархо-террористических групп, в стране начались кровавые репрессии против профсоюзов, которые сопровождались призывами «проявить твердую руку». Из практики латиноамериканских революций и диктаторских режимов испанские правоохранные органы заимствовали т. и. «Ley de fugas», «закон о побеге» — внесудебную казнь, стрельбу на поражение якобы при попытке к бегству во время перевозки арестованных из одного места заключения в другое. Таким способом (в дальнейшем широко практиковавшимся при Франко) в Барселоне власти уничтожили без суда более ста профсоюзных активистов.

С. 233. Трианонский договор был заключен между странами-победительницами в Первой мировой войне и Венгрией, как страной, потерпевшей поражение (с новообразованной Республикой Австрией в 1919 г. был заключен отдельный договор). Подписан 4 июня 1920 г. в Трианонском дворце Версаля; в результате Венгрия лишилась $\frac{2}{3}$ территории и населения. При поддержке нацистской Германии договор был пересмотрен в 1938–1940 гг.; после Второй мировой войны границы Венгрии вновь были возвращены к обозначенным в Трианонском договоре.

С. 239. Дольфус, Энгельберт (1892–1934) — австрийский политик, канцлер Австрии в 1932–1934 гг.

Шушниг, Курт Алоис фон (1897–1977) — австрийский политик, канцлер Австрии в 1934–1938 гг.

Римские протоколы — были подписаны 17 марта 1934 г. Муссолини, австрийским канцлером Дольфусом и премьер-министром Венгрии Гембешем; они полностью вовлекали Австрию и Венгрию в фарватер итальянской политики.

Примо де Рибера, Мигель (1870–1930) — испанский военный и политический деятель, в 1923–1930 гг. — диктатор. В 1923 г. совершил государственный переворот: было приостановлено действие конституции, распущены правительство и парламент, введена цензура.

С. 240. Сильвио Трентин (1885–1944) — итальянский антифашист, юрист по образованию, активист итальянской антифашистской организации «Справедливость и свобода», основанной в Париже в 1929 г.

С. 245. New Deal (Новый курс) — общее название экономической политики, проводимой правительством Ф. Д. Рузвельта в

1933–1939 гг. с целью вывода страны из охватившего ее кризиса, получившего название «Великая депрессия». Основными составляющими «Нового курса» стали государственное регулирование экономики, ревизия финансово-банковской системы, меры по восстановлению промышленности и сельского хозяйства, массовое привлечение безработных на общественные работы (в том числе крупные строительные проекты), реформы в социальной сфере и трудовом законодательстве, введение пенсий и пособий по безработице.

С. 246. ...африканская кампания — победоносное вторжение Италии в Эфиопию (1935–1936) и включение ее в Итальянскую Восточную Африку.

С. 246. Леон Блюм (1872–1950) — французский политик, организатор антифашистского Народного фронта, первый социалист во главе французского правительства (премьер-министр в 1936–1937 гг.), председатель временного правительства Франции (декабрь 1946 — январь 1947 г.).

С. 247. ПОУМ (Partido Obrero de Unificación Marxista — Рабочая партия марксистского единства, *исп.*) — образована 29 сентября 1935 г. в Барселоне; название партии выбрано в подражание звуку выстрела. Политическая программа ПОУМ во многом основывалась на идеях Льва Троцкого (в частности, на его теории перманентной революции).

Ларго Кабальеро, Франсиско (1869–1946) — испанский политик-синдикалист, глава Испанской социалистической рабочей партии и Всеобщего союза трудящихся. В период Второй республики занимал посты министра труда (1931–1933) и председателя правительства (1936–1937). Выступал в поддержку социалистической революции, за что получил прозвище «испанский Ленин».

С. 248. Вилли Брандт, настоящее имя Герберт Эрнст Карл Фрам (1913–1992) — немецкий политик, социал-демократ, четвертый федеральный канцлер ФРГ (1969–1974), лауреат Нобелевской премии мира (1971).

MIR (Movimiento de Izquierda Revolucionaria — Революционное движение левых сил, *исп.*) — левая политическая партия в Чили, основанная в 1965 г.; считала себя «марксистско-ленинским авангардом рабочего класса» и боролась за уничтожение эксплуататорского строя.

С. 251. Сарагат, Джузеппе (1898–1988) — итальянский политик, лидер социал-демократической партии. Министр иностранных дел (1963–1964), президент Италии (1964–1971).

Ненни, Пьетро (1891–1980) — итальянский политик-социалист. В 1931–1939 гг. — член исполкома Второго Интернационала, выступал за единство действий с коммунистами. Генеральный секретарь Итальянской социалистической партии в 1931–1939, 1943–1944 и 1949–1963 гг., председатель Объединенной социалистической и социал-демократической партии (1966–1969). Заместитель премьер-министра (1945–1946, 1963), министр иностранных дел (1946–1947, 1968–1969).

С. 253. Анджело Таска (1892–1960) — итальянский журналист и историк, социалист, один из основателей итальянской компартии (1921), исключен из нее в 1929 г., из-за расхождения во взглядах с А. Грамши и П. Тольятти. В 1926 г. эмигрировал во Францию. Автор ряда работ по истории фашизма и коммунизма.

Мануильский, Дмитрий Захарович (1883–1959) — советский партийный деятель, в 1928–1943 гг. секретарь исполкома Коминтерна.

13. Просто демократии, прогрессивные демократии, народные демократии

С. 262. Ялтинский мир — базовые соглашения между Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем о послевоенном мироустройстве были достигнуты на Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г.

С. 266. Сальваторе Джулиано (1922–1950) — сицилийский сепаратист и бандит; вначале выступал как своеобразный итальянский Робин Гуд и пользовался поддержкой населения; но по мере того как сепаратистское движение на Сицилии сходило на нет, стал заниматься похищением людей ради выкупа, а также осуществлять заказные расправы над лидерами левых движений. 1 мая 1947 г. на перевале Портелла-делла-Джинестра попытался захватить видного сицилийского коммуниста Джироламо Ли Каузи, в результате чего были убиты 14 человек, включая женщину и троих детей, 30 человек были ранены. Инцидент вызвал возмущение во всей стране; на банду Джулиано началась настоящая охота, в итоге сам он был обнаружен и застрелен «при попытке оказать сопротивление».

С. 270. Де Гаспери, Альчиде (1881–1954) — итальянский политик, премьер-министр Италии с декабря 1945 по август 1953 г.

С. 271. Фанфани, Аминторе (1908–1999) — итальянский политик, лидер христианско-демократической партии, одна из доминантных фигур на политической арене Италии второй половины XX в., с 1954 по 1987 гг. пять раз занимал пост премьер-министра. Председатель Генеральной ассамблеи ООН в 1965–1966 гг.

Католический университет отца Джемелли — католический университет Святого Сердца (Università Cattolica del Sacro Cuore), самый большой в Италии частный университет, основанный в 1921 г. францисканцем о. Агостино Джемелли (1878–1959), убежденным сторонником фашистского режима.

С. 272. Норберто Боббио (1909–2004) — выдающийся итальянский философ, историк, политолог.

С. 274. Статут Карла Альберта — либеральная конституция, утвержденная 4 марта 1848 г. королем Сардинского королевства Карлом Альбертом Савойским (1798–1849).

С. 275. «Обязанности человека» Мадзини — «Об обязанности человека» — один из главных трудов Джузеппе Мадзини (см. прим. к с. 7, *Джузеппе Мадзини*); основная идея — утверждение идеала общества, которое есть «собрание людей, условившихся между собою силою многих защищать права каждого». Долг каждого человека, в понимании Мадзини, — это «стремление к усовершенствованию себя и других», «борьба с несправедливостью и заблуждением». «Стать лучше» — в этом должна заключаться цель каждого отдельного человека. Переход индивидов к этическому осознанию необходимости высшего политического порядка происходит через религию, представляющую собой своеобразный синтез морального воспитания. Свобода, по убеждению Мадзини, — это автономия политически ответственного субъекта.

Ла Мальфа, Уго (1903–1979) — итальянский политик либерально-демократических убеждений.

С. 276. «Декларация прав трудового народа» — точнее, «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» — один из первых конституционных актов Советской республики, принятый 12 (25) января 1918 г. третьим Всероссийским съездом Советов; определил как основные задачи Советского государства уничтожение всякой эксплуатации человека человеком и установление социалистической организации общества.

С. 279. Франсуа Фейто (1909–2008) — французский историк и журналист венгерского происхождения, специалист по истории Восточной Европы.

С. 280. *«Le Mois Suisse»* [*«Швейцарский месяц»*] — швейцарский ежемесячный журнал, издавался с 1939 по 1945 г., поддерживал политику Германии и Италии.

Джозеф Бендерски (р. 1946) — профессор университета Вирджинии, специалист по истории антисемитизма. В книге «“Еврейская угроза”: Антисемитская политика в американской армии» (2001) исследуется антисемитизм в среде высшего командования армии и государственных структурах США и его влияние на политические решения руководителей страны с начала XX в. по 1970-е годы.

С. 283. Тисо, Йозеф (1887–1947) — священник, профессор теологии, президент первой Словацкой республики под протекторатом Третьего рейха (1938–1945). Ярый антисемит, в 1942 г. подписал закон о депортации евреев из Словакии. В апреле 1945 г. бежал в Баварию, где был задержан американскими военными и выдан Чехословакии. Был приговорен к смертной казни за государственную измену и повешен 18 апреля 1947 г.

С. 284. *«Южный разбой» пьемонтцев* — «поход Тысячи» под предводительством Гарибальди в 1860 г., закончившийся присоединением Неаполитанского королевства к Сардинскому. (См. также прим. к с. 7, *Во времена кампании...*).

«квислинги» — Видкун Квислинг (1887–1945) — норвежский политик-нацист, с февраля 1942 г. до конца Второй мировой войны — министр-президент оккупированной Норвегии, после войны был расстрелян как государственный изменник. Его фамилия стала именем нарицательным, обозначающим предателей-коллаборационистов.

С. 285. ...*«запятнано» самим актом своего рождения* — имеется в виду Венгерское восстание 1956 г. и его подавление советскими войсками.

С. 286. *«Южное королевство»* — после капитуляции Италии перед союзниками в сентябре 1943 г., страна оказалась расколота на «Южное королевство» (во главе с королем и маршалом Бадольо), признанное Англией, США и СССР «совместно воюющей» стороной, и «Республику Сало» на севере, возглавляемую Муссолини и опиравшуюся на германские войска.

ОВРА (Organo di vigilanza dei reati antistatali (OVRA) — Орган обеспечения безопасности от антигосударственных проявлений) — структура политической охраны в Италии, которую коммунисты и анархисты называли «Organizzazione vigilanza repressione antifascista» — «Орган безопасности, подавляющий антифашизм».

Создан в 1921 г. как внутривнутрипартийная гвардия фашистского движения. С конца 1922 — начала 1923 гг. стал выполнять функции службы личной охраны Муссолини и внутренней безопасности фашистской партии. В конце 1926 г. ОВРА становится государственным органом политической безопасности. В 1945 г. ОВРА был реорганизован в службу внутренней разведки Итальянской Республики.

Республика Сало (Итальянская Социальная Республика) — фашистское государство под руководством Муссолини, созданное на оккупированной Германией территории Северной Италии после того, как Юг и Центр страны перешли под англо-американский контроль. Просуществовало с сентября 1943 по апрель 1945 г.

С. 287. «Салернский поворот» — изменение в 1944 г. курса Итальянской коммунистической партии: отказ от вооруженной борьбы за построение социализма после освобождения Италии от нацистов, переход партии на легальное положение, готовность, в качестве одной из политических партий страны, к сотрудничеству с буржуазными партиями и с правительством, участие в выборах. Это также означало разоружение партизан-коммунистов сразу по окончании войны.

Соглашения в Варкизе — между греческим правительством премьер-министра Николаоса Пластираса и Народно-освободительным фронтом Греции; были подписаны 12 февраля 1945 г. в Варкизе (под Афинами) при участии английских представителей — министра-резидента на Ближнем Востоке Г. Макмиллана и посла в Афинах Р. Липера. Греческое правительство обязалось соблюдать свободу слова, печати, собраний и профсоюзов, отменить военное положение, амнистировать всех политических заключенных, создать призывную национальную армию, провести чистку государственного аппарата и полиции. Народно-освободительный фронт взял на себя обязательство демобилизовать свои войска и освободить заложников. Соглашение явилось следствием вмешательства в гражданскую войну в Греции британской армии.

Переворот полковников в апреле 1967 года — приход к власти «черных полковников» и установление военной диктатуры в Греции (1967–1974).

С. 290. Моро, Альдо (1916–1978) — премьер-министр Италии в 1963–1968 и 1974–1976 гг., христианский демократ. В 1978 г. был похищен и убит членами подпольной леворадикальной организации «Красные бригады».

С. 295. Вопрос о Триесте — в 1945–1947 гг. город управлялся англо-американской военной администрацией; в 1947–1954 гг. Триест с небольшим округом составлял т. н. Свободную территорию Триеста под контролем этой администрации. По итало-югославскому договору (при участии Великобритании и США) 1954 г. Триест и территории к северу от него отошли к Италии, а территории к югу от города — к Югославии.

14. Холодная война и отступление демократии

С. 296. Законопроект Мундта — Никсона — законопроект «О защите Соединенных Штатов от антиамериканской и подрывной деятельности», внесенный конгрессменами К. Мундтом и Р. Никсоном, был подготовлен в Комитете по антиамериканской деятельности и одобрен Палатой представителей в мае 1948 г. По этому законопроекту предусматривалась обязательная регистрация коммунистических организаций в генеральной прокуратуре США, запрет для коммунистов на работу в федеральных органах и на получение ими паспортов (право выезда и въезда в США). Сенат воздержался от принятия этого законопроекта.

Комитет по антиамериканской деятельности — комитет Палаты представителей Конгресса США в составе девяти членов, учрежденный в 1938 г., был призван наблюдать за соблюдением норм американского законодательства в любой сфере и вырабатывать соответствующие рекомендации исполнительным и судебным органам власти.

«Peace Group» / «Группа мира» (или Peace Action, «Действие мира»): движение, начавшееся в 1957 г. с протеста против распространения ядерного оружия; один из его центров располагался в Голливуде и пользовался поддержкой ведущих деятелей киноиндустрии.

С. 297. Халдемани, Гарри Роббинс (1926–1993) — американский политик и бизнесмен, соратник президента Никсона, после Уотергейтского скандала осужденный на 18 месяцев тюрьмы за «сокрытие улик и препятствование правосудию».

«Уотергейт» — политический скандал в США в 1972–1974 гг. в связи с установкой подслушивающей аппаратуры в вашингтонском отеле «Уотергейт», в штабе кандидата в президенты от демократической партии Джорджа Макговерна, соперника тогдашнего президента, республиканца Ричарда Никсона. Никсон был переизбран

на второй срок, но под давлением кампании в прессе был вынужден подать в отставку.

С. 299. Милован Джилас (1911–1995) — югославский политический деятель, сподвижник Тито, член ЦК компартии Югославии, министр и вице-президент СФРЮ — в 1953–1954 гг. выступил с резкой критикой «сталинских методов» в политике СССР и СФРЮ и обнародовал свой тезис о возникновении в социалистических странах нового правящего класса привилегированной партийной номенклатуры. Джилас был смещен со всех постов, лишен наград и неоднократно приговаривался к тюремному заключению. Его книги «Новый класс: Анализ коммунистической системы» (1957) и «Беседы со Сталиным» (1962), имели большой резонанс на Западе и были запрещены в большинстве социалистических стран.

С. 300. Берлинское восстание в июне 1953 года — массовые антиправительственные выступления рабочих ГДР, требовавших восстановления старых норм зарплаты, снижения цен на основные продукты, свободных выборов.

С. 301. Немецкий народный совет (Volksrat) — в 1948 г. — переходный законодательный выборный орган в советской зоне оккупации Германии, подготовивший образование Германской Демократической Республики (7 октября 1949 г.).

С. 304. Сустель, Жак (1912–1990) — французский ученый-антрополог; во время Второй мировой войны сподвижник де Голля (возглавлял его разведывательную службу); в 1947–1951 гг. генеральный секретарь голлистской партии «Объединение французского народа»; в 1955–1956 гг. — генерал-губернатор Алжира. При поддержке Сустеля во время майского правительственного кризиса 1958 г. де Голль вернулся в политику и был избран президентом. Не согласившись с позицией де Голля, который был готов признать независимость Алжира, Сустель присоединился к Секретной армейской организации ОАС (см. прим. к с. 317) и участвовал в ее действиях. В 1961 г. эмигрировал из Франции.

Мальро, Андре (1901–1976) — французский писатель и культуролог, герой французского Сопротивления, идеолог Пятой республики, министр культуры в правительстве де Голля (1958–1969).

...капитуляция при Дьен-бьен-фу (7 мая 1954) — битва при Дьен-бьен-фу считается решающим сражением Первой индокитайской войны (1945–1954): ударная группа французских экспедиционных войск, базировавшаяся в долине Дьен-бьен-фу, вдалеке от

основных сил, была окружена частями Вьетнамской народной армии и в кровопролитных боях уничтожена, остатки сдались в плен.

Женевская конференция — международная конференция министров иностранных дел СССР, КНР, Великобритании, США и Франции, проходившая в Женеве с 26 апреля по 21 июля 1954 г.; в разработке соглашений участвовали также представители ДРВ (Северного Вьетнама), Камбоджи, Лаоса и Южного Вьетнама. На ее ход большое влияние оказала битва при Дьен-бьен-фу, произошедшая непосредственно во время конференции. 21 июля были заключены Женевские соглашения, завершившие колониальную войну Франции в Индокитае и определившие дальнейшую судьбу бывших французских колоний в регионе.

С. 315. ...в половине третьего утра отправляясь на Елисейские поля — вручить президенту заявление о своей отставке.

С. 317. OAS (Organisation de l'armée secrète — Секретная армейская организация, фр.) — ультраправая националистическая террористическая организация, существовавшая во Франции во время Алжирской войны (1954–1962). Организация использовала партизанские методы, стремясь не допустить независимости Алжира.

15. К «смешанной системе»

С. 320. Фальер, Клеман Арман (1841–1931) — французский государственный деятель, президент Третьей республики в 1906–1913 гг.

Гизо — см. прим. к с. 107.

С. 327. Санто Мадзарино (1916–1987) — видный итальянский историк-античник.

С. 332. Mitbestimmung (букв. участие, сотрудничество, нем.) — принцип организации производственной деятельности, при которой наемные рабочие принимают участие в управлении предприятием.

С. 333. ...донна Прасседе — пожилая синьора из романа «Обрученные» Алессандро Мандзони, классика итальянской литературы XIX в.

С. 335. ...после Косова — имеется в виду вооруженный конфликт в Косово в феврале — июне 1999 г. и его тенденциозное освещение в европейских СМИ.

С. 339. Гюстав Ле Бон (Лебон) (1841–1931) — знаменитый французский психолог, социолог, антрополог и историк, основатель

социальной психологии, одним из первых попытался теоретически обосновать наступление «эры толпы» и связать с этим общий упадок культуры.

С. 341. ...нарушение равновесия... в Италии — имеется в виду «Жаркая осень» 1969 г. — общенациональная забастовка металлургов, борьба за расширение прав рабочих организаций и новые условия коллективных трудовых соглашений.

С. 342. ...[Гомулка] отдал приказ стрелять в рабочих в Гданьске — 14 декабря 1970 г. в ответ на повышение цен рабочие Гданьска, Гдыни, Щецина и других городов объявили забастовку. Первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка, сочтя это контрреволюцией, отдал приказ о силовом подавлении рабочих выступлений. 17 декабря 1970 г. на гданьской судовой верфи имени Ленина произошло столкновение военных с рабочими, несколько стычек вспыхнули в других местах. В результате погибли 41 рабочий, 2 милиционера и 1 солдат. 1164 человека, в том числе около шестисот военных и сотрудников милиции, были ранены.

С. 344. Каррер д'Анкокс, Элен (р. 1929) — историк, политолог, специалист по истории России.

С. 345. Гершенкрон, Александр (1904–1978) — американский экономист российского происхождения, автор трудов «Экономические отношения с СССР» (1945), «Европа в русском зеркале» (1970).

16. Это и была «Новая история»?

С. 348. Вейль, Симона (1909–1943) — французский философ и религиозный мыслитель; главное внимание уделяла теме страдания, особенно страдания невинных; в ранний период подходила к этому вопросу с позиций марксизма и социализма, после участия в гражданской войне в Испании (1936–1939) разочаровалась в этих идеях.

С. 352. Малапарте, Курцио (наст. имя Карл Эрх Цукерт) (1898–1957) — итальянский писатель, журналист, кинорежиссер.

С. 353. Эссад-бей, настоящее имя — Нусенбаум Лев Абрамович (1905–1942) — немецкий писатель азербайджанского происхождения, журналист и мистификатор; писал экзотическую беллетристику, публицистику, биографии: в частности, Сталина (1931), Николая II (1935), Ленина (1937), иранского Реза-шаха (1938).

С. 355. Джентиле, Джованни (1875–1944) — итальянский философ, теоретик и активный деятель итальянского фашизма, пред-

седатель совета по образованию. В 1925 г. Джентиле опубликовал «Манифест фашистских интеллектуалов к интеллектуалам всех наций», а в 1929 г. — книгу «Основы фашизма», в которой фашизм воспевается как новая политическая идея, задача которой — создание нового «этического государства». Также являлся директором по науке Института Итальянской энциклопедии, издававшего в 1925–1936 гг. 36-томную «Итальянскую энциклопедию», неоднократно упоминаемую Л. Канфорой. В апреле 1944 г. Джентиле был убит партизанами-антифашистами на улице во Флоренции.

С. 358. ...до выборов в Конвент — выборы в Национальный Конвент проходили 26 августа — 2 сентября 1792 г.; первое заседание Конвента, провозгласившее республику и отмену королевской власти, состоялось 21 сентября 1792 г.

...до Вальми — битва при Вальми, в результате которой французская революционная армия остановила продвижение прусских войск к Парижу, произошла 20 сентября 1792 г.

...до ареста короля — Людовик XVI был арестован при попытке покинуть страну 20 июня 1791 г. 11 января 1793 г. начался судебный процесс, 20 января король был приговорен к смертной казни и 21 января взошел на эшафот.

...до объявления жирондистов вне закона — апрель 1793 г.

С. 359. Людендорф, Эрих Фридрих Вильгельм (1865–1937) — немецкий генерал-полковник, автор концепции «тотальной войны»; с августа 1916 по октябрь 1918 г. фактически руководил всеми операциями германских войск.

...через год над Рейхстагом взвилось красное знамя — имеется в виду Ноябрьская революция 1918 г. в Германии.

С. 362. Серрати, Джачинто Менотти (1872–1926) — один из руководителей итальянской социалистической партии в 1910-х гг., лидер «максималистов»; в 1924 г. он и его единомышленники вошли в Итальянскую коммунистическую партию.

С. 366. Бальбо, Итало (1896–1940) — итальянский военный и политический деятель-фашист, ближайший соратник Муссолини, один из лидеров «чернорубашечников». Активный противник союза Италии с Германией. В 1926 г. в составе итальянской эскадры посетил г. Одессу.

С. 368. Куртуа, Стефан (р. 1947) — французский историк, автор «Черной книги коммунизма» (1999).

С. 369. Тревельян, Джордж (1876–1962) — английский историк, продолжатель традиции либеральной школы английской историографии. Свои взгляды на метод и задачи исторической науки он изложил в книге «Клио — муза истории» (1913): история — искусство; знание прошлого не имеет никакого утилитарного смысла, и единственное назначение истории — «воспитывать умы людей, заставляя их размышлять о прошлом».

Эпилог

С. 374. Карл Венцеслав фон Роттек (1775–1840) — профессор истории права и политической экономии Фрайбургского университета, либеральный мыслитель, автор 9-томной «Всеобщей истории» (1813–1818), 4-томного учебника по теории государства и права (1829–1836), а также соредактор и один из авторов 15-томного «Государственного лексикона, или Энциклопедии государственных наук» (1834–1843).

Послесловие

С. 384. Расстрел в Порцузе — расправа, которую осуществили 7 февраля 1945 г. партизанские формирования, подчиняющиеся Итальянской коммунистической партии, над членами самостоятельного партизанского движения «Бригада Озоппо» католической и либеральной ориентации.

С. 390. ...окруженной войсками Коалиции — имеется в виду коалиция европейских держав, враждебных Французской революции 1789 г. (См. прим. к с. 68, *Коалиция держав*).

С. 391. Дионисий Галикарнасский — греческий ритор и историк I в. до н. э.

Пий XII (1876–1958) — папа римский с 1939 г., обвинявшийся рядом израильских организаций в том, что не высказывался против геноцида евреев во время Второй мировой войны.

С. 395. Доктрина Брежнева (или Доктрина ограниченного суверенитета) — сформулированное западными политиками и общественными деятелями описание внешней политики СССР 1960–1980-х гг.: заключалась в том, что СССР считает себя вправе вмешиваться во внутренние дела стран социалистического блока для обеспечения стабильности их политического курса и их тесного сотрудничества с СССР.

А. Миролюбова

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Августин, святой 24
Аденауэр, Конрад 298, 300,
302, 312, 377, 386
Айртон, Генри 58
Аксельрод, Павел 202
Александр Македонский 11, 22
Александр I, император
России 86, 88, 109
Александр II, император
России 198
Александр III, император
России 199
Алексий II, патриарх Москов-
ский и всея Руси 25, 27
Алкивиад 44, 47
Аллег, Анри 313
Альбер — см. Мартен, Алек-
сандр
Альбертини, Луиджи 183, 237
Альенде, Сальвадор 248
Ангулемский, Людовик (Луи-
Антуан) де Бурбон, герцог 90
Д'Аннунцио, Габриэле 10
Антигон III Досон,
македонский царь 54
Аппер, Феликс-Антуан 183
Аппиан 14
Арат 54

Аристогитон 55
Аристотель 13, 18, 20, 22, 38,
43, 49, 51, 372–374
Аристофан 11, 44, 52
Арно, Франсуа, аббат 69, 70
Арно, Антуан-Винсен 96
Арроу, Кеннет 104
Асанья-и-Дияс, Мануэль 246, 249
Атенагор 55
Аттила 99
Афанасьев, Федор 206
Ахемениды 22
Ачербо, Джакомо 168, 222, 224
Ашери, Давид 21

Б

Бабёф, Франсуа-Ноэль (Графх)
63, 108, 269, 372
Баден, Макс фон 89, 211,
213–215
Бадольо, Пьетро 229, 287
Байи, Огюст 127
Бальбо, Итало 366
Бангу, Анри 63, 65
Барбес, Арман 120
Барер де Вьёзак, Бертран 85,
87, 121

Барнав, Антуан 34
 Барух, Бернард Маннес 281
 Бассо, Лелио 271, 272, 275
 Бастед (Бастид), Поль 122
 Бауман, Николай 206
 Бауэр, Отто 175, 178, 227, 239
 Бейль, Пьер 12
 Бек, Йозеф 252
 Бендерски, Джозеф 280
 Бенеш, Эдвард 292–294
 Берия, Лаврентий 300, 306
 Бёрк, Эдмунд 31, 89, 154
 Берлускони, Сильвио 333
 Беррийский, Карл Фердинанд
 де Бурбон, герцог 91
 Бетманн-Гольвег, Теобальд
 фон 209
 Бисмарк, Отто фон 153, 161, 165,
 166, 168, 170, 174, 191, 198
 Блан, Луи 115, 118, 120, 121, 131
 Бланки, Луи-Огюст 120, 121
 Блюм, Леон 246, 247, 250
 Бо де Ломени, Эмманюэль 194
 Боббио, Норберто 272, 341
 Богарнэ, Жозефина 80
 Бодлер, Шарль 123
 Бонги, Руджеро 31, 390, 391
 Бонфуа, Эдуар 183
 Брайс, Джеймс 187–189, 192
 Брамстедт, Эрнст 242
 Бранденбург, Эрик 199, 200
 Брандт, Вилли 248, 261, 298, 341
 Бреа, Жан Батист Фидель 122,
 131
 Брежнев, Леонид 346, 392, 395
 Бриан, Аристид 195
 Бродель, Фернан 180, 236
 Бруниальти, Аттилио 29
 Брут, Марк Юний 8
 Брюгель, Иоганн Вольфганг 253
 Брюн, маршал 90

Буланже, Жорж 194, 315
 Буонарроти, Филиппо 108, 269
 Бурбоны (Неаполитанские) 7
 Буржен, Жорж 183
 Буржес-Монури 313
 Буркхардт, Карл 229
 Бустани, Жозе Маурисиу 336
 Бут Льюс, Клэр 289
 Бухарин, Николай 227
 Буш (младший), Джордж 333

В

Ваддингтон, Уильям Генри 194
 Вадье, Марк 63
 Варфоломей I, патриарх
 Константинопольский 25
 Вебер, Макс 10, 73, 169, 216
 Вейган, Максим 230
 Вейль, Симона 348, 381, 391
 Веллингтон, Артур Уэлсли 89
 Вермейль, Эдмон 179
 Видаль, Франсуа 141, 142
 Виейра, Антонио 67
 Визенталь, Симон 388
 Виктория, королева
 Великобритании 9
 Виктор Эммануил III, король
 Италии 221
 Виламовиц-Мелендорф, Ульрих
 фон 176, 182
 Виллель, Жан-Батист 106
 Вильгельм I, германский
 император 165
 Вильгельм II, германский импе-
 ратор 168, 174, 181, 214, 220
 Вильгельм IV, король
 Великобритании 110
 Вильгельм I Завоеватель 58
 Вильсон, Вудро 89, 176, 211, 362
 Висконти, Эннио Квирино 79

Витте, Сергей 206, 207
 Войтыла, Кароль Юзеф, папа
 римский Иоанн Павел II 385
 Вольней, Константен-Фран-
 суа 71, 72, 74, 78, 79, 82
 Вольтер 88, 394
 Вьельяр, Нарсис 130

Г

Газе (Хаазе), Гуго 209, 213
 Гайяр д'Эме, Феликс 313
 Галлифе, Гастон 183
 Гамбетта, Леон 143, 191
 Ганди, махатма 359
 Гапон, Георгий, поп 204
 Гарибальди, Джузеппе 7-10, 153
 Геббельс, Йозеф 220, 242
 Гекатей Милетский 21
 Геккель, Эрнст Генрих 30
 Гелен, Рейнхардт 387
 Геринг, Герман 217
 Гермий 22
 Геродот 21, 35, 329, 370-372
 Гёррес, Иоганн Йозеф 187
 Гершенкрон, Александр 345
 Гёте, И. В. 11, 348, 381
 Гиббон, Эдвард 15
 Гизо, Франсуа 107, 118, 142,
 143, 320
 Гинденбург, Пауль
 Людвиг 216, 219, 224, 238
 Гиперид 54, 55
 Гитлер, Адольф 127, 217, 219,
 220, 224, 229, 241, 244, 250,
 252, 255, 259, 260, 277, 302,
 351, 377, 378, 383
 Гладстон, Уильям 155
 Глобке, Ганс 302, 303, 386
 Гоббс, Томас 13, 18-19
 Годшо, Жак Леон 34

Гомер 20
 Гомулка, Владислав 308-310, 342
 Гопкинс, Гарри 281
 Горбачев, Михаил 27
 Горький, Максим 355
 Готвальд, Клемент 292-295
 Грамши, Антонио 10, 11, 126,
 171, 276, 350
 Грассе, Бернар 353
 Гриви, Жюль 178
 Грегуар, Батист-Анри, аббат 62
 Грей, Чарльз 110, 112
 Громыко, Андрей 300
 Грот, Джордж 74
 Гугенберг, Альфред 220
 Гулло, Фаусто 266
 Гэль (Гель), Жан-Батист 68
 Гюго, Виктор 118, 122-124,
 127, 130, 136, 140, 143

Д

Даладье, Эдуар 247, 260
 Даллес, Аллен 386, 387
 Даллес, Джон Фостер 298,
 305, 386, 388, 391
 Даль, Роберт 59, 331
 Дамесм, Эдуар Адольф 122
 Дантон, Жорж-Жак 61, 67, 197
 Дарий 370-372
 Дарю, Наполеон 135
 Дасье, Бон-Жозеф 79
 Де Гаспери, Альчиде 270, 289,
 290, 355
 Де Голль, Шарль 229, 230,
 279, 303-305, 313-320
 Делакура, Жан-Франсуа 61-63
 Делоне, издатель 99
 Демад 50
 Демосфен 20, 22, 23, 28, 46,
 54, 101, 173, 196, 329

Дефурно, Эдм-Этьен 80
 Джемелли, Агостино 271
 Джентиле, Джованни 355, 366
 Джефферсон, Томас 59, 60, 385
 Джилас, Милован 299
 Джолитти, Джованни 28, 145–150, 152, 168
 Джулиано, Сальваторе 266
 Дзанарделли Джузеппе 149
 Диас Рамос, Хосе 249, 258
 Дизраэли, Бенджамин 9
 Диккенс, Чарльз 154
 Димитров, Георгий 245, 250, 253, 254, 256, 258, 367
 Диодор Сицилийский 50
 Дионисий Галикарнасский 391
 Дион Кассий 14
 Дойчер, Исаак 172, 233, 245, 308, 354, 366
 Дольфус, Энгельберт 239
 Доус, Чарльз 212, 218
 Дрейфус, Альфред 174
 Дройзен, Иоганн Густав 11
 Дэ 131
 Дюверже, Морис 90, 319, 320, 328
 Дювивье, Франсиад-Флерус 122
 Дю Камп, Максим 183
 Дюфе де ла Тур, Луи-Пьер 60, 61

Е

Еврипид 371, 372
 Ельцин, Борис 27, 230, 345, 346

Ж

Жданов, Андрей 253, 256
 Жискар д'Эстен, Валери 15
 Жорес, Жан 180, 192, 195–197, 203

З

Зеебом, Ганс-Кристоф 302, 386
 Зибель, Генрих Карл Людвиг фон 31
 Зиновьев, Григорий 351
 Зорин, Валериан 292

И

Ибаррури, Долорес 258
 Иден, Энтони 278, 299, 311
 Изамбер, Франсуа-Андре 132–133
 Иотти, Нильде 320
 Исократ 15, 20, 40, 45

К

Кавеньяк, Луи-Эжен 122, 123, 125, 130–132, 135
 Кавеньяк, Жан-Батист 122
 Кавур, Камилло Бенсо ди 7, 153
 Кадар, Янош 285, 311
 Калам, Клод 28
 Каламандреи, Пьеро 271, 273
 Калигула 13
 Каменев, Лев 351
 Каннинг, Джордж 109, 110
 Кант, Иммануил 370
 Кардозо, Фернандо Энрике 336
 Кардуччи, Джозуэ 31, 389–391
 Карл I, король Англии 57, 58
 Карл X, король Франции 106
 Карл Альберт, король Пьемонта и Сардинии 274
 Карл Великий 24
 Карр, Эдвард Халлетт 83, 204, 353, 388, 389

Каррер д'Анкокс, Элен 344
 Каслри, Роберт Стюарт 89, 109
 Каутская, Луиза 209
 Каутский, Карл 198
 Квандты, династия промышленников 220
 Кемаль, Мустафа 345
 Кеннеди, Джон
 Фитцджеральд 297, 313
 Керенский, Александр 209, 225, 227
 Кессельринг, Альберт 302
 Кимон 47, 51, 52
 Кинадон 53
 Киссинджер, Генри 392
 Клари, кандидат 152
 Клавдий, римский император 54
 Клемансо, Жорж 191, 194-197
 Клеомен III, спартанский царь 54
 Клеон 11, 44, 46, 47, 74
 Клеофонт 43
 Клинтон, Билл 288, 346, 347, 385
 Клисфен 21, 35, 44, 47
 Кнупфер, Ойген 187
 Коллотти, Энцо 300, 387
 Колчак, Александр 230
 Коль, Гельмут 334
 Комб, Эмиль 191
 Кондорсе, Жан-Антуан 75, 103, 104, 144
 Конев, Иван 308
 Конквест, Роберт 392
 Консидеран, Виктор 121
 Констан, Бенжамен 73, 74, 78, 90-92, 95, 98-100, 106, 374
 Копецкий, Вацлав 294
 Кораис, Адамантиос 79
 Корбино, Эпикармо 272, 274

Корде, Шарлотта 97
 Кот, Пьер 241
 Коти, Рене 315
 Кремье, Адольф 119
 Криспи, Франческо 149, 153, 178
 Критий 39, 48
 Критон 28
 Кромвель, Оливер 57, 58, 227
 Кроче, Бенедетто 7, 9, 146-149, 153, 225, 351, 373, 380
 Ксанфий 52
 Ксенофонт 45, 53, 68-70, 371
 Кун, Бела 232
 Кунен-Гридэн, Лоран 194
 Куртуа, Стефан 368
 Кутон, Жорж-Огюст 98

Л

Ла Бедойер, Шарль-Анжели, Франсуа 90
 Лабриола, Антонио 49
 Лаваль, Пьер 194, 195
 Лаит, Жан-Эрнест 140
 Лакост, Робер 306
 Ла Мальфа, Уго 275, 276
 Ламарк, Жан-Максимилиан 118
 Ламартин, Альфонс-Мари-Луи 118-121, 130, 136
 Ламбаль, Мария Тереза Савойская, принцесса 390
 Ламорсьер, Кристоф-Луи-Леон 122
 Лар 131
 Ларго Кабальеро, Франсиско 247-249
 Ларусс, Пьер 126, 231
 Ласки, Гарольд 240-242
 Лаусман, Богумил 293

Лафарг, Лаура, дочь К. Маркса 170
 Лебедь, Александр 346
 Ле Бон, Гюстав 339
 Левассер, Рене 61, 62
 Леви, Бернар-Анри 384
 Ле Гофф, Жак 6, 378, 383, **384**
 Ледрю-Роллен, Александр-Огюст 115, 118, 131, 133
 Ленге, Симон-Анри-Николя 72, 375
 Ленин, Владимир 10, 26, 162, 163, 180, 199–205, 207, 208, 211, 226–228, 235, 236, 255, 257, 258, 307, 351, 352, 359, 362
 Леопарди, Джакомо 15, 339, 375, 383
 Ле Пэн, Жан-Мари 331
 Леру, Пьер 121
 Леруа-Болье, Анатолий 31, 32
 Леруа Ладюри, Эммануэль 385, 389, 391
 Лефевр, Жорж 34
 Либкнехт, Карл 168–171, 182, 216, 217
 Ливерпуль, Роберт Бэнкс Дженкинсон, герцог 89
 Ливий, Тит 12, 71
 Ликург 40
 Лилл, Рудольф 386
 Лисандр 53
 Лисий 41
 Литвинов, Максим 251, 253
 Ллойд-Джордж, Дэвид 230, 240
 Ло Гатто, Этторе 355, 356
 Лонго, Луиджи 291
 Лот, Вилфрид 300
 Лувертюр, Туссен 80
 Лудзатти, Луиджи 28

Луи Бонапарт (Луи Наполеон) — см. Наполеон III
 Луи-Филипп-Альбер Орлеанский, граф Парижский 118, **185**
 Луи-Филипп I, король французов 112, 118, 127, 136, 142, 194, 319
 Лушан, Феликс Риттер фон 30
 Льюис, Джордж Корнуолл 28, 29, 33, 156
 Лэндсбери, Джордж 240
 Людендорф, Эрих 180, 359
 Людовик XIV, король Франции 79, 89
 Людовик XVI, король Франции 95
 Людовик XVIII, король Франции 85, 88, 90, 91, 99, 105, 118, 330
 Люксембург, Роза 182, 201, 202, 209, 216, 217, 228, 236, 257

М

Мабли, Габриель Бонно де, аббат 40, 74
 Мадзарино, Санто 327
 Мадзини, Джузеппе 7–9, **117**, 132, 275
 Майский, Иван 260
 Макиавелли, Никколо 360
 Маккарти, Джозеф 296
 Мак-Магон, Патрис де 183, 190, 319
 Макс фон Баден, принц 89, 211, 213–215
 Малапарте, Курцио 352–354
 Маленков, Георгий 291
 Малетер, Пал 310
 Мальро, Андре 304
 Манн, Томас 178, 296, 297

Мануильский, Дмитрий 253
 Манштейн, Эрих фон 302
 Манюэль, Жак-Антуан 93–95,
 97, 106
 Марат, Жан-Поль 98, 390
 Мардоний, сатрап 35
 Мари, Александр 119
 Марий, Гай 11
 Маркс, Карл 8, 10, 32, 83, 84,
 100, 111, 113–117, 123, 127,
 138–143, 159–162, 164, 170,
 177, 178, 200–202, 349, 350,
 375, 379
 Мартен, Александр (Альбер)
 118, 120
 Маршалл, Джордж К. 292
 Масарик, Ян 293
 Массю, Жак 313
 Маттеотти, Джакомо 224, 225
 Мегабиз 370–372
 Мейер, Эдуард 74, 177
 Мейнеке, Фридрих 235
 Мелин, Феликс Жюль 191
 Мендес-Франс, Пьер 305, 306,
 315
 Менжинский, Вячеслав 353, 354
 Менчу Тум, Ригоберта 67
 Мердок, Руперт 333
 Местр, Жозеф-Мари де 94
 Меттерних, Клеменс фон 7, 86,
 109
 Милль, Джон Стюарт 22, 111
 Мильеран, Александр 10, 197, 233
 Мирабо, Виктор де, маркиз 12
 Мирабо, Оноре Габриель де,
 граф, оратор 88
 Митридат 36
 Миттеран, Франсуа 315, 320
 Мишо, братья (Жозеф-Франсуа
 и Луи-Габриель) 95
 Молле, Ги 306, 307, 311, 313, 314

Молотов, Вячеслав 253, 259,
 278, 382
 Монталамбер, Шарль-Форб-
 Рене 131
 Монтескье, Шарль, барон де 107
 Монтескье, Леон де 197
 Моргентау-мл., Генри 281
 Моро, Альдо 290
 Морра, Шарль 78, 197
 Моска, Газтано 149, 341, 394
 Мундт, Карл 296
 Муссолни, Бенито 127, 168,
 221, 222, 224, 225, 232,
 237–241, 258, 286, 327

Н

Надь, Имре 310
 Наполеон I Бонапарт,
 император Франции 11, 12,
 72, 79, 80, 82, 85–91, 98, 99,
 105, 126, 127, 132, 134, 151,
 358, 368, 384, 385
 Наполеон III Бонапарт (Луи
 Наполеон), император
 Франции 84, 123, 125–133,
 135–138, 140, 142, 144, 145,
 151–154, 159, 160, 162, 317,
 319, 393
 Насер, Гамаль Абдель 311
 Негрье, Франсуа-Мари-
 Казимир 122
 Ней, Мишель 90
 Ней, Наполеон-Анри-Эдгар 133
 Ненни, Пьетро 251, 275, 321
 Нерон 12, 13
 Никий 41, 44, 47
 Николай II, император
 России 205
 Никсон, Ричард 296, 297
 Нольте, Эрнст 233–237

Нортклиф, Альфред, лорд 241, 242

Носке, Густав 213, 216–218

Ноэль-Нойманн, Элизабет 334

О

Октавиан Август 17, 24

Олар, Альфонс 197

Олифант, Лоренс 153

Оруэлл, Джордж 248, 261, 338

Отан, знатный перс 35, 370, 371

Оуэн, Роберт 108

П

Павел, апостол 65, 66, 265

Палмер, Роберт 34

Пальмерстон, лорд 9, 28

Паниккар, Раймон 157, 370, 373

Папандреу, Андреас 287

Папен, Франц фон 219, 220

Парижский, граф — см. Луи-Филипп-Альбер Орлеанский

Паттон, Джордж Смит 281

Паччарди, Рандольфо 275

Пенлеве, Поль 195

Перикл 11, 13, 15–20, 37, 44–47, 51, 376

Петр I 26, 365

Петре, Оливье 389

Петреман, Симона 348

Петэн, Филипп 192, 238, 247, 304

Пий VI, папа римский 79

Пий IX, папа римский 132

Пий XI, папа римский 233

Пий XII, папа римский 391

Пилсудский, Юзеф 230

Писистрат 13, 18, 19, 143

Пискатори, Теобальд 135

Платон 15, 20, 45, 46, 49, 50, 341, 371

Плеханов, Георгий 202

Плутарх 22, 41, 50–52

Победоносцев, Константин 199

Полибий 12, 54

Помпей, Гней 14

Прейсс, Гуго 216

Примо де Рибера, Мигель 239, 246

Прудон, Жозеф 108, 121, 131, 160

Прюдом, Луи-Мари 368

Путин, Владимир 27, 346

Пфлимлен, Пьер 313–315

Пфлюгк-Гартунг, Юлиус фон 29, 199

Р

Рабб, Альфонс 96

Распай, Франсуа Венсан 120, 131

Ратенау, Вальтер 216

Рейман, Макс 303

Рейно, Поль 247, 260

Рейнсборо, Томас 58

Ренси, Джузеппе 149

Риббентроп, Иоахим фон 382

Рид, Энотони 253

Ридер (Риедер), Фредерик 264

Рипка, Губерт 292, 293

Ришелье, Арман-Жан

дю Плесси, герцог де 89

Робеспьер, Максимилиан 10,

11, 40, 42, 61, 72, 98, 104,

105, 108, 177, 197, 203, 234,

267–269, 305, 372

Розелли, Пьетро 8

Розенберг, Артур 51, 161, 170,

212, 225, 227, 265, 366, 374, 381

Рокоссовский, Константин 309

Росси, Пеллегрино 8
 Роттек, Карл Венцеслав фон 374
 Рузвельт, Теодор 174, 205
 Рузвельт, Франклин 265, 279,
 281, 299
 Руссо, Жан-Жак 12, 13, 40, 69,
 70, 72, 74, 102-104, 115, 375
 Руцкой, Александр 346

С

Савари, Анн-Жан-Мари-Рене 87
 Савимби, Жонаш Мальейру 392
 Сайм, Рональд 248
 Салан, Рауль 313, 314
 Саландра, Антонио 10
 Сальвадори, Массимо Л. 393, 394
 Сальвемини, Гаэтано 152
 Сарагат, Джузеппе 251
 Северы, римские императоры 14
 Сегир, Кедер Мохаммед 315
 Секкья, Пьетро 290
 Сенека, Луций Анний 12
 Сен-Жюст, Луи-Антуан 40, 83
 Сеньобо, Шарль 119, 120
 Серрати, Джакинто Менотти 362
 Сетон-Уотсон, Хью 252
 Сешель, Эро де 78
 Сийес, Эммануэль-Жозеф 105
 Скоби, Рональд 287
 Скотт, Вальтер 11
 лже-Смердис 21
 Сократ 41, 49, 69, 371
 Солон 38, 39, 41
 Спартак 10, 258; Спартакон-
 ская лига 209, 213, 215, 237,
 258; Союз Спартака 218
 Ставиский, Александр 178
 Сталин, Иосиф 26, 233, 244, 245,
 248, 250-254, 256, 257, 259,
 262, 277-281, 284, 285, 290-

292, 295, 299, 300, 306-309,
 344, 351-355, 363-367, 377,
 378, 382, 385, 386, 388, 392
 Сталь, Анна-Луиза Жермена,
 мадам де 91

Стаханов, Алексей 344
 Стиглиц, Джозеф 346, 347
 Столыпин, Петр 207, 208
 Страбон 79
 Сулла, Луций Корнелий 14, 36
 Сустель, Жак 304
 Сю, Эжен 142
 Сюар, Жан-Батист 12

Т

Табарини, Марко 390
 Тавиани, Паоло Эмилио 266, 267
 Талейран-Перигор, Шарль-
 Морис 98
 Тардые, Андре-Эжен-
 Габриель 195
 Таска, Анджело 253, 382
 Тацит, Корнелий 12, 28, 54, 176
 Теопомп 12
 Тернер-мл., Генри Эшби 219
 Террачини, Умберто 232
 Тесей 49, 371, 372
 Тетенс, Тет Харенс 301, 302
 Тиберий 13
 Тилли, Чарльз 378, 379, 385
 Тисо, Жозеф 283
 Тито, Иосип 279, 283-285,
 294, 295, 307-310
 Тойнби, Арнольд 172, 363
 Токвиль, Алексис де 30, 32, 33,
 73, 74, 78, 119, 122, 327, 360, 373
 Тольятти, Пальмиро 153, 225,
 245, 247, 249, 256-258, 263,
 264, 273-276, 287-292
 Томазо, Жан 313

Томас, Хью 248
 Торез, Морис 257, 291
 Тревельян, Джордж
 Маколей 233, 369
 Трентин, Сильвио 240, 242, 264
 Троцкий, Лев 201–204, 206,
 207, 211, 228, 251, 254, 255,
 295, 348, 351–355, 362, 365,
 381, 391
 Трумэн, Гарри 281, 287, 297
 Турати, Филиппо 231, 232
 Тьер, Адольф 118, 131, 135,
 136, 143, 160, 183, 185, 191,
 194, 230, 284
 Тэн, Ипполит 78

У

Удино, Николя-Шарль-
 Виктор 133
 Уолцер (Вальцер), Майкл 57

Ф

Факта, Луиджи 221
 Фальер, Арман 320
 Фаифани, Аминторе 271, 276,
 290
 Фаупель, Вильгельм фон 248
 Фейто, Франсуа 279, 281, 293,
 294
 Фейхтвайгер, Лион 355
 Фелкен, Детлеф 377, 380, 387
 Феодосий I, римский
 император 24, 25
 Фердинанд VII, король
 Испании 95
 Филимон 66
 Филипп Македонский 12, 15,
 22, 23, 54, 55, 329

Филофей, псковский монах 26
 Финли, Мозес 70, 296
 Фирлингер, Зденек 292, 293
 Фишер, Герберт Альберт
 Лоренс 7, 109
 Фишер, Дэвид 253
 Фишер, Фриц 237
 Фланден, Пьер-Этьен 195
 Фокион 50
 Фонтен, Андре 299
 Фортиа д'Урбан, Агриколь-
 Жозеф-Франсуа 68–70, 72
 Фоше, Константен и Сезар,
 братья 90
 Фоше, Леон 135
 Франко, Франсиско 246, 248,
 297, 298, 313, 377, 387, 391
 Де Франческо, Джузеппе
 Менотти 223
 Фридрих II Великий, король
 Пруссии 170
 Фриних 48
 Фукидид 13, 15–20, 39, 43, 45,
 46, 55, 235, 391
 Фуше, Жозеф 80, 87.
 Фюре, Франсуа 34, 262, 358
 Фюстель де Кулаиж, Ньюма-
 Дени 78

Х

Халдеманн, Гарри Роббинс
 (Боб) 297
 Хаиссои, Пер Альбин 283
 Хитчеис, Кристофер 392
 Хобсбаум, Эрик 113, 307, 308
 Ховард, Элизабет Энн,
 графиня де Борегаар 129
 Хорти, Миклош 232, 239
 Хо Ши Мин 304

Хрущев, Никита 285, 307–309, 312

Хэммет, Дэшил 296

Ц

Цезарь, Гай Юлий 14, 127, 319

Ч

Чан Кайши 304

Чаплин, Чарли 296

Чаушеску, Николае 285

Чемберлен, Невил 256, 260

Черчилль, Уинстон 173, 229, 230, 239, 251, 259, 260, 263, 277, 279, 287, 299, 351

Чжоу Эньлай 309

Чингиз-хан 99

Ш

Шамбор, Анри де Бурбон, граф 184

Шатобриан, Франсуа-Рене 90

Шварц, Юлиус 29

Шейдемманн, Филипп 182, 211, 213–215, 217, 218

Шелба, Марио 289

Шеррьер, Поль-Раймон-Филипп 313

Ширак, Жак 384

Штреземанн, Густав 212

Шушниг, Курт фон 239

Э

Эберт, Фридрих 214–218

Эйзенхауэр, Дуайт 297, 387

Эйзенштейн, Сергей 364

Эйзнер, Курт 213

Эккерман, Иоганн Петер 11

Энгельс, Фридрих 10, 83, 113, 115, 139, 143, 159–165, 167, 168, 170, 171, 174, 177, 181, 198, 200, 208, 210, 211, 216, 349, 350

Энгиенский, Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде, герцог 12

Эпштейн, Фриц 208

Эррио, Эдуар 192

Эскин, ученик Сократа 41

Эссад-Бей, Мухаммед (Нусенбаум, Лев Абрамович; Лео Нуссимбаум) 353

Эсхил 21, 28

Эттли, Клемент Ричард 263

Ю

Юбер, Луи 120

Юг, Виктор 64, 79, 80

Юм, Дэвид 72

Юстиниан I, византийский император 24

Я

Янг, Оуэн 218

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ж. Ле Гофф. Серия СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ	
От составителя	5
ПРОЛОГ	7
1. КОНСТИТУЦИЯ В ГРЕЧЕСКОМ ОБЛАЧЕНИИ: ГРЕЦИЯ, ЕВРОПА, ЗАПАД	15
2. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ: ДЕМОКРАТИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ	35
3. КАК ВЕРНУЛАСЬ В ИГРУ И КАК В КОНЦЕ КОНЦОВ СОШЛА СО СЦЕНЫ ГРЕЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ	56
4. ПЕРВАЯ ПОБЕДА ЛИБЕРАЛИЗМА	85
5. ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО: АКТ ПЕРВЫЙ	102
6. ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО: АКТ ВТОРОЙ	126
7. ЗАТРУДНЕНИЯ «СТАРОГО КРОТА»	137
8. ЕВРОПА «НА МАРШЕ»	145
9. ОТ ГЕКАТОМБЫ КОММУНАРОВ К «СВЯЩЕННЫМ СОЮЗАМ»	159
10. ТРЕТЬЯ РЕСПУБЛИКА	183
11. ВТОРОЙ ПРОВАЛ ВСЕОБЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА	198

12. «ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА»	229
13. ПРОСТО ДЕМОКРАТИИ, ПРОГРЕССИВНЫЕ ДЕМОКРАТИИ, НАРОДНЫЕ ДЕМОКРАТИИ	262
14. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ	296
15. К «СМЕШАННОЙ СИСТЕМЕ»	319
16. ЭТО И БЫЛА «НОВАЯ ИСТОРИЯ»?	348
ЭПИЛОГ	370
ПОСЛЕСЛОВИЕ	377
Примечания	397
Библиография	421
<i>А. Миролубова. Примечания переводчика</i>	443
Указатель имен	487

Лучано Канфора
ДЕМОКРАТИЯ
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Перевод с итальянского и примечания
Анастасии Миролюбовой

Отв. редактор серии Александр Кононов
Редакторы Александр Кононов, Наталья Бордей
Художник Павел Лосев
Техн. редактор Екатерина Каплунова
Верстка Светланы Широкой
Корректор Александр Райхчин

Издательско-гуманитарное агентство «Александрия»
195009, Санкт-Петербург, Финский пер. 9А.
Тел./факс +7 (812) 312-14-40 / 580-82-17
e-mail: alexandria2000@rambler.ru
<http://www.symposium.su>

Подписано в печать 01.10.2012. Формат 84×108¹/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 3000 экз. Заказ № 632.

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: book@uralprint.ru

Канфора, Лучано

Демократия. История одной идеологии / Серия «Становление Европы» / Пер. с итал. и прим. А. Миролубовой. — СПб.: «Александрия», 2012. — 502 с.

ISBN 978-5-903445-20-2

Лучано Канфора (р. 1942) — выдающийся итальянский историк и филолог-классик, профессор университета Бари, научный координатор Школы исторических наук Сан-Марино. Признанный знаток античной культуры, активный сторонник метода междисциплинарных исследований; его работы неоднократно становились предметом бурных полемик в научном сообществе, и эта книга — не исключение.

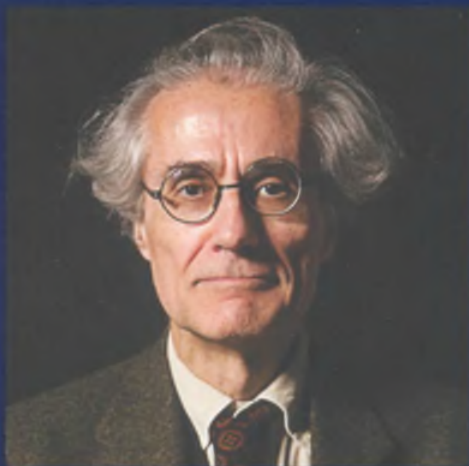
«Тема этой книги состоит в исследовании многовековых попыток, без конца повторяющихся, не похожих одна на другую ни методами, ни предпосылками, воплотить в жизнь — на Европейском континенте, где проблема впервые была поставлена — «народовластие», то есть демократию. И в то же время — в исследовании контрмер и противоядий, призванных ей противостоять: от стратагем античных олигархов до действенного средства, имеющего давнюю традицию и отличающегося исключительной живучестью: мы называем его «смешанной системой». А также, что неизбежно, — в исследовании феномена, ключевого для любого общества и любой государственно-политической модели: непрекращающегося порождения правящей элиты, которая тем быстрее и эффективнее завоевывает позиции, чем более «демократической» признается природа ее власти».

Серия «Становление Европы» основана пятью издательствами в различных странах, издающими книги на разных языках. Мы представляем читателям работы лучших современных историков, исследующих важнейшие аспекты истории Европы — общественную жизнь, культуру, религию, экономику и политику. Цель этих исследований — приблизиться к ответу на глобальные вопросы: «Кто мы такие? Откуда пришли? Куда идем?»

«Становление Европы» — не «академическая» серия, она обращена к читателю образованному, требовательному к точности фактов, но не специалисту.

*Жак Ле Гофф,
составитель*

Термин «демократия» прожил в Древней Греции три коротких века и возродился лишь через два тысячелетия, освященный Великой Французской революцией, внедрившей античную идею в сознание европейцев Нового времени. Но вместе с идеей демократии европейское общество унаследовало и античный конфликт между демократией и свободой, и опыт контрмер против «народовластия» (демократии), и феномен непрекращающегося порождения «из недр демократии» антидемократической правящей элиты.

Итальянский историк и филолог Лучано Канфора прослеживает этапы реализации демократической идеи в Европе – от древних Афин до наших дней и очередного отступления демократии, подробно останавливаясь на беспрецедентном социальном эксперименте – советском социализме и его влиянии на европейские политические формации.

ALEXANDRIA

ISBN 978-5-903445-20-2

9 785903 445202